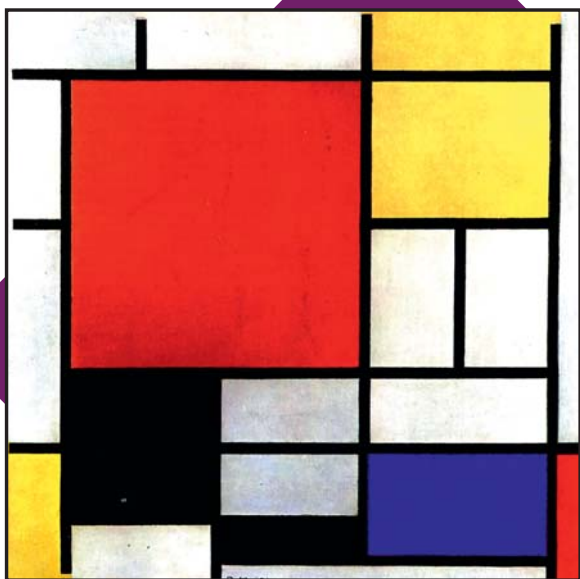

И. Б. Шатуновский

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
И ДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

PHILOGICA

STUDIA

УНИВЕРСИТЕТ «ДУБНА»

И. Б. Шатуновский

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
И ДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

S T U D I A P H I L O L O G I C A

УДК 811
ББК 81
Ш 29

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 16-04-16025

Шатуновский И. Б.

Ш 29 Речевые действия и действия мысли в русском языке — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 478 с. (Studia philologica).

ISBN 978-5-9908330-1-2

Монография посвящена исследованию широкого круга проблем, имеющих большое значение не только для лингвистики, но также для общей теории деятельности, психологии, логики, лингвистической философии и философии языка.

Рассмотрены различные типы действий, выполняемых посредством языка (другими словами, различные функционально-семантические типы высказываний, поскольку элементарным и базовым языковым действием является высказывание). Три основных группы действий, исследованные в работе, — это речевые (иллокутивные) акты, перлокутивные действия и действия мысли. Выделены и охарактеризованы различные не прямые способы передачи смысла: косвенные речевые акты, компрессированные цепочки речевых актов, намеки и иронические высказывания. Особое внимание уделено роли языка как средства мысли. Исследованы предложения, посредством которых описываются и совершаются акты мысли в русском языке, выделены и описаны различные виды действий мысли.

УДК 811
ББК 81

*В оформлении переплета использована работа П. Мондриана
«Композиция с большой красной плоскостью,
желтым, черным, серым и синим».*

ISBN 978-5-9908330-1-2

© Издательский Дом ЯСК, 2016
© Шатуновский И. Б., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений и условных обозначений	5
Введение	7
Глава 1. Речевые акты предложения.	17
Глава 2. Речевые акты разрешения и запрещения.	35
Глава 3. Дескриптивные высказывания и их типы.	45
Глава 4. Три вида мнения	83
Глава 5. Основные принципы и способы интродукции объектов в дискурсе.	103
Глава 6. Предложения наличия	121
Глава 7. Общие (полные) вопросы в русском языке.	135
Глава 8. Основные типы косвенных вопросов и соотносительных с ними независимых высказываний.	181
Глава 9. Риторические вопросы и их типы	211
Глава 10. 6 способов косвенного выражения смысла.	247
Глава 11. Ирония и ее виды.	263
Глава 12. Перлокутивные действия и их виды	303
Глава 13. Язык и действия мысли.	359
Литература	445
Предметный указатель.	463
Указатель слов	473

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- СВ — совершенный вид
НСВ — несовершенный вид
Г — говорящий
А — адресат
С — субъект действия / мысли
Р — положение вещей, событие / пропозиция / мысль, описываемая пропозицией (в зависимости от контекста)
ИГ — именная группа
КВ — косвенный вопрос
РУ КВ — референтно-указательные косвенные вопросы
ИУ КВ — информативно-указательные косвенные вопросы
ВВ — восклицательные высказывания
РВ — риторический вопрос
ВН — вопрос незнания / непонимания
ОВ — отрицательный вопрос
ПВ — позитивный вопрос
ПО — пропозициональное отношение
ПУ — пропозициональная установка
РА — речевой акт
КРА — косвенный речевой акт
Комп РА — компрессированная цепочка речевых актов
ИВ — ироническое высказывание
ККПИ — конкретная коммуникативная пропозициональная ирония
ИИ — интерпретационная ирония
ИН — ироническая номинация
ПД — перлокутивное действие
НК — Национальный корпус русского языка
ТВ — телевидение
т/с — телесериал
т/ф — телевизионный фильм
х/ф — художественный фильм

Части высказывания, находящиеся в коммуникативном фокусе, выделяются подчеркиванием; звуки, на которые падает фразовое

ударение (акцентно выделенные), отмечаются знаком ударения или обозначаются прописной буквой.

При отсылке к тексту данной книги указывается номер главы и, при необходимости, номер раздела этой главы. Например: гл. 13,3.2 = настоящая книга, глава 13, раздел 3.2.

*Всё должно быть изложено так просто,
как только возможно.
Но не проще
(А. Эйнштейн)*

ВВЕДЕНИЕ

Задача данной работы — исследование языка на том прагматико-семантическом уровне, где язык является частью и формой жизни [Гумбольдт 1984: 112; Wittgenstein 1953]. Подобное исследование представляет собой вершинный уровень лингвистической теории и интегрирует данные всех других уровней, прежде всего, разумеется, наиболее близких к «вершине» — лексической и синтаксической семантики, коммуникативного синтаксиса и лингвистической прагматики. Поскольку язык (на этом уровне) и жизнь невозможно разделить, изучение языка будет одновременно изучением тех сфер жизни, в которые язык включен как неотъемлемая часть.

Поскольку жизнь (в широком, не биологическом понимании) есть не процесс, а деятельность, а жить — значит действовать, изучение языка как формы жизни и в связи с жизнью означает изучение **действий** в языке и с помощью языка. Элементарным, базовым **речевым действием** в самом широком и общем смысле является **высказывание** — произнесение (или, растягивая значение слова *высказывание*, написание) определенного предложения определенным человеком с определенной целью в определенной ситуации. Поэтому задачу данной работы можно было бы также определить как исследование значения и употребления различных

функционально-семантических типов высказываний (как действий и как результатов этих действий — высказанных предложений). В то же время задача и область исследования нашей работы шире, чем предполагается данной формулировкой, поскольку существуют и играют неизмеримо важную роль такие «произведения» языка, которые было бы странно назвать речевыми действиями или высказываниями, — это **«произведения»** (как действия и как результат) **мысли**. Здесь мы впервые сталкиваемся с трудностью, которая и в дальнейшем будет преследовать нас — с тем, что для наиболее общих (и поэтому наиболее важных с общетеоретической точки зрения) категорий в обычном и научном языке нет названий. Чтобы преодолеть эту недостаточность, можно пойти по пути Пирса, предпочитавшего «изобретение новых слов для новых идей» [Пирс 2000: 162], или же «растянуть» значения существующих слов так, чтобы они покрывали интересующую нас область (что мы только что сделали с термином *высказывание* и будем делать и в дальнейшем), или же использовать конъюнктивные наименования, то есть перечисления видов одного общего не имеющего названия рода с целью указать на этот род. Именно последний способ использовали мы, чтобы обозначить область нашего исследования — **речевые действия и действия мысли**.

Возникает вопрос: действия в языке — или в речи¹? Ответ: в речи, но тем самым — и в языке. Описание языка в его единстве с жизнью и деятельностью человека предполагает не только интеграцию различных аспектов и уровней языковой системы, но и соединение языка с речью. Разделение и противопоставление языка и речи было чрезвычайно важно с теоретической и практической точки зрения, но при этом не надо забывать, что это разделение и противопоставление в рамках единого целого, которое в обыденном языке называется то «язык», то «речь», но для которого лучше было бы придумать особый термин, скажем, «речезык». (Подобный

¹ Для действий мысли — в **мысли**, поскольку мы не хотим обозначать действия мысли как речь. В то же время мы на протяжении дальнейшего рассуждения, поскольку мы не придумали общего названия для языковой деятельности создания речевых произведений и языковой деятельности создания мыслей, будем использовать термин *речь* расширительно, имея в виду все актуальные произведения, создаваемые / созданные посредством языка и противопоставленные ему.

термин есть у Бахтина, который говорил о «языке-речи»: «Действительной реальностью языка-речи является ... социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Бахтин 2000: 97 — 98].) В этой области между языком и речью не пропасть, но континуум переходов от максимальной конвенционализированности и отвлеченности от конкретных ситуаций употребления через все менее и менее конвенционализированные и все более и более ситуативные типы употреблений до конкретного единичного актуального высказывания. В каждом высказывании / «произведении речи / мысли» есть нечто повторяющееся в других «произведениях», и это «повторяющееся» и есть язык — в той или иной степени, и чем чаще оно повторяется, тем в большей степени оно относится к языку. И эта «слитность» особенно характерна для «произведений», находящихся на наиболее близком к жизни уровне «речеязыка».

Различие между языком и речью проявляется, если говорить об отдельных языковых единицах, в различии значения (в языке) и употребления (в речи) этих языковых единиц. Значение и употребление языковых единиц в данной работе в соответствии с ее общей идеей и задачей не противопоставляется и не отождествляется (как у Витгенштейна [Wittgenstein 1953]), но **разграничивается**. Различные употребления в речи / мысли языковых единиц определяются их значением в языке, и наоборот, значение высказываний и отдельных слов определяется их функционированием в различных жизненных ситуациях и, собственно, является конвенционализированным, фиксированным, ассоциированным с данной единицей «пучком» употреблений (возможности употребления, ассоциированные с языковой единицей, являются ее значением). При этом невозможно провести четкую границу между значением и употреблением, поскольку существуют разные степени конвенционализации и фразеологизации тех или иных употреблений, и какие-то смысловые элементы могут быть «значением» в большей или меньшей степени, и каждое, даже единичное и окказиональное употребление уже вступило на тот путь, на котором оно, если будет продолжать движение, станет значением. Чем чаще возникают в различных жизненных контекстах те или иные ситуативные и выводные компоненты, тем в большей степени они ассоциируются с данной единицей и тем в большей степени они являются значением. При этом при употреблении

любой языковой единицы действует (но в более обобщенном виде) принцип, которым определяется употребление производных слов: такое слово при каждом употреблении одновременно и **воспроизводится** (извлекается из языковой системы как готовая единица с присущим ему значением), и **производится** в данном употреблении (мотивируется его структурой и значением входящих в него частей, ситуацией и контекстом). Аналогично имеет место двоякая обусловленность содержания единицы в каждом отдельном употреблении: с одной стороны, единица в данном употреблении приобретает какие-то контекстуальные, ситуативные черты, компоненты, обусловленные спецификой **данного** употребления (ее содержание мотивируется значением входящих в нее частей — для высказывания — слов, ситуацией и контекстом), с другой — она вызывает в памяти те представления, которые ассоциировались с ней в прошлых употреблениях (компоненты её **значения**). Поэтому в дальнейшем мы не будем делать проблемы из вопроса: это значение или ситуативный, выводной компонент, импликатура — часто, особенно в некоторых областях (например, в случае иронических высказываний, риторических вопросов, отрицательных вопросов) — это **и то, и другое** — в какой-то степени. Ср. замечание С. Дики, который, говоря об особенностях когнитивной лингвистики, среди прочего отмечает отсутствие строгого разграничения между компетенцией и употреблением («No strict division between competence and performance») [Dickey 2015: 79].

Возвращаясь к характеристике проблематики и задач работы, отметим, что основным предметом исследования, в соответствии с объективным делением в области «речезыка», являются не две, а три основных группы, типа языковых действий, поскольку термин и понятие речевых действий обобщает два различных вида различного уровня действий, совершаемых посредством языка (в данном случае такое общее название нашлось). Это речевые (иллокутивные) акты (РА) (например, *утверждать, просить, предлагать* и т. д.) и перлокутивные акты и действия — речевые действия более высокого уровня, совершаемые посредством речевых актов (например, *убеждать, уговаривать, настаивать* и т. д.). При этом важно иметь в виду, что эти типы (группы) действий не отделены резко друг от друга и существует немало комбинированных, гибридных, переходных случаев (высказываний), совмещающих в себе различ-

ные функции и являющихся одновременно несколькими видами действий. Так, мысль может формулироваться в звуковой форме в присутствии другого человека, тогда созданное «произведение» это не только мысль, но и одновременно сообщение, или предложение, или проблемный, ставящий задачу найти ответ, вопрос. Например, произнесенное говорящим (Г) в присутствии адресата (А) о некотором третьем лице, которого они ждут и которое всё не появляется: *Она не заболела? ≈ Может быть, она заболела?* — мысль (вопрос-предположение), но одновременно и сообщение об этом предположении А-у, и предложение подумать над этим и, возможно, предпринять какие-то действия и найти ответ на этот вопрос. *Проводив доктора, она надолго ушла в ванную, и он слышал шум льющейся воды. «Плачет», — вяло подумал он.* (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве / НК)² — здесь «Плачет» — только мысль, но если бы это было сказано вслух в присутствии А-а, то это могло бы быть одновременно дескрипцией объективного Р и сообщением о нем А-у. *Не стащить ли нам яйцо, оставленное муравьями? — предложение Громеко. Эта мысль сначала понравилась, но затем возникли некоторые сомнения.* (В. А. Обручев. Плутония / НК) — здесь, как видно из анафорических классификаторов, вопросительное высказывание является одновременно предложением и мыслью.

Вследствие этих объективных пересечений и совмещений тематически пересекаются и различные разделы нашей работы. Так, говоря о вопросах, мы должны говорить и о действиях мысли, поскольку многие виды действий мысли совершаются посредством вопросов. С другой стороны, в разделе о действиях мысли мы не можем никак обойти различные типы вопросов, поскольку, с одной стороны, не все вопросы могут быть средством мысли, с другой стороны, разные виды вопросов образуют разные виды мысли. Далее, говоря о тех же вопросах, мы не можем обойти случаи, когда вопросы частично выходят за пределы собственно вопросов и становятся различного вида дескриптивными высказываниями — сообщениями, констатациями или утверждениями (вопросы-предположения, риторические вопросы, не-вопросы). И т. п.

² Здесь и далее НК = Национальный корпус русского языка — ruscorpora.ru.

При этом понятно, что рассмотреть не только **все** типы высказываний / действий языка, но только все виды речевых актов, или даже все типы одних только вопросов, или перлокутивных действий в рамках одной работы невозможно. Поэтому здесь будут рассмотрены наиболее важные виды и группы действий / высказываний. Так, можно представить язык без обязательств, тем более без поздравлений и извинений, но невозможно представить язык без дескриптивных высказываний, вопросов и побуждений. В соответствии с этим принципом в области речевых актов будут рассмотрены

— дескриптивные высказывания (сообщения, утверждения, объявления, заявления, констатации, уверения и т. д.);

— вопросы (континуальное море с массой переходных и гибридных типов, в том числе риторические вопросы);

— из побудительных высказываний рассматриваются весьма лингвоспецифичные, идиоматичные, образующие обширную и чрезвычайно разветвленную область РА предложения, будут рассмотрены также и весьма своеобразные, не побудительные, но примыкающие к ним РА разрешения и запрещения.

Помимо различий функционально-семантических, особые типы действий выделяются с точки зрения способа их совершения. Помимо прямых РА, существуют различные усложненные, не прямые, косвенные и т. д. виды действий. При этом различие в способах — это не только различие в способах, оно влечет дополнительные различия в значениях / функциях. Так, косвенные речевые акты, в частности РВ, или иронические высказывания, или намеки и т. д. имеют особые функции и задачи и поэтому никогда не являются эквивалентными соотносительным прямым РА, потому что в этом случае не было бы смысла выражать что-то косвенным, непрямым, усложненным образом, так что оно, в соответствии с принципами Грайса [Грайс 1985], и не выжалось бы. Именно с этих позиций и с задачей выявления функционально-семантических особенностей и различий в работе проанализированы различные косвенные способы совершения речевых актов, а также двусмысленные высказывания, намеки и образующие вершину речезыковой изоэтрности иронические высказывания.

Помимо основных типов, существуют и другие более или менее важные виды действий. В конце концов всё, что ни сказано или подумано на языке, является того или иного вида, того или иного уровня и

калибра действием, и, как было отмечено выше, часто одновременно несколькими действиями разного уровня и назначения. Таким, может быть, не самым капитальным, но важным для данного исследования является рассмотренное в особой главе действие интродукции объектов в дискурс и мир участников коммуникации. Это действие не является самостоятельным, оно накладывается как дополнительная функция на базовый РА того или иного вида, прежде всего, на дескриптивные высказывания. В то же время интродукция нового содержания, представления о новом положении дел (Р) является важной составляющей, важным аспектом и составляет специфику некоторых важных типов вопросов, высказываний мнения, а также действий мысли. Специализируются на интродуктивной функции предложения наличия, весьма лингвоспецифичные предложения русского языка, также рассмотренные в отдельной главе.

Предложения мнения, которым посвящена отдельная глава, сами по себе представляют один из видов дескриптивных высказываний, но особый и в рамках нашей темы, как, впрочем, и вообще, сам по себе, чрезвычайно важный. С одной стороны, эти предложения описывают внутренний мир субъекта, и Р — объекты мнения создаются **действием** ума, мысли субъекта. Тем самым они соприкасаются, граничат с действиями мысли, с которыми они в каких-то случаях сливаются до неразличимости и от которых их, тем не менее, нужно отличать. С другой стороны, они описывают субъективные Р, составляющие содержание ума субъекта (С), но эти субъективные Р отражают, описывают объективный, внешний по отношению к С мир. Такая двойственная природа предложений мнения позволяет им в 1-м лице чрезвычайно широко использоваться не просто как средство описания мнения, но как косвенные утверждения, касающиеся объективного, находящегося за пределами ума С-а мира.

Исследование речевых действий и действий мысли является одновременно исследованием **слов**, постольку, поскольку особенности и закономерности совершения и употребления различных речевых действий и действий мысли отражаются и фиксируются в значении обозначающих их лексических единиц — существительных и глаголов в перформативном, экспликативном и классифицирующем употреблении. Так, исследование высказываний, маркируемых в языке как утверждения, позволит ответить на вопрос, что такое в русском языке (поскольку это специфически русское слово,

не имеющее точных соответствий в других языках, в частности в английском) *утверждение* (= каково значение и правила употребления данного слова), а также глагола *утверждать*, исследование различных видов намеков (как дискурсивных действий) равносильно лексикографическому исследованию слов *намеки* и *намекает*, и т. п., наконец, исследование произведения и «произведений» мысли претендует ответить не только на вопрос, каково значение глаголов *думать* / *подумать* и других глаголов мысли в русском языке, но также на то, чтобы определить, выявить значение слова *мысль* и тем самым, возможно, приблизиться к пониманию того, что есть сама объективная (она же субъективная, точнее, субъективно-объективная, как говорил акад. В. В. Виноградов) мысль.

Работа выполнена, что отражено в заглавии, на базе и материале русского языка, объектом исследования является именно русский язык. Поскольку это следует из самого названия книги, мы опустили по стилистическим соображениям упоминание *в русском языке* в названиях глав и разделов книги. В то же время это не предполагает, что описываемые особенности и закономерности имеют место только в русском языке. Очень многие явления, как можно предположить, а иногда и с уверенностью логически заключить, универсальны, другие встречаются с различной степенью частоты и в других языках. Поэтому наше исследование не только о русском языке, но и о языке (и речи) вообще. В то же время какие-то области нашего исследования в большей или меньшей степени и некоторые весьма лингвоспецифичны. Это касается речевых актов предложений, типов дескриптивных высказываний, предложений наличия, типов и функций полных (общих) вопросов, в какой-то мере способов интродукции, видов перлокутивных глаголов и действий, а также глаголов и действий мысли, где важную роль играет противопоставление видов глагола — специфической категории русского языка. По мере наших сил и знаний мы старались отмечать такие особенности и проводить некоторые обобщения и сопоставления, прежде всего, на базе сравнения с английским языком. Однако полное и последовательное сопоставление этих явлений хотя бы в русском и английском языках и тем более разграничение лингвоспецифического и универсального в исследуемых феноменах за пределами наших сил и возможностей.

ГЛАВА 1

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ*

Речевые акты (РА) предложения образуют одну из наиболее сложных, разветвленных, внутренне неоднородных и идиоматичных групп РА. Это наглядно проявляется при сравнении с материалом других языков. Так, в английском языке сфера русского предложения делится между тремя разными глаголами: *suggest*, *propose* и *offer*. Зато в русском языке разделены по разным словам *предложение* и *предположение*, которые в английском языке объединены в *suggest (suggestion)*. С формальной точки зрения все предложения объединяются тем, что при их описании употребляются классификаторы *предлагать / предложить, предложение*. Это, конечно, то же самое, что сказать: все предложения объединяются тем, что они называются предложения; тем не менее, разумеется, то, что они называются одинаково, что-то значит и не случайно, оно предсказывает, что между всеми предложениями есть какая-то связь. Как и в других типах РА, одним из важнейших факторов, определяющих специфику речевого акта, являются отношения между говорящим

* Настоящая глава основывается на статье: *Шатуновский И. Б.* Речевые акты предложения: Фактор адресата // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М.: Индрик, 2012. С. 120—134.

(Г) и адресатом (А). Однако в области предложений фактор адресата [Арутюнова 1981] особенно важен, поскольку в различных видах предложений Г и А по-разному связаны, по-разному взаимодействуют друг с другом; эти различия, собственно, и определяют, дифференцируют различные виды предложений.

РА предложения относятся с некоторой долей условности к РА слабого побуждения, куда, кроме предложений, входят просьбы и советы¹. Все РА акты слабого побуждения объединяет то, что в отличие от РА сильного, категорического побуждения (приказов, распоряжений, требований, команд, повелений, указаний и т. д.), по правилам совершения РА этого типа ни до, ни после побуждения А не должен, не обязан делать действие (Р), к которому его побуждают, и делать или не делать Р остается в конечном итоге делом его выбора. Различия между этими РА сводятся в общих чертах и очень приблизительно проходят по 2 параметрам: (1) в чьих интересах (кому нужно, для кого оно хорошо) Р; (2) кто должен совершать это Р. *Просьба* — Р в интересах Г, а делать его должен А. *Совет* — Р в интересах А, и он же его должен делать. Наиболее сложная ситуация, вследствие его разветвленности и неоднородности, с *предложением*. С содержательной точки зрения, все (или, осторожнее, почти все) предложения объединяются тем, что говорящий выражает готовность сделать что-то или предоставить свои ресурсы для адресата [Безяева 2002: 338]; иными словами, Р в интересах А (не во всех видах — только А, но по крайней мере, Р всегда **и в интересах А**), но что-то сделать для его осуществления, потратить свои «ресурсы» — материальные или физические, свои силы, время, энергию должен Г. Без участия в том или ином виде, тем или иным образом Г Р не может быть осуществлено. Иногда это Р должен сделать сам Г, и только Г, иногда он это делает вместе с А, наконец, в третьем случае, действует А, а Г создает ему условия (ср. [Гловинская 1993б: 184]). При этом осуществление Р **всегда обусловлено выбором А** [Безяева 2002: 338—339]; оно будет, если А его выберет, в том числе и тогда, когда это действие Г. Поскольку

¹ Условность этого отнесения связана с тем, что компонент побуждения в предложении ослаблен, редуцирован (см. далее), а в ряде случаев предложение вообще выходит за пределы собственно побуждения. Так, трудно назвать побуждением высказывания, в которых адресату предлагается действие говорящего: *Давайте я помогу вам!*

условием осуществления всех РА предложения, в том числе и тех, которые делает только А, является выбор А, а выбор определяется желанием и «срастается» с ним в значении слова *хотеть*, типичной косвенной формой всех предложений является предложение через вопрос о желании А: *Хочешь чаю? Вы не хотите сыграть партию в шашки? Хотите, я вам спою?*

Предложение предоставляет А наибольшую свободу выбора. Просьбу трудно отвергнуть по этикетно-этическим соображениям. Хотя по собственно языковым правилам совершения просьбы в воле А делать или не делать Р, на более высоком этико-этикетном уровне просьба — это весьма сильный РА, поскольку по правилам этики и вежливости А должен делать все, что возможно, в интересах другого человека, в данном случае Г. Поэтому просьбу очень трудно отвергнуть: отклонить просьбу Г, которая ведь в интересах Г, а не А, — значит нарушить общечеловеческий этический принцип ‘делай всё, что возможно, для другого человека (если это не влечет для тебя чрезвычайного ущерба)’ и тем самым оказаться невежливым, эгоистичным, нехорошим человеком. Поэтому в перформативном употреблении просьба (собственно просьба) — весьма настоятельный РА, *Я прошу* иногда ≈ *Я умоляю (Я прошу (вас), не оставляйте меня!)*, а иногда ≈ *Я требую (Я прошу (вас) не разговаривать со мной в таком тоне!)*². Совет также трудно отвергнуть, не обидев другого человека. Отказаться здесь — значит не оценить доброе расположение к тебе и компетентность (тот, кто дает совет, хорошо разбирается в предмете — это условие уместности совета) другого человека и в этом смысле унижить его. Поэтому даже вежливых формул отказа от совета, в отличие от отказа выполнить просьбу, не существует. Только грубые, типа: *Mind your own business! Не лезь не в свое дело! Без тебя знаю! Я не нуждаюсь в ваших советах.* Принципиально иная ситуация с предложением. Поскольку в случае предложения Г всегда должен делать что-то для осуществления Р, то есть тратить свое время, силы или какие-то материальные ресурсы, то отказаться от предложения, даже тогда, когда А хотел бы его принять, всегда **вежливо** (или, по крайней мере, нейтрально с

² Отсюда наличие во всех языках косвенных способов выражения просьбы, представляющих просьбу как не просьбу и дающих А возможность вежливо отказаться ее выполнить: *Вы не могли бы дать мне эту книгу до завтра? — К сожалению, нет: я должен...* (и какое-то объяснение).

точки зрения этикета, это зависит от вида предложения), поскольку этот отказ идет на пользу предлагающему субъекту. Наличие двух равно допустимых, как с точки зрения собственно языковой, так и с точки зрения прагматически-этикетной, возможностей — принять предложение или отказаться от него — делает предложение самым свободным, в смысле свободы дальнейших действий для А, РА. Компонент побуждения во всех видах предложения ослаблен: чем больше свободы, тем меньше побуждения — «принуждения» А к совершению тех или иных действий.

Перейдем теперь к описанию различных видов предложений.

Предложение₁ (*Давай(те) пойдём в кино! Я предлагаю пойти в кино*) совершается в следующей ситуации:

- 1) Р представляет собой совместное действие Г и А;
- 2) Р в интересах и Г, и, возможно, А³.

Заметим, дополнительно, что роль Г и А в предлагаемом Г совместном действии, так сказать, однородна, они выполняют одни и те же, в каком-то приближении, действия. Это отличает предложение₁ от предложения₂ и приглашения. Если я предлагаю₁ вам пойти в кино, то, в принципе, мы идем на равных, оба платим за себя и т. д., но если я приглашаю вас в кино, то я беру на себя обязанность обеспечить своими ресурсами ваше пребывание в кино — купить за свои деньги билеты, наши действия в этом случае различны.

Компонент собственно побуждения в предложении₁ ослаблен, редуцирован (как и в совете). Собственно акт предложения заключается в том, что Г **выдвигает на рассмотрение А (= сообщает ему)** для принятия к осуществлению **план, идею** будущего совместного действия, которое, по его мнению, будет хорошо и для него, и для А. Совместное действие Р следует сделать потому, что оно, по мнению Г, **хорошо и для Г, и для А**, то есть главной движущей силой здесь являются утилитарные соображения. Если А согласится, примет предложение, то это не потому, что Г побуждает его сделать

³ Здесь и далее мы не отмечаем очевидные, тривиальные условия успешности, уместности и искренности различных видов предложений, например, то, что Г и А / Г / А (по-разному для разных видов предложений) могут сделать Р (условие уместности), что Г намеревается в случае принятия предложения вносить свой вклад в осуществление Р (условие искренности), и т. д.

Р, а потому, что он сочтет Р хорошим / приятным / полезным и т. д. для себя. Поскольку главной побуждающей силой здесь являются интересы как Г, так и А, предложение₁ нейтрально с точки зрения этики и этикета (вежливости). Хорошо, правильно, вежливо, с точки зрения этики и этикета, делать то, что в интересах **другого** человека. Поскольку Р **и в интересах Г**, предложение совершить его не является вежливым (нейтрально по этому параметру), так как Г будет делать Р не для А, а для себя. Аналогично, отказ от предложения не является невежливым (в отличие от отказа выполнить просьбу) постольку, поскольку отказ обусловлен утилитарными соображениями: *Пойдем в кино! Сегодня показывают новую версию «Трех мушкетеров».* — *Да что в этом фильме интересного?! Давай лучше поедем купаться!; Давай поженимся!* — *Зачем? Нам и так хорошо!* — отказ мотивирован соображениями пользы и для А, и для Г, это и в интересах Г не идти в кино, не вступать в брак и т. д. Если, несмотря на форму предложения, по содержанию и контексту видно, что Р больше в интересах Г: *Давай сходим в кино! Мы так давно никуда не выходили!*, отказ может делаться не в форме утилитарных соображений (*А зачем нам куда-то ходить? Нам и дома хорошо!*), но вежливо через сообщение о невозможности совершения Р: *К сожалению, сегодня я занят.*

Предложение₁ совершается посредством высказывания, включающего перформативный глагол *предлагаю* (несколько официальный вариант): *Предлагаю пойти в кино.* Поскольку Р является совместным действием Г и А и роль Г и А одинакова, «однородна» (собственно, поэтому Р и является «совместным» действием), их можно объединить, обобщить в форме множественного числа. Соответственно, типичным средством выражения предложения₁ является форма (инклюзивного — включающего А) множественного числа глагола, с глаголом-частицей *давай(те)*: *Давай(те) пойдём в кино! Давайте петь!* или без таковой: *Пойдём(те) в кино! Пошли в кино!*

Предложение₁ может принимать форму вопроса: *Пойдем завтра в кино? Не пойти ли нам завтра в кино? Почему бы нам не пойти в кино?; А не выпить ли нам бутылочку доброго сухого вина?* — *вдруг от души предложил профессор* (В. Шукшин. Печкилавочки / НК); *Может, поедем домой?* Предложение в виде вопроса является неуверенным в том смысле, что Г сам не уверен, является

ли Р хорошим для него и А. Эта неуверенность проистекает из presupпозиции (исходного предположения) вопроса: Г не знает, Р или не Р, в данном случае, стоит или не стоит (= хорошо для Г и А или нет) сделать Р.

Одним из наиболее важных видов предложений₁ в жизни человека является предложение вступить в брак. Поэтому сочетание *сделать предложение* без конкретизации его вида понимается по умолчанию именно как предложение руки и сердца.

Предложение₁ является исходным пунктом и более сложной, составной процедуры, когда группой людей обсуждается и затем принимается какой-то план, программа, порядок каких-то совместных действий. В этих случаях в официальных мероприятиях употребляется, помимо перформатива *предлагаю*, -ем, безличная форма 3 лица *предлагается* и аналитический перформатив *есть предложение*: *Предлагается следующая повестка нашего заседания...; Есть предложение принять следующую повестку дня; Предлагаю избрать председателем нашего собрания И. И. Иванова.*

Предложение₂ совершается в следующей ситуации:

1) Р представляет собой действие Г.

Эта особенность в принципе вообще выводит этот РА за пределы побуждений. Р, которое предлагает Г, может быть его отдельным, самостоятельным действием: *Давай я для тебя станцию! Хочешь, я для тебя на голову встану / с моста прыгну? Хотите, я вас понесу?* (И. Грекова. На испытаниях / НК) (пусть это будет **предложение_{2а}**). Однако в типичном случае Р является **частью более общего действия Q**, которое, в случае принятия предложения и реализации предлагаемого Р, будет осуществляться **совместно Г и А**: *Давай я тебе завтра Москву покажу; Хочешь, я тебя свожу в зоопарк? (предложение_{2б})*. Это объединяет предложение₁ и предложение₂. Такого рода совместность очевидна в тех весьма частых случаях, когда Г предлагает **помочь** А-у в совершении какого-либо действия (по самому смыслу слов *помогать*, *помощь*): *Давайте я вам помогу донести чемодан; Позвольте я помогу вам! Предлагаю вам свою помощь; Могу я вам чем-нибудь помочь? Вам помочь?* и т. д. Однако, в отличие от предложения₁, роль Г и А в этом общем действии разнородна, что и не позволяет обычно как-то назвать, обозначить одним

словом это действие. С формальной точки зрения, предложение₁ и предложение₂ объединяются возможностью употребления частицы-глагола *давай(те)*: *Давайте я вам помогу*.

2) Р, возможно, предположительно, **в интересах А**, но **не в интересах Г!** Напротив, его совершение всегда наносит какой-то ущерб Г, поскольку, совершая Р, он потратит без пользы для себя какие-то свои ресурсы, как минимум, время и силы. Поэтому это **очень вежливый**, этикетный РА, как и **отказ от предложения**: вежливый А, понимая, с какими трудностями связано осуществление Р для Г, должен, для того чтобы проявить свою вежливость, от предложения отказаться: *Уже поздно, давайте я вас провожу. — Да что вы, не беспокойтесь, я прекрасно доеду на такси, да и как вы сами будете обратно возвращаться?* В подобных диалогах возможно своего рода соревнование в вежливости: Г предлагает Р, в душе надеясь, что А от его предложения откажется; А, хотя и хочет принять предложение, как вежливый человек отказывается, в душе надеясь, что Г как вежливый человек будет настаивать на своем предложении; Г как вежливый человек настаивает на своем предложении, и т. д., пока кто-нибудь не «проиграет» (или не выиграет, смотря как на это посмотреть).

Между предложением₁ и предложением₂ есть переходные случаи, которые при желании можно выделить в самостоятельные виды предложений. Например: *Давайте я проверю в лаборатории на кислотность*, — предложил я (Ю. Домбровский. Хранитель древностей / НК); — действие Г, но в интересах и Г, и А; аналогично: *Ну и хорошо*, — произнес Севастьянов, — *давайте я картошки отварю*. — *Ты бы еще нам каши предложил!* — сказал Шаблинский (С. Довлатов. Компромисс) — Г, внося свой вклад в организацию вечеринки (Q), картошку хочет сварить на всю компанию, в том числе и на себя. Другой переходный случай в примерах типа: *Хочешь, завтра сходим в кино?* Как и в предложении₂, Р здесь в интересах А, но не Г (что видно из употребления *хочешь* = *Если ТЫ хочешь*; что касается Г, то его интерес здесь никак не выражен); как и в предложении₁, действие совместное, роли Г и А в его выполнении однородны.

Следующий тип предложений внутренне, в свою очередь, однороден и может быть разбит на различные подтипы. Общее для

всех его разновидностей и позволяющее объединить его в один тип:

Предложение₃:

1) Р представляет собой **действие А**.

Подчеркнем, что это отличает предложение₃ от других видов предложений, где Р осуществляет Г или Г и А совместно, и объединяет с просьбами и советами и вообще всеми другими видами побуждения, что и определяет возможность выражения предложения₃ **формами повелительного наклонения**: *Выпейте чаю! Проходите, садитесь! Купите булочки!*

2) Г создал или может создать (= контролирует) возможность (= обеспечил или может обеспечить условия) для того, чтобы А сделал Р; без участия Г — в той или иной форме — А не может сделать Р.

По другим параметрам различные виды предложения₃ отличаются друг от друга.

Предложение_{3а}: *Предлагаю вам перейти к нам на работу; Предлагаем вам туры по Италии; Покупайте / Купите булочки!* и т. п.

3) Р в интересах и (предположительно) А, и Г.

Взаимная заинтересованность Г и А в Р сближает предложение_{3а} с предложением₁. Однако роли Г и А, в отличие от предложения₁, различны: собственно действие совершает А, а Г обеспечивает условия для его совершения. Так, если я предлагаю кому-то перейти к нам на работу, то это предполагает, что принять или не принять на работу А зависит от меня. Побуждающий компонент в предложении этого типа редуцирован: выполнение Р обеспечивается прежде всего интересом А в осуществлении Р, т. е. утилитарно, прагматически. Отсюда косвенное выражение предложения_{3а} через вопрос о том, нужно ли Р А-у: *Перекупщик билетов: Билеты на футбол нужны? Хозяин, дрова нужны?* (из анекдота) или же через сообщение (объявление) о том, что Г располагает тем, что может **заинтересовать** потенциального А предложения: *В магазин требуется охранник; зарплата 30 тысяч рублей, ежемесячная премия..., отпуск 45 дней, возможность ухода на пенсию в 55 лет* и т. д. Ср. шуточное предложение: *Молодая красивая блондинка без комплексов, рост 176 см,*

объем бедер 86 см, талия 61 см, купит вагон листового железа, где аргументы в пользу принятия предложения не соответствуют его буквальному смыслу и наводят на мысль о предложении совсем иного рода.

То, что Р (потенциально) хорошо для А, проявляется также в возможности выражения предложения_{3а} с помощью глагола *пригласить*₂ в перформативном употреблении: *Московский метрополитен приглашает на работу мужчин в возрасте до 35 лет, жителей Москвы или ближнего Подмосковья*. (Приглашают₁ участвовать в чем-то сугубо хорошем для А: праздничном обеде, походе в театр, кино, загородной прогулке и т. д.).

Понятно, что предложение_{3а} нейтрально с этикетно-этической точки зрения: А сделает, если сделает, Р для себя, но не потому, что хочет сделать что-то хорошее для Г.

К области предложения_{3а} относится обширная сфера предложения и рекламы товаров и услуг, причем в рекламе предложение, побуждение к совершению Р часто осуществляется в косвенной форме, причем не только речевой: *С работы и на работу летайте самолетами Аэрофлота!* (А. Вознесенский); *Покупайте / Приобретайте билеты спортивной лотереи! Курите сигареты «Прима»!* — косвенно, ... → ‘а следовательно, покупайте’ — иначе откуда их возьмешь?

Категорическое предложение. Предложение_{3а} континуально переходит в особый РА, который выражается перформативом *предлагаю, -ем, предлагается*, но в целом уже находится за пределами собственно предложений, как они были определены выше. Начало этой эволюции в примерах типа: *Вы окружены. Я предлагаю вам сдать*. Это очень близко к предложению_{3а}: Р — *сдаться* — действие А-а, но сдаваться он должен Г-му (или группе, в которую он входит), он будет «обеспечивать» это действие, принимать сдающихся. Нюанс, отличающий этот пример от типичного предложения_{3а}, в том, что выгода, польза для А действия Р в том, что иначе ему будет **плохо (хуже)**. Ср. более эксплицитное:

Предлагаю вам сдать по-хорошему; Повстанцы предложили сторонникам Каддафи сдать, угрожая в противном случае взять город штурмом.

Дальнейшее развитие связано с перемещением предложения в официальную сферу:

Предлагаем вам в трехдневный срок добровольно освободить незаконно занимаемое вами помещение. В противном случае мы будем вынуждены обратиться в суд; Повестка. На основании закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» предлагаю Вам 26 октября 1998 г. к 9.00 явиться в военный комиссариат города Дубны ... Военный комиссар города Дубны полковник Сорокин; С получением настоящей повестки вам предлагается в трехдневный срок явиться в органы внутренних дел по месту жительства...

Подобное предложение через угрозу санкций (эксплицитной или имплицитной: прокурор, военком и т. д. — официальные лица, располагающие возможностями «наказать») А в случае невыполнения Р) переходит в разряд категорического побуждения, не оставляющего А-у свободы выбора. Это как раз такое предложение, от которого нельзя отказаться. Мотивировка этого употребления, видимо, заключается, с одной стороны, в «смягчении» формы побуждения — действие представляется как такое, которое А выбирает по своей доброй воле, с другой, и это, наверное, основное, — другие перформативы в этих ситуациях не подходят. Приказ не «проходит», потому что Г и А не связаны членством в одной организации и отношениями ‘начальник’ — ‘подчиненный’, требование, покоящееся на чисто моральной силе, на деонтической необходимости для А сделать Р, не годится потому, что здесь часто нет никаких моральных, шире деонтических оснований требовать от А выполнения Р, а также потому, что в официальной иерархии Г стоит выше, чем А, в отличие от нейтрального в этом отношении требования.

Предложение₃₆ (первые два условия те же, что и в предложении_{3а}):

3) Р в интересах А, или, возможно, предположительно, в интересах А (**но не Г!**). Этим оно похоже на предложение₂, ср. объединение этих видов предложения в один тип в работе М. Я. Гловинской [1993б]. Однако в отличие от предложения₂ это **действие А!** Предложение₃₆ имеет место, например, в ситуациях, когда Г предлагает

А выпить чаю, взять домой почитать интересную книгу из своей домашней библиотеки, отдохнуть после обеда на диване, погостить у него дома и т. д., и т. д. Такое предложение может быть успешным и уместным только в тех случаях, когда Г имеет в наличии и распоряжается предметами и т. д., необходимыми для осуществления Р. Ср.: *Позвольте я налью вам коньяку; Чаю налить?* — предложение₂, неважно, кому принадлежит коньяк (чай); Г сделает что-то для А-а уже в силу того, что нальет ему коньяк / чай; *Выпейте / Налейте себе коньяку!* — если коньяк принадлежит Г, то это предложение₃₆; если коньяк принадлежит А или какому-либо третьему лицу, то это совет. В ряде случаев граница между различными видами предложения зыбка и невидима, поскольку из ситуации не очень ясно, в чьих интересах Р и каковы мотивы Г, делающего предложение. Например, Г говорит А-у: *Садитесь!*, имея в виду свободное сиденье в общественном транспорте. Если он предлагает А-у сесть, чтобы в проходе автобуса было свободнее, то это предложение_{3а} — оно в интересах как Г, так и А. Однако если Г предлагает А-у сесть как вежливый, воспитанный человек, ради того, чтобы А-у было хорошо и удобно, — это предложение_{3б}. «Ресурсы», которыми в этом случае располагает и распоряжается Г, — это свободное место, около которого он стоит и которое тем самым в каком-то смысле «его»; помимо этого, он обычно совершает еще какие-то действия для А: не занимает место (отрицательное действие: удерживается от того, чтобы сесть на освободившееся место), отстраняется, пропускает А к свободному месту. Ненормально кричать издали пассажиру, стоящему около свободного места: *Садитесь!* Это уже будет непонятно что, но уж точно не предложение.

Поскольку Р исключительно в интересах А, а Г для обеспечения этого действия должен тратить свои ресурсы, предложение_{3б} очень вежливый, этикетный акт. Г предлагает А сделать Р, несмотря на то, что это приносит ему, Г, ущерб, потому что Г хороший, моральный, вежливый, потому что он хочет, чтобы А-у было хорошо. Поскольку Р приносит ущерб Г-му, А, чтобы проявить свою вежливость и воспитанность, должен в свою очередь отказываться сделать Р (с той же возможной конкуренцией в вежливости, как и в случае предложения₂): *Да ничего, спасибо, я постою, вы сами садитесь.* Г может «усилить» вежливость, облакая предложение в форму просьбы: *Прошу вас, съешьте еще кусочек!* Р, которое реально в интересах А,

представляется в этом случае как такое, которое в интересах Г, тем самым, по крайней мере формально, ситуация с интересами и, соответственно, вежливостью, инвертируется: поскольку Р в интересах Г, нет оснований отказываться из опасений нанести ущерб Г, напротив, из вежливости надо сделать Р, чтобы Г было хорошо. Ср. гипербололизацию подобного приема в предложении Манилова Чичикову: *Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах, — сказал Манилов. — Здесь вам будет попокойнее.* (Н. В. Гоголь. Мертвые души) — предложение в форме просьбы сделать Р в форме просьбы разрешить попросить сделать Р.

В русском языке подобная модель просьбы-предложения конвенционализировалась, превратилась в своего рода клише: [Хозяин гостям:] *Прошу вас, угощайтесь*; [Хозяин кабинета посетителю:] *Прошу садиться*. В подобных клише исчезает интонация просьбы, перформативная формула просьбы сокращается вплоть до одного перформативного слова, вместе с этими формальными изменениями снижается и накал вежливости, экспрессивности высказывания, которое становится показателем особого вида предложения₃₆ (см. далее).

Помимо *прошу*, в вежливых предложениях этого типа также употребляется слово *пожалуйста*, которое первично также является показателем просьбы:

[Сосед Демьян соседу Фоке:] *«Соседушка, мой свет! Пожалуйста, покушай»* (И. А. Крылов. Демьянова уха).

Предложение₃₆ разделяется на два (весьма разных!) подтипа с точки зрения, несколько условно говоря, его «силы». (Конечно, уже надоело делить и громоздить деления! Сколько можно делить?! Столько, сколько нужно, — для того чтобы хотя бы приблизительно и упрощенно описать ту обширную и разнородную область, которая называется *предложение!*) Эти два подтипа различаются формально: «слабое» предложение, которое является собственно предложением, предложением в полном смысле, выражается перформативом *предлагать* в одиночку (но довольно редко, это очень официальный, формальный вариант) и в перформативных сочетаниях *могу предложить, хочу предложить* (тем самым = *предлагаю* с некоторыми дополнительными мотивировками): *Предлагаю вам выпить*

чаю; *Чаю нет, но могу предложить вам кофе*; и косвенными формулировками: *Чаю хотите? Не выпьете ли коньяку? Чай будешь?*; *Да не хотите ли закусить, Никанор Иванович? Без церемоний! А?* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Вы можете (если хотите) пока пожить у нас*; и т. д. «Слабое» предложение также выражается формами повелительного наклонения — вместе с наличным или подразумеваемым *если (за)хочешь, если (за)хотите*:

Если хочешь, поживи пока у нас; Тот выслушал его с сочувствием, качая головой, пожелал ему успеха в деле с билетами и предложил: «Если негде будет ночевать — езжай ко мне» (И. Грекова. Знакомые люди /НК); *Приезжайте к нам на Кольму!* [Здесь подразумевается: *Если (за)хотите, приезжайте.*] — *Нет, нет, уж лучше вы к нам!* (к/ф «Бриллиантовая рука»).

«Сильное» предложение выражается формами повелительно-го наклонения: *Проходите! Садитесь! Пожалуйста, пейте чай, берите печенье!* или перформативной формулой с *прошу*: *Прошу садиться. Прошу всех пройти к столу*. Последняя (также как выражения с *пожалуйста*) является однозначным показателем «сильного» предложения,³⁶ тогда как понимание формы повелительного наклонения в данном значении является результатом ее интерпретации в конкретной ситуации и контексте и в принципе она может пониматься и по-другому.

«Слабое» предложение — это собственно предложение, оно похоже в этом отношении на предложение^{3а}. Оно представляет Р как подлинную альтернативу, делать или не делать Р, принять или отклонить предложение представляются в этом случае равновероятными возможностями. Подлинной альтернативой Р является потому, что то, что Р в интересах А, является, по мнению Г, только возможным. Он не уверен, что А нужно Р / А хочет / захочет Р и поэтому что он выберет Р, если Г ему его предложит. Поэтому это предложение делается в виде высказываний, выражающих в том или ином виде эту альтернативу: в виде вопроса о желании А: *Чаю хочешь? Не хотите ли закусить?* и т. д., вопроса о том, будет ли А делать Р: *Чай (пить) будешь?*, сообщения о том, что А может сделать Р (= Г инициативно разрешает А, если тот захочет, воспользоваться его ресурсами для совершения Р): *Вы могли бы, если хотите / если вам это будет*

удобно, *пожить пока у нас*; в виде «условного императива»: побуждения сделать Р при условии, что это Г хочет Р (ему нужно Р): *Если хотите, выпейте коньяку*.

«Сильное» предложение предполагает, по крайней мере с большой вероятностью, что Р в интересах А, нужно А и что он, следовательно, сделает Р, если будет иметь возможность это сделать, но Р контролируется Г, средства для его осуществления находятся в распоряжении Г, они его собственность, или это он сам, его тело или часть тела (*Держитесь за меня*, — предложил Скворцов. — *Хотите, я вас понесу?* (И. Грекова. На испытаниях /НК)), или он распоряжается ими в силу служебного или официального положения, особенностей ситуации и т. д.:

Собрав их тщательно, Баранов свернул тоненькую папироску и протянул её Дугаеву. — Кури, мне оставишь, — предложил он. (В. Шаламов. Колымские рассказы / НК); *Садитесь*, — предложил хозяин *твёрдо, сухогато, но приветливо* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей / НК); *Присядьте*, — предложил Скворцов и *растелил на горячей земле газету* (И. Грекова. На испытаниях / НК)

— характерно, что Г, не дожидаясь ответа А, приступил к созданию условий для осуществления его предложения. Такое предложение носит ритуальный, этикетный характер. В принципе отказа от предложения не предполагается, поэтому полноценных альтернатив и выбора здесь нет. Г знает (или сильно предполагает), что А хочет Р и поэтому сделает Р, но только, по этикетным правилам, если на это будет санкция распорядителя ресурсов — Г. Вежливый и кооперативный Г, понимая это, предлагает А-у сделать Р, пользуясь его ресурсами. Предложение этого типа похоже на **разрешение** и отличается от последнего тем, что (а) делается не в ответ на просьбу А, а по инициативе Г, ср.: *Можно войти? — Входите!* — разрешение, и: [Г, услышав стук в дверь, открывает ее и видит на пороге А. Ясно, что раз А подошел к двери и постучал, то он хочет войти:] *А, это вы! Входите!* — предложение, приглашение (вид предложения); (б) Г своим речевым актом не просто дает А право сделать Р, как в разрешении, но даже побуждает его сделать Р. Почему Г побуждает А сделать Р, которое в интересах А, используя ресурсы Г? Да просто

потому, что он доброжелательный, он хочет А-у добра, потому что это вежливо, потому что так принято в человеческом, по крайней мере, нашем обществе! Как показывает язык, люди не так уж плохи! Поэтому предложение неизмеримо вежливее и кооперативнее, предупредительней разрешения. Последнее вообще не маркировано с точки зрения вежливости и этикета. При этом, как и в других областях предложения, резкой границы между «слабым» и «сильным» предложением нет. Чем в большей степени подразумевается 'если хотите' и тем самым чем больше вероятность отказа от предложения, тем ближе предложение к подлинному предложению, слабому предложению, чем меньше вероятность отказа, чем ближе она к нулю, чем меньше свобода выбора для А, тем «сильнее» предложение и тем диалектически в меньшей степени оно является предложением, приближаясь часто к указанию или распоряжению. Ср. диалог *Садитесь! — Спасибо, я постою!* в автобусе и в суде (к/ф «Кавказская пленница»), где подобный ответ подсудимого на слова судьи производит комическое впечатление в силу того, что в данной ситуации отказа не предполагается.

Предложение₄ граничит в русском языке с **предположением** — (а в английском языке, как было отмечено выше, сливается с ним в рамках единого слова suggest [Macmillan 2002; Wierzbicka 1987: 187]). Предложение₄ можно назвать интеллектуальным предложением, это «изобретение» новой идеи, нового Р, предположительно хорошего для А и Г, и выдвижение его на рассмотрение А-а (-ов) (= «сообщение» его А-у) для дальнейшего возможного осуществления. Например: *Томас Эдисон впервые предложил использовать для обращения по телефону слово «Hello»*. Из всех видов предложения предложение₄ ближе всего к предложению₁. От предложения₁ предложение₄ отличается своей обобщенностью, отвлеченностью от конкретного / конкретных А. Поэтому А здесь как бы отходит на периферию, на задний план ситуации. При этом чем конкретнее А (в данном случае точнее говорить — адресатная группа, множество), тем ближе предложение к предложению₁. Обобщенным адресатом, тем множеством, для кого потенциально полезным, хорошим является осуществление Р, а также множеством тех, кто должен делать, осуществлять Р (причем эти множества не обязательно совпадают), здесь может быть группа людей, организующих какое-

либо мероприятие, например, гонки «Формулы-1»: *Руководитель «Формулы-1» Берни Экклстоун выступил с предложением / предложил использовать для повышения зрелищности во время гонок искусственный дождь.* — множество достаточно конкретно, поэтому это почти предложение₁, точнее, переходный случай между предложением₁ и предложением₄. Такой группой может быть какая-нибудь организация, например, министерство, и все люди как-то с ней связанные: *Масимов предложил использовать хранилища МЧС [Министерства по чрезвычайным ситуациям] для хранения овощей; Шойгу [глава МЧС] предложил использовать авиацию для борьбы с ледовыми заторами в Сибири.* Это может быть всё человечество или, по крайней мере, его англоязычная часть: *Изобретатель Томас Эдисон впервые **предложил использовать** для обращения по телефону слово «Hello».* Очень часто в случае предложения₄ адресатное множество размыто и неопределенно, Г не имеет в виду никаких конкретных людей: $A \approx$ 'кто-нибудь, те, кто в этом заинтересован': *Житель Петербурга Андрей Бутаков предложил оригинальную идею использовать американские шаттлы, которые прекратят полеты с 2012 года, в космосе для полетов на Луну, не возвращая их на Землю.* Отличие от просто выдвижения какой-то новой идеи в предложении в том, что эта идея обязательно касается **выполнения какого-то действия**. Просто новая научная идея не называется предложением⁴. Что же касается участия самого Г в возможном осуществлении Р, характерного для всех предложений, то Г также может участвовать в реализации Р, как, например, руководитель «Формулы-1» Берни Экклстоун в реализации предложения, касающегося проведения этой гонки. Но это не обязательно. Однако в каком-то смысле Г всегда и здесь участвует в осуществлении Р. Можно сказать, что в этих случаях вклад Г состоит в **выдвижении самой новой идеи**, без чего невозможно было бы осуществление этого действия. Поэтому идея, которая выдвигается в случае предложения₄, должна быть новой и оригинальной — иначе трудно говорить о вкладе Г. Странно звучат предложения вида: *Если вам нечем*

⁴ Исключением здесь является выражение *предложить объяснение (какого-то явления)*, где *объяснение*, которое первично является действием (что, возможно, является объяснением этого употребления), понимается уже в значении результата этого действия — некоторой более или менее сложной идеи или теории, объясняющей данный феномен.

заняться, я предлагаю вам пойти погулять; Он предложил им сыграть в карты — нормально только если играть должны вместе А и Г и для взаимного удовольствия, но тогда это предложение₁.

Предположение, в отличие от предложения, заключается просто в выдвижении некоторого Р как возможного. Р здесь уже не обязательно действие, оно не обязательно полезно, хорошо для А / и Г. Это не исключено, можно предположить и такое Р, которое является действием, полезным для Г и А, и т. д. (в этом случае предположение пересекается с предложением, это можно и *предложить*, и *предположить*), но это уже не входит в значение слов *предположить*, *предположение*. При этом предположение не обязательно должно быть выражено в словах. Если предложение — это всегда речевой акт, то предположение — это прежде всего **мысленный акт**. Предположение — это возникновение в уме субъекта чистой идеи (пропозиции) ‘возможно, что Р’, Р в этом случае неконтролируемо или просто его осуществление не планируется: *Наблюдая за сезонными изменениями цвета марсианской поверхности, Лоуэлл предположил, что на Марсе есть жизнь*. Конечно, предположение также может формулироваться в словах, давая речевой акт предположения (как разновидность дескриптивных, описывающих действительность РА, точнее, просто высказываний, см. гл. 3 далее). В этом случае роль А чрезвычайно редуцируется: он только получатель информации о Р, в отличие от предложения, где А, кроме того, и бенефициант Р, и часто его исполнитель⁵. Однако предположение может оставаться целиком в области мысли, быть мысленным действием, и в этом случае адресат полностью и безвозвратно исчезает.

⁵ «Речевые произведения, отвечающие собственно когнитивной деятельности человека, существенно ослабили связь с адресатом» [Арутюнова 1981].

ГЛАВА 2

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ РАЗРЕШЕНИЯ И ЗАПРЕЩЕНИЯ*

1. Деонтические речевые акты (РА) разрешения и запрещения примыкают к РА побуждения. Принципиальной особенностью РА разрешения и запрещения, выводящей их за пределы собственно побуждений, является то, что они взаимодействуют с **волей** адресата (А) (см. [Гловинская 1993б]). И запрещение, и разрешение предполагают, имеют в качестве пресуппозиции (презумпции), что А хочет Р (см. [Гловинская 1993б: 188; Wierzbicka 1987: 90, 111]), точнее, выбрал Р (*хочет* в смысле ‘хочет и выбрал, намерен делать Р’), собирается сделать Р, однако **правила**, действующие в группе, к которой принадлежат Г (говорящий) и А, таковы, что для того, чтобы сделать Р, ему нужна дополнительная санкция Г. Наличием этой пресуппозиции объясняется несимметричность рассматриваемых групп РА с областью деонтической модальности в целом. А именно, есть РА, соотносительный с понятием ‘можно’ — это *разрешение*, есть РА, соотносительный с понятием ‘нельзя’ — *запрещение*, но нет РА, соотносительного с ‘должно’ (‘обязан’) — порождающего долженствование, обязанность сделать Р. Поскольку рассматриваемые

* Настоящая глава основывается на статье: *Шатуновский И. Б.* Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 319—324.

мые РА регулируют случаи, когда А сам по себе выбирает Р, то нет нужды обязывать его сделать Р: достаточно разрешить ему Р, = дать возможность сделать Р, и он сделает Р. Ср. аномальность: *Разрешите / Можно войти? — *Я приказываю вам войти.*

Другая особенность РА разрешений и запрещений, связанная с первой и также выводящая их за пределы собственно побудительных актов, заключается в том, что разрешения и запрещения не непосредственно побуждают А делать или не делать Р, но сами по себе только каузируют, порождают деонтическую возможность или невозможность для А делать Р. Другими словами, условия, правила этой «языковой игры» (в смысле Витгенштейна) таковы, что РА Г **дает право** или **не дает права** А-у делать / сделать Р, и только **во взаимодействии с волей А**, направленной на осуществление Р, эти РА «предотвращают» или «вызывают» актуальное действие.

«Сила», эффективность РА разрешений и запрещений проистекает из «превосходства» Г, расположенного выше А в той или иной иерархии. В этом отношении ситуация разрешения и запрещения подобна ситуации приказа. Однако если в прототипическом случае приказов Г и А члены какой-то официальной организации, связанные эксплицитными иерархическими отношениями типа «начальник — подчиненный», то в случае разрешений и запрещений отношения между Г и А могут быть не столь формальны. Это могут быть, наряду с официальными иерархическими отношениями, отношения «родители — дети», «старшие дети — младшие», «хозяин кабинета — посетитель», «собственник вещи — несобственник» и т. д. Эта расплывчатая роль Г в английском языке достаточно точно обозначается словом *authority* — «the ability, power, or right to control and command» [Longman 1989]¹. Заметим, что сами конкретные Р, которые являются объектами разрешений и запрещений, не являются объектами этической оценки, находятся, так сказать, «по ту сторону добра и зла» и не регулируются как таковые какими-либо моральными, этическими или юридическими правилами и нормами (ср. [Wierzbicka 1987: 90]). Г в норме не может разрешать или запрещать то, что регулируется правилами более высокого уровня, ср.: **Я раз-*

¹ Ср. замечание Анны Вежбицкой: «The person who *forbids* ... must presume some kind of authority over addressee» [Wierzbicka 1987: 90].

решаю / запрещаю тебе воровать / говорить неправду / убивать / переходить улицу в неположенных местах и т. п. У Г просто нет на это права, «авторитет» его на эти случаи не распространяется. Что-то в жизни людей регулируется наиболее общими, относящимися к наиболее высокому деонтическому уровню моральными принципами, что-то — находящимися в целом на более низком уровне юридическими нормами (которые, разумеется, отчасти дублируют, «подкрепляют» этические нормы), наконец, на еще более низком уровне то, что не охватывается моральными и юридическими правилами, может дополнительно регулироваться разрешениями и запрещениями². К области этики, однако, относятся общие, более высокого уровня «рамочные» правила, определяющие необходимость подчиняться, в определенных этими правилами случаях, разрешениям и запрещениям «авторитетных» для этих случаев Г. Таким образом, А, действующий в ситуации, когда для совершения Р, по правилам, необходима санкция Г, нарушает или соблюдает этическое правило не тем, что он **делает или не делает** это Р (само по себе Р безразлично по отношению к моральному добру и худу), а тем, **как** он это делает: по разрешению, без разрешения или вопреки запрету.

2. Итак, обобщая сказанное выше и добавляя, для полноты картины, некоторые очевидные условия успешности (уместности) и искренности данных РА, опишем основные черты «языковой игры» **разрешения**:

(1) А может сделать Р (в смысле объективной, физической возможности);

(2) А выбирает (хочет, намерен) сделать Р.

² Впрочем, эти уровни могут в некоторых случаях перемешиваться. Так, разрешения и запреты, касающиеся конкретных Р, исходящие от / приписываемые божеству или какому-либо в высшей степени авторитетному человеку — основателю какого-то религиозного или идеологического учения, могут превращаться для последователей этих учений в общие принципы морали. На более низком уровне какие-то разрешения и запреты могут получать юридическое оформление и получать статус юридических норм.

(1), (2) представляют собой условия уместности (успешности)³ как РА разрешения, так и РА запрещения. Бессмысленно разрешать или запрещать то, что А не может сделать или не хочет сделать.

Существенное, конституирующее правило этой «языковой игры»:

(3) А не имеет права сделать Р, если Г не разрешит ему сделать Р (не произнесет определенные слова); произнесение Г «магических» (перформативных) слов, адресованных А:

Я разрешаю тебе сделать Р (или их эквивалентов), порождает, каузирует, дает А-у право сделать Р (= Я даю тебе право сделать Р).

Языковая игра запрещения:

(1) А может сделать Р (в смысле объективной, физической возможности);

(2) А выбирает (хочет, намерен) сделать Р.

Существенное, конституирующее правило этой «игры»:

(3) А не имеет права сделать Р, если Г запретит ему сделать Р (произнесет определенные слова); произнесение слов:

Я запрещаю..., порождает, каузирует то, что А не имеет права сделать Р.

3. Напрашивается обвинение в очевидном «порочном круге», когда внутри толкования *разрешить* и *запретить* мы встречаем в свою очередь слова *если не разрешит*, *разрешаю*, *запрещаю* и т. д. Как представляется, именно стремлением избежать этого круга обусловлены «обходные» выражения в толкованиях *разрешать* и *запрещать* у М. Я. Гловинской: «Х говорит Y-у, что делать Р нельзя» [Гловинская 1993б: 188]; «Х говорит Y-у, что можно делать Р» [Там же: 189] и их английских коррелятов у А. Вежбицкой: «I say: I don't want you to do it» (толкование *forbid*) [Wierzbicka 1987: 90]; «I say: I don't want to say that I don't want you to do it» (толкование *allow*) [Wierzbicka 1987: 111], и т. п. Но обойти эти слова невозможно! Ведь это речевые действия, которые заключаются в произнесении именно этих слов, и мы никак не опишем эту игру, если прямо не укажем, какие именно слова произносятся! Если есть в известной сказке такая магическая языковая игра, как открывание дверей посредством заклинания «Сим-Сим, открой дверь!», то как

³ Или, в другой системе терминов, presupпозиции этих РА.

мы опишем эту игру, если не скажем, что для того, чтобы дверь открылась, надо сказать: «Сим-Сим, открой дверь!»?! Если, в духе определений выше, говорить: *Я хочу, чтобы дверь открылась* и т. д., то дверь не откроется, потому что таковы правила, потому что не сказаны именно те слова, которые требуются этими правилами! Но такое же положение со всеми речевыми актами, отличие магических РА от обыденных не в сути РА, но в предполагаемом эффекте. Опасно не понимать сущность речевых актов! Герой сказки, кстати, за подобное непонимание поплатился головой. Этот круг в конечном итоге неизбежен, причем во всех типах РА, потому что описание правил языковой игры, создающей тот или иной РА, принципиально не закончено, пока не сказано, какими именно словами он совершается, в то же время сущность, эффект этих слов проистекает только из того, что они произносятся по определенным правилам, составляющим сущность данной игры, и пока не описаны эти правила ... , но описание этих правил не полно, пока ... и т. д., без конца. Этот круг, наконец, благодетелен, потому что только он порождает языковую игру разрешения и запрещения, как и все другие языковые игры.

4. РА разрешения и запрещения «не вполне симметричны» [Гловинская 1993б: 189]. Эта несимметричность связана с различными отношениями с дискурсом. Разрешение в его первичной форме практически всегда реакция на предшествующую просьбу разрешить Р [Гловинская 1993б: 189]. Типичный сценарий разрешения: просьба А⁴ о разрешении — разрешение Г / отказ дать разрешение — действие / недействие, воздержание от действия А (или действие «не по правилам» — вопреки тому, что Г не разрешил А делать Р). Иное дело с запрещениями. Понятно, что А не будет обращаться к Г с просьбой запретить ему делать то Р, которое он, А, хочет совершить. Поэтому запрещения в типичном случае делаются превентивно. Например, ребенок взял книгу, и отец, ругая его за это, говорит: *Ты слышишь, я запрещаю тебе брать эту книгу!* С этим

⁴ Мы сохраняем «жесткие» (наподобие X и Y) обозначения участников коммуникации по их роли в базовых РА непосредственно разрешения и запрещения (с тем, чтобы сохранить мотивированность этих обозначений и в то же время избежать выражений типа «будущий А, но в данный момент Г»).

связано и следующее различие. Разрешение чаще касается конкретных, единичных действий. На каждое производство действия этого типа требуется отдельное, свое разрешение, равно как и на каждое разрешение — свой отдельный запрос. Поэтому в них обычно употребляется обозначающий такое единичное, конкретное действие СВ. Запрещения обычно касаются **типа** действия, действий данного типа вообще. Поэтому в них в русском языке в норме употребляется обозначающий неопределенное действие НСВ общефактического типа. Если в утвердительных предложениях такой НСВ значит ‘по крайней мере, один раз, а может быть, и больше’, то в контексте отрицания, которое скрывает в себе *запрещать*, это значение закономерно преобразуется в ‘ни одного раза’. Напр.: *Я разрешаю тебе взять эту книгу* (СВ, единичное, конкретное действие) — *Я запрещаю тебе брать эту книгу* (действие «вообще» — общефактический НСВ); ср.: **Я запрещаю тебе взять эту книгу; *Я запрещаю тебе поговорить с ним* → *Я запрещаю тебе говорить с ним!* Поэтому *не разрешаю* не совсем эквивалентно *запрещаю*, а *не запрещаю* совсем не эквивалентно *разрешаю*, ср.: *Я тебе не запрещаю (вообще-то) туда ходить, но ты каждый раз должен спрашивать у меня разрешения*. Огрубляя: запрещение касается вообще совершения действий определенного рода; разрешения касаются действий такого рода, которые иногда разрешается совершать, а иногда нет, в этом смысл существования разрешений, в противном случае эта «игра» лишилась бы своего содержания. Поэтому разрешение (*разрешаю*) непосредственно противопоставлено не запрещению (*запрещаю*), а отказу в разрешении (*не разрешаю*). По крайней мере, такова общая схема.

Отсюда распространенность именно *запрещать* в пассиве и в безличной форме для формулировки общего, исходящего неизвестно от кого (импликатура: некоторых весьма авторитетных органов, распоряжения которых обязательны для исполнения), касающегося всех (или оговоренного типа, класса лиц) запрещения: *Купаться запрещено! Ходить по полю воспрещается! Запрещается продавать сигареты детям до 18 лет!* В подобном обобщенном значении, для превентивного разрешения типичных действий, действий данного типа «вообще» любому А (или любому А оговоренного типа, класса) употребляются также (хотя и гораздо реже) безличные *разрешено, разрешается*: *Пассажиру*

разрешается провезти с собой бесплатно 20 кг багажа. Такое обобщенное разрешение антонимично запрещению: *не разрешается = запрещается.*

5. Помимо прямых, перформативных разрешений и запрещений, производимых посредством перформативов *разрешаю, не разрешаю, даю разрешение, запрещаю, запрещено, запрещается, воспрещено, воспрещается, позволяю, не позволяю*, имеется набор стандартных косвенных разрешений и запрещений, разрешительных, «неразрешительных» и запретительных формул. Наиболее распространенными из них являются выражения с *можно* и *нельзя*. В работе М. Я. Гловинской понятия ‘можно’ и ‘нельзя’ вообще кладутся в основу толкования запрещений и разрешений. «В основе всех запретов, — пишет М. Я. Гловинская со ссылкой на [Апресян 1969: 424], — лежит понятие ‘нельзя’» [Гловинская 1993б: 188] и далее толкует *запрещать* (его главный, перформативный компонент) через *нельзя*: «X говорит Y-у, что делать P нельзя» [Там же: 188]. Аналогично, разрешение толкуется через *можно*: «X говорит Y-у, что можно делать P» [Там же: 189]. Однако высказывания с *нельзя* и *можно* в первичном и буквальном значении являются дескриптивными (констативными, репрезентативными) высказываниями, говорящими о невозможности или возможности в каком-либо смысле делать P. Причем имеется целый ряд возможных видов возможности и невозможности, которые могут выражаться этими высказываниями [Шатуновский 1996: 200—202]. Высказывание с *можно* или *нельзя* может констатировать объективную, физическую (не)возможность делать P (обычно с СВ [Рассудова 1968: 57]): *Здесь нельзя / можно перейти улицу; Назовите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя!* (Шекспир. Гамлет; пер. Б. Пастернака); утилитарную, т. е. обусловленную соображениями вреда или пользы для субъекта P, (не)возможность: *Эту воду нельзя пить! Она грязная!*; наконец, деонтическую: *Здесь нельзя / можно переходить улицу* и, уже, этическую (не)возможность: *Воровать нельзя!* В то же время высказывания с *разрешать* и *запрещать*, как было отмечено, по рождению т деонтическую возможность и невозможность делать P. Конечно, высказывания с *нельзя* и *можно* (*можете, можешь*) можно употреблять и они часто употребляются как запрещения и разреше-

ния. Однако в этой своей функции они (1) являются косвенными, переносными РА и поэтому не могут быть экспликацией прямых, однозначных РА, выполняющих эту функцию независимо от контекста и ситуации; как и в других случаях косвенных РА, то, что это запрещение или разрешение, должно быть понято, выведено из ситуации и контекста; (2) как все косвенные РА, они **отличаются** от прямых разрешений и запрещений. А именно: высказывания с *нельзя* и *можно* являются гораздо более широкими и диффузными актами: если *запрещаю* и *разрешаю* (*не разрешаю*) опираются только на личный авторитет и право Г, то *нельзя* и *можно* апеллируют или могут апеллировать **одновременно** и к каким-то общим моральным или юридическим правилам, и к утилитарным соображениям, и, среди прочего, к авторитету Г. Поэтому *Я запрещаю...* (*разрешаю, не разрешаю*) является само по себе произвольным актом, не требующим никаких дополнительных мотивировок (и поэтому часто вызывающим протест и избегаемым), в то же время *нельзя* (*можно*) предполагает ту или иную мотивировку, которая может быть эксплицирована в тексте. В этом смысле высказывание с *нельзя* является более сильным, веским актом, чем *запрещаю*, наверное, поэтому ребенку чаще говорят *нельзя*, чем *запрещаю*. *Нельзя грязь в рот брать!* ≈ ‘Я запрещаю тебе брать грязь в рот, потому что это плохо, это вредно, это вообще нельзя никому делать и т. д.’ или ‘Недопустимо вообще брать грязь в рот, потому что это вредно, можно заболеть от этого, и я лично тоже запрещаю тебе это делать’, ср. высказывание с эксплицитной утилитарной мотивировкой: *Нельзя воду пить из лужи! А то козленочком станешь.*

6. РА разрешения близки к одному из видов предложений (РА) — описанному в гл. 1 «сильному» предложению₃₆. Особенности этого типа предложений: (а) А хочет, выбрал сделать Р; (б) Г со своей стороны так или иначе контролирует возможность совершения Р (например, он собственник объекта или распоряжается объектом, необходимым для совершения Р), поэтому (3) без санкции Г А не может совершить Р; произнося перформативную формулу предложения₃₆, Г дает А право, санкцию совершить Р. И разрешения, и предложения₃ могут выражаться одними и теми же способами, в частности, формой повелительного наклонения и констатирующи-

ми высказываниями с *можете, можно*. Разграничение этих двух типов РА обеспечивается в таких случаях контекстом. Если это реакция на предшествующую просьбу о разрешении, то это разрешение: *Можно войти? Разрешите войти? — Входите!*; если Г дает право А совершить Р по своей инициативе, не дожидаясь просьб А, то это предложение: *Входите! Проходите, садитесь! Пейте чай! Можете налить себе коньяку*, и т. д. Еще одно сохраняющееся невидимое отличие между предложением и разрешением в этих случаях: общее, рамочное правило, которое предписывает А не делать Р без санкции Г в ситуации разрешения относится, как было отмечено выше, к области этики; в ситуации предложения аналогичное правило относится к более низкому уровню этикета.

ГЛАВА 3

ДЕСКРИПТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ИХ ТИПЫ*

1. Deskриптивные (описывающие действительность) высказывания, или, в терминах теории речевых актов, дескриптивные (констативные, по Остину [Остин 1986], репрезентативные, по Серлю [Серль 1986а: 181]) речевые (иллокутивные) акты — сообщения, утверждения, заявления и т. д., отличаются друг от друга с точки зрения коммуникативной выделенности тех или иных компонентов их структуры. При этом структура дескриптивных высказываний представляет собой многослойное образование. Первый слой — это собственно дескриптивный компонент, описывающая действительность полная пропозиция (Р). Любое описание действительности по определению включает или подразумевает компонент ‘это есть’ (в действительности) [Бенвенист 1974: 170], иначе это не будет описание **действительности**. Таким образом, эта полная пропозиция (Р) делится, в терминах Балли [1955: 44], на модальную и диктальную часть, на диктум, или неполную пропозицию (*p*), и модус, который в данном случае (поскольку в разных случаях у Балли противопоставление модуса и диктума наполняется неодинаковым содержа-

* В основу главы положена статья: *Шатуновский И. Б.* Дескриптивные высказывания в русском языке // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. № 1. P. 23—53.

нием) говорит, что *p* есть, имеет место в действительности. Схематически: $P = 'p + \text{есть, имеет место (в действительности)}'$. Внутри *P* в коммуникативный фокус могут попадать различные компоненты (см. классификацию вопросов Балли [1955: 47—48] и классификации высказываний П. Адамца [1966: 26—29] и Х. Мелига [Mehlig 1991]). На более высоком уровне речь идет о соответствии действительности, истинности *P* в целом. То, о чем говорящий (*Г*) говорит, что оно есть, действительно ли оно есть? — вот в чем вопрос. Этот вторичный модус образует второй «слой» дескриптивных высказываний. В дальнейшем мы будем рассматривать дескриптивные высказывания только на этом, более высоком уровне и называть диктумом *P* в целом.

Дескриптивные высказывания, рассматриваемые на этом более высоком уровне, распадаются на два класса в соответствии с коммуникативным статусом компонента 'есть в действительности' (= 'соответствует действительности', = 'истинно'), это фактивные и нефактивные высказывания. В фактивных высказываниях то, что *P* соответствует действительности, истинно, понимается как пресуппозиция (презумпция), принимается как данное, как само собой разумеющееся¹. В этом случае *P* понимается как факт. В нефактивных высказываниях компонент 'истинно, соответствует действительности' не является данным, входит в фокус коммуникативного интереса, находится под вопросом².

¹ Пресуппозиция (презумпция) — это неэxpлицитный компонент, который относится к данному (и поэтому не отрицается и не утверждается). Компонент 'соответствует действительности' (на интересующем нас более высоком уровне) в дескриптивных высказываниях всегда неэxpлицитен, поэтому если он относится к данному, то тем самым он является и пресуппозицией.

² Подобное разграничение проводится фактически, хотя и не формулируется эxpлицитно, в работе А. Вежбицкой [1985]. Фактивные речевые акты она толкует через *знать*, нефактивные — через *думать*; тем самым это разграничение скрывается в противопоставлении фактивных (*знать*) и нефактивных (*думать*) глаголов в толкованиях. Глаголы речи, в числе других глаголов, распределяются между фактивными, семифактивными и нефактивными глаголами в статье З. Вендлера [Вендлер 1987: 310—314], в его же книге [Vendler 1972, ch. 5] проводится деление между субъективными и объективными глаголами, включая глаголы речи, при том что объективность и субъективность глагола фактически соответствует его

Какие же коммуникативные, ситуативные условия должны выполняться, чтобы высказывание говорилось и понималось как фактивное?

Есть две основные причины, которые могут сделать высказывание не соответствующим действительности: (1) Г может ошибаться и (2) Г может лгать, а также, другие случаи того же рода, фантазировать, ненамеренно под влиянием эмоций исказить истинное положение вещей и т. п. Соответственно, для того чтобы содержание высказывания, Р (то, что Г описывает как имеющее место в действительности), соответствовало действительности, должны быть выполнены два условия: первое, **объективное** — пропозиция, которую Г «имеет в уме», должна соответствовать действительности, быть правильным ее отражением (условие «**правильности**»); второе, **субъективное** — содержание высказывания должно соответствовать тому, что Г «думает», имеет в уме (условие «**искренности**» и, шире, субъективной «надежности» Г) [Шатуновский 1996: 121]. Фактивное высказывание стандартно, нормально произносится в ситуации, когда: (1) адресат высказывания (А) считает, что Г имеет в уме объективно правильное, соответствующее действительности Р; (2) А безусловно доверяет субъективной искренности, правдивости, «надежности» Г. Поскольку говорит именно Г и сознание А ему непосредственно не дано, эти условия принимают такой окончательный вид: (1) Г считает, что имеет в уме правильное, соответствующее действительности Р; (2) Г считает, что А считает, что Г имеет в уме правильное, соответствующее действительности Р; (3) Г считает, что А доверяет ему, его искренности и надежности в описанном выше смысле. Если эти условия выполняются, то высказывание «производится» Г и принимается А как фактивное³.

фактивности или нефактивности. Аналогичным образом глаголы речи в числе других предикатов делятся на фактивные и нефактивные в работах Е. В. Падучевой [1998; 2004а: 261]. Подчеркнем, что в нашей работе речь идет прежде всего не о глаголах, а о высказываниях, речевых актах, которые являются фактивными и нефактивными и при отсутствии каких-либо глаголов. Фактивность либо нефактивность слова (глагола или существительного), вводящего дескриптивное Р или отсылающего к нему, имеет вторичный характер.

³ Подчеркнем, что это стандартный случай, когда имеется полная кооперация [Грайс 1985: 222] между Г и А. В этом и только этом случае

Если какое-то из этих условий не выполняется, то высказывание понимается как нефактивное.

Говоря о фактивном / нефактивном статусе высказывания, следует различать два случая. (1). Первичная интерпретация дескриптивного речевого акта (далее РА) как фактивного или нефактивного в самом этом акте, интерпретация, принадлежащая Г — автору данного РА, «производящему» данное высказывание как фактивное или нефактивное (А в нормальном случае разделяет коммуникативные установки и пресуппозиции Г). В этом случае слова *сообщать*, *утверждать* и т. д. употребляются в собственно перформативной функции. (2). Вторичная интерпретация этого РА другим говорящим, Г₂, делающим высказывание о высказывании: *Он утверждает, что Р; Он сообщил ему, что Р; Я сообщил ему, что Р* (в последнем случае Г₁ — это я в прошлом, Г₂ — это я в настоящем), или замещающим его одним из анафорических имен — классификаторов [Крейдлин 1973]: *Это сообщение...; Его утверждение...* и т. д. Перформативные слова в этом случае употребляются дескриптивно, в дескриптивных высказываниях о дескриптивных высказываниях.

Общая иллюкутивная сила дескриптивных высказываний выражается грамматически (морфологически) формой изъявительного наклонения полнозначного глагола или, в составном именном сказуемом, глагола-связки. Формальным показателем фактивного статуса высказывания является интонационный контур. Это нейтральный, стандартный, самый распространенный интонационный рисунок, с повышением тона в начале высказывания и падением его в конце. Более специфической, маркированной является интона-

коммуникативный акт достигает полностью своего стандартного, явного назначения. Между тем во многих случаях эти условия могут в том или ином пункте умышленно или неумышленно нарушаться. В этих случаях имеет место коммуникативная неудача или «удача» особого сорта. Так, Г может умышленно исказить истину (лгать) (нарушается условие искренности), считая, что А доверяет ему и считает, что он располагает правильными сведениями по данному вопросу. Если А действительно так считает и доверяет Г, то имеет место удачная, успешная ложь (что и было скрытой целью Г). Если А не доверяет Г, то ложь будет безуспешной. Более тонкий случай: Г может сам не быть уверен в истинности Р, не расценивать Р как безусловно истинное, но подавать его как факт (распространенный демагогический прием).

ция нефактивных высказываний — утверждений, заверений и т. д. (см. далее). Показателем фактивности может быть синтаксическая структура. Таким сигналом фактивности является, например, наличие эллипсиса, поскольку нефактивные высказывания не сокращаются: *Пришел! Который час? — Пол-второго; Святитель-епископ Воронежский (1724—1783). Прославился просветительством и духовными сочинениями. Обладал даром чудотворения и прозрения будущего* (Православный календарь). Фактивны по определению и ответы на стандартные вопросы (модальные и диктальные, общие и частные), поскольку если Г спрашивает А, то, следовательно, он доверяет его компетентности (правильности его Р) и искренности: *Кто пришел? — Пришел Петя; Петя пришел? — Пришел*. Нефактивны ответы на маркированные вопросы с частицами *разве* и *неужели*, которые как раз и показывают, что спрашивающий заранее сомневается в истинности будущего ответа: *Разве я тебе этого не говорил? — Не говорил*.

Любые ссылки на источник Р делают Р нефактивным (согласно принципам Грайса [Грайс 1985]): *Рождественская служба прошла в Вифлееме, где, согласно Евангелию, родился Христос* (Евроньюс. Новости. 7.01.13).

Фактивность или нефактивность высказываний наиболее эксплицитно маркируется перформативами. Перформативные глаголы в этом случае выполняют тройную функцию: они выражают общее иллокутивное назначение данного высказывания как дескриптивного РА, они маркируют данное высказывание как фактивное или нефактивное, наконец, они указывают на конкретный вид фактивного или нефактивного высказывания (сообщение это или объявление, утверждение и т. д.):

Я сообщаю вам / утверждаю / заявляю, что Р; Городничий: Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор (Гоголь); *Можно утверждать, что объект не утратил своей притягательности для лингвистики* (Т. В. Шмелева); и т. п.

Но, разумеется, для того чтобы высказывание было подано Г и понято А как фактивное или нефактивное, наличие перформативов, специфической интонации, каких-то синтаксических признаков во-

все не обязательно. В типичном случае прочтение высказываний как фактивных или нефактивных, а также, более конкретно, как сообщений, констатаций или утверждений обеспечивает коммуникативная ситуация вместе с семантикой Р. Так, когда мы читаем в письме от нашего хорошего знакомого: *...Сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрипке* (Гоголь. Ревизор) или в объявлении: *10—12 мая в Институте языкознания состоится конференция «Истина и истинность»* или слышим от кого-нибудь из родных: *На улице дождь. (Не забудь взять зонтик)* и т. д., и т. п., то все это понимается как факт, как передача, сообщение фактивной информации, т. е. такой, в истинности которой не предполагается сомнений. Поэтому довольно странно звучит: *Я сообщаю вам, что к нам едет ревизор* — непонятно, зачем здесь *Я сообщаю*, ведь и без того ясно, кто и что делает. В подавляющем числе сообщений перформатив отсутствует, ср. у Булгакова интерпретацию речей Берлиоза как сообщений: *Михаил Александрович сообщил поэту, что...; Поэт, для которого все сообщаемое редактором являлось новостью...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита), в то время как прямая речь Берлиоза не содержала вообще ни одного перформатива. Обычно (особенно это обычно для *сообщить*) перформатив употребляется просто как структурный компонент, синтаксический «стыковочный узел», необходимый, чтобы «навесить» на него или присоединить к нему действительно релевантные с коммуникативной точки зрения компоненты. Так, в словах городничего выше *сообщить* соединяет «вводную часть», констатацию *Я пригласил вас* и собственно сообщение; ср. также: *Рад сообщить, что...; С глубоким прискорбием сообщаем, что...*, где на эксплицитный компонент навешиваются модификаторы эмоциональной оценки или добавляются слова, «возбуждающие» определенные, уже конвенционализованные импликатуры: *Хочу сообщить вам..., Могу сообщить вам...* или их комбинации: *Я рад тому, что могу сообщить вам, что...*

2. Фактивные высказывания.

Перейдем к описанию основных типов фактивных высказываний. Наиболее распространенный тип дескриптивных фактивных высказываний — это **информирование** в широком смысле.

В коммуникативном фокусе информирующих высказываний — диктальное содержание P ; то, что оно соответствует действительности, является пресуппозицией (в описанном выше смысле), принимается за данное⁴. Информированные высказывания делятся на более конкретные виды, основными из них являются сообщения и объявления.

2.1. Сообщения. Специфика сообщений связана с тем, что они служат цели **передачи P конкретному A** . Поэтому *сообщать*, равно как и его близкий синоним *информировать*, предполагает конкретного A и имеет эту валентность ([Гловинская 1993б: 165—166], ср. [Вежбицка 1985: 253]). [*Я сообщаю вам, что*] P (скобки символизируют отмеченную выше необязательность перформатива и в целом перформативной части) = ‘Я говорю вам, что P , имея целью каузировать, чтобы вы имели P в уме; в коммуникативном фокусе содержание P ; то, что P соответствует действительности, истинно — пресуппозиция (= P — факт)’. Поскольку ‘иметь в уме фактивное P ’ = ‘знать P ’ [Шатуновский 1996: 252—253], то все толкование можно переформулировать через *знать*: ‘...чтобы A знал P ’ (ср. [Вежбицка 1985: 253]). Если выполняются условия успешности сообщения, т. е. A считает, что P , которое имеет Γ в уме, соответствует действительности, A доверяет искренности и т. д. Γ , высказывание Γ изменит «картину мира» A , в которой появится новый компонент P .

«Событие», заключающееся в произнесении Γ дескриптивного высказывания при соблюдении всех перечисленных выше условий и изменении в результате этого состояния ума A — появлении в уме A фактивного P , описывается дескриптивно, в дескриптивных высказываниях о дескриптивных высказываниях, глаголом СВ *сообщить*: *Михаил Александрович сообщил поэту, между прочим, и о*

⁴ Здесь и далее, говоря, что P находится в коммуникативном фокусе, является новым, относится к реме, мы отвлекаемся от того, что внутри диктального содержания в свою очередь что-то может быть данным, а что-то новым, в фокусе. Например, когда приезд Пети ожидался, то новым может быть только то, что это событие произошло: *Петя приехал*.

том, что то место в пятнадцатой книге..., где говорится о казни Иисуса, — есть не что иное, как позднейшая вставка (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Г сообщил А-у, что Р = ‘Г говорил А, что Р, с целью... (см. выше о назначении и условиях РА сообщения), и в результате этого А имеет Р в уме (Р — факт)’. Подчеркнем, что одного произнесения в присутствии А высказывания, содержащего Р, с указанной выше целью недостаточно для того, чтобы это действие было квалифицировано как сообщение, обязательно достижение результата — изменения содержания ума А посредством «прибавления» в нем фактивного Р⁵. (Достижение результата является здесь имплицативным компонентом [Karttunen 1971], поскольку предполагается утвердительной формой, но не сохраняется при отрицании.) Если А не воспринял Р, не принял его к сведению, услышал и тут же забыл или не поверил Г, то *сообщить* звучит, как минимум, плохо: *Я сообщил Джону, что завтра приезжает Петр, но он пропустил это мимо ушей / не поверил мне*. Речевое событие сообщения вообще не предполагает возможности недостижения результата, глагол *сообщить* не может быть употреблен нерезультативно, в значении неудавшейся попытки: **Сообщал, да не сообщил*. Это не значит, конечно, что любое произнесение высказывания Г-им как сообщения автоматически ведет к достижению описанного выше результата, неудачи вполне возможны. Просто если результат в каком-то аспекте не достигнут, для описания РА не применяется глагол *сообщить* — таковы правила его употребления. Если Г₂ видит, что цель РА сообщения не достигнута, или не уверен, что она достигнута, то он употребит СВ *сказать*: *Я сказал ему, что завтра приезжает Петр; Хозяин отеля сказал мне, что вы актриса* (Э. М. Ремарк. Триумфальная арка. Пер. с нем.) В этом случае, как и положено СВ, тоже предполагается результат, но не полный, не тот, который предполагается глаголом *сообщить*: А воспринял Р (услышал и понял, принял к сведению), но неизвестно, принял ли он Р как факт. Это не исключается, но и не предполагается. В то же время глагол *сказал* может пониматься фактивно, если он находится в коммуникативном фокусе (как в утвердительных, так и в отрицательных предложениях, при этом при отрицании он всегда в фокусе);

⁵ В этом отношении *сообщать* соответствует английскому глаголу *inform* (см. [Wierzbicka 1987: 301]).

Хозяин отеля сказАл мне, что вы актриса; Хозяин отеля не сказАл мне, что вы актриса — ‘вы актриса’ — факт. Возможно, однако, и иное понимание: *Я (не) сказАл ему, что завтра приезжает Петр* может пониматься и так, что то, что завтра приезжает Петр — факт, но может также значить: ‘произнес предложение, выражающее Р’, при этом неизвестно или не имеет значения, Р ли на самом деле, или даже известно, что на самом деле не Р, ср.: *Ты сказАл ему, что она актриса?* (как мы договаривались — с целью его обмануть). В этой двусмысленности проявляется двойственная природа *сказал* (как описывающего дескриптивное высказывание), равно как и самого описываемого дескриптивного высказывания. На некотором уровне это действие произнесения слов, на более высоком уровне — это описание действительности посредством произнесения слов. Соответственно, *Я сказАл ему, что Р* может значить: (1) ‘Я сказал ему некоторые слова [описывающие, выражающие Р]’; (2) ‘Я описал ему действительность [сказав некоторые слова, описывающие, выражающие Р]’. Неопределенное местоимение *некоторые* в толковании употреблено потому, что в случае косвенной речи (*сказал, что Р*) остается неизвестным, какие именно слова были произнесены. При толковании употребления *сказал* прямой речи (*Я сказал: «Р»*) неопределенное местоимение надо заменить определенным: ‘Я сказал такие-то слова’. При этом в прямой речи описывается только действие **произнесения слов**; соответственно, описана ли действительность — остается неизвестным. Иными словами, Р, описанное в прямой речи, не фактивно и не нефактивно.

Наиболее «усеченный» вариант речевого события описывается высказыванием с общефактическим НСВ *говорить*: *Я говорил ему, что завтра приезжает Петр* не предполагает не только того, что А принял Р в свой ум как факт, но даже того, что он вообще услышал высказывание Г, не пропустил его мимо ушей или не забыл тут же, что ему говорил Г, хотя и не исключает, подчеркнем это, ни того, что А принял Р к сведению, ни того, что он принял его в свой ум как фактивное: ≈ ‘я произнес, обращаясь к нему, высказывание, содержащее информацию о том, что завтра приезжает Петр, но поверил ли он в это и вообще обратил ли он на это внимание — неизвестно’.

В коммуникативном фокусе высказываний с дескриптивным *сообщить* — речевое событие сообщения — только или вместе с

диктальным содержанием Р, соответственно, в реме, в коммуникативном фокусе и маркирован акцентно — глагол *сообщить*: *Я сообщ`ил, ему что Р; Петя сообщ`ил мне, что `Р*. В случае, если в фокусе только речевое событие (только *сообщить*), Р может быть номинализировано или прономинализовано тем или иным способом: *Я сообщил ему о приезде Пети / о взрыве в гостинице / об этом / о том, что произошло* и т. д. (Вторично в фокусе может быть и актант: *Это я сообщил ему об этом*).

Новый момент, возникающий в дескриптивных высказываниях о высказываниях, связан с удвоением имеющих в уме Р персонажей: Γ_1 и A_1 — участники первичного дескриптивного РА, Γ_2 и A_2 — участники вторичного дескриптивного РА, описывающего первичный РА: [Γ_2 говорит A_2 :] *Γ_1 сообщил (A_1), что Р*. При этом актуально говорящий Γ_2 также имеет в уме Р и как-то оценивает его соответствие действительности. *Сообщить* в описанном выше значении (или, если угодно, употреблении) — фактивный глагол [Падучева 1998: 22], как и *знать*, через который оно может быть истолковано: *Я / Он сообщил₁ ему / мне, что завтра приезжает Петр* предполагает, что Γ_2 (в обоих случаях «я» в настоящем), имеет пресуппозицию фактивности, истинности Р; если Γ_2 не имеет такой пресуппозиции (например, считает, что не Р, не уверен, что Р, и т. д.), то должен быть употреблен нейтральный в отношении фактивности глагол *сказал* или, в зависимости от коммуникативной ситуации и типа Р, какой-либо из нефактивных глаголов (см. далее).

Особый оттенок значения приобретает дескриптивное *сообщать* / *сообщить* в примерах типа:

Как сообщает₂ / сообщило₂ агентство «Рейтер», сегодня утром в Бангладеш совершен государственный переворот; По сообщениям из Кабула...; Агентство «Рейтер» сообщает, что...; Наши агенты сообщают, что...

Показателями этого значения или, слабее, типа употребления являются: (1) отсутствие адресата: **Агентство «Рейтер» сообщает нам, что...*; (2) употребление или возможность употребления НСВ в 3 лице в наст. времени; *сообщил* в таком употреблении эквивалентно и взаимозаменяемо с *сообщает*; (3) уход или возможность перевода *сообщить* / *сообщать* вместе с указанием на Γ — источник сообще-

ния в вводную позицию. В этом употреблении глагол вообще не служит для описания события передачи информации. Основной целью Γ_2 является передача адресату P ; соответственно, именно диктальное содержание P в коммуникативном фокусе; дополнительно (во вторичной реме) указывается на (перво)источник P . Напр.: *Информационные агентства сообщают о скоплении боевиков на чечено-дагестанской границе*. Цель этого вторичного сообщения не в том, чтобы сообщить о том, что делают информационные агентства, а в том, чтобы сообщить, что имеет место скопление боевиков на границе. Γ_2 в таких употреблениях не разделяет с Γ_1 пресуппозицию истинности P , и высказывание с дескриптивным *сообщить*₂/ *сообщать*₂ понимается следующим образом: ' Γ_1 передал P как факт, а как обстоит дело на самом деле, Γ_2 не знает, устраняется от какой-либо оценки истинности P '. Ср.: *Третья [сводка] лаконически сообщает, что особых примет у человека не было. Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Имеются два формальных фактора, способствующих ослаблению, нейтрализации пресуппозиции истинности (фактивности) P . Первый — это перевод указания на источник сообщения в вводную конструкцию; тем самым сигнализируется, что в коммуникативном фокусе остается только содержание P . Нейтрализация пресуппозиции истинности P происходит вследствие возникновения противоположно направленной импликатуры неуверенности Γ в истинности P . Эта импликатура появляется следующим образом. Поскольку в фокусе только P (= целью Γ_2 является сообщить A , что P), то было бы достаточно для достижения этой цели просто сказать « P »; однако Γ_2 дополнительно ссылается на Γ_1 — источник P , а не говорит прямо от себя, следовательно, он не уверен, что P имеет место. Другим фактором является употребление НСВ вместо СВ. Употребление НСВ вместо СВ в 3 л. может означать только одно: что передача сообщения от Γ_1 к Γ_2 не осуществлена, это событие не произошло. Поскольку Γ_2 тем не менее излагает содержание P , следовательно, передача содержания произошла, остается только один мотив для употребления НСВ: Γ_2 не принял P как факт.

Именно и только с *сообщить*₂/ *сообщать*₂ соотносительно слово *сообщение*, употребляемое для обозначения содержания текстов в средствах массовой информации: *В газете прошло сообщение, что...; Он опроверг появившиеся в прессе сообщения, что...*

Разумеется, нельзя применить дескрипцию через *сообщать*, *сообщить*, *сообщение* и в тех случаях, когда высказывание вообще не является чисто дескриптивным, содержит оценку, вероятностный прогноз, выражает эмоцию и т. д. Если это не чисто дескриптивное высказывание, то это тем более не сообщение. Сообщение — это узкий, с точки зрения соотношения с действительностью — строго дескриптивный акт. Поэтому странно звучит: *Он сообщил ей, что любит ее* — подобные высказывания обычно произносятся с каким-то эмоциональным накалом и выражают эмоцию Г, и уж совсем неправильно: **Он сообщил ему, что это подло* — первичное высказывание выражает эксплицитно оценку.

Близкий синоним к *сообщать* — глагол *информировать* / *проинформировать*. Перечислим (только) отличия его от *сообщать*. *Информировать* почти не употребляется перформативно, только в перформативных оборотах: *Хочу вас информировать / проинформировать, что ...* Как и *сообщать* / *сообщить*, *информировать* / *проинформировать* фактивный глагол. Так, *(Почему) Вы меня не (про) информировали о том, что... / об этом* не может пониматься так, что информация была неверной, не соответствующей действительности. Однако признак этот, в отличие от *сообщать*, «неустойчивый»⁶, в дескриптивном употреблении он может подавляться определениями, указывающими на несоответствие Р действительности: *Вы меня неправильно информировали*, ср. [Гловинская 1993б: 165]: «...информировать ... можно правильно и неправильно». Однако, подчеркнем это, при отсутствии подобных слов информирование понимается как передача фактов. Не говорят: *Он меня правильно информировал ...*, потому что просто *информировал* и подразумевает ‘правильно’. В то же время слово *информация* в его отнесенности к информационным **текстам** (*В газетах прошла информация / появилась информация о том, что...*), подобно своему синониму *сообщение*, само по себе допускает несоответствие Р действительности и тем самым нефактивно, ср.: *непроверенная информация; Информация о том, что..., подтвердилась / не подтвердилась* и т. п.

⁶ О неустойчивых семантических признаках см. [Зализняк 1992: 24].

2.2. Объявления₁⁷ с точки зрения коммуникативной структуры относятся к тому же типу, что и сообщения. А именно: они **фактивны**, т. е. истинность, соответствие действительности того, что объявляется, принимается за факт; в коммуникативном фокусе — диктальное содержание Р. Главным отличительным признаком объявлений является то, что, в соответствии с внутренней формой глагола *объявлять*, в случае объявлений Г является **первоисточником** Р⁸. Сообщения по этому признаку не маркированы: сообщать можно и такое Р, для которого Г является первоисточником, и Р, полученное Г из других источников. Усложнение ситуации объявления, связанное с возможностью его ретрансляции с помощью каких-либо технических средств (радио, ТВ, Интернет и т. д.) или без помощи таковых каким-либо уполномоченным представителем подлинного автора (или, в случае организации или группы, авторов) объявления, не меняет ее принципиально. Непосредственно произносящий «механически» ретранслирует объявление, не «усваивая» его, не принимая его в свою картину мира и фактически не имея в уме Р и никак не оценивая его новизну и его соответствие действительности (поэтому его нельзя назвать в полном смысле Г!); он является лишь средством передачи объявления и выполняет ту же роль, что и, например, лист бумаги, на которой также может быть напечатано объявление. Не то в случае сообщения: тот, кто ретранслирует сообщение **как сообщение**, принимает его в свою картину мира и передает его дальше уже от себя, принимая на себя всю ответственность за его содержание и соответствие действительности. Другой особенностью объявлений является то, что они в общем случае имеют обобщенного и неопределенного адресата, людей, «публику» вообще, всех, **любого**, для кого релевантно объявление (этим они похожи на сообщения₂). (Конечно, эта аудитория может редуцироваться: дочь может объявлять родителям о том, что она выходит замуж, а жена мужу — что она от него уходит. В этом случае объявление сливается с сообщением, различия между ними нейтрализуются.) Отсюда особенности в «манере» осуществления

⁷ **Объявления₂** (*объявлять войну, себя сторонником...*, *мужем и женой* и т. д.) не являются дескриптивными, информирующими РА, но относятся к РА, конституирующим, **создающим** новое положение вещей.

⁸ Ср. следующий компонент в толковании *announce* в [Wierzbicka 1987: 306]: «I want to say something that people couldn't know before now».

этого РА (ср. [Wierzbicka 1987: 306] об *announce*): объявления делаются публично, «громко», открыто, не тайно. С публичностью объявлений связана их усиленная, по сравнению с сообщением и информированием, практическая релевантность для Г. В случае объявлений Г не только является первоисточником Р, но Р касается так или иначе самого Г, который заинтересован в распространении Р и в том, чтобы потенциальный А учитывал Р в своем поведении и действиях (ср. [Wierzbicka 1987: 308; Гловинская 1993б: 165]). Ведь такое публичное информирование — напр., публикация объявления в газетах, расклейка объявлений, транслирование через громкоговоритель, по радио и ТВ и т. д. и даже в простейших случаях — привлечение общего внимания и напряжение голосовых связок — требует больших, чем в случае просто сообщения, усилий и / или средств. Ясно, что такие объявления просто глупо делать просто так, для удовлетворения любопытства аудитории. Такие объявления нарушали бы общепрагматический принцип экономии усилий [Грайс 1985: 222]: не говори и не делай лишнего, поэтому объявления, не касающиеся непосредственно автора объявления, аномальны: **Я объявляю, что / Прослушайте объявление: от Ивана ушла жена*. Поэтому объявления это часто скрытое, косвенное предложение товаров и услуг, приглашение, предупреждение, призыв и т. п.: *Продается...* → ‘купите’, *Завтра состоится...* → ‘примите участие или посетите’, *С ... будет отключена горячая вода* → ‘примите меры’, *Совершил посадку самолет рейсом...* → ‘встречайте’ и т. д. Из релевантности Р проистекает и то, что Р относится к ближайшему будущему, а если оно произошло в прошлом, то в ближайшем, и последствия его релевантны для настоящего (точнее, ближайшего будущего).

2.3. Констатации. Другим, весьма распространенным видом фактивных высказываний являются констатации (с редко употребляемым перформативом *констатировать*). Специфической коммуникативной особенностью констатаций является то, что к данному (пресуппозиции) в них относится не только соответствие Р действительности, как в информирующих высказываниях (сообщениях и т. п.), но и само Р, его диктальное содержание. В этом отношении констатации подобны пропозициональному объекту предикатов знания, в предложениях с которыми к пресуппозиции, данному

относится не только соответствие Р действительности, но и само **содержание** Р. Поэтому констатации часто делаются посредством ссылки на знание А или общее знание (понимание) (собственно говоря, они и описывают то, что А или все люди знают (понимают), в этом их сущность):

Как известно...; Известно, что...; Вы знаете, что...; Как вы знаете,...; Как видим,...; Вы сами понимаете, что...; Вы сами видите, что...; [Чичиков Ноздреву:] Ты сам видишь, что с тобою нет возможности играть (Гоголь. Мертвые души); Не секрет, что эта комедия [«Дядя Ваня»] одна из самых репертуарных пьес; Понятно, что Вам некогда этим заниматься. Но может быть, можно поручить это какому-нибудь Вашему сотруднику?

— то, что это констатации, ясно из того, что как сообщения они бессмысленны: если А действительно знает, что Р, то зачем ему сообщать об этом?

Но это, разумеется, не обязательно. Констатации могут делаться и чаще всего делаются посредством простого произнесения высказывания без каких-либо показателей фактивности и «констативности»; в этом обычно и нет нужды, поскольку и содержание Р, и то, что оно соответствует действительности, является данным для потенциальных А.

Зачем нужны такие высказывания? Констатации нужны не сами по себе, они всегда предполагают то или иное продолжение. Констатации для текста играют ту же роль, что и тема для отдельно взятого предложения. Это своего рода данное, «тема» текста. Поэтому констатации, как и тема, особенно в начале текста, — двуликий Янус. С одной стороны, они представляют старое, данное, известное адресату, с другой — новое, неизвестное, поскольку ведь ему неизвестно, о чем именно из известного ему будет говориться! (Поэтому нахождение того, что именно констатировать — тоже творческая задача и поле для остроумия!) В норме начало текста — это констатация. Мы должны «зацепить» новое за что-то известное, и для этого сформулировать его. Типичное начало научной или публицистической статьи, доклада, выступления или официального приказа, распоряжения, постановления, решения и т. д. состоит из

констатации или ряда констатаций, к которым далее присоединяется ряд высказываний, несущих новую информацию, или предписывающих (в постановлении, распоряжении) те или иные действия, или ставящих те или иные вопросы, и т. д. Например. [Начало речи участника собрания гаражного кооператива:]

Мы работаем в институте, который занимается охраной животных. Человек — это тоже животное. Его нужно охранять [От зависти, алчности и т. д.] (к/ф «Гараж»).

Это общее назначение констатаций может трансформироваться в более частные цели. Это: экспликация посылки для последующего логического вывода: *Все небо покрыто тучами. Наверное, будет дождь* (первое предложение может быть и сообщением, мы имеем в виду ситуацию, когда А и сам видит, что все небо покрыто тучами; аналогично в дальнейшем, где в зависимости от ситуации высказывание может быть понято часто и как сообщение, и как констатация⁹); или основания для совета, просьбы, требования, предложения и т. п. (побуждения): *Сегодня тепло. Поедем купаться! Ты плохо выглядишь. Сходи к врачу; Я спас вам жизнь, и теперь она принадлежит мне* (к/ф «Тень») — первое простое предложение в составе сложного — констатация, она нужна как основание для последующего конституирующего РА: (поэтому) *теперь она принадлежит мне; Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие...* (Гоголь. Ревизор) — *Я пригласил вас, господа* — констатация, констатирующая часть сложного предложения. С точки зрения новой информации достаточно было бы сказать только: *К нам едет ревизор.*

Когда констатация употребляется изолированно, констативность является сигналом, который запускает вывод, основывающийся на констатации как основании: *Дайте кашу! — Сегодня воскресенье, золотой!* (→ ‘в воскресенье мы кашу не готовим, и тебе это надо бы знать’).

⁹ Ср. шутку, обыгрывающую противопоставление сообщений и констатаций в рамках одного и того же высказывания: — *Итак, вы получили диплом инженера-строителя... — Правда? Когда?* (НТВ. Капитаны КВН в программе «Алчность». 1.04. 2002).

2.4. Фактивные высказывания и выражение эмоциональной оценки. Принципиальный момент, который нужно подчеркнуть и который нужно учитывать, это возможное и достаточно частое смешение в высказываниях дескриптивной и эмоционально-экспрессивной, субъективно-оценочной функции (см. [Вольф 1985: 23—26]), в результате чего получаем, так сказать, дескриптивно-экспрессивные высказывания. В таких высказываниях не только описывается определенное положение дел в действительности, но и выражается эмоциональное отношение Г к Р или какой-то ее части (актанту ситуации, действия и т. д.). Так, высказывание: *За последние 3 года потребление мяса в стране сократилось более чем в два раза!* (Г. Зюганов) — можно разложить на дескриптивный компонент констатирующего или сообщающего типа: ‘За последние три года потребление мяса сократилось...’ и имплицитную, заключенную в интонации эмоционально-экспрессивную оценку этого факта, которую можно эксплицировать как что-то вроде: ‘...и это ужасно!’. Выражение эмоций, чувств и оценок формирует особую функцию языка и особую составляющую высказывания, обычно пропитывающую его в виде специфической интонации, наслаивающуюся суперсегментно на дескриптивный компонент в виде интонации, вкрапления эмоционально-экспрессивных словечек, суффиксов, порядка слов. Чем больше этого компонента в высказывании и чем меньше оно является дескриптивным, тем хуже к нему могут быть применены перформативы и классификаторы различных типов дескриптивных высказываний. Так, *Вы подлец / скотина! Как прекрасен этот мир! Ну и хитер же ты, братец! ≠ ?Я сообщаю вам / утверждаю / констатирую / заявляю, что вы скотина / что этот мир прекрасен / что ты хитер.* (Аналогичное положение с высказываниями «чистой» оценки: **Я сообщаю вам / утверждаю / объявляю и т. д., что Иванов хороший человек.*)

3. Нефактивные РА.

Произнося нефактивные высказывания, Г не имеет пресуппозиции фактивности высказываемого им Р и выносит его истинность, соответствие действительности в коммуникативный фокус. Это не значит, что он в каком-то смысле сомневается в истинности,

соответствии действительности своего Р. Напротив, он **убежден** в том, что оно соответствует действительности (конечно, если его высказывание является искренним). Однако Г понимает, что ситуация с Р такова, что А может быть не убежден по тем или иным причинам в том, что Р соответствует действительности, и именно **для него** компонент ‘соответствует действительности’ выносится в коммуникативный фокус (ср. толкование *assert* в [Wierzbicka 1987: 321], включающее компоненты «I imagine some people would say that this is not true; I can say that this is true»).

При употреблении нефактивных РА в русском языке (как, впрочем, и в других языках) учитываются следующие параметры.

Первый — это основания, по которым выносится в фокус вопрос об истинности Р. (1). Под вопросом может быть **объективная правильность** описываемой Р **как таковой**. (2). Под вопросом может быть **субъективная** сторона, касающаяся **доверия** в широком смысле к Г. Чаще всего этот вопрос связан с **искренностью** Г: ведь Г, имея в уме правильную Р, может сознательно исказить ее в своем высказывании или даже попросту лгать. Если Г является первоисточником Р, то может возникать дополнительно вопрос, насколько можно полагаться на его компетентность в той области, к которой относится Р, его умственные способности и другие качества, сказывающиеся на выводе Р (например, не склонен ли он к фантазированию, произвольному искажению Р под влиянием эмоций и т. д.). Вопрос о доверии может сдвигаться, «передвигаться» в случае, если Г передает Р, переданную ему кем-то другим или, шире, почерпнутую им из каких-то внешних источников (это могут быть, например, книги, фильмы, телевизионные передачи и т. д.: насколько он, этот другой, искренен, компетентен и т. д., насколько источник Р надежен, авторитетен и т. д.

Второй учитываемый параметр — это источник Р: (1) Г является первоисточником Р или (2) Г передает Р, полученную из внешних источников. Внутри (1) может быть опять различие: (а) сформировал ли Г Р сам, активно в своем уме на основе «нехарактерной информации» [Яковлева 1994: 218 — 219] — с участием логического вывода: заключения, обобщения и т. п., или (б) оно было непосредственно дано его чувствам или уму, сознанию (относится к «характерной информации» [Яковлева 1994: 218 — 219]).

3.1. Утверждения. Наиболее обширный и употребительный тип нефактивных дескриптивных РА в русском языке — это утверждения.

(1). Утверждения употребляются тогда, когда Г считает, что имеются объективные основания для того, чтобы поставить под вопрос **объективную правильность** Р. Соответственно, типичными и правильными утверждениями являются такие, объективная правильность которых может быть неочевидна, а типичными и нормальными пропозициональными объектами утверждений — объективные, описывающие объективную действительность и объективно верифицируемые (путем сличения с действительностью) Р.

(2). Утверждения характеризуются тем, что Г является первоисточником Р, они несут, так сказать, знак авторства Г. Хорошее утверждение — это, например, *Я утверждаю, что дважды два пять*, но не *Я утверждаю, что дважды два четыре*. Во-первых, истинность последнего в нормальном случае никак не под вопросом, а во-вторых, я явно не автор этого Р. Если кто-то согласен с чьим-то утверждением, говорит, что Г *справедливо* утверждает то-то, то сам он это уже не утверждает!

(3). В случае перформативных, от 1 лица утверждений (то есть в тех случаях, когда говорится или может быть сказано *Я утверждаю...*) Г сам создал, «сформировал» Р в своем уме с привлечением логического вывода на основании «нехарактерной информации», оно не было дано ему непосредственно в результате восприятия объективных или субъективных (интенциональных, в своей душе, в своем уме) фактов. Поэтому странно звучат высказывания типа

**Я утверждаю / готов утверждать, что у меня болит голова;*
**Я утверждаю, что розовые бриллианты напоминают мне Париж;*
?Я утверждаю, что я влюбился в нее с первого взгляда.

Поскольку утверждения имеют основания (своего рода посылки для логического вывода), может возникать и обсуждаться вопрос о качестве этих посылок, оснований. Хорошие утверждения — это утверждения, имеющие хорошие основания, **обоснованные** утверждения. Плохие — **необоснованные**, **голословные** — утверждения — это утверждения, не имеющие достаточных оснований. Можно подумать, что «плохие» (*голословные, необоснованные*) утверждения во-

обще не имеют никаких оснований, ср. также: *Эти утверждения не имеют под собой никаких оснований.* Однако эти характеристики отражают точку зрения А, который или не видит этих оснований или, скорее, считает, что то, на что опирается Г в своем утверждении, не является настоящим основанием. Что касается Г, то он должен иметь какие-то основания для своего утверждения, в противном случае оно будет аномально. Поэтому сам Г не может сказать: **Я голословно / необоснованно утверждаю, что...* или ответить на вопрос: *А какие основания есть у вас утверждать это? / Почему вы это утверждаете?* — ответить: *Никаких. / А ни почему. Просто так.*

(4). В коммуникативном фокусе утверждений находится (к новому относится) не только соответствие Р действительности, но и само Р, его диктальное содержание (полностью или частично). Таким образом, утверждения в отношении коммуникативного членения противоположны констатациям, где оба слоя высказывания относятся к данному.

В утверждениях не существенно, кто адресат, поэтому в утверждениях отсутствует валентность А. В случае сообщений, немаркированных по признаку источника Р, адресат важен, потому что сообщение, что Р, является новым и поэтому является сообщением лишь для того, кто не имеет в уме Р (не знает, что Р), в противном случае РА сообщения потерпит коммуникативную неудачу или будет воспринят как констатация. Поскольку в случае утверждений Г является первоисточником Р, Р всем неизвестно, поэтому оно будет новым для любого А. Поэтому нет смысла специально указывать А: утверждение будет утверждением для любого, кто его слышит (или читает). Поэтому не говорят: **Я утверждаю вам, что...* Похожая ситуация вообще во всех тех дескриптивных высказываниях, в которых Г является первоисточником Р (это, кроме утверждений, объявления и заявления)¹⁰.

¹⁰ В объявлениях и заявлениях А может быть указан вследствие наличия в ситуации объявлений и заявлений признака релевантности Р для А. Хотя новым содержание объявлений и заявлений, как и утверждений, является для всех, кроме их авторов, релевантным в случае объявлений и заявлений оно может быть только для некоторых, и именно тем, для кого Р релевантно, и может быть адресовано объявление или заявление: *Маша объявила мужу, что она от него уходит.*

Показателем утверждения может быть перформатив *утверждаю*, а также перформативные сочетания *готов утверждать*, *можно утверждать* и т. п. Показателем утверждения может быть также эмфатическое выделение рематических компонентов, на письме маркируемое восклицательным знаком в конце предложения. Подчеркнем, что это именно эмфатическое выделение, показывающее, что это выделение второго порядка, «выделение над выделением»: Городничий (читает): *Как сивый мерин. Не может быть! вы это сами написали* (Гоголь. Ревизор). Ср. диалог Иешуа и Пилата в романе Булгакова — характерен контекст дискуссии, спора об истинности, соответствии действительности высказываемых Р: [Иешуа:] ... *Я говорил, что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть. ...* [Пилат:] *На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия!* (последнее именно утверждение — просто потому, что Пилат выносит в фокус для отрицающего это Иешуа ‘это истинно’) и маркирует это эмфатическим выделением. Аналогично: *И настанет царство истины? — Настанет, ижемон, — убежденно ответил Иешуа. — Оно никогда не настанет!* Во всех этих случаях можно подставить эксплицитный перформатив: *Я утверждаю, что на свете не было...! Я утверждаю, что оно никогда не настанет!* Однако и эмфатическое выделение не обязательно. Как и другие дескриптивные РА, утверждение может пониматься как утверждение, не имея никаких формальных показателей, только в силу того, что контекст и ситуация, а также характер самой Р показывают, что в фокусе соответствие действительности, истинность Р в аспекте его объективной правильности вместе с самой Р, Г является первоисточником Р, Р сформирована в уме Г с привлечением логического вывода (относится к области «нехарактерной информации»). Так, высказывания Иешуа выше — это тоже утверждения, и к ним можно добавить перформатив *утверждаю*: *Я утверждаю, что человек перейдет в царство истины и справедливости* и т. д.; ср. также [Я утверждаю, что] ... *злых людей нет на свете* (Там же). Обширной областью «бытования» утверждений являются научные тексты. Каждое высказывание, претендующее на научную

новизну, должно по самому своему определению пониматься как утверждение, потому что предполагается, что (1) Г является первоисточником Р и создал ее в уме, (2) истинность ее неочевидна и (3) под вопросом ее объективная правильность (искренность и т. д. ученых — традиционно вне сомнений). Именно поэтому говорят о *научных утверждениях*. При этом перформативно они обычно не маркируются — слишком много пришлось бы маркировать! — но квалифицируются они при необходимости анафорической отсылки именно как утверждения. Напр.:

...Повседневная речь во всем ее многообразии — особый объект лингвистического исследования и описания. В пользу этого утверждения говорит, как кажется, изложенная выше история... (Т. В. Шмелева. Повседневная речь как лингвистический объект).

3.1.1. Дескриптивное употребление утверждать. При дескриптивном употреблении *утверждать* (*Он утверждает, что...*) полностью сохраняется коммуникативная перспектива высказывания, а именно: в фокусе — новым для A_2 , так же, как и для A_1 является диктальное содержание Р вместе с его истинностью. В отличие от *сообщать*, невозможен уход фокуса с Р и его истинности и перенос его исключительно на само речевое событие и / или его актанта. Понятно почему: поскольку Г является первоисточником Р, то оно будет новым и, следовательно, в фокусе коммуникативного интереса для любого А, при любой передаче, для любого следующего А. Поэтому и в дескриптивном употреблении невозможна прономинализация Р: **Он утверждал / утверждает это*¹¹. Понятно также, почему *утверждать* не имеет СВ: **Он утвердил, что... / это*. Поскольку невозможен переход коммуникативного интереса с Р на речевое событие его выражения, нет нужды в глаголе СВ, предназначенного как раз для описания такого события [Шатуновский 1996: 310].

¹¹ Сказанное не относится к слову *утверждение*, поскольку оно может употребляться и обычно употребляется как анафорический заместитель сделанного ранее в том же дискурсе и поэтому не являющегося новым Р-утверждения с целью обсуждения его истинности: *В пользу этого утверждения говорит то, что ...*

При дескриптивном употреблении *утверждать* квалификация Р как такого, объективная правильность которого может быть под вопросом, принадлежит уже не Γ_1 , который имеет в уме Р и сказал его, а Γ_2 . Глагол *утверждать* сам по себе сигнализирует только о том, что у «последнего говорящего», Γ_2 , нет пресуппозиции истинности Р, и поэтому Γ_2 выносит этот компонент в передаваемом им высказывании Γ_1 в коммуникативный фокус. Дополнительные контекстные показатели могут конкретизировать позицию Γ_2 : *Как справедливо утверждается в статье ...; В этой связи представляется справедливым утверждение, что ...* (Γ_2 согласен с Γ_1 в том, что Р является истинным); *Представители военного командования утверждают, что перекрыты все пути отхода боевиков в Чечню. Так ли это на самом деле, сказать сложно* (ГВ. 18.08.1999), и т. д.

Позиция Γ_1 в отношении истинности Р (пресуппозиция это для него или нет) в высказывании Γ_2 не маркирована. В действительности Γ_1 , конечно, тоже как-то оценивает соответствие Р действительности, в частности, он тоже может расценивать (или мог бы расценить) его как утверждение. Но это не обязательно. Позиции Γ_1 и Γ_2 в этом отношении могут не совпадать: Γ_1 мог произвести свое высказывание как сообщение (подавать Р как факт), а Γ_2 , может, передавая это высказывание, интерпретировать его как утверждение, ставя под вопрос и тем самым выдвигая в коммуникативный фокус истинность Р. Например: *Борис Ельцин поправляется. Так, по крайней мере, утверждают представители его администрации* (НТВ. 1.12.1998). Вряд ли представители администрации могли сказать или хотя бы мысленно интерпретировать высказывание выше как: *Мы утверждаем, что Борис Ельцин поправляется.*

Как видно уже из приведенного выше примера, при дескриптивном употреблении *утверждать* круг Р, которые могут квалифицироваться как утверждения, расширяется. Наряду с объективными, созданными с участием логического вывода в уме Γ Р, которые являются утверждениями и от 1 лица (напр., *Народники утверждали, что в России социализм придет не через диктатуру пролетариата, а через крестьянскую общину*, ср.: *В России социализм придет не через диктатуру, а через крестьянскую общину* — само по себе вполне нормальное утверждение), как утверждения в высказываниях о высказываниях могут интерпретироваться и такие Р, которые

не являются продуктом логического вывода Γ_1 , не сформированы в уме Γ_1 на основе нехарактерной информации, но даны непосредственно его восприятию и уму. Напр.:

[следователь — подозреваемому]: *Итак, вы утверждаете что в момент ограбления были дома? (к/ф «Черный принц»); ... Мандельштам утверждал, что учится у всех и разговаривает со всеми (Н. Мандельштам. Вторая книга); [Пилат — Иешуа]: Так ты утверждаешь, что не призывал разрушить ... или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить храм? (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Он утверждает, что это его настоящая фамилия; Власти Грозного утверждают, что полностью контролируют обстановку (ТВ, «Вести», 3.08.1994); и т. д.*

Ясно, что Γ_1 в нормальном случае непосредственно дано, где он был в тот или иной момент, с кем и что он говорил, какая его настоящая фамилия и т. д., и даже если он лжет, он должен подавать такие Р как факт, поскольку он не может, будучи в здравом уме, сомневаться, видел ли он то, что он видел, делал ли он то, что он делал, говорил ли то, что говорил, и т. д. Поскольку Γ ясно, что А ясно, что Р непосредственно дано Γ , и поэтому не может быть сомнений в его правильности, и поскольку искренность Γ не под вопросом¹², то не может быть сомнений в целом в истинности Р (и поэтому нет оснований для употребления *утверждать*). В то же время при дескриптивном употреблении *утверждать* субъектом, оценивающим Р как не имеющее пресуппозиции истинности вследствие возможных сомнений в его правильности и поэтому маркирующим его как утверждение, является уже не Γ_1 , а Γ_2 , для которого все эти Р уже не являются непосредственно данными. Поэтому он может на основании каких-то объективных фактов поставить под вопрос их объективную правильность в своем высказывании. Например, для Γ_1 то, что он был в 6 часов вечера дома, факт, который дан ему в норме непосредственно (а если он и лжет, то он все равно должен делать вид, что это ему дано непосред-

¹² Подчеркнем, что дело не в том, что искренность Γ в этих случаях не может быть под вопросом, просто таковы **правила** утверждений, правила употребления слова *утверждать*; если искренность под вопросом, употребляются **другие** слова (см. далее).

ственно). Но у Γ_2 , например, следователя, могут быть сомнения в объективной правильности P , потому что кто-то говорит, что видел его в это время в другом месте, или найдены отпечатки его пальцев на месте преступления, которое, как думают, произошло вчера в 6 часов, или т. п. Поэтому он выносит истинность P в коммуникативный фокус, говоря:

Он утверждает / Итак, вы утверждаете, что вчера в 6 часов вечера были дома? [Коля:] И тоже утверждает, что он твой отец? (х/ф «Сирота казанская»).

Понятно, что во многих из этих случаев «рикошетным» образом и искренность Γ_1 оказывается фактически под подозрением. Более того, во многих ситуациях очевидно, что Γ_2 подозревает Γ_1 именно в неискренности, в сознательном искажении истины. Тем не менее *утверждает* — это способ сказать это не прямым грубым способом, а косвенно, в подтексте, в качестве своего рода коммуникативной имплицатуры. Употребляя слово *утверждает*, Γ_2 «высвечивает», ставит буквально, эксплицитно под вопрос аспект объективной правильности P . Употребление *утверждает* мотивировано во многих случаях принципами речевого этикета. Даже будучи уверенным, что Γ_1 лжет, Γ_2 с целью смягчения оценки часто говорит *утверждает*. Это все равно что вместо *Вы лжете!* сказать, имея в виду то же самое: *Вы ошибаетесь*¹³. Вообще, неискренность трудно доказуема, ошибается человек или сознательно искажает истину — скрыто в глубине его души. Поэтому лучше, сохраняя презумпцию невиновности, которая, как мы видим, характерна не только для юридической процедуры, но и для правил коммуникации, сказать: *Он утверждает, Вы утверждаете...*

¹³ Ср. тонкий комический эффект, возникающий в *Значит, вы утверждаете, что вы якобы Иван Васильевич Буниша?* (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»), где прямое *якобы* губит попытку Γ быть деликатным, выразив сомнение в искренности Γ_1 посредством коммуникативной имплицатуры.

То, что под вопросом здесь именно правильность P , доказывается тем, что дальнейшая дискуссия по поводу истинности P может касаться только его объективной правильности. Например:

Вы утверждаете, что... А как же тогда быть с показаниями свидетелей, которые утверждают, что видели вас в это время в... / с тем, что отпечатки ваших пальцев найдены на..., но не: Вы же всегда лжете!

То, что Γ_2 оценивает именно объективную правильность, видно из того, что расширение области утверждений в дескриптивном употреблении не абсолютно, и только такие P , которые, так сказать, субъективно-объективны — имеют субъективную сторону, с которой они даны Γ_1 , и объективную сторону, с которой их видит и оценивает Γ_2 , — могут быть и в дескриптивном употреблении квалифицированы как утверждения. Как для того, чтобы сделать рагу из зайца, надо иметь зайца, так и для того, чтобы высветить аспект объективной правильности, P должно иметь аспект объективной правильности. Чисто субъективные P в норме не могут квалифицироваться как утверждения, ибо здесь просто нет места для объективной интерпретации. Конечно, могут быть различные степени субъективной данности и объективной верифицируемости. Чем субъективнее P , чем труднее представить его объективную верификацию, тем хуже звучит *утверждает*, и если P полностью субъективно и поэтому у Γ_2 не может быть объективных оснований для сомнений в истинности P (P не поддается объективной верификации, см. [Дмитровская 1988]), то *утверждать* невозможно: [?]*Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга, никогда не видя...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) — осмелимся сказать, что звучит это плохо; и Гомер, в данном случае Булгаков, иногда хромает; [?]*Впервые Тауиль узнала о палестинском лидере в 4-летнем возрасте, а повстречавшись с ним спустя годы, как она утверждает, «влюбилась с первого взгляда» («Комсомольская правда», 26.02.1994); ^{??}*Вице-президент фирмы Каролин Шойфель утверждает, что именно розовые брильянты напоминают ей Париж («Комсомольская правда», 7.05.1994); **Он утверждает, что принял решение не баллотироваться в Думу.* Если любовь еще име-**

ет какие-то объективные признаки, то то, что напоминает что субъекту и что он про себя решил в уме, дано только самому субъекту и не имеет никаких объективных признаков, по которым сторонний наблюдатель мог бы заключить, что это имеет место.

3.2. Заявления, пересекаются по одним признакам с объявлениями, по другим — с утверждениями. С объявлениями их объединяет обобщенность адресата и публичность (с теми же оговорками, что и для объявлений) и связанная с этими признаками усиленная релевантность заявлений для Г и его аудитории. Отсюда широкая распространенность заявлений в официальной сфере, накладывающая на них отпечаток стилистической ограниченности. Как и в объявлениях, здесь это даже более обязательный признак, Г является первоисточником Р (этот признак заявления разделяют также с утверждениями). Вместе с тем заявления принципиально отличаются от объявлений тем, что заявления, как и утверждения, **нефактивны** (можно сказать, что заявления — это «нефактивные объявления»):

Я (официально) заявляю / Он заявил, что никогда не имел ничего общего / никогда не встречался с... / не имею / не имеет счетов в зарубежных банках... не имеет планов... / планирует в ближайшее время встретиться...; Дм. Якушкин, пресс-секретарь президента Ельцина: Человек не обязан выходить на площадь, чтобы заявить, что он ни в чем не виноват (ТВ. 6.09.1999). Ср.: ...объявить, что он ни в чем не виноват.

Последнее очень странно, поскольку в таких случаях слова подозреваемых не понимаются как факт. Как и в случае утверждений, в коммуникативном фокусе заявлений — диктальное Р вместе с компонентом истинности; как и в случае утверждений, сам Г твердо настаивает на истинности Р, но понимает, что для других эта истинность может быть под вопросом. Разница в том, что (а) заявления относятся к таким Р, которые непосредственно даны Г через его чувства (если это явления, ситуации объективной действительности) или его уму (если это интенциональные феномены); (б) соответственно, под вопросом не объективная правильность Р, но субъективная верность (искренность и т. д.) передачи в словах этого

Р. Поэтому именно субъективная верность передачи Р в высказывании, но не его объективная правильность, может ставиться в дальнейшем дискурсе под сомнение: *Военные говорят, что операция в Грозном продлится 3—4 дня. Но журналисты не доверяют этим заявлениям военных* (ТВ). В области Р, которые имеют и объективную, и субъективную сторону, заявления (особенно в дескриптивном употреблении) пересекаются с утверждениями. Двусторонние, субъективно-объективные Р могут быть объектами и утверждений, и заявлений, но с разной трактовкой. В этих случаях можно сказать и *заявил*, и *утверждает*: *Он заявил / утверждает, что никогда не встречался с этим человеком / не имеет счетов в зарубежных банках / его настоящая фамилия — Блумберг...* и т. п. С одной стороны, это непосредственно дано Г₁, с другой, со стороны Г₂, — допускает и объективные сомнения и объективную проверку. Но чисто субъективные Р, доступные только самому субъекту-Г и не допускающие объективной проверки, не могут образовать утверждения, ср.:

Клинтон заявил, что мнение представителей его администрации, сотрудничавших с Аристидом, значит для него больше, чем утверждения о том, что он страдал психическим расстройством (ТВ. 24.10.1993) и **Клинтон утверждает, что мнение представителей его администрации значит для него больше, чем...* — только сам Клинтон может знать, что значит для него больше. *Я утверждаю, что не имею ничего общего с...*

— Р рассматривается с его объективной стороны, я могу это доказать, я никогда с ним не переписывался, нет писем, не говорил по телефону и т. д.; *Я заявляю...* — никаких доказательств не требуется. [Бендер председателю исполкома:]

Здравствуйте, вы меня не узнаете? Председатель ... посмотрел на посетителя довольно рассеянно и заявил, что не знает. — Неужели не узнаете? А между тем многие находят, что я очень похож на своего отца. (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок); *Я не хочу быть членом общества!* — *заявил вдруг Паниковский* (Там же); *31 июля в Хамовническом суде охранник ХХС Владимир Потанькин заявил, что он так же, как и его коллеги,*

испытывал «моральные страдания» из-за действий Pussy Riot (Евангелие цитировали в балаклавах // Газета.ru. 15.08.2012).

Самые типичные заявления касаются чисто субъективных Р, которые даны только самому Г. Это, в частности, заявления о намерениях, решениях, планах и т. п. самого Г: *Я заявляю / он заявил, что намерен в ближайшее время... / о своих планах... / своем решении уйти в отставку*. При этом наличие самих слов, обозначающих эти интенциональные феномены (*решил, решение, намерение, план* и т. д.), в Р не обязательно. *Заявить / заявлять* отбрасывает своего рода интенциональную «тень» на Р, и если Р является контролируемым Г и относится к будущему, то оно обычно имплицитно подразумевает намерение, план и т. д. сделать Р, которое Г имеет в уме:

*Он заявил о том, что будет баллотироваться в Думу = Он заявил о своем намерении...; Он заявил о своем выходе из партии = Он заявил о своем решении / о том, что он решил выйти ... и т. п. (ср. *объявил...*, описывающее свершившийся факт); Б. Н. Ельцин: *Я твердо, решительно заявляю, как президент страны: никакого чрезвычайного положения не будет!* (НТВ, 16.8.1999)¹⁴.*

Ср. также высказывание С. Степашина на заседании правительства после объявления о его отставке: *Что бы ни случилось, я всегда до конца буду с президентом*, которое, несмотря на отсутствие перформатива, представляет собой типичное заявление: Р — интенциональный феномен, доступный непосредственно только самому

¹⁴ Имплицитное наличие намерения (плана, решения) в данном Р формально диагностируется наречием *твердо*, которое связано в своей сочетаемости с этим семантическим компонентом, ср.: *Я твердо решил... / намерен..., Я твердо обещаю...*, но **Я твердо объявляю / сожалею / считаю...* Поэтому *твердо* сочетается с *заявлять* только тогда, когда Р выражает в том или ином виде намерение Г; ср. **Я твердо заявляю, что никогда не видел этого человека / не имею счетов в иностранных банках / моя фамилия...* и т. п.; фактически здесь имеет место перенесение сферы действия наречия через *заявлять* к тому в Р, что семантически сочетается с *твердо*: *Я твердо заявляю, что намерен... = Я заявляю, что твердо намерен...*; где бы ни стояло *твердо*, речь всегда идет о «твердости» намерения или решения.

Г (намерение, твердое решение), высказывание — публично и нефактивно (в фокусе не только Р, но и то, что оно **будет**).

В заявлениях-текстах (заявления правительства, министерства иностранных дел и т. п.) всегда есть ядро — собственно заявление, касающееся «нефактивного объявления» намерений, планов, каких-то обстоятельств, известных только авторам заявления, и кроме того обычно ряд высказываний других типов: какие-то предварительные констатации, пожелания, выражение надежды, соболезнования и т. д. Но обязательно должно быть и собственно заявление. Напр.:

Российское правительство заявляет, что не оставит без внимания эти... / что оно никогда не предпринимало никаких шагов, которые были бы направлены против... / не допустит... и т. д.; заявление премьер-министра В. Путина: Федеральные власти сделают все от них зависящее, чтобы не допустить... (ТВ. 5.09.1999).

3.3. Косвенное выражение нефактивных РА. Поскольку внутренний, субъективный мир С представляет собой отражение объективного, внешнего мира, высказывания с эпистемическими нефактивными предикатами могут использоваться для косвенного описания объективного, внешнего мира. Эксплицитным показателем выхода на первый план функции описания внешнего (по отношению к субъекту (С)) мира через его внутренний мир является уход эпистемического предиката вместе с обозначением С в вводную конструкцию (часто в этих случаях обозначение С вообще опускается). Подобно тому, как фактивные РА — констатации, как было отмечено выше, могут совершаться посредством высказываний с фактивными эпистемическими предикатами, сообщающими о знании А-ом Р, так нефактивные РА могут совершаться посредством высказываний с нефактивными эпистемическими предикатами (*думаю, полагаю, уверен* и т. п.), описывающими в первичном значении содержание ума (мнение) С. Во всех случаях такого косвенного использования предложений мнения в коммуникативном фокусе диктальное содержание Р вместе с соответствием Р действительности — в аспекте его объективной правильности. При этом высказывания с *думаю, полагаю, как представляется, по моему мнению* и т. п. — более «слабые», чем собственно утверждения

(Г сам не уверен в истинности — объективной правильности Р): *Я думаю (что) / Как представляется / По моему мнению, дважды два пять*; тогда как высказывания с *уверен, убежден* равны по «утверждающей» силе собственно утверждениям: *Я уверен, убежден, что дважды два — пять*.

3.4. Нефактивные РА и дискурс. Фактивные РА (сообщения, объявления и констатации) не допускают обсуждения их истинности в дальнейшем дискурсе по определению. Ведь они употребляются в ситуациях, когда истинность Р — вне сомнения, является пресуппозицией для участников коммуникации. В то же время проблема истинности, соответствия действительности, вынесенная в коммуникативный фокус вместе с Р первичными нефактивными высказываниями, может иметь продолжение, развиваться в дальнейшем дискурсе. С нефактивными РА — утверждениями, выражениями мнения и т. д. можно соглашаться или не соглашаться, их можно оспаривать, подкреплять аргументами, отрицать и т. д. Ср.: *Я не согласен с вашим утверждением — *Я не согласен с вашим сообщением / вашей информацией*. Все эти вторичные РА «вываются» вокруг нефактивных высказываний и, точнее, компонента соответствия действительности в них. При этом в этих вторичных высказываниях в фокусе уже только соответствие действительности, диктальное содержание относится к данному и поэтому часто опускается и прономинируется: *Я не согласен с этим / с вами / с вашим утверждением; В пользу этого (утверждения) говорит то, что...* и т. д.

Вторичные дискурсивные речевые действия, оперирующие на истинности Р, делятся на две группы в соответствии с тем, что в данной коммуникативной ситуации, в данном дискурсе под вопросом: объективная правильность Р или субъективная искренность, надежность и т. п. Г.

Первая группа продолжает тему объективной правильности Р, вынесенную в дискурсе первичными утверждениями. Утверждения — это «дискуссионные», как отмечалось выше, высказывания, предполагающие возможность сомнений в истинности Р у А и поэтому предполагающие продолжение, при котором в фокусе коммуникативного интереса в дискурсе остается вопрос о соответствии Р действительности. Первичное утверждение предполагает различные сценарии продолжения, развития коммуникативной ситуации и со-

ответственно различные типы вторичных связанных с утверждением речевых действий. Г может приводить доказательства, аргументы в пользу / в защиту своего утверждения / высказанного мнения, в пользу того, что оно соответствует действительности, истинно. Это приведение аргументов, доказательств является, называется перлокутивным — не актом, но состоящим из ряда актов перлокутивным действием **убеждения** (ср. [Остин 1986: 100], см. подробно далее гл. 12, 4.1). То, что это перлокутивное действие, доказывается тем, что *убеждать* не используется перформативно: нельзя убеждать, просто говоря: **Я убеждаю вас, что Земля вертится*. Убеждение соотносится именно с утверждениями: А убеждают, приводя объективные аргументы, в объективной **правильности** Р. Убеждение в этом отношении отличается от утверждения: если в случае утверждений Г просто, так сказать, выставляет свое Р и не просматривается, не маркирована цель каузировать Г, чтобы он также думал, что Р, то в *убеждать* ярко маркирована, фиксирована именно эта цель: каузировать Г полагать, иметь в уме, что Р **истинно, потому что правильно**. Заметим, что если приводится один аргумент, то это не может быть названо убеждением. Наверно, потому, что НСВ предполагает какую-то длительность, поэтому должен быть ряд последовательных высказываний. Но **убедить** (СВ) можно, приведя и один аргумент: *Ну хорошо, вы меня убедили / вы меня не убедили*. При этом сами Р-аргументы являются **фактами**: в пользу утверждений не приводятся другие утверждения, поскольку они сами имеют не большой кредит доверия, чем первичные утверждения. Но сами Р-факты в аргументирующих высказываниях являются только «аргументами» (уже в другом смысле), заполняющими валентность предиката более высокого ранга: *В пользу этого утверждения говорит то, что / тот факт, что эти выражения несовместимы с... / несовместимость этих выражений с...* Вообще аргументация парадоксальным образом «снижает» достоверность высказывания. Если отдельное высказывание могло бы быть интерпретировано как констатация или сообщение, то даже косвенный аргумент делает его задним числом утверждением.

Со стороны А утверждение предполагает коммуникативные реакции **согласия** / **несогласия** с утверждением: *Я согласен / не согласен с вашим утверждением* или более мягко: *Трудно согласиться с тем, что...* и т. п. При этом РА согласия / несогласия сами

нефактивны. **Возражения** соотносительны не с согласием / несогласием, а с аргументацией за... Если аргументация в пользу истинности Р не имеет специального названия в русском языке, то аргументация против — имеет, это возражения. Возражения — это тоже перлокутивные акты, они имеют целью «опровергнуть» то, что Р правильно, и заключаются в приведении аргументов против того, что Р правильно (и поэтому истинно). *Возражать* не употребляется в контексте утверждений перформативно, как в контексте побуждений. Так, можно сказать в ответ на предложение: *Я возражаю₁ / не возражаю₁*, (*≈ не согласен / согласен*). Но нельзя просто сказать: **Я возражаю (против вашего утверждения)*. *Возражать₂* означает 'приводить аргумент(ы) **против** чье-либо утверждения'. **Опровержение₁** представляет собой речевое (перлокутивное) событие, заключающееся в том, что в результате приведения аргументов, «возражений» в широком смысле удалось доказать, что высказанное в предшествующем дискурсе Р не соответствует действительности (*Сжечь не значит опровергнуть* (Дж. Бруно)). Опровергая Р, мы доказываем тот факт, что не Р. Успешное опровержение делает задним числом и то, что считалось фактом, нефактивным: утверждением или мнением.

Если со стороны А выражается несогласие или сомнение в истинности Р, то Г может сделать повторное и более сильное вторичное утверждение посредством перформатива *настаивать*: *Я настаиваю, что Р*.

Опровержение₂ — это вторичное заявление, в котором отрицается истинность какого-либо предшествующего в дискурсе высказывания (утверждения, сообщения₂ или информации₂, слухов — без пресуппозиции фактивности Р). Оно часто и делается с помощью перформатива *заявляю*: *Я со всей ответственностью заявляю, что я никогда не ...* Опровергать₂ Р = заявлять, что не Р. Подчеркнем, что в отличие от согласия / несогласия, где тот, кто согласен или не согласен с чьим-либо утверждением, приходит к нему таким же путем, что и тот, кто делает первичное утверждение, находится в такой же позиции по отношению к Р (выводит его в уме и т. д.), это Р является в случае опровержения₂ непосредственно данным Г и не требует и не допускает никаких доказательств, аргументов (именно поэтому это разновидность заявления). Г просто говорит, что Р не соответствует действительности, и ему, как говорится, виднее. Ти-

пичное опровержение — когда Г опровергает в своем высказывании какие-то циркулирующие в обществе Р, касающиеся его самого, например, что он умер:

[Марк Твен:] *Слухи о моей смерти несколько преувеличены; Юрий Скуратов опроверг утверждения, что дочь президента Ельцина Татьяна Дьяченко причастна к хищению денег МВФ (ТВ).*

Таким образом, опровержение₂ является иллокутивным актом и совершается непосредственно в высказывании, которое произносится. Как и заявления вообще, опровержения₂ могут представлять собой развернутые тексты, содержащие в себе ядро — собственно заявление-опровержение.

Противоположны (антонимичны) опровержениям₂ РА **подтверждения** (ср. распространенную формулу, когда какая-то организация или лицо, которые должны иметь непосредственную информацию, касающуюся Р, *не подтвердили, но и не опровергли Р. Я подтверждаю, что Р ≈ Я заявляю, что Р* (о котором идет речь) *соответствует действительности, истинно*. При этом Р, как всегда в случае заявлений, непосредственно дано Г, например, Г лично видел, что Р:

[Берлиоз:] *Боюсь, что никто не может подтвердить, что и то, что вы нам рассказывали, происходило на самом деле. — [Воланд:] О нет! Это может кто подтвердить! ...Дело в том... что я лично присутствовал при всем этом* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); [Свидетель на суде:] *Я подтверждаю, что Иванов в 5 часов был у меня дома.*

Другая группа дискурсивных речевых действий (назовем их «уверениями» в широком смысле) употребляется, когда в дискурсе истинность Р под вопросом вследствие возможных сомнений в субъективной «надежности» (искренности и т. д.) Г. В «уверениях» маркирована специфическая коммуникативная цель: каузировать А **поверить** в искренность и т. п. Г и, как следствие, в истинность Р. Формальным показателем этой коммуникативной цели является

валентность адресата: *клянусь вам, уверяю вас, заверяем партию и правительство* и т. д.

Наиболее простыми и прозрачными РА этой группы являются «клятвы₂»¹⁵ в широком смысле, совершаемые посредством перформативных глаголов и сочетаний *клянусь, даю слово, честное слово: Клянусь, (что) я этого не делал!* Диктальное содержание Р является известным; то, что Р, которое Г имеет в уме, соответствует действительности, правильно, в ситуации клясть является пресуппозицией; под сомнением и поэтому в фокусе искренность Г; посредством произнесения в соответствии с простыми правилами (которые мы здесь не будем описывать) «языковой игры» клятвы «ритуальных», перформативных слов Г стремится каузировать А поверить, что он говорит правду (искренен), и поэтому его высказывание истинно.

Более сложными и не такими четко структурированными являются собственно **уверения**. Уверения делятся на два типа. Первый — это перлокутивное действие, подобное и симметричное перлокутивному действию убеждения. *Уверять* в этом случае употребляется дескриптивно, для описания перлокутивного акта: *Глушец! хотел уверить нас, что бог гласит его устами* (Лермонтов). Если перлокутивная цель убеждения — каузировать А считать, что Р правильно (и поэтому Р истинно), то перлокутивная цель уверений — каузировать посредством произнесения различных РА более низкого уровня поверить, что Г говорит правду (и поэтому Р истинно). Этими РА, на которых покоятся уверения, могут быть клятвы₂, побудительные высказывания типа *верьте / поверьте* (ср. аналогичные высказывания в английском языке: *Believe me!*) и т. д. Этими высказываниями также могут быть различные аргументы, доводы, но в случае уверений эти доводы касаются исключительно субъективной стороны: искренности, надежности, компетентности Г, а в случае передачи чужого Р — надежности, искренности, компетентности и т. д. его источников: *Зачем мне врать? Разве я тебя когда-нибудь обманывал? Мне говорили об этом надежные люди; Мне сказал об этом человек, который работает в...; Мне сказал об этом Петя, а он врать не будет;* «уж он-то знает!», как сказал булгаковский герой о Воланде, и т. п., что означает: ‘вы должны верить

¹⁵ **Клятвa₁** — РА, обязывающий Г сделать то Р, которое он поклялся, сделать: *Клянусь, что я это сделаю!*

мне, потому что я никогда не обманываю / у меня надежные источники информации / я человек серьезный, не болтун / у меня нет причин лгать' и т. п. Можно сказать, что уверение — это убеждение в искренности, надежности и т. д. Г, и в этом смысле уверения представляют подвид убеждения.

Уверения, однако, несимметричны с убеждением в том отношении, что это не только перлокутивное действие, но и зачаточный иллюкутивный акт (уверение₂). Нельзя убеждать, просто сказав: *Убеждаю вас, что дважды два пять, но уверять таким образом можно: [Воланд:] *В частности же, уверяю вас, вам он [кирпич] ни в каком случае не угрожает. Вы умрете другой смертью* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). В то же время *уверять* не освободилось от «вводности», это своего рода «полуперформатив», не способный, в отличие от подлинных перформативов, подчинять Р посредством союза *что*: *Я уверяю вас, что кирпич вам на голову не свалится. Помимо слова *уверяю*, в «полуиллюкутивных» актах уверения могут использоваться и другие обороты и конструкции: *Поверь(те)...; Точно! Не сомневайся! Уж я-то знаю! Уж он сделает музыку, будьте спокойны* (М. Булгаков. Багровый остров) *Будьте уверены!* и т. п.

РА уверения похож на клятву, но отличается от нее размытостью и широтой. Он апеллирует не просто к вере в искренность Г, но к более широкому понятию субъективного **доверия** А к Г. Уверяющий стремится каузировать А доверять Г, в частном случае, доверять его искренности. Однако здесь это только один из аспектов, которым может оборачиваться доверие; в различных коммуникативных ситуациях могут оказаться релевантными и другие виды доверия: доверие к осведомленности и компетентности Г, авторитету и надежности его источников информации, доверие, возникающее к Г вследствие особенностей его ума и характера, и т. д. Отличие также в коммуникативной структуре уверений: в *уверяю* в фокусе и само диктальное содержание Р, оно также является новым. В этом своем качестве уверения являются не вторичными, а первичными дескриптивными РА и находятся в группе нефактивных РА рядом с утверждениями, отличаясь от последних прежде всего тем, что в фокусе субъективный аспект истинности (высказывание истинно, потому что Г не искажает правильное Р), а также наличием каузативного компонента: Г стремится каузировать А верить, что Р. Поэтому если Р является чисто субъективным, то, поскольку правильность его не

может быть под вопросом, в истинности его можно только уверять. Поэтому в любви, почтении и других чувствах, в искренности намерений и чистоте помыслов *уверяют*, но *утверждать* все это нельзя: *Я *утверждаю*, что я вас люблю.

Близки к уверениям, **заверения**. Отличия между ними градуальные: заверения в большей степени и чаще опираются на доверие А к авторитету, компетентности Г в области, к которой относится Р. Поэтому заверяют обычно ученые, политики, государственные деятели (но не друг друга, а обычных людей): *По заверениям ученых, этого [загрязнения атмосферы радиоактивными веществами] не произошло* (ТВ). *Заверять* в советское время приобрело дополнительную специализацию на публичном «уверении» в искренности декларируемых **намерений**: *Хотим заверить / Заверяем партию и правительство, что приложим все силы для того, чтобы...* В дескриптивном употреблении *уверить* и *заверить* отличаются с точки зрения достижения результата 'А верит в истинность Р'. *Уверил* — А верит, что Р (истинно, соответствует действительности); *заверил* — Г просто произнес высказывание с соответствующим вынесением в коммуникативный фокус вопроса об истинности, а поверил ли А — неизвестно:

Сергей Степашин заверил всех участников пресс-конференции, что его решение войти в избирательный список «Яблока» — это сознательный политический выбор (ТВ).

ГЛАВА 4

ТРИ ВИДА МНЕНИЯ*

1. В различных языках и культурах существуют свои предпочтения в области чисел. Если Соссюр в своем знаменитом курсе все делил на два, и это, наверно, не случайно (вспомним антиномии Канта и Гегеля), то в русском языке и языкознании предпочитают делить на три. Три — это магическое число для русского мирозерцания и для языковой картины мира. Так, о тройном делении языковых явлений (вместо бинарного у Соссюра) говорит Л. В. Щерба, когда мы приводим примеры, то нужно и достаточно указать три примера к.-л. явления, при перечислении надо указать, как минимум, три члена ряда, после чего можно поставить «и т. д.», и т. д. Если в западноевропейской картине мира противопоставлены знание и мнение (ср. англ. *knowledge vs belief*), то в русском языке деление явно трехчленное: *знание vs мнение vs вера*. В свою очередь, в области мнения четко выделяются три основных вида, соотносительные с глаголами *думать, считать и полагать*. При этом глагол *полагать*

* В основу главы положена статья: *Шатуновский И. Б.* О тройном делении в области мнения в русском языке // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 525—538.

является специальным и немаркированным выражением мнения. В значении *думать* и *считать* к ядерной идее мнения добавляются другие компоненты, в *полагать* это значение выражено в наиболее чистом виде. Это проявляется также в том, что глаголы *думать* и *считать* имеют и другие важные значения, и значение мнения не является для них первичным. Для *думать* это значение умственной активности [Кодзасов 1987: 63; 1988: 28—29; Апресян 1995: 395], для *считать* это значение счета и затем «учета», из которых развивается значение мнения (см. подробнее [Зализняк 2006: 200—205]). В глаголе *полагать* значение мнения является основным и в настоящее время единственным. Особая роль *полагать* проявляется также в том, что его значение практически не реагирует на изменение по лицам и временам, тогда как значение *думать* и *считать* изменяется в соответствии с их употреблением в разных временах и лицах, в частности, резко различаются 1 и 3 лицо, а также настоящее и прошедшее время.

Сделаем несколько вводных терминологических замечаний, касающихся общей теоретической рамки нашего исследования. Глаголы (шире, предикаты) знания, мнения и веры выполняют две основные функции. Прежде всего, они соединяют ум субъекта (С) и некоторое Р (которое мы, чтобы не множить символы, будем понимать в трех различных, но тесно связанных смыслах (фактически, это аспекты одного и того же): (1) **положение вещей** в объективном мире, отраженное, представленное (или не представленное, но потенциально могущее быть представленным) в уме человека; (2) **представление** о каком-то положении вещей в уме субъекта; (3) **пропозиция**, когда мы рассматриваем это представление как выраженное языковыми средствами). С этой стороны все эпистемические глаголы представляют собой эпистемические связки [Шатуновский 1996: 249—253]. Кроме этого, эти глаголы (предикаты) содержат информацию о том, как квалифицирует это Р говорящий (Г), описывающий состояние ума — свое или другого С. С точки зрения этой функции эти глаголы могут быть названы пропозиционными установками (ПУ).

Прежде чем говорить о различиях внутри области мнения, следует вкратце обрисовать его общие черты, отличающие его от знания. Это различие сводится к объективности знания и субъективности мнения. Р — объект знания находится вне человека и лишь от-

ражается в его уме. Из представления знания в мысли и в языке как простого отражения некоторого объективно, вне С существующего Р следуют его многочисленные лингвистические черты. А именно, поскольку Р — объект знания объективно и существует независимо от его отражения в уме данного С, в коммуникативном фокусе предложений знания (в их первичном употреблении) связка ‘иметь (в уме)’ (= вопрос при употреблении этих предложений не в том, **что** имеет С в уме, а в том, **имеет** ли он в уме данное Р), соответственно фразовый акцент на глаголе *знать* [Кодзасов 1987: 63; 1988: 27]¹, выражающем идею связи С и Р; в предложениях знания есть возможность умолчания о содержании Р и обозначения его через указание на область действительности, отраженной в этом Р (*знает об этом, знает, где зарыт клад*, и т. д.); Р, вводимое глаголом *знать*, имеет пресуппозицию истинности, фактивности: нельзя *ошибочно / правильно / справедливо* и т. п. *знать* что-то.

Все виды мнения, в отличие от знания, субъективны в том отношении, что Р — объект мнения не просто находится, но всегда **формируется внутри ума С**. При этом мнение всегда и объективно в том отношении, что С, формируя Р, имеет целью описание объективной действительности (Р является субъективным образом объективной действительности) и при его формировании использует какие-то объективные данные, относящиеся к фонду его знаний. Однако в отличие от знания, пассивно регистрирующего то, что имеет место, в случае формирования мнения ум С производит некоторую сознательную или, по большей части, бессознательную «работу» по построению образа действительности (см. об этом [Селиверстова 2004: 314] по отношению к *думать* (*думать* относится к глаголам «конструируемого отображения»), [Апресян 1995: 394] по отношению к *считать* и [Лауфер 2000] по отношению к *полагать*) в условиях недостатка объективной информации. В каком-то смысле мнение всегда «творится» его субъектом, и в этом специфика **любого** мнения. В случае мнения первичен создаваемый умом человека образ действительности. Этот образ **потом** может сличаться, сверяться с действительностью, и оказываться истинным или ложным. Но и в том случае, когда Г сразу ясно или впоследствии выясняется, что

¹ Вторично в фокусе, с соответствующим интонированием, может оказываться также и Р, см. [Кодзасов 1987: 64; 1988: 28].

этот образ является истинным, то он остается мнением (*Он справедливо полагал / полагает, что...*), потому что он (был) **сформирован** в уме человека, потому что направление его образования не от действительности к уму (знание), но от ума к действительности (мнение). Отсюда проистекает отсутствие пресуппозиции истинности Р — объектов мнения, а также то, что в фокусе предложений мнения первично именно содержание мнения [Кодзасов 1987: 63; 1988: 29—30], само Р, которое поэтому должно быть (при его первичном введении) полностью раскрыто, о нем нельзя умолчать — просто потому, что оно есть только в уме сформировавшего его С, и если мы не опишем его, то оно не может быть введено никаким иным путем.

Таким образом, мнение никогда не является непосредственным, прямым отражением действительности или результатом простого принятия полученной информации, оно всегда результат каких-то умственных усилий, определенной творческой активности. Не случайно общество в целом уважает и ценит людей, способных иметь свое, собственное мнение. Вообще, первично мнение, по определению, всегда **свое и собственное**. В то же время существует и вторичное **общее мнение** (*считают, что..., считается, полагают* и т. д.), подобное в ряде отношений знанию (ср. близость и конкуренцию во многих случаях *является и считается: Б. Шоу (заслуженно) считается / является реформатором театра*). К нему можно просто присоединиться, его можно, легко и без усилий, разделять. Но оно всегда вторично. Первично кто-то сформировал его в индивидуальном уме. Помимо общего мнения, есть также мнение, которое можно назвать **обобщенным** (*надо полагать / думать, можно полагать, можно с уверенностью полагать, есть (все) основания полагать* и т. д.). Такое мнение более субъективно, нежели общее мнение, оно не порывает отношений с сформировавшим и выражающим его субъектом [Арутюнова 1989: 10], однако оно более объективно, чем первичное (**свое, собственное**) мнение, поскольку Г, употребляя подобные безличные конструкции, предполагает, что каждый на его месте, в данной ситуации, располагая такими же исходными данными, сформировал бы такое же мнение.

Следует различать 2 основных типа употреблений глаголов мнения. (1). 1 лицо настоящего времени, когда Г излагает свое собственное мнение (Г = С). (2). Все остальные лица и времена, когда

Г передает (описывает) Р, которое имеет в уме С (которым может быть и Г в прошлом) ($G \neq C$). В употреблениях типа (2) значение глагола мнения «раздваивается» между Г и С: как эпистемическая связка он описывает соединение Р и ума С, как ПУ он выражает интерпретацию этой связи **Г-им**. При этом во всех употреблениях глаголов мнения сохраняется его главная идея: **с точки зрения Г, Р**, которое имеет в уме С (= или \neq Г, все равно), сформировано в уме С в условиях недостатка объективной информации.

2. Все виды мнения субъективны (и в то же время объективны), но субъективны и объективны они **по-разному, в разных смыслах**, и это различие выражается различием ПУ мнения. Глагол *думать* в 1 л. наст. времени выражает разновидность мнения, в работах [Дмитровская 1988; Зализняк 1991; 2006: 190; см. также Апресян 1995] достаточно точно охарактеризованную как **мнение-предположение**. Содержание Р в этом случае полностью объективно (оно может быть также объектом знания), иными словами, оно как таковое именно в таком виде может быть в действительности. М. А. Дмитриовская и вслед за ней Анна А. Зализняк называют такие Р верифицируемыми, поскольку истинность их может быть проверена (верифицирована) посредством сличения с действительностью (если впоследствии откроется непосредственный доступ к этому Р). Субъективны они в том отношении, что они сформированы в уме С, а не являются непосредственным отражением действительности. В случае мнения-предположения Г сам не уверен в истинности, правильности сформированного в его уме Р (это мотивирует употребление термина *предположение*), при этом обязательно есть какие-то объективные основания для того, чтобы заключить, что Р. Так, окидывая взглядом сумрачный горизонт, Г может сказать: *Я думаю, завтра будет дождь*. Заметим, что компонент неуверенности Г в Р (= значение предположения) является имплицатурой, хотя уже и сильно конвенционализованной (поскольку в подавляющем большинстве случаев она возникает, ее можно считать уже частью значения). Она возникает не во всех случаях употребления *думаю* и может «погашаться». Имплицатура неуверенности Г в Р возникает в тех случаях, когда в коммуникативном фокусе и акцентно выделено

Р, субъект и связка (глагол) мнения интонационно не подчеркнуты, не выделены (об акцентно-просодической маркировке такого употребления см. подробнее [Кодзасов 1987; 1988]). Возникновение этой имплицатуры мотивировано тем, что само произнесение Р предполагает, что Г имеет его в уме, «думает»: «наличие идеи, выраженной вставленной пропозицией, уже предполагает думание» [Кодзасов 1987: 63], поэтому наличие *думаю* мотивировано не тем, что С **имеет** Р в уме, но тем, что он имеет его **в уме**, то есть тем, что это не факт, что С не уверен в истинности Р. Ср.: *Я думаю, что будет дождь* (я в фокусе контраста, мое мнение противопоставлено мнению других людей²) — уверенное, даже категорическое мнение, аналогично: *Я так думаю, что будет дождь. — И я так думаю / Я так не думаю*. Понятно, почему так происходит. Если мое объективное мнение не противопоставлено мнению других людей, если только я *думаю* об этом, то оно мнение только потому, что я сам не уверен в его истинности, *думаю*, что может быть и иначе. Но если мое мнение противопоставлено мнению других людей или сопоставлено с мнением других людей (что предполагает возможное отличие и в тех случаях, когда мнения совпадают, как выше), то оно мнение, субъективно уже в силу этого отличия, и имплицатуры неуверенности в Р, мотивирующей употребление *думаю* в 1 лице в случае отсутствия такого противопоставления, не возникает.

В других лицах и в прошедшем времени имплицатура неуверенности С в Р (предположительности) не возникает, поскольку в этом случае употребление эпистемической связки (глагола мнения) всецело мотивировано тем, что описывается ум **другого** человека. В то же время расширяются возможности интерпретации соотношения субъективного Р и действительности. А именно, тот, кто сформировал Р в уме, не может считать его одновременно ложным, а тот, кто судит об этом Р со стороны — может. Отсюда возможность интерпретации Р Г-им как не соответствующего действительности, ср. две возможные интерпретации *Он думает / думал, что его обманывают*: (а) Г не имеет своего мнения по поводу соответствия Р действительности; (б) Г знает / считает, что Р не соответствует действительности (подробнее см. [Шатуновский 1996: 265—268]).

² Об интонации контраста и противоречия см. подробнее [Кодзасов 1990].

3. Люди живут не в объективном, но в объективно-субъективном мире, который в значительной мере является творением ума людей. Помимо объективных Р, которые существуют, если существуют, независимо от ума человека (как, например, *Идет дождь*), этот мир составлен также из огромного количества Р, созданных из объективного материала с помощью ума человека. Такие Р без вмешательства ума человека просто бы не существовали. Глагол *считать*, соединяя Р и ум С, указывает, что это Р является таким фрагментом, в котором соединено, «сплавлено» объективное и субъективное, в котором объективные аспекты, данные «достроены» до целостного, завершеного Р посредством ума С, сформировавшего это Р. М. А. Дмитриевская [1988] и вслед за ней Анна А. Зализняк [1991; 2006: 190] называют этот вид мнения *мнение-оценка*. Однако этот термин в некоторой степени вводит в заблуждение. Оценка, даже в самом широком понимании, — это только одна из областей, охватываемых глаголом *считать*. Поэтому мы будем называть этот вид мнения *креативным мнением*. Р, созданные с помощью ума С, чрезвычайно разнообразны (в отличие от простых и единообразных с точки зрения способа их формирования объективных Р — объектов *думать*). Поэтому описать их здесь все невозможно. Приведем лишь некоторые, наиболее показательные, на наш взгляд, примеры. (Более полное описание различных видов креативного мнения см. в [Шатуновский 1996: 258—264; Зализняк 2006: 193—200].) Ярким примером креативных Р, действительно, являются субъективные оценки и, шире, любые квалификации, содержащие субъективный мысленный, в какой-то степени «произвольный» оценочный компонент³ [Дмитриевская 1988; Зализняк 1991; 2006: 191], не только ‘хорошо’ / ‘плохо’, но также ‘важно’ / ‘неважно’, ‘главное’ / ‘второстепенное’ и т. д. В действительности есть **основания** для оценки, но оценка как таковая немислима без оценивающего ума:

³ Не являются субъективными в этом смысле субъективные в другом смысле (что поделаешь, столько разных видов субъективности!) сенсорные оценки [Арутюнова 1988а: 84—85] и эмоциональные оценки, непосредственно ощущаемые телом или душой субъекта [Шатуновский 1996: 361—362]: **Я считаю, что это вкусно*; **Он считает, что ему больно*; **Я считаю, что я рад*; и т. д.

Работа смешная и оригинальная, и я считаю, что это — лучшая работа из представленных в номинации «Печатная реклама» (Оценка гран-при XI ММФР? // «Рекламный мир», 2001.12.25 / НК);

Я считаю, что на фестивале рекламы главное — идея, которая может быть трансформирована во что угодно (Д. Чернышенко, А. Реутский. Оценка гран-при XI ММФР? // «Рекламный мир», 2001.12.25 / НК);

Хотя считаю, что позиция самого премьера во многих вопросах более разумна, чем позиции Грефа и Кудрина (Дело не в Грефе, а в курсе // «Московские новости», 2003 / НК);

Я считаю, что глупо слишком много думать о своем здоровье (Твое здоровье / НК).

К оценкам примыкают креативные Р, выражающие суждения деонтической и утилитарной необходимости и возможности (см. [Шатуновский 1996, гл. 6]), включающие в свое значение оценку. Для деонтической необходимости это ‘Р хорошо, правильно с деонтической точки зрения, и поэтому Р необходимо (сделать)’, для утилитарной необходимости это ‘Р хорошо, полезно с утилитарной, практической точки зрения, поэтому Р необходимо сделать’, для возможности — ‘Р не противоречит правилам / Р не вредно, поэтому Р не плохо и поэтому Р можно сделать’. (При этом модальность часто является комбинированной, одновременно и деонтической, и утилитарной, постольку, поскольку (и в тех случаях), когда правила таковы, что следование им приносит утилитарное благо субъекту.) Например: *Я считаю, что тебе нужно обратиться к врачу* — ‘необходимо, потому что ты плохо выглядишь и обращение к врачу будет хорошо для тебя’ [А. Чубайс:] *Я считаю, что власть должна быть жёсткой.* [Анатолий Чубайс, Елена Трегубова. Власть должна быть жесткой // «Коммерсантъ-Власть», № 30», 2000.08.01] — утилитарная необходимость; *Я считаю, что каждый собственник должен нести ответственность за свое жилье* — деонтически-утилитарная необходимость; *Так вот / я считаю / что стратегический курс России должен быть таким / свобода / собственность / эффективное государство* (Б. Немцов, В. Варфоломеев. Беседа В. Варфоломеева с Б. Немцовым в эфире радиостанции «Эхо Москвы», Москва / НК) — утилитарная необходимость.

Характерно, что эпистемическая необходимость, не включающая оценку, вводится посредством ПУ думать: *Я думаю, что он должен вернуться завтра* [Зализняк 2006: 197].

Другой чрезвычайно распространенный вид креативных Р — это Р, возникающие в результате условного отнесения к классу (типу) объекта, действия, признака, явления, относящегося объективно к промежуточной зоне между различными классами, типами и т. п. или находящегося на периферии класса с размытыми границами или просто неясными, недостаточно четко определенными критериями отнесения к данному классу (а большинство классов, выделяемых человеком, именно таковы), так что отнесение объекта, действия, явления и т. д. к тому или другому классу, включение или исключение его в класс является делом субъективного «выбора»:

Она считает себя красавицей; [Сталин:] Я себя еще стариком не считаю (А. Рыбаков. Дети Арбата); Я считаю, что Григорий Пасько никакой не шпион, что вообще он спасает нашу землю.

В этих и многих других случаях совершенно очевидно, что Р включает субъективный, «человеческий» компонент, является «субъективизированным» фрагментом объективной действительности, так же, как в других не менее явно то, что Р является полностью объективным, что и обуславливает возможность, предпочтительность или невозможность употребления *считать*. Так, понятно, почему нельзя, попробовав рукой воду в ванне, сказать: **Считаю, что градусов 35 будет* [Апресян 1995в: 394]. Температура воды — абсолютно объективная сущность, и здесь нет места для вмешательства человеческого фактора. Во многих случаях, однако, Р кажется вполне объективным, однако и в этих случаях возможно или даже предпочтительно его введение посредством ПУ *считать*:

Я считаю, что мы выиграем дело; «Мы считаем, что мировая экономика не выдержит цену в 100 долларов без одновременного роста экономик развитых и развивающихся стран», — заявил Гарри Чилингерян из BNP Paribas (Взгляд. Ру. 3.07.2007);

ср. также общее мнение:

Считают, что Рубенс написал ее [картину] на рубеже 1602—1603 годов; Считается, что наиболее удаленный от нас объект, который может быть открыт, находится на расстоянии около 500 миллионов световых лет; Основным переносчиком внушения на расстоянии считают электромагнитное поле; Фрост считается самым американским поэтом; Считается, что высокие и узкие перегонные аппараты дают виски более лёгкий и тонкий, чем маленькие и широкие (Википедия).

В этих и других подобных случаях Р является объективным и в принципе верифицируемым, но установить его истинность практически чрезвычайно сложно или даже невозможно, поскольку оно (очень часто) относится к будущему, причем такому, которое обусловлено множеством факторов, которые очень трудно, практически невозможно все учесть и следствия из которых трудно или невозможно предугадать, или же относится к (далекому) прошлому, находится в других галактиках, недоступно прямому наблюдению по своей природе, включает квантор общности, относящийся к объектам, представляющим бесконечный открытый ряд, и т. д., и т. п. Как пишет Ю. Д. Апресян, «чем сложнее какое-либо положение вещей, чем больше различных интерпретаций оно допускает, чем труднее найти истину, тем больше оснований для употребления **считать**. Наоборот, чем оно проще, очевидней, тривиальней, тем больше оснований для употребления **думать**» [Апресян 1995в: 394]. В случае подобного употребления *считать* на основании имеющихся данных возможны и другие выводы, заключения, в то же время для удобства описания, использования данных, в целях упрощения «картины мира», по соображениям практических действий и т. д., и т. п. желательно или необходимо иметь какое-то одно Р, касающееся этих областей (не надо перечислять все возможности: ...*а может быть, в 1604, а может быть, в 1599-ом...*, не надо все время добавлять *вероятно, возможно, может быть, так, а может быть, так*, поэтому субъективным актом ума С «выбирает» какое-то одно из этих Р как соответствующее действительности. В этом смысле оно субъективно и «произвольно». В случае общего мнения к индивидуальным процессам добавляются социальные, приводя-

щие к складыванию «общего мнения», где действующими факторами могут быть авторитет автора к.-л. мнения, его активность в его распространении, существующие в обществе убеждения, верования, стереотипы и предрассудки и т. д. Однако основания для его существования те же, что и в случае индивидуального мнения, при этом вторичные носители и распространители этого мнения могут далее присоединяться к этому мнению уже просто потому, что оно существует.

Поскольку креативные Р являются в большей или меньшей степени «субъективизированными» образами и суждениями, они не могут быть непосредственно и прямо верифицированы, проверены путем сличения их с действительностью. Это дает основания называть такие Р *неверифицируемыми* [Дмитровская 1988; Зализняк 1991]. Однако не следует понимать эту «неверифицируемость» в абсолютном смысле. Субъективность этих Р — это только одна сторона медали. Но не следует забывать и о другой, объективной стороне. Диалектика соединения субъективного и объективного в креативных Р обуславливает то, что они частично, в каких-то аспектах (причем разные Р в разных аспектах и в разной степени) сопоставимы с объективной действительностью и тем самым верифицируемы, а частично, в каких-то аспектах и отношениях — нет. Если бы это было не так, то никакой спор и дискуссия относительно этих Р и их корректировка были бы невозможны. На все возражения С отвечал бы: *А я так считаю, и всё!* С действительно может так говорить, так сказать, «заостряя», подчеркивая, гиперболизируя специфику креативных Р, ср.: [Леня Шиндин:] *По мне Егоров хороший человек. Я так считаю. Я так чувствую* (А. Гельман. Мы, нижеподписавшиеся...). Однако у этой субъективности, у этого произвола есть объективные границы. Субъективный фактор оперирует в каких-то объективных пределах. Мнению одного лица может быть противопоставлено мнение другого по этому же вопросу и оспорено с опорой на объективные основания, на которые опирается это мнение: *Я считаю Ту-204 лучшим пассажирским самолетом в мире. — Ну, что вы, вы посмотрите на... Да, у него...* (указываются объективные плюсы). *Но двигатели ненадежны, и ...* (указываются минусы). *Нет, я считаю, что лучший самолет наших дней — это Боинг-777.*

Вопрос, который возникает в связи с объективно-субъективными Р, это: какова природа той внутренней «силы», которая формирует эти Р? Если в случае мнения-предположения формирующий фактор достаточно очевиден — это ум С, понимаемый как способность логически мыслить, делать на основании имеющихся данных предположения и предсказания, то здесь ответ не очевиден. Это не может быть тот же самый «ум», поскольку приложение этой способности к одним и тем же данным дает разные по своему характеру Р. Ю. Д. Апресян считает, что этой способностью является **воля** [1995: 394; 1997: 425]. Однако с этим трудно согласиться. Все виды мнения, в том числе и то, которое вводится *считать*, не зависят от воли человека, понимаемой как способность сознательного выбора того или иного контролируемого, в том числе мысленного, действия и результата, к которому это действие ведет. Человек не волен в своих мыслях, он не может нарочно / специально / намеренно думать / считать / полагать, что Р. И сколько бы мы ни **заставляли** себя считать, что мы выиграли, это не получится, если мы на самом деле проиграли. Участие воли отражается в некоторых **периферийных** и **сдвинутых** случаях употребления *считать*. Показателем наличия воли в Р (контролируемости Р) является возможность употребления императива. В норме императив в случае *считать* невозможен. Употребления типа *Риса, считай, нету; Считай, приехали; Считай, год уже прошел* имеют сдвинутый и фразеологизованный характер: они означают *Риса осталось очень мало, с точки зрения практической (приготовления блюда из этого риса) его все равно, что нет; Мы почти приехали; Год почти, практически прошел* (например, уже 29 декабря). Волевой компонент явственен в употреблениях типа:

Будем считать / Считайте, что этого разговора не было; [Путин:] *В случае отсутствия ясного и четкого ответа из Киева, будем считать, что наше предложение отклонено* (ТВ. 31.12.2005).

Однако и здесь нет побуждения и призыва сформировать собственное мнение — сделать это просто невозможно, и как бы мы ни хотели считать, что этого разговора не было, считать это (в буквальном смысле) не получится. То, что в этих случаях имеется в виду: давайте будем вести себя так, **как будто** этого разговора не было,

действовать так, как если бы наше предложение было отклонено⁴. Сознательное обдумывание всех доступных наблюдению фактов, взвешивание альтернативных возможностей и вариантов их интерпретации [Апресян 1995в: 394; 1997: 424—425] действительно часто (но отнюдь не всегда!) имеют место в случае формирования Р — объектов *считать*. Однако в конечном итоге, даже после обдумывания и взвешивания (если таковые имели место) Р формируются **как-то сами собой, произвольно**. Однако они формируются с участием некоторого человеческого фактора. Это сила и способность, по большей части бессознательная, которая не имеет названия. Эта способность **родственна** воле (ведь не случайно на своей периферии, так сказать, по смежности, *считать* касается воли и контролируемых Р), но это не воля как таковая. Мы осознаем, а точнее, интуитивно чувствуем **результаты** ее работы — специфику полученных Р (иначе мы не могли бы употреблять глагол *считать* как отличный от *думать* и *полагать*!), но не осознаем сам процесс или акт, который приводит к выработке субъективного мнения. Характерно, что мы даже не имеем слов для обозначения «актов» этого вида, поэтому нам приходится употреблять (в кавычках) слова *выбор*, *произвольно* и т. п., то есть слова, которые связаны с осознаваемым выбором, волей и решением, хотя выбор этот, в конечном итоге и по крайней мере в большинстве случаев, бессознательный. Мир бесконечно сложен и в конечном счете непостижим, в то же время человеку необходимо жить и действовать в этом мире, а для этого нужна уверенность и определенность, хотя бы субъективная. Поэтому у человека выработалась бессознательная способность *считать*, и важно, что она бессознательная, ибо если бы человек осознавал полностью условность и произвольность всего того, что он считает, то он не мог бы на самом деле **считать** это!

В предложениях передачи чужого Р (все лица, кроме 1-го) *считать* в общем случае сохраняет свою специфику с тем отмеченным выше отличием, что оно выражает пропозициональную установку говорящего, а не субъекта мнения. Иными словами, это именно Г, а не С, кто расценивает Р, которое имеет в уме С, как креативное, ср.:

⁴ О таких сдвинутых, своеобразных употреблениях *считать* в постановлениях, приказах, формулировании (в том числе для себя и про себя) различного рода решений см. [Шатуновский 1996: 261—263; Зализняк 2006: 197—199].

Я прошу не принимать никаких решений, — поспешно сказал Киров, — моя охрана достаточна и надежна. — Это ты так считаешь, — возразил Сталин, — а у Политбюро на этот счет может быть другое суждение (А. Рыбаков. Дети Арбата), где интерпретация Р как субъективно-креативного принадлежит Г — Сталину, а как расценивает его С — Киров — неизвестно. Однако креативная интерпретация возможна только в тех случаях, когда Р позволяет такую интерпретацию. Если *считать* присоединяет Р явно и очевидно объективное, то возникает импликатура несоответствия Р действительности (с точки зрения Г). Р становится полностью субъективным — неверным, С «исказил» действительность в своем уме — ‘на самом деле не так’: *Она считает, что ее муж в библиотеке; Маша считает, что Иван уехал в Киев* — или же с натяжкой приобретает маловероятную здесь — поскольку не видно, где здесь может проявиться человеческий «произвол», непонятно, зачем это *считать*, — креативную интерпретацию. Аналогично и более наглядно: *Он считает себя королем Испании / что он король Испании*, — или креативная интерпретация (у него есть объективные основания претендовать на престол), или же это Р безумца, абсолютно не соответствующее действительности.

4. Наконец, третий вид мнения — мнение по преимуществу, мнение в наиболее чистом виде (*чистое мнение*, если нам хочется для всего иметь этикетки) выражается в русском языке глаголом *полагать* (*полагаю*). *Полагать* — наиболее широкая в своей сочетаемости ПУ, *полагать* одновременно пересекается с (по одним компонентам значения) и противопоставлено (по другим) и *думать*, и *считать*, при этом, единое по своей сути, оно противопоставлено *думать* и *считать* **разными** своими сторонами. Как и *думаю*, *полагаю* сочетается с объективными и полностью верифицируемыми Р:

[Ахмад Кадыров:] *Я полагаю, что после разговора со мной они существенно изменили свое отношение к позиции России в Чечне* (Ахмад Кадыров: «Я готов встретиться даже с Хаттабом» // «Известия», 2001.11.29 / НК); *Полагаю, что Вы уже изволили вернуться из «странных стран, где замки, словно скалы» в*

березово-сосновую (точнее асфальто-бетонную) местность
(Письмо юноши / НК).

*Вы, я полагаю, поедете с нами? — *Вы, я считаю, поедете с нами?* Как и *думаю*, и даже в большей степени, *полагаю* предполагает наличие объективных оснований, на базе которых С заключает, что Р. Ср. чрезвычайно распространенную формулировку мнения этого вида через указание на наличие оснований для его формирования: *Есть основания / все основания полагать, что...* Однако, в отличие от предложений с *думаю*, Г в случае употребления *полагаю* **уверен** в истинности Р, значения предположительности, неуверенности не возникает. Поэтому предложения с *полагаю* произносятся уверенным тоном, особую уверенность можно эксплицитировать (*Можно с уверенностью полагать, что...*), что недопустимо для *думать*, где это будет противоречием. Отсюда проистекает **большая обоснованность** Р при *полагать*: оснований больше и они надежнее, поскольку мнение уверенное, и наоборот (взаимная прагматическая обусловленность уверенности и обоснованности).

В то же время *полагать* чрезвычайно широко употребляется в тех же контекстах, где употребляется и *считать*, в том числе в предложениях, выражающих оценку, а также деонтическую или утилитарную необходимость / возможность. *Полагаю* здесь противопоставлено *считаю* (также очень уверенному!) по признаку **объективной обоснованности** и поэтому «не произвольности» мнения, это мнение (и в том числе, и оценка) «объективизированное», в отличие от «субъективизированного» мнения в *считать*. В случае *полагать* Р, в том числе и выражающее оценку, оборачивается своей верифицируемой, объективной стороной, является полностью обоснованным, выводным.

Например:

Я и сейчас полагаю, что Голявкин — гений, и лишь извечная московская несправедливость к Ленинграду привела к тому, что это сегодня не всем известно (А. Битов. Автобиография / НК); [Генри Резник:] *Я полагаю: если президент говорит, что борьба с терроризмом — это сейчас задача № 1, то это должно воплощаться в конкретные действия на всех уровнях, это должно быть поставлено как некая управленческая задача* (Известия).

28.01.2003 / НК) (характерно наличие обоснования: ‘поскольку это говорит президент, то...’) *Полагаю, что главная задача сейчас — как можно быстрее сформировать работоспособную нормативно-правовую базу Единого экономического пространства; Полагаю, что формирование современной инфраструктуры информационного сектора экономики может стать крупным национальным проектом; Полагаю, что готовящийся федеральный закон об особых экономических зонах должен учитывать и специфику бизнеса в сфере информационных технологий* (из выступлений В. Путина).

Обращает на себя внимание, что президент России (как и другие руководящие деятели) предпочитает *полагаю* другим ПУ мнения. Понятно, почему. *Думаю* — показывало бы его неуверенность. Что касается *считаю*, то его употребление — это палка о двух концах. С одной стороны, *считаю* уверенно [Апресян 1995в: 393—394], более того, с тем, кто говорит *считаю*, трудно спорить, потому что о чем тут спорить? Это его субъективное видение мира, он **так** видит, он **так** считает, и это его право. Однако, с другой стороны, употребление *считаю* подрывает общезначимость Р. Считаешь? ну и считай! а мы будем, и имеем на это полное когнитивное право, считать по-другому. *Полагаю* — в самый раз. Оно демонстрирует уверенность и объективность. В каких-то отношениях *полагаю* имеет риторические преимущества и в сравнении с фактивной подачей Р, то есть без всяких показателей мнения: *Мы должны обратить особое внимание на...* Ведь если Р подается как факт, то возникает и остается без ответа вопрос: откуда Г это знает? Может быть, кто-то сказал ему об этом? Если так, то кто? Употребление *полагаю* снимает эти нежелательные вопросы и предположения. Таким образом, употребление *полагаю* показывает, что: Р **обоснованно, объективно и общезначимо**, и это хорошо! Г **уверен** в Р, и это хорошо! Г **сам работал** это Р в уме, опираясь на объективные данные, он способен самостоятельно мыслить — и это хорошо!

Полагать сохраняет свою специфику (которая, собственно, заключается в отсутствии какой-либо специфики) во всех временах и лицах, являясь наиболее нейтральным способом введения Р, сформированного в уме С, поскольку при его употреблении не возникает

импликатуры *неистинности* Р. Поэтому *полагать* можно *справедливо*:

Выбор профессии медика вовсе не случаен — Наташа справедливо полагала, что врачи в армии всегда будут нужны (На своем месте // «Военный вестник Юга России» (Ростов-на-Дону), 2003.03.03 / НК); *Придумали это мероприятие доктора, справедливо полагающие, что без положительных эмоций, наиболее важной из которых для милых дам является возможность упиваться восхищёнными взглядами окружающих, выносить и родить здорового малыша весьма проблематично* (Беременный муж // «100 % Здоровья», 2002.12.11 / НК).

Это не означает, что *полагать* всегда вводит Р, истинные с точки зрения Г. Если бы это было так, то не было бы необходимости добавлять *справедливо*, говорящее о том, что Г полагает так же. *Полагать* просто **ничего** не говорит о том, как оценивает соответствие действительности Р Г. Оно говорит только о том, что С, как это интерпретирует Г, уверен в Р (точнее, не не уверен в Р). Поэтому он может присоединять Р, которые фактически, как это видно из контекста, не соответствуют действительности, ср. пример Ю. Д. Апресяна: *Эти люди полагают, будто они могут чего-то добиться, действуя порознь* [1995: 395], где о несоответствии (с точки зрения Г) Р действительности сигнализирует союз *будто*. Поэтому там, где говорится о мотивах человеческих действий, для описания мотива используется *полагая* (в деепричастном обороте), см. примеры из [Лауфер 2000]: *полагая, что мы понимаем его язык; полагая, что мы устали* и т. д. Ведь надо иметь такое средство, которое бы просто описывало Р, которое имеет в уме С, никак его не квалифицируя. А описать его как имеющее место в уме необходимо потому, что именно именование его в уме мотивирует действия С!

Объективность и обоснованность *полагать* проявляется также в том, что именно с помощью *полагать* формулируется обобщенное мнение: *можно (с уверенностью) полагать, надо полагать, есть (все) основания полагать*:

Я уловил ухом, как где-то хлопнула дверь, слышался где-то громкий и, как мне показалось, фальшивый плач, дверь ... рас-

пахнулась, и в комнату влетел, надо полагать осатаневший от страху, жирный полосатый кот (М. Булгаков. Театральный роман / НК).

Понятно почему. *Полагать* наиболее подходит к обобщенному мнению по своей природе. Оно объективно, поэтому здесь нет места человеческому произволу и субъективности, которые приводят к тому, что Р разных людей различаются (в случае *считать*). Г уверен в Р, значит, есть достаточно оснований полагать именно Р. Поэтому можно ожидать, что при данных основаниях все люди будут полагать это (сформируют это в своем уме). Формулировка обобщенного мнения возможна также (реже) с *думать* — *надо думать*. В таком употреблении *думать* становится эквивалентом *полагать* (Г уверен в Р, импликатура неистинности Р не возникает).

Заметим, что различные виды мнения, выражаемые различными ПУ, имеют соответствия в области вводных модальных слов. Так, *по-моему* выражает мнение-предположение (\approx *я думаю*, Г не уверен в правильности Р), тогда как *по моему мнению, на мой взгляд* вводят уверенное мнение (\approx *я полагаю*). При этом *по-моему*, подобно *думаю*, выражает мнение-предположение только от 1 лица наст. времени, так сказать, «не спрягается»; нет аналогичных слов, которые бы передавали такую же установку от 2 или 3 лица или в прошедшем времени. В то же время в случае уверенного мнения возможно введение мнения 2 и 3 лица (с интерпретацией Р как уверенного мнения, принадлежащего Г): *по вашему мнению, по мнению Ю. Д. Апресяна; Онегин был, по мнению многих, судей решительных и строгих, ученый малый, но педант* (Пушкин); и т. д.⁵

5. Поскольку между значениями глаголов мнения в русском языке существуют значительные пересечения, во многих случаях возможно употребление различных глаголов мнения (возникает

⁵ *По-моему* употребляется и в тех случаях, когда его невозможно заменить на *думаю*: *По-моему, пахнет газом* (А. Д. Шмелев, устное сообщение), а именно, и в тех случаях, когда описывается не мнение, но неуверенное восприятие, Р, основанное на «характерной информации» [Яковлева 1994: 218—219].

своего рода ситуативная или контекстуальная конкуренция этих глаголов). Однако употребление различных глаголов связано с более или менее существенными различиями в интерпретации Р, накладываемой этими глаголами. Так, во многих случаях можно сказать вместо *полагаю думаю*, однако с появлением компонента предположительности (неуверенности Г в Р). В тех случаях, когда в предложениях с *думать* в фокусе контраста субъект мнения и в силу этого импликатура неуверенности С в Р не возникает, *думаю* практически сливается с *полагаю*: *Я думаю (= полагаю), что это было сделано с ведома администрации президента* — с той разницей, что *полагаю* не нуждается в контрасте. Во многих случаях Р таковы (это особенно касается «сложных», по выражению Ю. Д. Апресяна [1995: 394], «трудно верифицируемых» Р), что возможно и *считать*, и *полагать*, но со сдвигом в интерпретации. Напр.:

Однако, как полагают эксперты, одного лишь усиления бдительности будет явно недостаточно (Алексей Баусин. С террористами диалог не будет // «Независимая газета», 2003.04.28 / НК).

Полагают более весомо, предполагает полную объективность и тем самым большую обоснованность мнений экспертов; *считают* было бы более легковесно; где не хватает объективных оснований, позволяющих построить логический мост к Р, там, преодолевая пропасть мысленным прыжком, *считают*. Ср. также случаи, где приводятся разные мнения, и Г их «ранжирует» с точки зрения субъективности / объективности, «более правильности»:

В Лондоне считают, что Москва «неоправданно закручивает гайки», покушаясь на святое — сферу гуманитарных и культурных ценностей. В высотке же на Смоленской площади полагают: усилия по приведению деятельности Британского совета в рамки российского правового поля абсолютно справедливы и оправданны (В. Зозуля. Англичане в России: то о камень споткнутся, то о «кирпич» // Известия Ру. 17.01.08).

Как следует из выбора глаголов мнения, пишущий интерпретирует позицию английской стороны как произвольно-субъективную, а позицию российской — как правильно-объективную. Ср. также:

Каждый третий житель Москвы считает, что в существующих условиях Россия не должна поддерживать политику Фиделя Кастро, а около 40 % полагают, что ее можно поддерживать только в той степени, в какой это не вредит России (Московские новости. 08.12.1991) [НОСС 1997].

Считает — не видно никаких оснований, *полагают* — выражены объективные основания: можно поддерживать в тех случаях и, следовательно, потому, что это не вредит России.

ГЛАВА 5

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И СПОСОБЫ ИНТРОДУКЦИИ ОБЪЕКТОВ В ДИСКУРСЕ*

1. Чем дальше развивается первоначально простая и ясная теория актуального членения (коммуникативной перспективы и т. д.) предложения, тем более запутывается ситуация и тем больше она начинает напоминать хаос. Во многом это объясняется тем, что, как было отмечено О. Н. Селиверстовой, в работах по «теории актуального членения фактически речь идет о нескольких гетерогенных явлениях» [1990: 52]. В частности, когда говорят о новом и старом, данном, о новой и старой, известной информации, о теме и реме, то не различаются явления совершенно разных уровней. Эти явления могут различаться в некоторых ситуациях употребления и совпадать в одном пункте дискурса в других случаях, тем не менее их всегда необходимо различать в мысли (в теории). В частности, необходимо различать два вида известности, данности / новизны элементов и, соответственно, два типа интродукции (новых) элементов — это новизна / данность в данном **тексте (дискурсе)** и новизна / дан-

* В основу главы положена статья: *Шатуновский И. Б.* Основные принципы и способы интродукции объектов в дискурсе // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. Первые чтения памяти О. Н. Селиверстовой. 17 октября 2003 года. М.: МГПУ, 2004. С. 231—244.

ность в **мире** (участников коммуникации). Для того чтобы успешно осуществлять коммуникацию, говорящие должны иметь не только общий язык, но и общий мир, общую картину мира, в которой имеются одни и те же объекты, классы, признаки и т. д. (ср. понятие «общего знания» («shared knowledge») Эллен Принс [Prince 1981: 230—233]). Все эти элементы являются известными, данными для участников коммуникации. Однако, разумеется, не все эти элементы присутствуют в конкретном тексте, дискурсе. (Дискурс = текст + ситуация.) Те элементы, которые уже присутствуют в дискурсе (были введены в него на предшествующих этапах его развития или присутствуют непосредственно в ситуации общения, как говорящий, адресат и другие элементы, на которые может быть указано дейктически), являются данными (известными, старыми) элементами для данного дискурса. Элемент, который вводится впервые в дискурс, является новым элементом. (Ср. замечание У. Чейфа: «Более точно передали бы это различие [между “новой информацией” и “старой информацией”] термины вроде “ранее введенный” и “только что введенный”...» [Чейф 1982: 282]). Например, когда Г (говорящий) сообщает А (адресату): *Вчера я видел твоего отца*, то объект, обозначенный именной группой (ИГ) *твоего отца*, является новым в данном дискурсе (он впервые введен в дискурс), однако, он, разумеется, не является новым в мире говорящих. С грамматической (синтаксической) точки зрения признак введенности элемента в дискурс релевантен, например, при анафорической или дейктической отсылке. Только присутствующий в дискурсе элемент может быть обозначен анафорически или дейктически. Так, индивидуальный объект, обозначенный ИГ *твоего отца*, при дальнейшем развитии дискурса уже является данным и может быть анафорически прономинализован.

Может быть, однако, так, что какой-либо элемент, необходимый для развития дискурса (описания мира в предложении), отсутствует в общем фонде знаний, общей картине мира Г и А. В этом случае этот элемент должен быть введен уже не просто в дискурс, но в **мир** участников коммуникации. Такой элемент при его введении в текст (дискурс) является **новым в мире**.

Примечание: Обычно это значит, что этот элемент присутствует в мире Г, но отсутствует в мире А, и Г вводит его в мир **для А**,

в мир А, он является новым в этом смысле для А. Однако это не всегда так. Так, в художественном тексте, где Г творит мир, а также вообще в мирах фантазии, воображения, допущений и гипотез этот элемент является новым в мире вообще, и для Г, и для А: *Представь себе / Представим / Допустим / Предположим / Будем считать, что в этом проеме двери стоит высокий блондин в одном ботинке.*

При этом, поскольку элемент может быть введен в мир говорящих только посредством предложения, если объект вводится в мир, то он тем самым одновременно вводится и в дискурс; однако, как было отмечено выше, обратное неверно.

Все языковые концепты, все лексические и грамматические значения, имеющиеся в распоряжении носителей языка, являются результатом расщепления мира на отдельные абстрактные аспекты: отдельные абстрактные (беспризнаковые) материальные сущности [Крипке 1982], естественные и артефактные роды (классы) объектов, актуальные и неактуальные признаки, время и место — мыслью и неразрывно связанным с ней языком. Однако в реальности не существует объектов, не относящихся ни к какому классу, равно как и классов, не состоящих из объектов (хотя бы мыслимых, воображаемых), в реальности нет объектов без признаков, равно как и признаков без объектов, в действительности не существует объектов вне времени и пространства, равно как нет пространства и времени, не «заполненных» объектами. Отсюда логически следует универсальный, общий для всех языков принцип интродукции объектов: для того чтобы ввести индивидуальный объект в мир (и в дискурс), получить объект, являющийся частью мира, «фрагмент реальности», мы должны **соединить** все эти аспекты в предложении. А именно: должно быть указано, что имеется некий отдельный, единичный объект, относящийся к тому или иному естественному или артефактному классу, находящийся в некотором месте и времени (неопределенное, но точнее: в некоторой **области** пространства и времени) и имеющий какие-то (те или иные) признаки. Или в другом порядке: что в некоторой области пространства и времени (в некоторой пространственно-временной области мира) имеется... и т. д. Ср. типичные зачины сказок, содержащие наиболее эксплицитные образцы интродукции: *Давным-давно был в Англии король;*

Жила-была в деревне бедная старушка; Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек; В давние времена на берегу моря жил бедный рыбак по имени Кендзо Синобу; и т. п. Заметим, что так или иначе, при любом типе интродукции объекта в мир, все эти компоненты должны присутствовать (хотя бы в имплицитном виде). Так, единичность объекта в русском языке (и в других языках, имеющих грамматическую категорию числа) указывается грамматическим числом (а также местоимением *один*, подробнее см. далее); значение естественного рода (таксономический предикат) в примерах выше скрывается в номинальных (см. [Schwartz 1997]) обозначениях (*король* — тоже ‘человек’), указание на время — в аффиксах глагола, о признаках объекта сообщают имена номинальных классов (*король, рыбак*) и определения к ним. Пропуск хотя бы одного компонента (например, признакового) делает предложение аномальным, ср.: *Есть у меня один знакомый* и **Есть у меня один человек*; ***Есть один человек*; ****Есть человек*; *Был в Риме знаменитый историк Тацит* (М. Гефтер. В предчувствии прошлого) и *?Был знаменитый историк Тацит*; **Был в Риме Тацит*; *Жил старик со своею старухой у самого синего моря* и *?Жил старик со своею старухой*; **Жил старик*. Заметим при этом, что номинация (указание на собственное имя объекта) не является необходимым этапом интродукции (текст может обойтись вообще без собственных имен). Поскольку, однако, обладание определенным именем является признаком объекта, указание на имя делает приемлемым интродуктивное предложение в тех случаях, когда не сообщается ни о каких других признаках объекта, ср.: **Жил-был человек* и *Жил-был человек по имени Кендзо Синобу*. Важно подчеркнуть (и это один из главных наших тезисов) необходимость указания признаков при интродукции индивидуального объекта. Такие признаки обеспечивают **индивидуализацию** объекта, указывая на «способ отделения данного предмета от других предметов того же разряда» [Арутюнова 1976: 360]. Без какой-либо характеристики (неважно какой) об объекте просто невозможно далее будет говорить, поскольку он не будет индивидуальным определенным объектом. Индивидуализация объектов при помощи признаков может быть произведена в том же самом предложении (см. примеры выше), либо же вся процедура осуществляется в два этапа: в первом предложении объект вводится как представитель класса, в следующем дается какая-то его характеристика (см. [Ару-

тнюнова 1976: 360]), тем самым в мире повествования появляется новый индивидуальный объект:

Давным-давно в Японии на берегу озера жил один человек. Звали его Кендзо Синобу; Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах появились два гражданина. Первый из них, одетый в... Второй — плечистый, рыжеватый... и т. д. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Заметим, что эксплицитная «сборка» индивидуального объекта, так сказать, на пустом месте, более свойственна художественному языку и, шире, повествованию всех типов (напр., историческому), для которого обычно говорить о вещах, непосредственно не связанных с Г и А. В ситуациях первичного употребления языка для нужд повседневной коммуникации новый объект в типичном случае «цепляется» за что-то известное, старое, и тем самым за место, время и известный мир в целом. Чаще всего таким «крючком», за который текст «прикрепляется» к миру, является Г (находящийся в каком-то месте, каком-то «текущем» моменте времени): *Есть у меня один знакомый; Есть у нас в отделе один сотрудник; Был у нас в бригаде один старенький старичок, подполковник Требьен...* (Чехов. Гость).

В связи со сказанным выше понятно, почему имя в интродуктивных предложениях (бытийных, посессивных, наличия и т. д. — любых) имеет неопределенную референцию, обозначает класс (см. [Арутюнова 1976: 360]). Ведь интродукция, в том числе наиболее прямой и распространенный ее способ — собственно бытийное предложение, — состоит как бы в «сборке», в конструировании индивидуального объекта из абстрактных аспектов, при этом объект должен быть **обязательно отнесен к тому или иному естественному или артефактному классу (роду)**: в наивной онтологии не бывает объектов «никакого рода» (объект неопознанного рода обозначается неопределенным местоимением *что-то*), и эту функцию отнесения к роду выполняет общее имя. В дальнейшем это же имя может употребляться анафорически (можно сказать, также метонимически) для обозначения в дальнейшем тексте объекта, введенного в предшествующем дискурсе, относящегося к классу, обозначенному данным именем. Имя с определенной референцией обозначает объект,

уже «укорененный» в мире, он имеет пресуппозицию существования и включает все аспекты, описанные выше, поэтому он не нуждается в интродукции в мир¹.

2. Существуют два (также логически универсальных) варианта интродукции объектов в мир дискурса.

(1). Объект может представляться (описываться) как **постоянно** и **неактуально** «находящийся», существующий в каком-либо фрагменте мира непосредственно либо в каком-либо множестве, ассоциированном с этим фрагментом [Селиверстова 1990: 70]: *Есть у меня один знакомый* — этот знакомый — постоянная составная часть множества знакомых Г; бытие в множестве всегда и по определению неактуально, оно может быть усмотрено только «очами разума»; *В давние времена жил на берегу озера один бедный рыбак* — узуальное обитание рыбака на берегу озера не исключает того, что в какие-то моменты он покидал «этот берег» и перемещался временно в другие места. Интродукция этого вида осуществляется бытийными и посессивными предложениями (последние в русском языке являются в основной своей массе видом бытийных предложений), а также предложениями «обитания» (см. все примеры выше, кроме примера на «появление» из Булгакова).

(2). Объект может представляться как **актуально** находящийся в каком-либо фрагменте мира. Интродукция этого типа осуществляется (а) предложениями наличия объекта в каком-либо месте, фрагменте мира (о предложениях наличия и их отличиях от локативных и бытийных предложений см. подробнее далее в гл. 6): *На скамейке под пальмой сидела симпатичная девушка; На берегу озера сидел с удочкой рыбак*; а также (б) семантически более сложными предложениями движения объекта к наблюдателю, включающими в свое значение итоговое состояние наличия объекта в каком-либо месте: *В комнату вбежал мальчик; В этот самый момент вошла в кабинет женщина в форменной куртке, в фуражке, в черной юбке и в тапочках* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); (в) предложениями вос-

¹ Сокращенная повторная интродукция имеет место в случаях **напоминания** об объекте (см. далее).

приятия, также очевидно содержащими информацию об актуальном наличии объекта в каком-либо фрагменте мира (восприятие всегда актуально), и (г) предложениями появления (недифференцированно обозначающими наличие объекта как результат движения (или возникновения) и его восприятие, см. [Падучева 2000]):

На дороге показался всадник; Тут оба разбойника сгнули, а вместо них появилась в передней совершенно нагая девица — рыжая, с горящими фосфорическими глазами (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах появились два гражданина* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Естественно, что характер используемых для построения объекта (его индивидуализации) признаков зависит от того, вводятся ли объекты в мир на постоянной и неактуальной основе или же объекты вводятся во фрагмент мира актуально. В первом случае признаки имеют постоянный, неактуальный характер, во втором случае, напротив, используются признаки, так сказать, поверхностные, актуально воспринимаемые. Использование в интродуктивном предложении одного типа признаков, предназначенных для интродукции другого типа, ведет к аномалии, ср. **Жил в Риме кудрявый, черноволосый историк, одетый в светлую куртку* (понятно, что жил, как и есть — это постоянно, а куртка меняется, и волосы тоже со временем могут поседеть или выпасть), с одной стороны, и странность (как интродуктивного предложения) *На берегу озера сидел король*, с другой. Спасает последнее предложение и делает его в некоторой степени допустимым возможность интерпретации слова *король* как обозначающего актуальные внешние признаки. Напр., он был в королевской мантии и на голове у него была корона и его можно было визуально опознать как короля по этим признакам. Заметим, что некоторые слова с равной легкостью могут пониматься и неактуально, и актуально. Например, *рыбак* может обозначать как неактуальный род занятий, так и обозначать человека, актуально сидящего на берегу водоема с удочкой в руках, отсюда его допустимость в интродуктивных предложениях обоих типов: *Есть у меня один знакомый рыбак* и *На берегу озера сидел рыбак*.

3. Выше были рассмотрены случаи, когда новый объект вводился в мир специальным интродуктивным предложением. Однако новый объект может вводиться вместе с выполнением какой-либо другой операции, так что высказывание в каком-то своем пункте имеет сжатый, компрессированный характер. Предложение в этом случае строится таким образом, что какая-либо ИГ вводит в мир дискурса новый объект, который одновременно, в этом же предложении используется в качестве темы либо ремы предложения более высокого уровня. Подобная компрессия характерна для книжного стиля, в частности, стиля художественной литературы, научного языка, публицистики и т. п.

Примечание: Подробное рассмотрение понятий темы и ремы (или топика — фокуса и т. д.) увело бы нас далеко от основной темы данной главы. Поэтому отметим только, что реме невозможно отождествить ни с тем элементом высказывания, который передает новую информацию (поскольку информацию передает только пропозиция в целом, т. е. соединение темы и ремы), ни с новым элементом дискурса, поскольку, хотя рема очень часто вводит новый элемент, она может быть образована и старым элементом, уже введенным в дискурс. В частности, в предложениях идентификации рема всегда образована данным, известным элементом, наличным в мире коммуникантов, а иногда и в дискурсе. Напр.: *Кто играет на скрипке, Петя или Миша?* — *На скрипке играет Миша* (пример из [Мелиг 2000]). Для наших целей здесь достаточно определить тему как ту часть высказывания, которая фиксирована тем или иным образом (обозначает то, что не может быть иначе), а реме (или фокус) — как ту часть, которая «выбирает» среди ряда (от двух до бесконечности) возможных альтернатив, обозначает то, что в данной ситуации может быть так или иначе (подробнее см. в [Шатуновский 1996, гл. 2]).

Данное явление было частично отмечено и описано в работе [Ковтунова 1979], см. также [Янко 2001], где оно было обозначено термином «тема-новое». «Частичность» предшествующего описания заключается в том, что в работе И. И. Ковтуновой рема (фактически) отождествляется с новым, соответственно, это явление и было отмечено только для темы высказывания, что видно уже из

самого термина. Кроме того, в указанных работах данный способ был отмечен фактически (все примеры именно этого рода) только для ввода объектов, актуально находящихся в каком-либо фрагменте мира. На самом деле данный способ возможен и даже чрезвычайно распространен и в случае «постоянного», узуального вхождения объекта во фрагмент мира, пространство или множество.

Проиллюстрируем подобный способ построения предложения сначала на примерах ввода объекта как неактуального, узуального элемента какой-либо области мира. Например, мы можем сказать *Лейбниц утверждал, что пространство и время относительны*, если А знает, кто такой Лейбниц (концепт Лейбница был в его картине мира до начала развертывания данного дискурса или был введен в нее в предшествующем тексте). Но если А не имеет концепта данного индивида в своем уме, мы должны ввести этот концепт в его картину мира. Мы можем сделать это в отдельном предложении. Такая интродукция, однако, обычно применяется в тех случаях, когда предполагается специально и много говорить о данном индивиде. Если же данный объект вводится, так сказать, попутно, для того, чтобы изложить одно или несколько его положений или сделать по его поводу одно или несколько (немного) замечаний, то неэкономно и несоразмерно специально и отдельно вводить этот объект в мир. В таких случаях в норме операция введения нового объекта в мир и дискурс объединяется с фиксированием этого объекта в качестве темы предложения, к которому затем присоединяется рема: *Выдающийся немецкий философ конца 17 — начала 18 столетия Готфрид Вильгельм Лейбниц утверждал, что пространство и время относительны*. Мы вводим здесь концепт индивида в картину мира А, соединяя в одном концепте представления об отдельной сущности (обозначенной именем собственным в единственном числе), признаках (*философ, выдающийся*, признаком также является наличие определенного имени), месте (*немецкий* — это также вид признака, точнее, целого пучка признаков) и времени и делаем этот объект темой всего предложения. Аналогичным образом мы можем объединить введение нового объекта в мир А и в дискурс с выбором его в качестве ремы и присоединением в этом качестве к теме предложения. Предположим, тема предложения фиксирована вопросом: *Кто первым сформулировал принцип относительности времени и пространства?* Мы можем ответить на этот вопрос просто *Лейбниц*

или *Первым сформулировал принцип относительности ... Лейбниц*, если концепт Лейбница присутствует в картине мира А. Однако если А не имеет концепта Лейбница в своем уме, мы должны ввести этот концепт (объект) в его картину мира и одновременно, выбрав его среди других возможных альтернатив (Джон Локк, Альберт Эйнштейн и т. д.), сделать его ремой предложения. *Принцип относительности ... был впервые сформулирован известным немецким философом второй половины 17 — начала 18 столетия Готфридом Вильгельмом Лейбницем* или, в другом порядке, *...Готфридом Вильгельмом Лейбницем, известным немецким философом второй половины 17 — начала 18 столетия*².

Примеры сокращенной интродукции объектов, актуально входящих в какой-либо фрагмент мира (подчеркнуты ИГ, вводящие новый объект в мир и одновременно формирующие тему высказывания): [Они пили кофей в беседке на берегу озера.] *Вдруг раздалась духовая музыка и шестивесельная лодка причалила к самой беседке* (Пушкин. Дубровский); *Марья Ивановна пошла около прекрасного луга... Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу* (Пушкин. Капитанская дочка); *Храпели на солнце мохнатые псы, и крошечный мальчик притащил хозяину на руках молодого барашка* (К. Паустовский. Романтики) (все три примера из [Ковтунова 1979]; там же приводится большое количество других аналогичных примеров). Подобный способ сокращения дискурсивной последовательности широко распространен в художественной литературе [Ковтунова 1979] и используется преимущественно и в норме в высказываниях, продолжающих текст. В подобных предложениях указание на место и время очень часто является излишним, поскольку они обычно уже фиксированы в предшествующем контексте и по умолчанию (особенно в позиции темы) понимаются как те же, если не отмечено иное. Поэтому вся нагрузка по введению нового индивидуного объекта и указанию, что вводится именно новый индивидуный объект, ложится на определения. В таких случаях

² Поскольку А подобных текстов часто является открытым множеством отдельных индивидов, одни из которых знают индивида, о котором идет речь, а другие не знают, подобные предложения могут также рассматриваться как выполняющие одновременно функцию напоминания (второй интродукции индивида) — для тех, кто в принципе имеет в своей картине мира концепт данного индивидуного объекта.

наличие определений становится своего рода обязательным грамматикализованным средством. Неважно, какие именно признаки мы укажем, но мы должны указать **какие-нибудь** признаки (по крайней мере, один), для того чтобы показать, что вводится новый объект. (Разумеется, в случае актуального вхождения объекта в какой-либо фрагмент мира индивидуализирующие признаки должны быть актуальными, «поверхностными», воспринимаемыми посредством органов чувств.) Как было отмечено выше, новый объект может подобным сокращенным образом вводиться (и очень часто вводится) и в реме высказывания. Напр.: *Тут врач повернулся и бросил взгляд женщине в белом халате, сидящей за столом в сторонке* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). При этом новый индивидуальный объект противопоставляется различным типам объектов в позиции темы и в позиции ремы. В позиции темы объект с определениями понимается как новый объект, объект без определений понимается анафорически, как тот же определенный объект этого рода, который был введен в предшествующем тексте: *Жарко сегодня, — обратился Коровьев к молоденькой, краснощекой продавщице и не получил от нее никакого ответа на это. ... Продавщицу обуял смертельный ужас.* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Если такой объект невозможно найти, то текст делается бессвязным и вследствие этого аномальным: *Марья Ивановна пошла около ... *Вдруг собачка залаяла и побежала ей навстречу.* И наоборот, если мы к анафорическому имени прибавим определение, то цепь дискурса также разорвется, но по противоположной причине: *Тут врач повернулся и бросил взгляд женщине в белом халате, сидящей за столом в сторонке. [...] Шприц блеснул в руках у врача, женщина одним взмахом распоролла ветхий рукав толстовки и вцепилась в руку с неженской силой* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) — ...[?]*рыжая женщина в очках одним взмахом распоролла...* — как будто появилась какая-то другая, новая женщина, а куда делась женщина в белом халате и для чего она была введена?

В позиции ремы, в которой появление нового объекта типично, определения отличают индивидуализированный объект от неопределенного объекта, конкретного объекта с родовым статусом. Заметим, что здесь надо различать интродукцию нового индивидуального объекта в мир (и в дискурс) и интродукцию в дискурс неопределенного объекта, который вводится только в дискурс и не вводится

в мир, поскольку участникам коммуникации известно, что в мире есть объекты такого рода: *Где-то вдалеке залаяла собака. Собака* вводится в дискурс, но не вводится в мир, оставаясь неопределенной собакой, не нуждающейся в индивидуализации и поэтому не индивидуализированной. Аналогично: *Что случилось? — Собака укусила мальчика*, где неопределенными являются и *собака*, и *мальчик*. Без добавления признаков объект остается на родовом уровне, на уровне неиндивидуализированного представителя рода. Вообще, когда говорится о животных, растениях, артефактах (кошка, муха, птица, баран, дуб, роза, ложка, нож, молоток, иголка и т. д.), рассмотрение часто остается на уровне рода, поскольку не имеет значения, какой именно представитель его участвует в данной ситуации (см. [Арутюнова 1980: 182, 207]). Заметим, что это положение сохраняется и в последующих предложениях, когда объект в некотором смысле делается определенным, и тем не менее в некотором другом смысле он может сохранять статус «неопределенного» объекта³, точнее, родовой статус. *Иван поймал курицу, оцципал ее, сварил и съел*. Хотя в каком-то смысле курица далее является определенной (это именно та курица, которую Иван поймал), однако ее индивидуальные признаки продолжают оставаться нерелевантными и она рассматривается исключительно как представитель рода, имеют значение только ее родовые признаки. (Как представляется, это различие между индивидуализированным и неиндивидуализированным единичным объектом заслуживает специальной теоретической и терминологической фиксации.)

Когда речь идет о людях, то также возможны ситуации, когда в конкретном объекте важен только его род, и объект остается неиндивидуализированным: [*Настоятельница женского монастыря:*] *В монастырь проник мужчина! Он спрятался где-то здесь!; Ведь у меня есть жена*; и т. п., когда А и Г, естественно, знают эту женщину как определенного индивида; но в данном случае важна ее/его типовая, родовая характеристика. Однако в большинстве случаев

³ Здесь и в других случаях мы говорим при обсуждении проблем референции просто *объект* исключительно в интересах краткости. Разумеется, здесь, как и в других случаях, речь идет не о самом объекте (который никак не меняется от того, кто бы и как бы о нем ни говорил, и во всех случаях остается равным сам себе), но о том, как объект **мыслится, представляется** в том или ином случае, о **концепте** объекта.

род не удовлетворяет говорящих. Когда речь идет о людях, то родовые обозначения часто неуместны, обычно требуется индивидуализация. Без индивидуализирующих признаков имя рассматривается в родовом аспекте, и это часто странно: *На углу улицы я увидел человека / мужчину / женщину; Около подъезда, взвизгнув тормозами, остановился автомобиль. Из автомобиля вышел человек* (а кто же еще мог выйти из машины?) / *мужчина*. Чем уже значение имени и чем больше в нем признаков, тем лучше оно звучит: *Из машины вышла девушка* (девушка — женского пола, молодая, вероятно, симпатичная), но чтобы сделать предложение совершенно нормальным, надо добавить какие-то индивидуализирующие актуальные определения: *Из автомобиля вышел мужчина в длинном сером плаще; На углу улицы я увидел высокого мужчину в черном пальто*; и т. п.

4. Одним из важнейших грамматикализованных средств интродукции и индивидуализации объектов (интродукции индивидных объектов) являются в русском языке неопределенные местоимения *один* и *какой-то* (а также, реже, *некий*).

Во всех своих употреблениях *один* (как местоимение, оно может быть также числительным, выделительной частицей и т. д., см. [Николаева 1979]) и *какой-то* (применительно к единичному конкретному объекту) вводят в дискурс (1) **новый** (2) **индивидный** объект. Это два обязательных признака в их значении (другие могут варьироваться). Как отмечает О. Н. Селиверстова (применительно к местоимениям на *-то* и *-нибудь*, однако то же относится и к местоимению *один*), высказывания с неопределенными местоимениями «могут показывать, что участник события представлен в высказывании индивидуализированно» ([Селиверстова 1988: 53]; см. также [Селиверстова 1964]). Так, в предложении *За стеной кашлял человек* информация, передаваемая словом *человек* «исчерпывается указанием на отнесенность актанта к классу людей», вследствие чего предложение может пониматься как «привносящее неуместное в данном контексте противопоставление животным, вещам» [Селиверстова 1988: 60]. Напротив, предложение *За стеной кашлял какой-то человек* (несколько видоизмененный пример О. Н. Селиверстовой) «указывает не только на то, что актант ситуации при-

надлежит к классу людей, но и что он характеризуется как индивидуализированный, но “неизвестный” для говорящего представитель этого класса» [Селиверстова 1988: 60—61].

Следует различать 2 типа употреблений этих местоимений.

Рассматриваемые местоимения могут использоваться как собственно неопределенные местоимения. В этом случае они вводят новый объект **в дискурс**, однако они не вводят новый объект **в мир** коммуникантов. Объект, который появляется с помощью этих местоимений в дискурсе, не является новым в мире участников коммуникации: предполагается, что он в принципе может быть идентифицирован, отождествлен с каким-то объектом из этого мира, но по разным причинам это не делается. Как и любое действие, идентификация, в соответствии со знаменитой, по словам Лейбница, аксиомой (действие следует «из желания и возможности, взятых вместе» [Лейбниц 1983: 172]), осуществляется при наличии двух условий: субъект хочет идентифицировать объект и субъект может идентифицировать объект. В случае местоимения *один* Г **может** идентифицировать объект, **но не хочет** этого делать: *Ты куда теперь едешь? — А я к человечку к одному* (Гоголь. Мертвые души); *Один человек (не хочу называть его имени) сказал мне, что... Один философ как-то сказал...* Объект имеется и в мире Г, и в мире А, однако Г не хочет идентифицировать этот введенный им в дискурс объект с объектом, известным А, и поэтому не идентифицирует его с этим объектом. (Причины нежелания идентифицировать объект могут быть самые разные: от желания скрыть от А, какому именно лицу тождествен данный объект, до несущественности, с точки зрения Г, этого.) В случае *какой-то* Г, напротив, **хочет** произвести идентификацию, **но не может** этого сделать⁴. Причины этого могут быть различны. Такой причиной может быть, в частности, неспособность Г отождествить, идентифицировать объект, присутствующий в его картине мира, с каким-либо объектом из картины мира А, при том что имеется пресуппозиция, что в действительности этот объект тождествен какому-то объекту в картине мира А. Например: *К тебе приходил какой-то человек; Тебе два раза звонила какая-то*

⁴ Ср. замечание А. Д. Шмелева: «общей идеей местоимения *какой-то* является значение ‘говорящий понимает, что может потребоваться более точная характеристика; но он не может описать объект точнее’» [Шмелев 2002: 128].

женщина и т. п. В картине мира Г есть вполне определенный объект (тот человек, который приходил; та женщина, которая звонила); в картине мира А также есть ряд вполне определенных индивидов (Иван Иванович Иванов (проректор университета), Марья Петровна (коллега), Лена (знакомая), Олег (брат), Вера (секретарь кафедры), и т. д.); более того, эти же индивиды могут быть в каком-то виде представлены и в картине мира Г; однако приходивший или звонившая не представились, а сам Г опознать (узнать) их не смог, поэтому отождествление индивидов из двух различных миров оказывается невозможным. Причиной может быть то, что Г запутался в индивидах своего собственного мира: *Какой-то философ (забыл, кто именно) сказал, что...* В картине мира Г присутствует философ, который сказал, что..., и целый ряд более полно представленных философов (Джон Локк, Г. В. Лейбниц, Ф. Ницше и т. д.); те же философы (могут быть) представлены и в картине мира А; в силу своей забывчивости Г не может произвести идентификацию лица, сказавшего..., с кем-либо из этого ряда, хотя и знает, что **кому-то** из них он **тождествен**. И т. д.

В то же время как *один*, так и *какой-то* могут служить средством интродукции объекта **в мир**⁵. В этом случае значение «неопределенности», «неизвестности», как оно было описано выше, невозможно по определению. Если объект впервые вводится в мир коммуникантов, то он по определению не может быть тождествен какому-либо объекту из этого мира, такой вопрос даже не может ставиться! Различия между *один* и *какой-то* в случае выполнения ими собственно интродуктивной (в мир) роли проходят по иным линиям, чем в случае значения неопределенности.

И местоимение *один*, и местоимение *какой-то* используются преимущественно как средство **сокращенной** интродукции объектов в мир, совмещающейся с выполнением других коммуникативных операций. Местоимение *один* возможно и в полном интродуктивном предложении, но в этом случае оно воспринимается как избыточное; для полной «успешности» этого местоимения необходимо, чтобы были опущены, по крайней мере, индивидуализирующие определе-

⁵ Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «приименные неопределенные местоимения..., подобно неопределенному артиклю, составляют структурные компоненты текста, маркирующие референцию имени» [Арутюнова 1998: 817].

ния (эти местоимения являются, прежде всего, «вместоопределениями»), ср.: *В давние времена на берегу озера жил один бедный рыбак и Жил-был один мальчик*. При сокращении всего интродуктивного предложения в ИГ местоимение *один* становится практически обязательным как знак единичности и подразумеваемых индивидуализирующих признаков: *Как-то раз один крестьянин поехал в лес за дровами; Один мой знакомый выпил на пари 10 литров пива; «Один мужик захотел есть = Жил-был один мужик. Захотел этот мужик есть»* [Арутюнова 1976: 363], при этом чем более сокращенной является ИГ, тем более необходимым становится *один*⁶. Так, наличие при вводимом имени идентифицирующих признаков делает местоимение факультативным, и чем более таких признаков, тем менее обязательно местоимение, и наоборот: *Генерал решил поехать к (одной) своей знакомой даме, которая жила на углу Морской и Гороховой... Звали даму...; Он снимал тогда комнату у (одного) мещанина по фамилии..., ср. *Он снимал тогда комнату у мещанина → ...одного мещанина*.

Очевидное различие между интродуктивными *один* и *какой-то* заключается в том, что первое способно употребляться в предложении, открывающем текст; в позиции темы *один* употребляется **исключительно** в таких предложениях; *какой-то*, напротив, используется в предложениях, продолжающих, развивающих текст⁷. Другое, возможно, менее очевидное различие состоит в том, что *один* вводит объект как постоянный, неактуальный элемент какого-либо фрагмента мира (в том числе и множества), тогда как *какой-то* вводит объект как актуально, непосредственно присутствующий в

⁶ Не являются контрпримерами распространенные в анекдотах и в других фольклорных жанрах случаи безместоименной (и без определений) интродукции объектов: *Приезжает муж из командировки, а жена...; Приходит мужик к доктору и говорит...; Чукча приезжает в Москву...* Подобные персонажи в этом случае уже имеются (как старые знакомые) в мире говорящих [Шмелева, Шмелев 2002: 35], они подобны известным говорящим лицам, обозначенным собственными именами (*Чапаев, Петька, Штирлиц, Горбачев, Джордж Буш*) и, подобно последним, не нуждаются в интродукции в мир говорящих, они вводятся только в дискурс.

⁷ Употребление *какой-то* в интродуктивной роли в начале текста, весьма обычное, например, в баснях Крылова, в настоящее время является устаревшим: *Из дальних странствий возвратясь какой-то дворянин (а может быть и князь), с приятелем своим гуляя в поле, расхвастался о том, где он бывал, и к былям небылиц без счета прилыгал* (И. А. Крылов. Лжец).

каком-либо фрагменте мира (и никогда как часть ассоциированного с данным фрагментом множества):

Вода в пруде почернела, и легкая лодочка уже скользила по ней, и слышался плеск весла и смешки какой-то гражданки в лодочке (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Никанору Ивановичу привиделось, будто какие-то люди с золотыми трубами в руках подводят его... к большим лакированным дверям (Там же); Сняв с себя одежду, Иван поручил ее какому-то приятному бородачу, крутящему самокрутку возле рваной белой толстовки и расшнурованных стоптанных ботинок (Там же); ...Варенуха... обернулся и увидел за собою какого-то небольшого толстяка, как показалось, с кошачьей физиономией (Там же) и т. п.

Как и в случае с *один*, степень необходимости *какой-то* обратно пропорциональна количеству идентифицирующих признаков. Так, в 3-м и 4-м примерах выше местоимение факультативно, тогда как в 1-м и 2-м предложениях оно обязательно, ср. также: *Разбудил меня какой-то старик* (пример из [Падучева 1985]) — *??Разбудил меня старик*.

С интродуктивным употреблением *какой-то* связаны дополнительные коннотации относительной неважности, сравнительной малосущественности данного объекта для дальнейшего повествования, отличающие его от интродукции посредством *один* и безместоименной интродукции. Можно сказать, что *один* в этом случае «забегает вперед» и отражает знание Г (повествователя) о том, что вводимый объект займет устойчивое, постоянное, важное место в описываемом фрагменте мира и, тем самым, в повествовании. *Какой-то* обычно предполагает, что объект вводится на короткий срок и так и останется на поверхностном, чисто перцептивном уровне описания. Так, в примере ниже [Иешуа:] *...Позавчера вечером я познакомился возле храма с одним молодым человеком, который назвал себя Иудой из Кириафа* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) в принципе можно было бы сказать и с *каким-то молодым человеком*, если бы не знание о том, какую роль сыграет этот человек в судьбе героя.

В заключение отметим еще одно, ограниченное особыми условиями интродуктивное употребление местоимения *какой-то*. Это значение (употребление) имеет место в примерах типа

Она хочет выйти замуж за какого-то иностранца / математика; Про супругу Берлиоза рассказывали, что будто бы ее видели в Харькове с каким-то балетмейстером (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Степа старался что-то припомнить, но припоминалось только одно — что, кажется, вчера и неизвестно где он стоял с салфеткой в руке и старался поцеловать какую-то даму... Дама от этого отказывалась, говоря... Припомнилось даже, как нанимали этот таксомотор у «Метрополя», был при этом еще какой-то актер не актер... с патефоном в чемоданчике (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) и т. п.

Как и в других случаях интродуктивного употребления, *какой-то* вводит здесь в картину **мира А** новый объект, рассматриваемый в качестве **индивида**, а не как представитель рода (класса). То, что объект является иностранцем / математиком / балетмейстером / актером в таких случаях весьма несущественно (не более существенно, чем другие возможные признаки объекта), это один из возможных признаков, используемых для обозначения объекта, в принципе, могли бы быть использованы и другие (другой) признаки; Г использует для обозначения объекта этот признак потому, что это **единственное**, что Г знает об объекте (обычно вследствие того, что Г лично не знаком с объектом, не видел его и т. п. и знает об этом его признаке с чьих-то слов; однако может быть и так, что Г в принципе знаком с объектом, но все его другие признаки и свойства, связи с другими объектами и фрагментами мира исчезли, «выветрились» из его памяти, как это произошло со Степой в примере выше). Именно недостаточность знаний и невозможность поэтому прибегнуть к индивидуализирующим определениям, с одной стороны, и в то же время необходимость индивидуализации объекта и «нейтрализации», снятия родового аспекта в обозначении вынуждает Г прибегнуть к местоимению *какой-то*. Как видно из примеров, в случаях подобного употребления, наряду с актуальными признаками, могут быть использованы и даже обычно используются постоянные, устойчивые, неактуальные характеристики объекта; последнее, впрочем, зависит от того, какие именно признаки объекта были сообщены Г или же сохранились в его памяти.

ГЛАВА 6

ПРЕДЛОЖЕНИЯ НАЛИЧИЯ*

Предложения наличия специализируются на интродукции (введении) нового объекта в мир участников коммуникации и дискурс и являются одной из распространенных моделей такой интродукции в русском языке. Предложения наличия, с одной стороны, имеют общие черты, а с другой — по каким-то признакам противопоставлены предложениям существования (бытийным предложениям) и локативным предложениям. Как отмечалось [Селиверстова 1990; Шатуновский 1996: 169—170], локативные предложения и бытийные предложения, говорящие о существовании объекта в каком-либо фрагменте мира, относятся к единому глубинному семантическому супертипу. Они описывают соединение, совмещение двух фрагментов одного рода (в широком смысле), но разного объема (в отличие от, например, предложений тождества, описывающих соединение, совмещение фрагментов одного рода и одинакового объема, или предложений характеризующей предикации, описы-

* Глава основывается на статье: *Шатуновский И. Б.* Предложения наличия vs бытийные и локативные предложения в русском языке // Логический анализ языка: Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 189—197.

вающих соединении фрагментов разного рода и разного объема [Шатуновский 1996: 48]. Предложения, относящиеся к этому супертипу, имеют в своем составе три основных компонента: терм, обозначающий меньший фрагмент, терм, обозначающий больший фрагмент, и показатель соединения, совмещения этих фрагментов (связка). Разумеется, область бытийных и область локативных предложений несопоставимы по своему объему. Бытийные предложения в русском языке — это поистине грандиозный класс. Соединяемые в бытийных предложениях фрагменты могут быть сущностями самого разнообразного рода. Это может быть множество и множество, множество и отдельный объект, они могут относиться к абстрактной и конкретной сфере и т. д., и т. п. (см. [Арутюнова, Ширяев 1983]). Ср.: *Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора; В этом слове есть буква «е»; У верблюда есть горб; У стола есть ножки; У Пети есть усы; У Гегеля есть мысль, что...; У него есть невеста; В нашем классе есть умные девочки;* и т. д. Область бытийных предложений только частично, самым своим краешком семантически (денотативно) пересекается и соотносительна с областью локативных предложений, а именно тем своим краем, где речь идет о соединении, совмещении фрагментов, имеющих пространственные параметры. Напр.: *В Африке есть слоны; За рекой есть башня; В этом лесу есть грибы;* и т. д. Будем называть меньший фрагмент в бытийных и локативных предложениях этого типа просто *объект*, а больший фрагмент, вслед за Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, Ширяев 1983] — *локализатор*.

Отличия между бытийными и локативными предложениями можно свести к трем основным пунктам. Собственно языковые различия:

(1) в бытийных предложениях в коммуникативном фокусе показатель соединения (связка) вместе с меньшим фрагментом (нейтральный, первичный коммуникативный тип бытийных предложений, только об этом типе и будет идти речь в данной главе); соответственно, связка *есть* эксплицирована; в локативных предложениях в коммуникативном фокусе, в реме только обозначение большего фрагмента (локализатор).

(2) в бытийных предложениях меньший фрагмент (объект) всегда неопределенный (в вопросах — неконкретный), в локативных предложениях меньший фрагмент всегда определенный.

Однако имеется и чрезвычайно важное собственно семантическое (объективное, денотативное) различие между бытийными и локативными предложениями.

(3) Принципиальным для осмысления предложения как бытийного является то, что фрагмент большего объема и фрагмент меньшего объема не чисто механически, внешне совмещены в пространстве, но связаны отношениями включения (в широком смысле), представляют собой **целое** и его **часть**. Предложения существования являются в некотором смысле предложениями «частичного тождества», меньший фрагмент «частично тождествен» большему фрагменту [Шатуновский 1996: 138]. Если предложение, построенное по бытийной модели, содержит локализатор, который не включает объект в качестве своей части, то предложение понимается так, что объект входит в некоторое множество, ассоциированное с данным локализатором, в качестве его члена (части) [Селиверстова 1990: 71; Шатуновский 1996: 140]: *В нашем магазине есть хорошенькая продавщица* = , поскольку продавщица не может рассматриваться как часть магазина, ‘среди продавцов, работающих в нашем магазине, есть одна хорошенькая продавщица’. В тех случаях, когда такое множество не может быть домыслено, бытийное предложение делается аномальным: **В нашем киоске есть хорошенькая продавщица* — в киоске обычно только один продавец, и непонятно, в каком множестве «есть» продавщица. В локативных предложениях меньший фрагмент не является частью большего: *Петя находится в магазине*. Это принципиальное объективное различие не позволяет инвертировать друг в друга бытийные и локативные предложения путем не затрагивающих объективных аспектов ситуации преобразований коммуникативной перспективы и референции термов. Так, *Хорошенькая продавщица находится в нашем магазине* или аномально, или будет понято так, как будто она зашла на время из какого-то другого магазина (и все равно очень странно, поскольку в этом случае неуместно употребление слова *продавщица*); в любом случае оно не будет соотносительно с бытийным предложением *В нашем магазине есть...*, поскольку описывает **другую** ситуацию.

Помимо описанных выше моделей, в той области языка, которую образуют предложения, представляющие собой соединение большего и меньшего фрагментов одного рода (разумеется, не самих

фрагментов, а их концептов), существуют и другие модели — ни то ни се, ни рыба, ни мясо, ни существование, ни местонахождение.

Такую особую модель, которую нельзя свести ни к бытийным, ни к локативным предложениям, представляют предложения типа:

На окраине города стоит башня; На столе лежит книга; На стене висит картина; А напротив беленькие колонны и черная пречерная печка, возле которой сидит на корточках человек в валенках и топит ее (М. Булгаков. Театральный роман); *Под подушкой его лежало Евангелие* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *...В этой квартире жил один семейный немец, чиновник...* (Там же); *За столом покойного сидел неизвестный, толстый и длинный гражданин в клетчатом пиджачке...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) и т. д.⁹

Назовем условно эти предложения — надо же их как-то называть? — предложениями наличия (ср. *Наличность какого-то иностранца, да еще с переводчиком, в этой квартире явилась для него совершеннейшим сюрпризом* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита))¹⁰. Предложения этого типа подобны бытийным предложениям (описывающим соединение пространственных фрагментов) во всех отношениях, за исключением одного: **меньший фрагмент не является частью большего**. Меньший объект не является такой частью в прямом пространственном аспекте (как у верблюда горб или усы у Пети), и никакое множество, ассоциированное с данным фрагментом, частью (членом) которого был бы данный объект (как, напри-

⁹ В работе [Арутюнова, Ширяев 1983] предложения этого типа отнесены к бытийным предложениям. Разумеется, вопрос, рассматривать ли эти предложения как особый тип или как особый подтип внутри класса бытийных предложений, имеет условный характер и зависит от того, как мы определим бытийные предложения (см. [Шатуновский 1996: 146—147]). Однако так или иначе, под тем или иным ярлыком такие предложения должны быть выделены, поскольку они объективно образуют особую группу.

¹⁰ Условность употребления данного слова в данном значении заключается в том, что слово *наличие* (*наличность*) обслуживает в качестве номинализации как предложения, названные выше предложениями наличия, так и собственно бытийные предложения, говорящие о существовании объекта во фрагменте мира: *Наличие в квартире какого-то иностранца...* — *Наличие у Советского Союза атомного оружия...*

мер, множество продавцов в магазине или множество родственников у лица), тоже домыслено быть здесь не может. Поэтому бытийная модель здесь невозможна: **На столе есть книга; *В этой квартире есть один семейный немец; *За столом покойного есть тощий... гражданин; *На стене есть картина; *На тарелке есть помидоры* и т. д. В некоторых случаях наряду с моделью наличия может быть употреблена и собственно бытийная модель, однако значение предложения в этом случае получается иное. Так, *На тарелке есть помидоры* может быть сказано в том случае, если помидоры — только **часть** того множества различных сортов плодов, которые лежат на тарелке, и только в такой интерпретации. Бытийная интерпретация, впрочем, затруднена здесь тем, что трудно представить, что столь многое может поместиться на тарелке. (Другое дело, например, холодильник. Поэтому *В холодильнике есть помидоры* вполне нормально.) В ряде случаев в равной (или почти в равной) степени допустимы как модель наличия, так и бытийная модель, поскольку в равной степени возможны обе интерпретации. В каком-то смысле волки не являются частью леса, но просто находятся в его пространстве; с другой стороны, их можно рассматривать как часть ассоциированного с лесом, населяющего лес множества животных. Отсюда возможность как бытийной модели, так и модели наличия: *В лесу есть волки — В лесу водятся / обитают волки*, аналогично *В Африке есть / водятся львы; В лесу есть / растут грибы; На краю города есть башня и На краю города стоит башня*; и т. д.

Что значит быть частью — это особый вопрос. Естественноречевое понятие части — это, безусловно, весьма «туманный» концепт, имеющий сильно размытые очертания. Для разных типов сущностей применяются различные критерии «частичного отождествления», так же как и в случае собственно тождества [Аристотель 1976: 155; Шатуновский 1996: 80—81], ср. самолет и его крыло, человек и его усы, семья и ее член, река и ее берег (является ли берег частью реки?), и т. д. Часто это степень неотъемлемости меньшего фрагмента от большего. Используя выражение А. Платонова («Без меня народ неполный»), можно сказать: без меньшего фрагмента в этом случае больший фрагмент является неполным. Поэтому вряд ли можно рассматривать образовавшийся в почке камень как ее часть, отсюда [?]*У него в почке есть камень*. Обязательное условие концептуализации соединения фрагментов как части и целого явля-

ется **постоянство** этого соединения. Поэтому если это соединение временно и преходяще, то бытийная модель употреблена быть не может, ср.: **У меня есть красивая блондинка*, если красивая блондинка находится среди моих сегодняшних гостей. (Ср. *Есть у меня одна знакомая блондинка*, уже нормальное, = *Есть среди моих постоянных знакомых...*). Однако, разумеется, одного постоянства соединения мало, и постоянно соединенные фрагменты могут не быть частью один другого, как, например, гробница и покоящееся в ней мертвое тело (**В мавзолее есть вождь мирового пролетариата — В мавзолее лежит, покоится вождь...*).

Важной структурной особенностью этой модели в русском языке является то, что, в отличие от бытийных предложений, где есть специальная бытийная связка *есть*, и предложений наличия в английском языке, где существует фиксированная модель *there to be* (*There is a book on the table; There is fresh mud on her shoes*) (см. [Селиверстова 1990]), в русском языке отсутствует специальный показатель для выражения этого типа соединения, совмещения. Поэтому в качестве связки здесь употребляются делексикализованные глаголы с контекстуально выветрившимся лексическим, «вещественным» значением. Поскольку стандартного способа выражения связи фрагментов здесь не существует, постоянно приходится решать задачу подбора нужного глагола, такого, значение которого в данном контексте, в сочетании с данным именем, делексикализуется. Это происходит в тех случаях, когда лексическое значение глагола избыточно, поскольку дублируется, полностью предсказывается семантикой имени [Арутюнова, Ширяев 1983: 100—107]. Так, башня всегда в нормальном положении стоит, книга — лежит, дерево стоит или растет, человек — живет, животные — водятся или обитают, солнце — сияет, и т. д. В таких случаях глагол контекстуально превращается в связку. Но надо еще ухитриться найти такой подходящий глагол. При этом часто возникает номинативный тупик: река... — что она делает? Течет? Но равнинные русские реки с виду неподвижны. Придумал — несет свои воды. Это величественно. Или, если она широкая, раскинулась: *Река раскинулась* (Блок). Ведь здесь все равно, какое слово, лишь бы оно было пустое — этого требует семантика модели, — чем пустее, тем лучше. *В небе ... жаворонки* — что они делают? Летают? Но это туда-сюда, а жаворонки снизу кажутся неподвижными... Тогда пусть *висят...*

Глаза и любопытство — как их лучше соединить? *В глазах у нее светилось любопытство* или ... *искрилось любопытство*? Но даже если такой глагол и найден, все равно все эти метафоры, вносящие дополнительные семантические оттенки, все эти дополнительные смыслы, вносимые словами типа *сияет* (о солнце или луне), *раскинулась* (о реке), *высится* (о горе) и т. д., хороши в художественном тексте, а в нормальном, обычном разговорном языке, категорически чужающемся излишней, передаваемой ради «живописности», изобразительности информации («красивостей»), они все равно крайне неуместны. Поэтому достаточно стандартно в таких случаях употребляются, по возможности, стилистически нейтральные глаголы положения в пространстве: *стоит, лежит, висит, сидит*. Впрочем, выбор между этими глаголами во многих случаях, там, где пространственная ориентация объекта, о наличии которого нам хочется сообщить, относительно локализатора точно не соответствует прототипу ни одного из глаголов пространственного положения (положений в пространстве много, а глаголов мало!), также часто представляет проблему. У горы вертикальное измерение примерно равно горизонтальному, поэтому хотя *лежит* о горе абсолютно недопустимо, *стоит* тоже не очень хорошо. Может быть, поэтому отдано предпочтение собственно бытийной трактовке в: *Там, за речкой тихоструйной есть высокая гора...* (Пушкин) — ‘среди того, что находится за речкой, есть...’, ср.: ... ?*стоит высокая гора*¹¹. Часто так ничего и не удается подобрать. Гости в доме — они кто стоит, кто сидит, а кто, может быть, и лежит. Хочется плюнуть на грамматику и сказать: *В доме есть / находятся гости*. Так и говорят, хотя это и шероховато с грамматической точки зрения. (Может быть, поэтому все шире употребляются в подобных предложениях глагол *находиться* и конструкции с нулевой связкой: *В доме гости*.) Ср. также: *На столе стоял почти пустой графин водки, рюмки, хлеб, стаканы, огурцы и посуда с давно уже выпитым чаем* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание), где об одних предметах надо сказать *стоят*, о других, как об огурцах и хлебе, —

¹¹ См. обсуждение вопроса, что, где, когда и почему стоит, лежит или сидит, в работе Е. В. Рахилиной [2000, гл. 4, §1].

лежат, а все вместе представляет грамматическую головоломку, которую правильно разрешить нельзя¹².

С отмеченным денотативным, семантическим различием между бытийными предложениями и предложениями наличия связано важное различие в референциальной характеристике меньшего фрагмента. В бытийных предложениях бытующий в том или ином фрагменте мира объект всегда неопределенный [Арутюнова, Ширяев 1983: 8; Шатуновский 1996: 153—158; и др.], в предложениях наличия объект может быть как неопределенным, так и определенным: *На диване сидел какой-то незнакомый человек — На диване сидел Петя; На лестнице стояла Вера; На пороге стояла моя жена; На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн...* (Пушкин); *На диване лежал Илья Ильич Обломов*; и т. д., ср.: **У меня есть Петя*; **У меня есть эта собака* (может быть понято нормально только как ‘одна из собак этой породы’); **У меня есть эта жена*; **В лесу есть этот волк*; и т. д. Принципиальная и неискоренимая неопределенность объекта в бытийных предложениях, говорящих о существовании объекта во фрагменте мира, обусловлена именно тем, что объект и локализатор (меньший и больший фрагмент) связаны в этом случае отношениями часть — целое. Для того чтобы можно было интересоваться (сомневаться), утверждать или отрицать наличие (существование) объекта в данном фрагменте, он, этот объект, должен существовать или возможно существовать в мире вообще, помимо данного фрагмента, т. е. независимо от его наличия или отсутствия в данном фрагменте. Если известно, что объект вообще не существует, то противоречиво утверждать, что он существует в таком-то фрагменте, и совершенно излишне и поэтому бессмысленно сообщать, что он в таких-то и в таких-то фрагментах не существует (если кентавры вообще не существуют, то они заведомо не существуют и в Африке). Теперь, если объект является частью данного фрагмента, то он может одновременно существовать в другом (других) фрагментах только в том случае, если то, что

¹² Ср. результаты эксперимента, проведенного Е. Н. Ширяевым: «Из десяти информантов-лингвистов, которым был поставлен вопрос “Как лучше сказать: *На клумбе сидят флоксы* или *На клумбе стоят флоксы?*”, семь предпочли предложение с чисто бытийным глаголом, т. е. отвергли оба варианта» [Арутюнова, Ширяев 1983: 107]. (Я бы сказал: *...растут флоксы*; *На клумбе есть флоксы* имеет иное значение.)

существует или не существует в этом фрагменте и в других фрагментах, рассматривается в родовом, а не индивидуальном аспекте. Только объект, взятый в его родовом аспекте, тождествен объектам того же рода в других фрагментах мира. Только экземпляры одного и того же рода могут быть в одном фрагменте и одновременно быть или не быть в другом. А это и значит, что объект является неопределенным. Однако если объект не является частью данного фрагмента, то он может быть в один момент времени в данном фрагменте, а в другой — в другом, он может менять фрагменты, оставаясь самим собой — все тем же определенным объектом. И его наличие / отсутствие в данном фрагменте может быть поэтому противопоставлено не наличию / отсутствию в других фрагментах подобных данному (того же рода) объектов, но наличию / отсутствию в других фрагментах того же самого индивидуального (определенного) объекта. Соответственно, сообщение о наличии / отсутствии в данном фрагменте определенного объекта является, если объект не является частью данного фрагмента, осмысленным и информативным. Поясним сказанное примерами. Сообщение о наличии, скажем, усов у Ивана не может быть мотивировано с коммуникативной точки зрения возможностью наличия этих же усов у Петра. Ведь усы — если они у него есть — являются частью Ивана, и если у Ивана нет усов, то усов Ивана, «этих усов» вообще не существует, поскольку они не могут быть у Петра. Аналогично, женщина, входящая в множество членов семьи Ивана в качестве его жены, не может покинуть это множество, не потеряв это свое качество. Поэтому жена Ивана не может быть также женой Петра, и у Ивана есть не «эта жена», а жена вообще. Но если Ивана нет в комнате, то это не противоречит существованию Ивана (определенного человека) вообще, ибо Иван не является частью комнаты и поэтому может, оставаясь самим собой, быть на улице, в парке, в другой комнате и т. д. Аналогично, жена Ивана, не меняя своего качества и оставаясь той же самой определенной женщиной, может оказаться в квартире Петра, поскольку она не часть квартиры Ивана. Поэтому нормально: *На диване в квартире Петра сидела жена Ивана.*

Предложения наличия являются точным коммуникативно-референциальным коррелятом локативных предложений, поскольку они отражают одну и ту же денотативную, объективную ситуацию. Поэтому они могут быть инвертированы друг в друга посредством

изменения коммуникативной перспективы и референциального статуса меньшего фрагмента, если этот фрагмент в предложении наличия неопределенный (в локативных предложениях меньший фрагмент всегда определенный), и только коммуникативной перспективы, если меньший фрагмент, объект в предложении наличия также определенный: *На столе лежит книга* (неопр.) — *Книга* (опр.) *лежит на столе*; *На диване сидит Петя* — *Петя сидит на диване*. Поскольку в локативных предложениях связка не в фокусе, она может быть опущена и часто опускается;

Носки в нижнем ящике; Газета на столе на кухне; Петя в ванной; Он сейчас в Париже; Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, а голова на плечах (А. Гайдар).

Предложения наличия не отделены резкой гранью от предложений, не просто говорящих о наличии объекта в данном фрагменте, но о наличии в данном фрагменте ситуации, положения вещей, «происхождении» в нем события, в которую/ое включен данный объект: *Плачет где-то иволга* (Есенин); *Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана* (Лермонтов); *Бочка по морю плывет* (Пушкин) и т. д.¹³ Между этими типами континуальный переход по мере нарастания или, с другой стороны, убывания степени лексикализованности значения глагола, наслоения на связочное значение других признаков, вещественных компонентов. Ср.: *На лестничной площадке стоит человек* и *На лестничной площадке лежит человек*. Последнее — нестандартное положение для человека на лестничной площадке (лежит — что случилось? Устал? Пьян? Болен? Убит?), поэтому информация об этом положении перемещается в коммуникативный фокус и предложение сообщает не только о наличии человека на площадке, но также и о его положении, о ситуации в целом.

¹³ «Так, в предложении *Вдоль берега, от высоких ветел плотины, медленно шел старичок в кафтане* (А. Н. Толстой) глагол *идти* означает не просто идти, но скорее “to be present while going” (Ebeling C. L. Subject and predicate especially in Russian // Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics. M., 1958. ‘S-Gravenhage, 1958. S. 20)» [Ковтунова 1976: 70].

Предложения с нулевой связкой: *На столе — книга; В вазе — цветы; За рекой — баиня; На голове у него — кепка* (ср.: *На голове у него надета кепка*); *На лестничной площадке — человек*; и т. д. образуют особую разновидность предложений наличия. Подчеркнем, что они соотносительны именно с последними, но не с собственно бытийными конструкциями, включающими глагол *есть*. В собственно бытийных предложениях, подразумевающих включенность объекта как часть в локализатор или ассоциированное с ним множество, глагол *есть* не может быть опущен: *У верблюда — горб; *У меня — жена; *У генерала — сын; *У стола — ножки; *В осени первоначальной — короткая, но дивная пора; *В этом слове — буква «е»; *У попа — собака*; и т. д. Подобные предложения могут получать ту или иную интерпретацию, но с потерей специфически бытийного значения, заключающегося, отметим еще раз, в том, что меньший фрагмент понимается как часть большего, и переходом в другие семантические разряды. Так, *У меня жена* может быть понято как предложение наличия (= ‘В помещении, где я сейчас нахожусь, находится моя жена’), аналогично *У него сейчас дядя / тетя / племянник; У него седые волосы = Волосы у него седые; В нашем классе умные девочки = Девочки нашего класса умные* — предложения характеристики [Арутюнова, Ширяев 1983; Селиверстова 1990], аналогично *На улице много машин = Машин на улице — много*¹⁴ (подробнее см. [Арутюнова, Ширяев 1983]). С другой стороны,

¹⁴ В тех случаях, где предложения наличия и бытия во фрагменте мира сближаются, поскольку объективно ситуация такова, что допускает интерпретации объекта как входящего, так и как не входящего в больший фрагмент (или в множество, находящееся в данном фрагменте) в качестве его части, предложения с нулевой связкой сближаются с предложениями с *есть* постольку, поскольку к ним близки и предложения наличия: *У меня в этом городе есть родственники — У меня в этом городе живут родственники — У меня в этом городе родственники; За рекой есть леса — За рекой находятся леса — За рекой леса*; и т. д. Заметим, однако, что ближе такие предложения, естественно, все-таки к предложениям наличия. Иногда предложения без связки представляют собой контаминацию бытия, местоположения и характеристики: *У нас там небольшая дача* (пример из [Арутюнова, Ширяев 1983: 6]: = ‘У нас есть дача, она — небольшая и находится там’. Слово *там* требует отсутствия связки, *у нас*, напротив, имплицитно множеству, тянет за собой связку (= среди предметов нашей собственности), поэтому здесь в равной степени возможно и предложение

предложения, аномальные как бытийные предложения (с *есть*), при его устранении могут получать нормальную интерпретацию, но при этом они уже соотносятся не с бытийными предложениями, а с предложениями наличия (или какого-либо другого типа). Так, нормальным делается при устранении *есть* предложение с продавщицей в киоске: *В киоске — хорошенькая продавщица, ≠ есть...*, а \approx 'В киоске находится хорошенькая продавщица; За прилавком киоска стоит хорошенькая продавщица'.

Предложения с нулевой связкой, однако, не совсем синонимичны предложениям с материальным делексикализованным глаголом. Язык не терпит синонимии и старается использовать любое формальное различие. Предложения с нулевой связкой, размежевываясь с предложениями с материальным полусвязочным глаголом, приобретают дополнительные оттенки значения. Для большинства из них семантический нюанс, возникающий при элиминации глагола, заключается в том, что подобные предложения понимаются, используя формулировку Д. Болинджера для описания английских конструкций «Loc is Y» (см. [Селиверстова 1990: 129—130]), как описание картины, непосредственно открывающейся нашему взору (в действительности или в воображении) в момент речи: *В окнах продукты: вина, фрукты* (Маяковский), см. также все примеры выше¹⁵. В других случаях (при невозможности интерпретации предложения как описывающего непосредственное восприятие) предложение наличия с нулевой связкой понимается как выражающее предупреждение: *В лесу — волки!* (восклицательный знак в этих случаях просто напрашивается); *В овраге змеи!*; *(Осторожно!) В портфеле бомба!*; *Во дворе злая собака!*; *Не ходите, дети, в Африку гулять!* *В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...* и т. д. (К. Чуковский); *Гражданин! У вас в ушах бананы!* (из анекдота) и т. д.

В прошедшем времени теряются многие противопоставления, которые выражаются в настоящем времени, поскольку здесь уже не

с есть: У нас там есть небольшая дача. Естественно, что предложение без связки выражает значение, которое ближе к значению наличия, а со связкой — к значению бытия.

¹⁵ Аналогичный эффект возникает при элиминации глагола-связки и в предложениях других типов: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (Блок); *Шепот, робкое дыханье, трели соловья* (Фет).

функционирует нулевая связка, а также резко сужается сфера употребления собственно бытийных предложений — ведь бытие чаще всего имеет всевременной характер и поэтому выражается формой наст. времени. Поэтому хотя **На голове у него есть кепка* аномально, *На голове у него была кепка* вполне нормально, как и *В номере, несколько большем, чем его собственный, было двое посетителей* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание). Соответственно, формальное противопоставление между бытийными предложениями и предложениями наличия в прошедшем времени менее резко выражено, поскольку и наличие, и бытие в каком-либо фрагменте может в этом случае выражаться глаголом *быть*.

ГЛАВА 7

ОБЩИЕ (ПОЛНЫЕ) ВОПРОСЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

1. В настоящей статье речь пойдет, в основном, о **полных** (в смысле Ш. Балли [1955]) общих вопросах, т. е. вопросах, оперирующих на пропозиции в целом (а не на какой-то ее части, как в случае частичных вопросов [Балли 1955]). Вопросы представляют собой побуждение сообщить информацию, неизвестную Г-му (но, предположительно, известную А-у). Однако для того, чтобы задать вопрос, надо уже что-то знать о действительности. Даже если Г чего-то не знает, то он, по крайней мере, знает, что он **этого** не знает (иначе вопрос у него не возникнет даже в уме!), и он должен описать **это** в своем вопросе. Поэтому любой вопрос содержит дескриптивный, описывающий действительность компонент. Ср. рассуждение Н. И. Жинкина: «В вопросе должно быть полное содержание, которое имело бы смысл передавать другому. Иначе что бы делал этот другой при ответе? Он говорил бы невпопад. Вопрос — это двусторонняя передача мысли» [Жинкин 2005: 188]. «В суждении *Чай налит* есть отражение действительности. Каким же образом

* В основу главы положена статья: *Шатуновский И. Б.* Общие (полные) вопросы в русском языке // *Динамические модели: Слово. Предложение.* Текст: Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 896—926.

включившаяся интонация вопроса *Чай налит?* сразу уничтожила всякое отражение? Разве спрашивающий ничего не выделяет в действительности, не имеет никаких понятий о ней, не сообщает в своем вопросе с достаточной определенностью? Ведь он спрашивает *Налит ли чай?*, следовательно, допускает возможность, что чай не налит, а это уже допускающее утверждение. Кроме того, он спрашивает *налит ли*, а не *растет ли чай*; *налит*, а не *заварен* и т. п. Но самое главное состоит в том, что вопрошающий сообщает совершенно определенное суждение о своем желании: *Я хочу узнать у вас о том-то*» [Жинкин 2005: 189—190].

Дескриптивный компонент, в свою очередь, состоит, используя идеи и терминологию Ш. Балли [1955], из двух частей: описание объективной ситуации — диктум, и компонент ‘имеет место’, соотносящий диктум с действительностью — модус. В более поздней терминологии Ч. Филлмора эти части называются пропозиция и модальность [Филлмор 1981: 403]. Однако в отличие от дескриптивных высказываний — высказываний, описывающих действительность, дескриптивный компонент в вопросах имеет **альтернативный** характер, полный вопрос описывает участок действительности, к которому он относится, в виде дизъюнкции **альтернатив**. «...Задавая вопрос, — отмечает Е. В. Падучева, — говорящий совершает два действия: 1) Он намечает множество альтернатив, которое, по его мнению, исчерпывает ситуацию. [...] 2) Он просит слушающего указать, какая (или какие) из альтернатив имеет место» [1985: 240—241]).

2. Первичное и наиболее базовое деление в области общих вопросов (как полных, так и частичных) — это противопоставление собственно вопросов (информативных вопросов, по Рестану [1972]), — и вопросов-предположений (презумптивных вопросов, от латинского *praesumere* ‘предполагать’, по Рестану [1972: 183])¹.

Примечание. Проблема здесь состоит в том, что это интуитивно ясно ощущаемое противопоставление терминологически запутывается вследствие того, что слово *предположение* в научном

¹ См. и ср. также [Bolinger 1978; Русская грамматика 1980, § 2598].

и обыденном языке употребляется в самых разных смыслах². В каком-то смысле собственно вопросы (чисто-информативные вопросы) также **предполагают** альтернативы, которые образуют так называемое исходное предположение вопроса [Падучева 1981: 88; 1996: 238—239]. Однако это предположение в том смысле, что эти альтернативы известны (в том или ином смысле) до вопроса, **перед** вопросом и тем самым **предполагаются** вопросом (как и собственно пресуппозиции).

В случае общего полного (собственно) вопроса исходное предположение вопроса образовано альтернативами ‘Р’ vs ‘не Р’ [Падучева 1985: 240], = ‘Р имеет место’ vs ‘Р не имеет места (в действительности)’; при этом альтернативы, образующие альтернативную дескрипцию вопроса, описывают фрагмент действительности, имеющий как таковой, по самой своей природе альтернативный характер, в том смысле, что в одних случаях в фрагментах данного типа Р, а в других не Р, таким образом, что когда в данном фрагменте Р, мы понимаем, что могло бы быть (потому что бывает) и не Р, и наоборот. Поэтому когда мы говорим о таком фрагменте, то мы заранее знаем, что в данном фрагменте Р или не Р, но можем не знать, что именно, Р или не Р. В этом случае формулируется вопрос, направленный на получение информации об этом. Такие вопросы как будто проверяют пункты анкеты, известной заранее, на которые возможно только 2 ответа: да или нет, положительный или отрицательный, при этом оба ответа равноправны с точки зрения информативности и объективности описания: оба они описывают, как устроен данный фрагмент мира. Так, о каждом взрослом мужчине известно, что он или состоит в браке, или не состоит в браке, вопрос: *У вас есть жена?* выясняет объективное положение вещей в отношении данного параметра, «пункта». Если такой «пункт» в анкете, такой «слот» в общей для участников коммуникации картине мира не

² Видимо, отчасти и поэтому Пер Рестан [1972] называет эти вопросы *презумптивными*. Последний термин, впрочем, также не очень удачен, поскольку вызывает ассоциации с понятием *презумпции* (= *пресуппозиции*), введенным в оборот Е. В. Падучевой, к которому этот термин не имеет никакого отношения. (Вины Рестана в этом нет, поскольку термин *презумпции* стал использоваться Е. В. Падучевой уже после выхода его книги о вопросах.)

предусмотрен, то информативный вопрос является аномальным: **Вы русский язык / преподаёте?* **Преподаете ли вы русский язык?* В стандартной картине мира нет такого обязательного для заполнения пункта, который бы описывался с точки зрения того, преподает или не преподает (преподает ли) человек русский язык³. Другое дело: *Вы по-английски говорите?* — нормально, это распространенное явление, поэтому уместно заполнить этот пункт анкеты для данного конкретного человека.

Вопросы-предположения образуют более высокий уровень, надстраивающийся над собственно вопросами. В случае вопросов-предположений известно, что имеются альтернативы 'Р' и 'не Р' или, для другого типа предположений, P, Q, R, S... и т. д.; Г не просто спрашивает, что имеет место, но «инициативно» предполагает (формулирует в своем вопросе), что 'имеет место Р' (а не 'имеет место не Р') или что то, что имеет место, это Р (а не Q, R, S... и т. д.), и спрашивает у А, правильно ли его предположение (ср. [Leech 1983: 162]).

Ср. описание (фактически) этого противопоставления на материале английского языка у У. Чейфа:

Утвердительные вопросы. Хотя такие вопросы, как (58 a, b) или (58 c, d), иногда справедливо характеризуют как «различные способы сказать одно и то же», на деле между ними существует еле уловимая разница в значении:

- (58) a. Did Michael break the clock? «Майкл разбил часы?»
 b. Michael broke the clock? «Так Майкл разбил часы?»
 c. Did you go to Chicago? «Вы ездили в Чикаго?»
 d. You went to Chicago? «Так вы ездили в Чикаго?»

В предложении (58a), разделительном вопросе, говорящий предлагает слушателю альтернативу: «Или Майкл разбил часы, или он не сделал этого. Скажите, что соответствует действительности». В предложении (58b) говорящий, по существу, заявляет, что он знает или имеет основания полагать, что Майкл разбил

³ Однако как вопрос-предположение такой (но не совсем такой, с иной интонацией) вопрос совершенно нормален: *Вы преподаете русский язык?* (с повышением тона в конце вопроса) — когда в ситуации есть какие-то основания сделать такое предположение, см. далее в данной главе разд. 5.

часы, и хочет, чтобы слушатель подтвердил, что это так. Аналогичным образом в предложении (58d) говорящий просит подтвердить свою мысль о том, что слушающий ездил в Чикаго. С другой стороны, в разделительном вопросе (58с) он спрашивает, так или не так обстояло дело [Чейф 1975: 381—382].

3. Формальные и коммуникативные различия между вопросами в русском языке связаны с различиями с точки зрения новизны / данности составляющих их дескрипцию семантических элементов. Необходимо различать два вида известности, данности / новизны элементов — это новизна / данность в данном **тексте (дискурсе) и новизна / данность в **мире** (участников коммуникации) (см. гл. 5). Для того чтобы успешно осуществлять коммуникацию, говорящие должны иметь не только общий язык, но и общий мир, общую картину мира, в которой имеются одни и те же объекты, классы, признаки и т. д. (ср. понятие «общего знания» в [Prince 1981: 230—233]). Все эти элементы являются известными для участников коммуникации. Однако, разумеется, не все эти элементы присутствуют в конкретном тексте, дискурсе (дискурс = текст + ситуация). Те элементы, которые уже присутствуют в дискурсе (были введены в него на предшествующих этапах его развития или присутствуют непосредственно в ситуации общения, ясны, как-то вытекают из ситуации общения, являются данными (известными, старыми) элементами для данного дискурса. Элемент, который вводится впервые в дискурс, является новым элементом в **данном** дискурсе. При этом, поскольку элемент может быть введен в мир говорящих только посредством предложения, то если объект вводится в мир, то он тем самым одновременно вводится и в дискурс; однако, как было отмечено выше, обратное неверно.**

4. Собственно вопросы (чисто-информативные вопросы).

Общие собственно вопросы делятся на различные формально-коммуникативные типы в соответствии с тем, какой (какие) из указанных выше компонентов дескрипции вопроса находится в комму-

никативном фокусе, относится к реме, к новому в дискурсе, а какой (какие) относятся к данному, известному в дискурсе, = уже активированы в дискурсе [Prince 1981].

4.1. Два основных типа общих вопросов, которые могут быть выделены с точки зрения новизны / данности компонентов вопроса в дискурсе, это (1) модальные (*Вы любите сыр?*) и (2) диктально-модальные (*Любите ли вы сыр?*) вопросы. В модальных вопросах в коммуникативном фокусе модус ('имеет место'); диктум, описание ситуации, пропозиция относится к данному, к теме: Р уже введено в дискурс в вербальной форме или как-то вытекает, ясно из ситуации. Согласно определению Балли, в ситуации полного модального вопроса «в уме имеется полное представление (диктальной ситуации. — И. Ш.), но неизвестно, соответствует ли оно действительности» [1955: 48]. Это представление является в ситуации вопроса известным, данным и для Г, и для А вопроса = является темой вопроса. Новым для А является то, что Г неизвестно, соответствует ли оно действительности (= ремой вопроса является = в коммуникативном фокусе вопроса находится соответствие диктума действительности)⁴. В диктально-модальных вопросах в коммуникативном фокусе (в реме) вопроса и модус ('имеет место' = 'есть в действительности'), и диктум, пропозиция (описание ситуации). В вопросах с *ли* Г вводит в дискурс Р (точнее говоря, альтернативы 'Р' и 'не Р') (тем самым это Р является новым в дискурсе) и спрашивает А, что имеет место. В этом случае новым для А является не только то, что Г не знает, соответствует ли нечто действительности, но и то, **что** представляет собой то, о чем он не знает, соответствует ли оно действительности. Г формулирует, сообщает ему в вопросе, описывает диктальную «область неизвестного». Как говорилось выше, ответ на информативный вопрос может быть сравнен с заполнением пункта анкеты, известной заранее и Г, и А. В случае модальных вопросов пункт этой анкеты уже введен в дискурс, активирован в дискурсе, пусть и непрямо, но косвенно. А в случае диктально-модальных вопросов этот пункт вводится в дискурс в самом этом вопросе, он является новым в дискурсе (подчеркнем еще раз: не в

⁴ «В полном модальном вопросе ... ремой является само истинностное отношение к действительности, весь же состав предложения — тема» [Гак 2000: 661].

мире говорящих, но в дискурсе, см. об этом различии подробнее в гл. 5).

С формальной точки зрения модальные вопросы характеризуются сильным ударением и резким подъемом тона (интонационным пиком) на предикате (глаголе) (его ударном слоге); тем самым иконически выделяется модальный компонент 'имеет место', который как раз и заключен в финитной форме глагола, содержащей в своей семантике модальные значения наклонения и времени. В разговорной речи в модальных вопросах возможна экспликация имплицитной отрицательной альтернативы: [водитель маршрутного такси пассажирам:] *На Котельной выходят, нет?* = 'Есть такие пассажиры, которые выходят на остановке Котельная, или таковых нет?'; диктальное Р (то, что на этой остановке, возможно, кто-то выходит, а возможно, нет) является известным, данным в данной ситуации.

Диктально-модальные (собственно) вопросы маркируются наличием частицы *ли* и выносом на первое место во фразе предиката. С интонационной точки зрения они характеризуются наличием двух интонационных пиков: подъем тона на глаголе, затем снижение и новый, примерно такого же уровня подъем на именной группе (ИГ): *Пере'ехал ли он на новую кварт'иру? Удал'ось ли ему купить д'ом?* Подобная интонация иконически показывает, что в фокусе и модус, и диктум⁵.

Поскольку *ли*- и *без-ли*-вопросы не являются коммуникативными синонимами, их взаимозамена в конкретных коммуникативных ситуациях или вообще невозможна, или приводит к изменению в интерпретации коммуникативной ситуации⁶. В случае полных модальных вопросов диктальная тема вопроса должна быть так или иначе известна участникам коммуникации, и Г, и А, т. е. или уже упоминаться в предшествующем дискурсе, или как-то вытекать из

⁵ Подробное описание различных вариантов интонационной структуры *ли*-вопросов представлено в [Meуer 2008].

⁶ Поскольку рассматриваемые типы вопросов различаются не семантически, а коммуникативно, степень аномальности, возникающая при неуместной с коммуникативной точки зрения замене одного типа вопроса на другой, меньше, чем в случае нарушения каких-то грамматических или семантических норм. Здесь возникает противоречие между коммуникативной ситуацией и типом вопроса, и результат часто не абсолютная неприемлемость, но странность экспериментального примера.

ситуации и т. п. Ср.: *Ивановы приглашают нас в гости* (отсюда вытекает возможность принять приглашение или отказаться, что образует альтернативы последующего вопроса). *Ты пойдешь?* = *пойдешь или не пойдешь?* и *Пойдешь ли ты?* *Вы любите сыр?* нормально в ситуации, когда, например, Г обсуждает с гостем-А вопрос, что ему подать или купить к столу перед витриной с сыром или когда сыр уже на столе; *Любите ли вы сыр?* в такой ситуации неуместно. В ситуации, когда продвигающийся к выходу Г натывается на преграждающего ему путь А, диктальная тема очевидна, поэтому вопрос с *ли* звучит очень странно: *Сходите ли вы на следующей остановке?* — здесь нужен модальный вопрос: *Вы (не) сходите на следующей остановке?* Если есть явные показатели известности Р, если тема вопроса совершенно ясно вытекает из контекста или ситуации, то *ли*-вопрос невозможен. Так, частицы и союзы *уже*, *еще*, *ну (и) как*, *так*, *также*, *а* и т. п. предполагают, что содержание диктальной пропозиции (Р) известно, поэтому наличие этих слов в вопросе исключает *ли*: **Приехал ли уже Павел?*; [Барабанов:] *Вчера перечитывал Кафку. А вы читали Кафку?* (С. Довлатов. Хочу быть сильным) — *Вчера перечитывал Кафку. *Читали ли вы Кафку?*; *А Машу с собой возьмете?* — **А возьмете ли Машу с собой?*; *Маша тоже с вами поедет?* — **Поедет ли с вами тоже Маша?*; *Ну как, Петя приехал?* (повторный вопрос) — **Ну как, приехал ли Петя?*; *Так ты пойд`ешь на вечер, который устраивает Иван?* — **Так пойдешь ли ты...?* Ср. также диалог из передачи «Федеральный судья», ТВ,1 канал, 19.05.09: Адвокат: *Бывали ли вы на квартире мужа в Москве?* — Истица: *А зачем мне там бывать?* Адвокат: *Отвечайте на вопрос, да или нет, вы бывали на квартире мужа в Москве?* Второй вопрос должен быть без *ли*, потому что Р уже известно.

И наоборот, если Р по ситуации должно быть неизвестно А-у, то странным или даже аномальным вопросом без *ли*. Поэтому вопросы в письме обычно с *ли* — ведь в письме всегда имеет место отвлечение от коммуникативной ситуации, Р не может быть ясно из ситуации, поскольку при переписке Г и А находятся в разных пунктах пространства и времени и, следовательно, в **разных** ситуациях; поэто-

му R необходимо ввести в дискурс, ср.: *Получили ли вы мое письмо?* и странное в письме *Вы получили мое письмо?*⁷.

Модальные вопросы чрезвычайно — с двух сторон — «дискурсообразны». С одной стороны, R, составляющее содержание модального вопроса, должно вытекать из ситуации или непосредственно предшествующего дискурса; с другой стороны, поскольку такой вопрос представляет собой звено, «заполняющее собой» актуальный, развивающийся дискурс, дискурс не может продолжаться, пока на такой вопрос не дан какой-то ответ. Они живут «здесь и сейчас», они требуют ответа, притом немедленного. В то же время диктально-модальные вопросы с *ли*, сами по себе вводящие в дискурс новую дескрипцию, «инициативны», они сами задают новое направление развития дискурса, новую тему, с одной стороны; с другой — для того чтобы задать следующий вопрос, нет необходимости ждать, пока в дискурсе возникнет тема (проблема) этого вопроса: следующий вопрос может ввести новую тему, проблему независимо от того, дан ли ответ и какой на предшествующий вопрос. По этой причине ряд последовательных общих вопросов, вне диалога «вопрос — ответ», может быть только с *ли*, ср. нормальный ряд: *Поедете ли вы в будущем году отдыхать на юг? Собираетесь ли вы взять с собой Машу? Планируете ли вы закончить ремонт дома?* и т. д. (например, в письме) и бессвязный: *Вы поедете на юг? Вы возьмете с собой Машу? Вы планируете закончить ремонт дома?* На пресс-конференции каждый новый вопрос обычно задается вне связи с уже прозвучавшими вопросами и ответами. Поэтому на пресс-конференции естественно задать первый вопрос, но не второй: *Выйдет ли Россия из договора ПРО...? — Россия выйдет из договора ПРО?* Аналогичное положение с анкетами, где каждый вопрос начинает новый пункт: *Имеете ли родственников за границей? Привлекались ли вы к суду? Были ли вы за границей? Награждались ли вы медалями? Являетесь ли вы членом какой-либо*

⁷ При переписке в Интернете письменная речь сближается с устной речью, поскольку временной интервал между вопросом и ответом сокращается до сопоставимого с тем, что имеет место в устном диалоге. Отсюда более частое и более нормальное употребление модальных вопросов в электронных сообщениях: *Как дела? Выпил пива за наше здоровье?* — обещание выпить пива еще «активировано» в дискурсе, еще не забыто говорящими, не отодвинуто на задний план другими темами и проблемами.

террористической организации? (из анкеты для получения визы США) — **Имеете родственников за границей? *Вы привлекались к суду?* и т. п.

4.2. Подчеркнем, что когда мы говорим, что *P*, описываемая в этих вопросах, является новой в дискурсе, мы имеем в виду именно *P*, **пропозицию в целом**, новизна которой конституируется новизной **соединения** соединяемых в ней элементов. Это не означает, разумеется, что каждый элемент этой *P* является сам по себе новым в дискурсе. Напротив, какой-то элемент (какие-то элементы), являющийся составной частью *P* этих вопросов, уже должен быть введен в дискурс. Посредством этого анафорического элемента вопрос соединяется с дискурсом (как это имеет место и в случае невопросительных предложений). Нормальными последовательностями являются (как в письменной, так и в **устной речи**): *Как дела у Пети? Купил ли он квартиру?; Что с Тибулом? Удалось ли ему бежать?* (Ю. Олеша. Три толстяка; пример из [Баранов, Кобозева 1983]).

Диктально-модальные вопросы способны начинать и дискурс (текст) в целом. Однако и в этом случае какой-то элемент (элементы) пропозиции вопроса должны быть известными, данными в мире говорящих и дискурсе. Универсальный логический закон, касающийся всех видов коммуникации: не может быть никакого высказывания или сигнала любого рода, в котором все элементы или аспекты были бы новыми. Любое новое всегда должно быть «зацеплено» за что-то старое, иначе коммуникации не произойдет. Поэтому *ли*-вопросы, образующие абсолютное начало дискурса, должны использовать в качестве данного, известного элементы, которые **присутствуют в ситуации** вопроса (а тем самым в дискурсе в широком смысле); за эти-то элементы вопрос «цепляется» с миром. Обычно это говорящий, адресат, может быть, что-то еще, присутствующее в ситуации. Так, вопрос Маргариты Мастеру, **первая фраза** между ними: *Правятся ли вам мои цветы?* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) — включает слова, обозначающие объекты, наличные в ситуации: *вы, я (мои), цветы*.

Абсолютно новый вопрос, общий или специальный, в котором не только *P*, но и все составляющие ее компоненты являются новыми в дискурсе, вводится в дискурс интродуктивным экзистенциальным предложением, говорящим о наличии у *Г* вопроса (тем самым

он **связывается** с наличной ситуацией — ведь говорящий (спрашивающий) со всем тем, что у него в уме, присутствует в ситуации вопроса): *У меня к вам вопрос / У меня есть вопрос / У меня (следующий) вопрос / У меня к вам один вопрос* и т. п. Напр.: *У меня (следующий) вопрос: является ли установленным фактом связь косвенных вопросов с фактивностью?* [Лена, секретарь кафедры:] *У меня такой вопрос...* Интродуктивное предложение может принадлежать не спрашивающему, но некоторому другому лицу, посреднику, организующему дискурс (ведущему передачу, пресс-конференцию и т. д.): *Пожалуйста, ваш вопрос! / Теперь ваш вопрос!* / или эллиптировано: *Брюнетка, в четвертом ряду, с краю...* (когда уже ясно, что речь идет о предоставлении права задать вопрос). В случае подобной интродукции может происходить нейтрализация формального противопоставления *ли-* и *без-ли-*вопросов, поскольку в любом случае вопрос понимается как имеющий в фокусе и модус, и диктум. Напр., вопрос, заданный по «прямой (телефонной) линии» А. Ширвиндту: *Добрый день. Меня зовут Наталья. У меня такой вопрос: вы пишете мемуары?* (Известия, 14.10.2000). Интерпретацию вопроса как имеющего в фокусе и диктум, обеспечивает здесь вводящая его бытийная конструкция, поэтому *ли* здесь хотя и может быть добавлено, но не обязательно.

Аналогичным образом строятся новые вопросы в китайском языке (сообщил Ван Сяоян, аспирант Центра по изучению русского языка и литературы при Хэйлунцзянском университете).

В предложении, вводящем вопрос, может вводиться и часто вводится в дискурс элемент — составная часть будущего вопроса, через который вопрос соединяется с дискурсом: *У меня вопрос по поводу **косвенных вопросов**: является ли установленным фактом их связь с фактивностью?*

Имеются и другие, более косвенные приемы введения в дискурс новых вопросов, однако сохраняющие описанный выше экзистенциальный принцип интродукции нового вопроса через указание о наличии в уме Г интенционального состояния, вызывающего, каузирующего возникновение вопроса: *Интересно / Мне интересно / Меня интересует / Меня интересует вопрос... / Я хочу / хотел бы спросить у вас... / Я хотел бы узнать...* или еще более косвенно: *Вы не знаете / не скажете...?* — ‘следовательно, я хочу узнать’. [Сэр Генри Бэрримору, дворецкому:] *Послушайте, Бэрримор, я давно хо-*

тел вас спросить вот о чем. Этот ваш родственник, он действительно видел на болоте собаку? (к/ф «Собака Баскервилей»); *Леша, я хотела тебя спросить: ...?* (устная речь); [Редактор задает автору рассказа, приехавшему из Мурманска, после обсуждения его рассказа вопрос, абсолютно не связанный с предшествующим дискурсом:] *Интересно, в Мурманске есть копченая рыба?* (С. Довлатов. Ремесло); [Г о металлических деревьях на мосту через Москву-реку, на которые вешают замки с именами новобранцев:] *Интересно, это было так задумано или само собой сложилось?*

4.3. То, что в коммуникативном фокусе в *ли*-вопросах все содержание дескрипции в целом, в том числе и диктальное, подтверждается их формальным тождеством с косвенными общими вопросами. Косвенные общие вопросы всегда включают *ли*: *Я не знаю, встретимся ли мы когда-нибудь / едят ли мошки кошек; Интересно, сумеет ли А.Карелин в 4-й раз завоевать олимпийское золото; Узнай / Спроси, приехал ли Петя*⁸. В косвенных вопросах в фокусе совершенно очевидно (и) диктальное содержание *Р*, ведь косвенные вопросы уже не являются собственно вопросами, они описывают проблему и сообщают *А* ее содержание, и если бы оно не являлось новым для *А*, косвенные вопросы лишились бы всякого смысла.

Свидетельством в пользу отмеченной специфики коммуникативного членения *ли*-вопросов является также то, что при дизъюнкции *ли*-вопросов, прямых и косвенных, (в разделительных вопросах) противопоставлены не ‘имеет место’ — ‘не имеет места’ (*Р*), но все содержание дескрипции в целом, поскольку формулируется, эксплицируется другая диктальная альтернатива: *Далее он [Сепир] ставит два вопроса: присущи ли им совпадения и обусловлена ли их связь природой или она лишь порождение внешней истории; ...Совершенно неважно, были ли эти чувства обусловлены влияни-*

⁸ Не являются контрпримерами приведенные выше новые вопросы, вводимые словами *интересно, хотел бы спросить / узнать* и т. п. *Ли* там не обязательно постольку, поскольку это реальные вопросы — от 1 лица с наличным адресатом; *интересно* и т. п. играют там роль чисто интродуктивного элемента, не подчиняющего семантически вопрос, но включенного в него в качестве своего рода вводного слова. Как только вопрос утрачивает свою вопросительную силу и становится в полном смысле косвенным, *ли* становится обязательным.

ем внешнего мира или они формировались внутри самого человека; Выйдет ли Россия из договора ПРО или заключит новое соглашение...? (но не: **Выйдет ли Россия из договора ... или не выйдет?*) и т. п. Альтернативы здесь не просто ‘имеет’ — ‘не имеет место’ (или ‘Р’ — ‘не Р’), но ‘связь расы, культуры и языка обусловлена природой’ — ‘связь расы, культуры и языка лишь порождение внешней истории’ и т. п.⁹

4.4. Важная коммуникативная особенность *ли*-вопросов заключается в особенностях набора пресуппозиций и исходных предположений вопроса (о пресуппозициях (презумпциях) и исходных предположениях вопроса см. [Падучева 1985: 238—239; Булыгина, Шмелев 1997: 263]) и компонента «запрос информации» в нем. Общий вопрос с *ли* (так же, как и специальные вопросы), обращенный к А, не предполагает, что А обязательно знает ответ (хотя и не исключает этого), и как таковой не содержит конкретного побуждения к ответу. Понятно почему. Дескриптивное содержание модального вопроса известно А, поэтому если это не вопрос, то он теряет всякую функцию. Другое дело *ли*-вопрос. Такой вопрос ставит перед А, формулирует перед ним Р как новую для данного дискурса проблему. В этом своем качестве он не теряет смысла и в тех случаях, когда А **не знает ответа**. Что касается действий, к которым побуждается А, то эта часть коммуникативного задания в подобных вопросах «размыта», и эта размытость чрезвычайно полезна. Ведь А может не знать ответа в тот момент, когда задается вопрос, но он может подумать над проблемой, сформулированной в вопросе, и найти ответ, он может предпринять какие-то действия исследовательского характера и найти ответ, он может спросить у другого человека, посмотреть справочники и учебники и т. д. и узнать ответ, и т. п. В зависимости от содержания вопроса и особенностей коммуникативной ситуации побуждение, направленное к А, может трансформироваться в ‘если знаешь ответ, скажи’, или в ‘подумай, и если

⁹ Союз *или* и без *ли* способен соединять в альтернативный вопрос полные диктально-модальные вопросы (в фокусе которых и модус, и диктум): *Вы поедете домой или останетесь у нас ночевать?* = *Поедете ли вы домой или останетесь у нас ночевать?* В каком-то смысле *или* как показатель типа вопроса дублирует *ли*; в конце концов *или* и произошло из *и* и *ли* [Фасмер 1967].

найдешь ответ, скажи’, или в ‘постарайся угадать правильный ответ и скажи его’ (в загадках), ‘выбери из предложенных правильный ответ и скажи...’ (в викторинах), ‘вспомни правильный ответ и скажи’ или ‘реши задачу и найди правильный ответ и скажи (напиши) его’ (в экзаменационных вопросах и задачах). Напр.: *Поднимется ли в воздух воздушный шар, если вес шара..., температура воздуха в оболочке..., объем шара..., температура наружного воздуха...?* Иногда речевой реакции вообще не требуется и вопрос просто побуждает А **найти** ответ **для себя** — и только. Таковы, например, вопросы в задачах, загадках, викторинах, которые Г решает / разгадывает для собственного удовольствия или тренировки, в отсутствие А. Подобного рода вопросы широко распространены и в ситуациях «естественного», неигрового употребления языка: [*Прежде чем принять решение, подумай*] *Сможешь ли ты перенести разлуку с родиной, с близкими людьми?* Часто Г адресует вопрос этого типа одновременно А и самому себе: ≈ ‘давай подумаем и т. п. вместе и попробуем найти ответ’. [Начальник уголовного розыска своим подчиненным на совещании:] [*Нам необходимо выяснить:*] *Знал ли Иванов об оружии, спрятанном в его квартире?*

4.5. Иллокутивный компонент «побуждение сообщить информацию» может в общих *ли*-вопросах вообще исчезать. Такие вопросы становятся в один ряд с собственно дескриптивными высказываниями, отличаясь от них тем, что описывается не то, что Г известно, а то, что ему неизвестно¹⁰. Такой вопрос является «описанием» проблемы, описанием области неизвестного, своего рода

¹⁰ Вопрос может быть связан сочинительной связью с речевыми актами, относящимися формально к другим типам [Падучева 1985: 46—47], в том числе и с повествовательными высказываниями (см. [Hoerelman 1983: 193]). В этих случаях, однако, одно из высказываний переосмысливается так, что они становятся «однородными» с точки зрения подлинной иллокутивной силы [Падучева 1985: 46—47]. Показательно, что в русском языке повествовательные (дескриптивные) высказывания могут сочетаться в рамках сочинительной конструкции, из общих вопросов, только с *ли*-вопросами: *Хубнер выдающийся шахматист, но сможет ли он выдержать напряжение турнира? Если Петя придет, то он нам поможет, но придет ли Петя?*, ср. **Хубнер выдающийся шахматист, но он сможет выдержать напряжение турнира?*

дескрипцией проблемы. Понятно, что в таких вопросах описание диктальной проблемы должно быть в фокусе по определению, иначе в них не было бы никакого коммуникативного смысла. Таким образом, вопросы далеко не всегда представляют собой побуждение к передаче информации, очень часто они просто **сообщают**, в чем проблема. (Подобные вопросы, пишет П. С. Попов, равносильны проблематическому суждению [Попов 1950: 22].) В этом отношении они подобны собственно интродуктивным (повествовательным) предложениям, отличаясь от них тем, что описание фрагмента действительности, которое они вводят, является не однозначным, а альтернативным, представляет собой дизъюнкцию альтернатив. Поэтому интонационный контур у них такой же, как и интродуктивных предложений, вводящих в дискурс новое событие, положение вещей и т. д., а именно: тон плавно поднимается на первом слове (его ударном слоге) вопроса, держится на этом уровне почти на всем протяжении вопроса и затем плавно опускается в конце (интонационная «шапка», *hat-construction*): *Знаете ли вы украинскую ночь?* (Гоголь). И это очень важная функция вопросов. Вслед за [Конрад 1985: 361] и [Бердник 1982: 45] будем называть такого рода вопросы **проблемными вопросами**¹¹. Заметим, что само слово *вопрос* употребляется в значении ‘проблема’ и может, наряду со словом *проблема*, употребляться как своего рода классификатор и «экспликатор» соответствующего употребления: *Возможно ли создать компьютер, который будет играть в шахматы лучше человека? Этот вопрос встал перед создателями шахматной программы...; Смутную душу мою тяготит странный и страшный вопрос: можно ли жить, если умер Атрид, умер на ложе из роз?* (Н. Гумилев. Воин Агамемнона); *Возникает естественный вопрос: не означает ли [это], что около 20 млрд лет назад было «начало света»?* (И. С. Шкловский. Вселенная, жизнь, разум); *Товарищи, всех вас интересует вопрос, есть ли жизнь на Марсе (к/ф «Карнавальная ночь»); [В. Путин]: Мы должны ответить на следующие вопросы: делает ли этот договор систему безопасности более совершенной? Укрепляет ли он пози-*

¹¹ Аналогичным образом как дескрипция проблемы могут употребляться также специальные и альтернативные вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?», «Быть или не быть, вот в чем вопрос!». В данном контексте существенно то, что полные модальные вопросы так употребляться не могут.

ции России?»; Проблема в следующем: можно ли защититься от магнитной бури?; [В «Ювентусе» травмированы 2 ведущих игрока.] Сможет ли Фабио Капелла обойтись без них? (ТВ. Евроньюс. 10.08.2004) и т. д.

Важно, однако, отметить, что имеется принципиальное различие между проблемными вопросами и вообще дескриптивными высказываниями любого рода, в том числе и высказываниями возможности. В дескриптивных высказываниях описание имеющихся альтернатив является «конечным пунктом» назначения этих высказываний. В то же время в проблемных вопросах это **только начало**. В проблемных вопросах имеется чрезвычайно важное свойство, наследуемое ими от собственно вопросов и отраженное в самом слове *проблема*. Проблема — это то, на что нет ответа в данный момент (в момент, когда она формулируется), но это то, что **требует ответа** (какая именно из альтернатив имеет место, если это проблема познания) или **решения** (если это проблема действия, выбора между различными альтернативами). Проблемные вопросы содержат в себе идею **необходимости поиска ответа (решения), стремление найти ответ** (неважно, будет ли он в конечном итоге найден или нет): *Есть ли жизнь на Марсе? Наука пока не знает ответа на этот вопрос*. Возможный ответ (в случае успеха) лежит впереди, в области будущего, куда и устремлен вектор обобщенного побуждения проблемного вопроса. Все это придает проблемным вопросам **динамизм, напряжение, незаконченность и неокончателность**, обусловленные стремлением Г решить проблему, найти ответ на сформулированный вопрос. Ср.: «Вопрос открывает в коммуникативном процессе “пустое место”, однажды поставленный, он все время ведет речевой акт вперед и настоятельно побуждает к развертыванию контекста» [Пфютце 1978: 235]; «Вопрос может носить внутренний характер, если он задается говорящим самому себе с целью найти удовлетворительный ответ путем интроспективного размышления. Вопрос носит внешний характер, если он обращен к другому лицу, от которого говорящий ждет ответа, — при этом говорящий может либо принять этот ответ безоговорочно, либо принять его лишь к сведению, оставляя за собой в дальнейшем свободу согласиться или не согласиться с собеседником» [Теньер 1988: 206].

Формулировка (постановка) проблемы часто сопровождается эксплицитной или имплицитной **постановкой задачи ее решения**,

сп. в примерах выше: *Мы должны ответить на следующие вопросы...; Всех вас интересует вопрос...* (= вам интересно, вы хотите узнать, найти ответ на вопрос...); *Вопрос ... тяготит душу* (т. е. требует решения) и т. д.

В других случаях, а именно в случае так называемых метатекстовых вопросов [Падучева 1996: 346, 390; Булыгина, Шмелев 1997: 264], ответ на проблемный вопрос дает тут же в тексте сам автор: *Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи* (Гоголь); *...Норманны составляли главным образом первоначальную дружину..., как наемники участвовали почти во всех походах, — каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно* (В. Соловьев. История России с древнейших времен. Предисловие).

Близки к метатекстовым вопросам проблемные вопросы, выступающие как названия различных типов информационных произведений: книг, глав книги, статей, кинофильмов, телевизионных передач, тем экзаменационных сочинений и т. п. В этом своем качестве они формулируют проблему (тему), которой посвящено данное произведение и на который оно **дает ответ**: *«Легко ли быть молодым?»* (название документального фильма о проблемах молодежи); *«Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»* (название эссе А. Амальрика); *«Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью?»* (название статьи Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева); *«Воздействует ли язык на культуру?»*, *«Является ли язык обязательным признаком этноса?»*, *«Можно ли считать табу “сознательным воздействием на язык”?»* (названия глав книги Н. Б. Мечковской «Социальная лингвистика»); близки к этому названия различных передач, обсуждений, дискуссий, диспутов, обрисовывающие проблему, на которую данный диспут и т. д. должен дать ответ, например: *«Этично ли брать взятки?»* (шутка) и т. д.

Проблемными вопросами являются вопросы-переспросы, которые употребляются исключительно с *ли* [Русская грамматика 1980, § 2595; Падучева 1985: 233; см. также Есперсен 1958: 353]: *Ты знаешь Петю? — Знаю ли я Петю? Трудно сказать. Смотря что понимать под «знаешь» / Знаю ли я Петю? Да я с ним с 1 класса за одной партией сидел!* (пример Е. В. Падучевой). Употребление *ли* в переспросе переводит вопрос в другой «регистр», в другой разряд.

Иначе не было бы смысла в переспросах. Запрос об информации переводится в **проблему**, которую Г ставит перед собой.

4.6. Поскольку Р, составляющая дескрипцию проблемных вопросов, является новой в дискурсе, такие вопросы, как и собственно *ли*-вопросы, обладают способностью начинать новую тему в тексте, а также текст в целом. Вообще, начинательная, «зачинательная» функция гораздо более характерна и типична для проблемных вопросов, чем для собственно *ли*-вопросов. Тема, которую начинают собственно вопросы, ограничена в своем разворачивании рамками ответа, который не может быть слишком большим по сравнению с вопросом. В то же время не требующие ответа проблемные *ли*-вопросы естественно могут начинать новый раздел учебника или научной монографии, статью, басню, роман, вообще текст любого характера и размера, ограничения здесь только стилистические (скажем, в официальных документах такие вопросы не употребляются). Однако, как и в случае собственно *ли*-вопросов, Р вопроса должна содержать какие-то известные, данные элементы, через которые вопрос соединяется с миром. Такие элементы вопрос может черпать из ситуации его употребления, единственным обязательным компонентом которой, заведомо присутствующим в ситуации **реализации** вопроса, является адресат (читатель или слушатель) с его внутренним опытом. Поэтому стандартным началом текста является проблемный вопрос, обращенный к А и апеллирующий к его опыту, который он заведомо, до всякого вопроса, или имеет, или не имеет: *Помните ли вы то блаженное время, когда в нашей литературе пробудилось было какое-то дыхание жизни, когда..., когда...?* (начало статьи В. Г. Белинского «Литературные мечтания»); *Ты знал ли дикий край, под знойными лучами, Где рощи и луга поблекшие цветут?* (Лермонтов. Жалобы турка); *Видали ли вы когда-нибудь, как навьючивают ослов?* (начало рассказа А. П. Чехова «Стража под стражей»); *Видали ли вы, Как бежит по степям, В туманах озерных кроясь, Железной ноздрей храпя, На лапах чугунных поезд?* (С. Есенин, начало раздела в поэме «Сорокоуст»); *Знаете ли вы украинскую ночь?* (Гоголь. Майская ночь, или Утопленница, начало главы «Голова»).

Другой вариант — экзистенциальная интродукция вопроса, имеющая, по сравнению с интродукцией собственно вопросов, сле-

дующие отличия. Первое. Поскольку такие вопросы обычно начинают письменный текст, интродуктивная бытийная часть может не только предварять вопрос, но и следовать за ним, см. выше: *Возможно ли...? Такой вопрос встал...* Другое отличие: если собственно вопрос Г в широком смысле **имеет** и в каком-то смысле **создает (задает)**, то проблемный вопрос в его уме, что очень характерно, очень часто **возникает, встает** (как бы сам собой — что, видимо, отражает его реальное когнитивное происхождение) (см. примеры выше). При этом *интересует / интересно* может вводить оба типа вопросов, но, если судить по внутренней форме, первично это все-таки проблемный вопрос.

В случае использования проблемных вопросов как названий разделов и произведений интродукция имеет имплицитный характер, происходит «по умолчанию»: в силу расположения, размера, особенностей шрифта вопрос понимается как заглавие, описывающее проблему, которой посвящено **данное, наличное в ситуации** произведение.

4.7. Чрезвычайно характерной функцией проблемных вопросов является их использование в рассуждении, в осуществлении и описании мыслительного процесса: «Едят ли кошки мошек? Едят ли мошки кошек?» — **рассуждает** сама с собой Алиса из сказки Льюиса Кэррола. Для таких вопросов абсолютно и буквально справедлива мысль Л. С. Выготского: «*Мысль не выражается в слове, но совершается в слове*» [1996: 306]. Проблемные вопросы могут использоваться в процессе мышления, рассуждения не только потому, что такие вопросы не содержат направленного к адресату (А) побуждения сообщить информацию (дать ответ на вопрос) и не предполагают обязательного наличия А, но, главное, потому, что ‘Р или не Р’ — описывающая в альтернативном виде положение дел в мире дескрипция — является в этих вопросах новой, в том числе для имеющего ее в уме уже не говорящего, но субъекта, а это значит, что он **создал** ее действием мысли в своем уме — иначе откуда бы она там взялась? (подробнее о вопросах мысли см. гл. 13, 3.5, 7.2).

Заметим, что частично функции проблемных вопросов могут выполнять и другие типы вопросов. Так, в качестве заголовков могут употребляться полные вопросы-предположения (см. далее). Ср.: «Есть ли жизнь на Марсе?» — название статьи представляет собой

полный диктально-модальный вопрос, и «На Марсе есть жизнь?» — экспликативный вопрос, вопрос-предположение, который может быть высказан в ситуации, когда найдены какие-то факты, обнаружены какие-то обстоятельства, позволяющие сделать такое предположение. Аналогично: «Либерман готовит войну?» (Страна.Ру. 24.10.05). Такие вопросы также могут использоваться в процессе мышления, рассуждения. Однако отношение между заглавием и содержанием произведения в случае вопросов-предположений иное, нежели в случае *ли*-вопросов. В случае *ли*-вопросов это проблема и ответ на нее или описание поиска ответа. В случае вопросов-предположений содержание заметки (обычно небольшой) дает **основание** выдвинуть предположение, образующее заглавие, однако ни ответа на это предположение, ни описания его поиска такая заметка не содержит. Добавление *неужели* делает вопрос возможным «орудием мысли», но лишает его возможности употребляться как заглавие: *Неужели на Марсе есть жизнь? — думала она*. Аналогичным образом, как дескрипция проблемы (проблемные вопросы) могут употребляться также специальные вопросы (постановка задачи, метатекстовые вопросы, названия и т. д.): «Кто виноват?», «Что делать?», «Кто боится Вирджинии Вульф?», «Где находится Нофелет?» (название фильма); «Кто стрелял в Ленина?» (название телепередачи, «Россия», 9.11.2006). Однако они в своем стандартном виде не могут употребляться как средство мышления. Чтобы получилась мысль, надо добавить *же* (и / или произвести другие преобразования, в частности интонационные): *Кто же на самом деле стрелял в миссис Смит? — думал детектив Эркюль Пуаро; Так кто же подменил пленку?* (думает вслух, глядя на подозреваемого, лейтенант Коломбо из полиции Лос-Анджелеса); *Где же находится этот Нофелет?* и т. д. (см. подробнее гл. 13, 3.5, 7.2). При этом в таком преобразованном виде они уже не могут использоваться как заглавия. Ср. также: *На выставке (автомобилей) побывало уже 100000. Но сколько из них станут покупателями?* (Евро-ньюс. 7.11.2013) — проблемный вопрос. Обычный вопрос был бы: Сколько из них станут покупателями?

Все функции проблемных вопросов, в том числе и самую интригующую — функцию средства мышления, рассуждения, — могут выполнять альтернативные *или*-вопросы (которые вообще близки к *ли*-вопросам, ведь *или* происходит из *и ли* [Фасмер 1967]). Ср. моно-

лог (мысли вслух) Гамлета: *Быть или не быть? Вот в чем вопрос! Что благороднее: сносить ли гром и стрелы Враждующей судьбы или восстать На море бед и кончить их борьбою?* (пер. А. Кронеберг). Обратим внимание на то, что подчиненный альтернативный вопрос делает специальный вопрос в целом (*Что благороднее...?*) актом мысли. Ср.: *Чем все это кончилось?* — вопрос, не способный выражать акт мысли. Причина очевидно в том, что мысль, в отличие от просто вопроса, должна иметь в своем распоряжении материал — конкретные альтернативы, которые она перебирает и между которыми она выбирает. В то же время стандартный специальный вопрос, вопреки общепринятому мнению («...Всякое вопросительное слово указывает на многочисленную дизъюнкцию, которая может получать те или другие контекстуальные реализации...» [Арутюнова 1988а: 127]), вовсе не обязательно имеет дела с конкретными альтернативами, которые перебирает в уме говорящий. Например, спрашивая *Кто изобрел велосипед?* или *Кто открыл Америку?* и т. п., мы вовсе не имеем в уме какое-то заранее данное известное множество. Вопрос: *Кто изобрел велосипед?* совершенно явно не предполагает, что Г имеет в уме список всех индивидов — возможных изобретателей велосипеда (Шекспир, Виктор Гюго, Черепанов, Стефенсон, Менделеев, дядя Ваня из соседнего подъезда ... и еще несколько миллиардов); спрашивающий ожидает, что этот индивид не будет выбран из готового списка людей, существующих в его картине мира, но будет **введен в нее** посредством определенной процедуры: указание имени, времени и места проживания и, факультативно, некоторых признаков того, кто изобрел велосипед (см. гл. 5). Это еще более очевидно в вопросах с *какой, каково, как* и т. п. ...*Норманны составляли главным образом первоначальную дружину..., как наемники участвовали почти во всех походах, — каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно* (В. Соловьев. История России с древнейших времен. Предисловие). Однако такой вопрос **может** иметь дело и с конкретными альтернативами, которые в этом случае уже должны быть как-то введены в мир говорящего (мыслящего) и дискурс. Видимо, эта «ужевведенность», наличие конкретных альтернатив, которые перебирает мысль, и сигнализируется фокусирующей частицей *же*, оперирующей на конечном, заданном наборе альтернатив. Ср.: *Кто же подменил пленку: вы или миссис Смит?* — может быть как про-

сто вопросом, так и актом мысли — и *Кто подменил пленку: вы или миссис Смит?* Последнее не может быть мыслью, но только просто вопросом.

5. Вопросы-предположения. Обширная область вопросов-предположений также делится на различные коммуникативные типы. Один из них можно назвать **диктально-модальными вопросами-предположениями**. Такие вопросы возможны только с глаголами, обозначающими конкретные события (в русском языке это глаголы СВ). В этом случае Г предполагает, что нечто **произойдет / произошло**, и одновременно предполагает, **что** именно произойдет / произошло (= что произойдет / произошло Р), и спрашивает А, верно ли его предположение: Лука. *Ну, обыгр'али тат'арина? В'одочку пить пойд'ете?* (М. Горький. На дне). Первый вопрос в этой последовательности может быть понят и как (собственно) модальный, = ‘обыграли или не обыграли?’. Второй вопрос предпочтительно понимается как диктально-модальное предположение, ср. с интонацией модального вопроса: *Водочку пить пойд'ете?* Аналогично: *Я получил много денег. — Теперь пере'едешь на новую кварт'иру?* Ср. также примеры Х. Мелига (устное сообщение), в которых вопросы представляют собой диктально-модальные предположения: *Где ключи? Ты их потерял?* — *Нет, вот они!*; *Где письмо? Ты его выбросил?* в смысле *Может быть, ты его выбросил?* Здесь предположение касается слитно и того, что что-то имеет место, и того, что именно, то есть предполагается, что (1) с письмом что-то **произошло** (модальное предположение), и это (2) то, что **ты его выбросил** (диктальное предположение). А вот *Ты выбросил письмо?* будет понято как общеверификативный (модальный) вопрос: **мы не предполагаем**, но заранее, до вопроса **знаем**, что есть альтернативы в отношении Р (например, мы знаем, что ты должен был выбросить письмо) — оно или имело место, или не имело места, мы спрашиваем, имело ли оно место в период, предшествующий моменту вопроса. Подобные вопросы образуют непрерывную шкалу с точки зрения вероятности (уверенности) предположения [Рестан 1972: 181—193] и, соответственно, с коммуникативной точки зре-

ния от собственно вопросов к (почти) утверждениям, требующим (а иногда уже и не требующим) лишь подтверждения.

Для разграничения собственно вопросов и вопросов-предположений можно использовать тест, показывающий, является ли вопрос предположением. После предположения можно сказать: *Я так и думал!* (в случае утвердительного ответа) или *А я думал...* (в случае отрицательного ответа) (ср. [Bublitz 1981: 863—864]): *Где письмо? Ты его выбросил? — Да. — Я так и думал!; Где ключи? Ты их потерял? — Нет, вот они! — Ну, хорошо. А я думал, ты их потерял.*

Другой тип вопросов-предположений — это **диктальные вопросы-предположения**. В ситуации употребления таких вопросов Г-му известно, что нечто имеет место, произошло (тем самым модальный компонент ‘имеет место’ в этих вопросах относится к теме), но неизвестно, что именно имеет место; он выдвигает предположение, что имеет место Р (другими словами, Г говорит, что это возможно Р (противопоставляя его другим возможным альтернативам Q, R, S, T и т. д.), что имеет место), и спрашивает А, верно ли его предположение: *Он не может идти. — Почему? Что случилось? Он сломал ногу?* Это предположение противопоставлено другим возможным диктальным альтернативам (*сломал ногу — заболел — пьян* и т. д.). В коммуникативном фокусе таких вопросов — диктальное Р¹². Интонационный контур таких вопросов, опять-таки иконически, характеризуется отсутствием резкого выделения какого-либо слова;

¹² Этот тип вопросов был впервые выделен, насколько нам известно, И. П. Распоповым: «Предложения, ставящие вопрос о реальности действия, следует отличать от предложений, в которых речь идет о действии в его конкретном проявлении. В первом случае под вопросом стоит только глагол-сказуемое, в последнем случае — глагол с уточняющим его содержание дополнением». Со стороны функции в речи такие предложения «соотносительны с местоименными вопросительными предложениями типа “Что будете делать?”, “Чем занимаетесь?” [...] С формальной стороны эти предложения характеризуются отсутствием логического ударения при наличии фразового ударения (несколько ослабленного) на дополнении» [Распопов 1953: 14—15]. В систематическом виде с привлечением понятий и терминов актуального членения данный тип вопросов описан под названием «экспликативные вопросы» в работах Х. Мелига [Mehlig 1991; и др.]. А. Н. Баранов и И. М. Кобозева [1983], также выделяющие (фактически) этот тип вопросов, называют его «вопросами с неингерентной темой».

тон плавно повышается от начала высказывания и достигает пика на последнем слове вопроса; вопрос в целом произносится в более высоком регистре¹³. Интонация диктальных вопросов-предположений похожа на ту, которую имеет частичный модальный (в не очень удачной, в данном случае, терминологии Ш. Балли [1955]) вопрос: (*Куда пошел Павел?*) *Павел пошел в школу?* (*Что он сломал?*) *Он сломал ногу?*, однако в последнем случае нет той интонационной слитности всей вопросительной фразы, которая характеризует полный вопрос, и более резко выделяется слово, находящееся в коммуникативном фокусе. Подобие интонационных контуров этих вопросов объясняется тем, что частичный модальный вопрос является частичным экспликативным вопросом, **частичным вопросом-предположением**. Предположение в случае такого вопроса касается только части диктума, Р, другая часть относится к данному: *Павел пошел в школу?* = 'Я знаю, что Павел куда-то пошел, но не знаю куда; я предполагаю, что он пошел в школу; правильно ли мое предположение?'

¹³ В вопросах данного типа порядок «субъект — глагол — объект» является нейтральным и прототипическим. Маркированные варианты порядка слов в этом типе связаны с меной местами объекта и глагола: *Чего это вы в молочный отдел постоянно наведываетесь?* *Вы сыр любите?*; *Что вы теперь будете делать?* *Водочку пить пойдете?*; *Первым об осторожном поступке Митрича узнал гражданин Гиgienишвили и сейчас же истолковал его по-своему. Он подступил к Митричу в коридоре и, схватив его за грудь, угрожающе сказал: — Поджечь всю квартиру хочешь? Страховку получить хочешь? Ты думаешь, Гиgienишвили дурак? Гиgienишвили всё понимает* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок). В этом случае объектная ИГ «уводит» с собой подъем тона (акцентный пик). Заметим, что такой порядок слов не всегда возможен, ср. неестественность: *Он ногу сломал?* Кроме того, объект вообще может отсутствовать: *Что с тобой?* *Ты устал?* Кроме того, вопросы с таким порядком слов содержат предположение с большей степенью уверенности, почти утверждение. По мере нарастания уверенности они превращаются в констатации, фатические вопросы: *Отдыхаете?* / *Работаете?* Ну-ну.

Характерно, что такие же варианты порядка слов возможны и в вопросительных экспликативных высказываниях: *Почему вы опоздали?* — *У меня автомобиль сломался / У меня сломался автомобиль*. Однако первый, инвертированный порядок выглядит странно в обычных сообщениях и утверждениях: *Затем у него автомобиль сломался* (как целое) и дальше он *на метро поехал*.

С точки зрения порядка появления в дискурсе такие вопросы носят третичный характер. Первичными вопросами, не предполагающими никаких предварительных сведений у А, являются, как было отмечено выше, полные модально-диктальные вопросы. Полные модальные вопросы имеют вторичный характер: они употребляются, когда уже известна ситуация, о которой идет речь, но неизвестно, имеет ли она место. Также вторичными, но с другой стороны, являются полные диктальные вопросы Балли: *Что случилось? Что происходит? Что вы делаете? Чем вы занимаетесь?* и т. п. Они употребляются тогда, когда Г известно, что что-то происходит, имеет место, но неизвестно, что именно; Г хочет это узнать у А. Диктальные вопросы-предположения являются своего рода продолжением, развитием полных диктальных вопросов. Они употребляются в ситуациях, когда известно, что что-то имеет место (происходит и т. п.), но неизвестно, что именно происходит; Г выдвигает диктальное предположение, своего рода «гипотезу» о том, что происходит, описывает, что, по его мнению, имеет место, происходит, и спрашивает А о том, правильно ли его предположение = правильно ли описана им имеющая место диктальная ситуация. Как пишет Х. Р. Мелиг, задавая такой вопрос, «спрашивающий хочет ... выяснить, правильно ли классифицирована или же идентифицирована ситуация, существование которой предполагается» [Mehlig 1991: 119]. Во многих случаях вопрос-предположение буквально следует в тексте за полным диктальным вопросом: Г задает полный диктальный вопрос и, не дожидаясь ответа А, задает вопрос, содержащий его предположение о том, что имеет место: *Что случилось? Собака укусила мальчика?* Ср. примеры экспликативных вопросов Х. Мелига, где в скобках указывается предполагаемый предшествующий полный диктальный вопрос: «(Что случилось?) Автобус столкнулся с ГРУЗОВИКОМ?»; «(Что это был вчера за шум за стеной?) Соседи передвигали ПИАНИНО?» [Mehlig 1991: 119—120]. Формальным показателем экспликативных вопросов являются частицы, включающие окаменевшее местоимение *что* — своего рода «след» полного диктального вопроса с *что*: *что, что ли, а что*, ср.: *Ты что собираешься делать? Голову мыть? — Ты что, голову собираешься мыть?*; [Плюшкин:] *А что, вы уж собираетесь ехать?* (Гоголь. Мертвые души); *Что, свинья, не спится? На, погребки!* (из анекдота); *Ты что, с ума сошел?*; [Аззелло Аннушке:] *Давай подковку и*

салфеточку. — Какую такую салфеточку-подковку? — спросила Аннушка, притворяясь весьма искусно, — никакой я салфеточки не знаю. Что вы, гражданин, пьяный, что ли? (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В ответе на такие вопросы мало сказать *Нет*, надо эксплицировать то Р, которое реально имеет место: [Дежурный на перроне спрашивает бегущего за поездом и размахивающего руками мужчину:] *Вы что, на поезд опоздали?* — *Нет, блин, я его с вокзала выгоняю!* (анекдот).

Предшествующие экспликативному вопросу дискурсивные звенья могут полностью опускаться, полностью оставаться в области подразумеваемого, и тогда трактовка вопроса как экспликативного, как диктального вопроса-предположения целиком опирается на ситуацию + специфическую интонацию, описанную выше: Петр. (Прислушиваясь к разговору Тетерева и Поли). *Вы объясняетесь в любви? Может быть, мне уйти?* (М. Горький. Мещане) [Распопов 1953: 14—15], ср. также: *Вы собираетесь уезжать?* (полный модальный вопрос) и *Вы собираетесь уезжать?* (полный экспликативный вопрос, вопрос-предположение). При отсутствии дополнения и вообще зависимых от предиката слов, позволяющих в полной мере «разыгаться» различительной интонации, полный экспликативный вопрос совпадает по интонационному рисунку с полным модальным вопросом, и интерпретация вопроса как полного модального или экспликативного полностью опирается на контекст или ситуацию, ср.: *Вы завтра уезжаете?* = (1) Вы завтра уезжаете или нет? (без какого-либо предположения), или ≈ (2) Верно ли мое предположение, что вы завтра уезжаете? (диктально-модальный или экспликативный вопрос-предположение). Ср. двусмысленность между модальным вопросом и экспликативным вопросом (диктальным предположением) в следующем анекдоте: [Жена мужу, старающемуся заснуть:] *Ты спишь?* — *Нет, умер! Оставь цветы и убирайся!* (перевод примера (в другой связи) из [Bublitz 1981: 864]). Альтернативы при модальном понимании, которое имеет в виду жена, ‘спишь’ vs ‘не спишь’, при интерпретации вопроса как диктального предположения (предложенной мужем) альтернативы ‘спишь’ vs ‘умер’.

Фактически разновидностью вопросов-предположений являются «вопросы с неингерентной темой», описанные в статье

А. Н. Баранова и И. М. Кобозевой [1983]. Вопросы с неингерентной темой формулируются «в том случае, когда пропозициональное содержание вопроса интересует говорящего не само по себе, а в качестве возможного объяснения для ситуации, заинтересовавшей его в ходе общения» [Там же: 265]. Напр.: Г, услышав фразу *Вчера первый раз был на занятии студии молодых поэтов*, спрашивает: *Ты пишешь стихи?* [Там же]. Тема вопроса с неингерентной темой — ‘думая о причинах некоторой актуальной ситуации Q’ [Там же]. В духе И. П. Распопова можно было бы сказать, что эти вопросы соотносительны с местоименными вопросами о причине: *Почему, зачем, для чего вы это сделали, делаете?* Например, наблюдая за тем, как X закупает огромное количество разнообразных сортов сыра, Y может спросить его: *Вы любите сыр?* (= Почему вы это делаете? Потому что вы любите сыр?) Заметим, что данные вопросы совсем не обязательно имеют вспомогательный характер. Предметом подлинного интереса Г может быть пропозициональное содержание вопроса само по себе; актуальная ситуация Q в этом случае является лишь основанием для предположения. Так, в примере выше Г вполне может интересоваться не причина посещения А-ом занятия студии молодых поэтов, а именно то, пишет ли он стихи; в случае утвердительного ответа в такой ситуации возможны следующие продолжения: *А вы их где-нибудь публиковали? / Как интересно! Не дадите ли мне почитать? / И зачем вы такой ерундой занимаетесь!* и т. п.; ср. пример, однозначный в этом отношении: *А что, вы уж собираетесь ехать? — сказал он [Плюшкин], заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для того только, чтобы достать из кармана платок* (Гоголь. Мертвые души). Здесь ясно по контексту, что Плюшкина интересует никак не объяснение движения Чичикова, а то, когда он, наконец, уедет (собирается ли он уже уезжать).

«Неингерентность» темы вопросов-предположений — не только диктальных, но и диктально-модальных — является частным случаем общей дискурсивной особенности всех вопросов-предположений. А именно: для того чтобы сделать предположение, нужно иметь какие-то **основания**, и эти основания так или иначе присутствуют в предшествующем тексте или ситуации (дискурсе). Например: [Иван сообщил, что он поэт.] — *Эх, эх... — сказал гость, морщась. — А вам что же, мои стихи не нравятся? — с любопытством спросил Иван.* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Здесь ре-

акция ночного гостя является основанием предположить, что гостю не нравятся стихи Ивана.

6. Наконец, третья чрезвычайно важная группа общих вопросов (как, впрочем, и не только общих, но также частных вопросов) связана с введением в мир (в картину мира) участников коммуникации, Г и А, **самой идеи возможности Р (или не Р)**. В собственно вопросах и вопросах-предположениях представление о возможности Р (и тем самым не Р, отсутствия Р — поскольку возможность Р конституируется возможностью не Р, см. [Шатуновский 1996: 181—186]), иными словами, представление об альтернативности рассматриваемого фрагмента мира в отношении Р и не Р, о том, что в данном фрагменте мира может быть Р, и может быть не Р, или, для диктальных предположений, что в данном фрагменте может быть Р, или Q, или R, или S, или... и т. д., имеет место в умах участников коммуникации ДО постановки вопроса и является тем самым, говоря иными словами, исходным предположением вопроса¹⁴. Однако идея о наличии альтернатив в данном фрагменте мира, о возможности Р и не Р, может отсутствовать в умах участников коммуникации. В этом случае Г в своем вопросе сообщает (или формулирует) саму идею возможности Р, которая тем самым является в таких вопросах новой в картине мира А, а иногда и самого Г (уточнения см. далее). В русском языке имеется 3 типа таких вопросов; два из них маркируются отрицательной частицей *не*, которая не имеет здесь собственно отрицательного значения¹⁵. Поэтому такие вопросы мы будем называть *позитивными не-вопросами*. Позитивные *не-*

¹⁴ Точнее говоря, в случае собственно вопросов альтернативный характер относительно данного Р имеет картина мира Г; что касается А, то в его уме данный фрагмент действительности представлен в безальтернативном виде: он знает, Р или не Р. Это и обуславливает то, что Г формулирует не проблематическое (гипотетическое) высказывание, а вопрос.

¹⁵ Ср. замечание В. Н. Мороза о вопросах, имеющих «специфическую отрицательную форму: “Не влюблены ли вы?”, “Не заступится ли за меня дедушка или тетушка?”. В обоих случаях предположение утвердительное, причем оно непосредственно в высказывании не присутствует...» [Мороз 1963].

вопросы следует отличать от диктальных *не*-вопросов — предположений, описывающих отрицательную альтернативу. Последние не имеют никакой собственной специфики, совпадая функционально, семантически и интонационно с соответствующими позитивными вопросами-предположениями (с тем само собой разумеющимся отличием, что позитивные и отрицательные предположения высказываются в различных объективных ситуациях). Напр., хозяин гостю, который даже не притронулся к стоящему на столе сыру: *Вы (что,) не любите сыр?* Ср. также: *Вы не получили мое письмо?* ≈ ...*получили или не получили?* ≈ *Вы получили мое письмо?* и диктальное отрицательное предположение: *Вы (что,) не получили мое письмо?* — ‘я предполагаю, что вы не получили мое письмо, и спрашиваю, правильно ли мое предположение’. Далее рассматриваются именно и только позитивные *не*-вопросы.

7. Отрицательные вопросы (ОВ). Противопоставление позитивных вопросов (ПВ) и ОВ основывается на различии в **картинах мира** участников коммуникации, предполагаемых этими вопросами. Можно выделить следующие основные случаи «устройства» картины мира относительно какого-либо Р. (1). Картина мира может иметь (в отношении данного Р) определенный, однозначный характер, то есть субъект (С) знает, полагает, думает и т. п., что Р, или же он знает и т. п., что не Р. (2). Картина мира (состояние ума С) может иметь альтернативный характер: С не знает, что имеет место, Р или не Р, но он знает, что в данном фрагменте мира или Р, или не Р. (3). Наконец, С может вообще не иметь никакого представления о Р, ни в каком виде, ни в определенном, ни в альтернативном. На месте Р в его уме «пробел», абсолютная «пустота».

ОВ употребляются в ситуации (3). Специфика **всех** (позитивных) отрицательных вопросов заключается в том, что они вводят в мир (в картину мира) участников коммуникации, Г и А (иногда только А, иногда и Г, и А), **саму идею возможности Р**, иными словами, сообщают, что в мире в целом или каком-либо его фрагменте Р или не Р = имеет место Р, или не имеет место Р.

Ситуация с наличием идеи возможности Р различна в случае *не...* и *не-ли*-вопросов.

8. Не-вопросы. В случае *не*-вопросов Г имеет в своем уме идею возможности Р, он знает, понимает и т. п., что в данном фрагменте реальности есть альтернативы 'Р' и 'не Р', однако он понимает, что А может не иметь в своем уме представления о Р ни в каком виде. Само состояние ума А, как его представляет Г, является «альтернативным»: ситуация такова, что А может не иметь представления о (возможности) Р, а может и иметь. Поэтому Г, формулируя *не*-вопрос, (а) **сообщает** А-у (как бы на всякий случай), что Р возможно (что Р или не Р), и (б) спрашивает, Р или не Р. Заметим, что в ряде случаев (как, например, в вопросе о получении письма выше) ОВ и ПВ сближаются, происходит, в силу особенностей значения предиката, формы времени и самой ситуации вопроса, почти нейтрализация их противопоставления, специфика ОВ поэтому затушевывается. Наиболее показательными (диагностическими) являются такие случаи, когда в норме возможен только ОВ (или, напротив, только ПВ). Поэтому рассмотрим сначала случаи, где специфика ОВ проявляется особенно ярко. Например: *Вы не забыли ключи? *Вы забыли ключи?* (Заметим, что как диктальное предположение, с другой интонацией, ПВ возможен: *Что случилось? Вы забыли ключи?*). Собственно ПВ здесь невозможен, потому что если А забыл ключи, то он не может иметь в уме до вопроса альтернативу 'Я забыл ключи', поскольку бы это означало, что он не забыл ключи. Это противоречие блокирует употребление ПВ. В то же время ОВ здесь абсолютно уместен, поскольку он вводит в картину мира А представление о такой возможности и затем побуждает А ответить на этот вопрос. Вопрос *Вы видели новый спектакль Марка Захарова?* предполагает, что А имеет представление о возможности Р 'Я видел новый спектакль Марка Захарова'; он или видел этот спектакль, или не видел, но и в последнем случае он знает, что такой спектакль идет и он мог бы его увидеть. Такой вопрос как бы проверяет имеющийся в голове пункт анкеты, известной заранее. Другое дело: *Вы не видели здесь мальчика на велосипеде? ^{??}Вы видели здесь мальчика на велосипеде?* Здесь если А видел мальчика на велосипеде, то он имел / имеет в уме представление о Р, однако если он его не видел, то он не имел до вопроса никакого представления о том, что он мог увидеть здесь мальчика на велосипеде. Аналогично: [Бендер председателю исполкома:] *Здравствуйте, вы меня не узнаете?* [Председатель заявил, что не узнает.] — *Неужели не узнаете? А между тем многие*

находят, что я очень похож на своего отца (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

Как было отмечено выше, различие между ОВ и ПВ может в некоторых случаях частично нейтрализоваться. Так, если Г уведомил А, что он послал ему письмо, то он должен употребить ПВ: *Вы получили мое письмо?* (если адресат и не получил письма, то он знает, что он не получил письмо). Однако если такого уведомления не было, то предпочтителен ОВ: *Вы не получили мое письмо?*, предполагающий следующее. Адресат мог получить письмо, и в этом случае у него в уме имеется представление о фрагменте мира 'получение письма от Г' (в позитивной форме). Однако он мог и не получить (еще или вообще) этого письма. Тогда у него нет ни малейшего представления о том, что он должен был получить письмо, и он получит информацию о том, что такая возможность есть (была), из данного вопроса. Однако с некоторой натяжкой в данной ситуации возможен и ПВ. Объясняется это тем, что глагол СВ *получили* содержит пресуппозицию, что письмо было отправлено, откуда следует, что есть возможность его получить или не получить, и А «вычислит» эту пресуппозицию и вытекающую из нее импликацию, услышав этот вопрос. Аналогично, *Вы помните меня?* ≈ *Вы не помните меня?*, поскольку глагол *помнить* содержит пресуппозицию, что А видел Г.

Проиллюстрировать специфику позитивных *не*-вопросов и их отличие от диктальных *не*-вопросов-предположений можно на примере следующего анекдота: *В избирательный бюллетень по выборам президента РФ включен вопрос: «Вы не против, чтобы Дмитрий Медведев стал следующим президентом?» и два ответа: «Да, не против» и «Нет, не против».*

Почему здесь возможен и положительный, и отрицательный ответ? Потому что здесь незаметно скрываются два различных типа вопросов, производимых по различным моделям, но здесь мало отличающихся по существу. (1). Вопрос-предположение, предполагается, что вы не-против, и спрашивается, так ли это. На этот вопрос ответ позитивный: *Да, (я) не против*. Подтверждается, что я не против. (2). *Не*-вопрос, содержащий как возможно новое предположение вопроса, что *вы против*, с *не* как показателем возможной новизны в мире этого предположения. На такой вопрос ответ отрицательный: *Нет, я не против*. Отрицается, что я против. Нейтрали-

зация противопоставления этих вопросов происходит из-за того, что связка в настоящем времени опускается. В вопросе-предположении *не* относится к диктуму, к *против*, в модальном *не*-вопросе *не* относится к связке. Когда появляется связка, то эти вопросы расходятся: *Вы не будете против, если я открою окно?* — *Нет, не буду.*

Этот тест помогает разобраться и с глагольными вопросами: *Вы не забыли закрыть дверь?* — *Нет, не забыл* — следовательно, предположение позитивное. Ср. с интонацией предположения диктального: *Вы не забыли закрыть дверь?! ≈ Как, / Неужели вы не забыли закрыть дверь?* — *Да, не забыл* (см. и ср. [Кобозева 2000б: 315]).

То, что в одних случаях необходимо или лучше *нет*, а в других *да*, объясняется тем, что по сути своей, по характеру Р одни вопросы должны пониматься или предпочтительно понимаются как отрицательные предположения, а другие как позитивные *не*-вопросы: *А папа не обидится?* — **Да, не обидится; Нет, не обидится.* Видимо, частица *а* исключает понимание вопроса как диктального предположения. *Вы не ходите на следующей остановке?* — *Нет, не схожу.*

С потенциальной двусмысленностью *не*-вопроса связано и то, что, как отмечается в [Кобозева 2000б: 315], положительный ответ на *не*-вопросы с *да* звучит плохо: *Иван не пришел?* — **Да / ?Да, пришел.* Надо описать то, что произошло, эксплицитно и без *да*: *Пришел.* Почему? В случае ответа *Да* возникает двусмысленность в отношении того, что подтверждает это слово, поскольку возможно двойное понимание самого вопроса — позитивную альтернативу позитивного отрицательного вопроса или отрицательное предположение вопроса-предположения: (1) ‘Верно ли, что Иван пришел?’ — *Да.* (= Иван пришел); (2) ‘Верно ли, что Иван не-пришел?’ — *Да* (= *Верно* = Иван не-пришел).

Из общего значения *не*-вопросов проистекает ряд более частных их особенностей, реализующихся уже не во всех ОВ, но в каких-то их группах, в зависимости от временной отнесенности Р, значения предиката и т. п.

Поскольку такие вопросы являются не просто вопросами, но одновременно **сообщениями о возможности Р**, в ряде ситуаций происходит (вполне предсказуемый и закономерный) сдвиг в их

употреблении. Позитивный модальный вопрос предполагает, что А знает ответ на него, и поэтому если А заведомо не знает ответа, то вопрос теряет смысл. Не то с *не*-вопросами. Даже если А заведомо не знает ответа, то вопрос не теряет смысла, поскольку в нем остается сообщение (информация) о возможности Р. Г и А ждут Z. Z не пришла на встречу, ни Г, ни А не знают, почему. Г А-у: **Она заболела?* ПВ бессмыслен, поскольку А не знает ответа, но: *Она не заболела?*— нормально. Возможность, выражаемая такими вопросами, эпистемическая¹⁶ ≈ *Может быть, она заболела?*

Аналогичный сдвиг в *не*-вопросах регулярно происходит в будущем времени в контексте неконтролируемых и частично контролируемых Р. Если Р является контролируемым, то есть происходит по выбору субъекта (С), то ПВ осмыслен: Г знает (предполагает), что А (= С действия) выбрал или не выбрал делать Р, и поэтому может ответить на вопрос, будет оно или не будет: *Вы поедете на конференцию?* ОВ, напр.: *А вы не поедете на конференцию?*, в этих случаях тоже может быть употреблен, однако с другими исходными предположениями. Г в этом случае не уверен, что А (= С) уже сделал выбор: может быть, он уже сделал выбор и поэтому имеет в уме ‘Р будет’ или ‘Р не будет’, однако может быть и так, что он еще и не задумывался об этом и выбор еще не сделан. В случае неконтролируемых Р ПВ часто абсолютно аномален, поскольку в этом случае Р не зависит от воли А и он не может знать, будет оно или не будет: **Вы получите государственную премию? *Вы выиграете автомобиль в лотерею? *Вы заболете? *Простудитесь ли Вы? *Мы заблудимся? *Мотор заглохнет?* В то же время ОВ, содержащие в себе сообщение о возможности Р, в контексте предикатов определенного типа вполне уместны и весьма продуктивны. Глаголы в этом случае обозначают специфические с точки зрения контролируемости Р, а именно такие, которые происходят не по воле С, а вот **не** происходить они могут как не по воле С, так и по его воле, т. е. под контроль (обычно частичный) может браться только их неосуществление: *упасть, простудиться, поскользнуться, проговориться* и т. п. [Шатуновский 1996: 194]. Осуществление некоторых из этих Р в какой-то степени также контролируется С; так, С может нарочно ходить в холодную погоду по улице без пальто, для того

¹⁶ О видах возможности см. [Шатуновский 1996: 194—210].

чтобы простудиться. Однако эти Р являются нежелательными для С, поэтому даже там, где он может сделать так, чтобы было Р, он не выбирает это делать. В то же время С может предпринять что-то для того, чтобы предотвратить наступление этих Р; так, он может одеться потеплее для того, чтобы не простудиться. В подобных ситуациях *не*-вопросы приобретают следующее типизированное значение: они сообщают А (= С) о возможности нежелательного Р (как бы на всякий случай, потому что А может и сам понимать, что такая возможность существует) и (поскольку это будущее время и Р еще не наступило) побуждают его принять меры для того, чтобы не допустить этого Р (конвенционализованная импликатура). Например. [А ставит стул на стол и забирается на него с целью достать лампочку. Г обеспокоенно:] *Вы не упадете?* Вопрос отражает следующие установки Г. Имеет место возможность падения А; Г не знает, осознает ли наличие такой возможности А; Г сообщает ему (на всякий случай), что возможно падение А и (косвенно, тем самым) побуждает его усилить контроль над ситуацией, чтобы не допустить этого. Возможность здесь, в отличие от прошедшего времени, объективная ≈ (*Осторожно,*) *Вы можете упасть* ≠ **Может быть, вы упадете*. Прагматически выводной компонент побуждения сближает эти вопросы с императивами СВ: ≈ (*Осторожно,*) *не упадите!* ПВ здесь аномален: *Вы упадёте?*— воспринимается так, как будто Р контролируемое и А уже выбрал, упасть ему или не упасть, или же как будто А всеведущее существо и заранее знает, что произойдет или не произойдет помимо его воли. Аналогично: Г обеспокоенно А-у, собирающемуся в легкой одежде на улицу в холодную погоду: *Ты не замерзнешь?* (→ ‘оденься потеплее’); ср. **Ты замерзнешь?*; Г и А собираются в лес: *Мы не заблудимся?* (меры, которые здесь можно предпринять, это, например, взять с собой карту, пригласить проводника и т. п., и, наконец, просто отказаться от данного похода); *Мотор не заглохнет? Петя не подведет?*

В той мере, в которой положение дел поддается исправлению, компонент побуждения содержится и в *не*-вопросах в прошедшем времени: *Вы не забыли ключи?* → ‘проверьте и возьмите, если забыли’; *Ты не замерз?* → ‘выпей чего-нибудь горячего’; ср. диалог: *Ты не забыла сделать копию? — Забыла. Сейчас сделаю.*

Не-вопросы вежливые как побуждения, потому что они **сообщают** о возможности Р, они **не предполагают** заранее, что это

возможно: *Вы не закроете окно?* ПВ предполагает, что А заранее знает о возможности Р и то, что оно хорошо для Г, поэтому возникает вопрос: а почему он этого не делает? Значит, он нехороший, некооперативный человек. Этого вывода позволяет избежать использование *не-вопросов*. Ср. агрессивный, невежливый характер вопросов-побуждений без *не*: *Вы перестанете качать ногой / болтать / стучать по стеклу?*, которые как раз и предполагают, что А знает, понимает, должен понимать, что надо делать Р (в данном случае, не надо делать Р), но не делает этого. Эти вопросы также могут употребляться демагогически, подразумевая: А должен понимать, что надо Р / не надо Р, но не понимает и не делает этого.

В случае косвенных предложений (речевых актов), содержание которых является новым для А, использование *не-вопросов* просто естественно: *Вы не присядете?* Использование позитивных предложений не является невежливым, когда Р в интересах А, соответственно, исходное предположение возможности Р (которое обеспечивает Г) не является невежливым: *Чая выпьете?* (о РА предложения см. гл. 1).

С описанным выше общим значением ОВ связана следующая яркая особенность ОВ: Р, о возможности которого они сообщают, очень часто является **случайным** = **незапланированным** или **незакономерным** (в соответствии с двумя основными значениями слова *случайно*). (Отсюда частое употребление слова *случайно* в таких вопросах, эксплицирующее эту особенность; там, где его нет, во многих случаях можно его подставить без изменения в общем смысле, поскольку это в любом случае, если произойдет / произошло, то случайно: *Петя сюда, случайно, не заходил?*; ср. **Петя сюда, случайно, заходил?*) Понятно почему. ПВ относятся к области **известного** участникам коммуникации. А **известным** заранее по определению может быть только то, что человек **запланировал** или познал, опираясь на найденную им **закономерность**. В **известной** картине мира нет случайностей. Случайные отклонения **по определению** не могут быть в этой картине, поскольку они являются **отклонениями** от того, что есть в этой картине.

Отсюда также вытекает та особенность ОВ, что описываемые в них Р часто являются **нежелательными**, **плохими** для С [Баранов,

Кобозева 1983]¹⁷. Желательное выбирается и планируется и поэтому имеется в уме субъекта Р (он знает, что он выбрал Р и поэтому Р будет, или он знает, что он не выбрал Р и поэтому Р не будет); соответственно, в этих случаях употребляются ПВ (С может совпадать с А вопроса, но может и не совпадать; поскольку С-у известно, Р или не Р, он может сообщить об этом и другим лицам). В то же время нежелательное не выбирается, не планируется и происходит, если происходит, не по воле С, случайно, поэтому его может не быть заранее в уме участников коммуникации: *Вы не упадете? Ты не замерз?* — А не планировал замерзнуть или упасть, потому что это плохо для него, и может быть, поэтому не подумал о такой возможности, планируя или делая что-то другое.

Особую группу *не-вопросов* составляют вопросы, касающиеся действий А (Р как-то описывает или квалифицирует действия А), в которых Г сообщает о том, что он считает возможным (= вводит как возможную альтернативу), что Г не искренен, обманывает, вводит в заблуждение Г (вопросы **недоверия**): *Вы не обманываете? Вы не шутите? А вы его не заберете? ≈ Вы его действительно не заберете, как вы говорите?* В этом случае если А неискренен, то он имеет в уме Р до вопроса (например, он знает, что он обманывает Г), но если он искренен, то ему, скорее всего, в голову не приходит такая возможность. Если человек обманывает, трудно рассчитывать, что он тут же в этом признается, поэтому вопрос превращается в нечто следующее: 'Я сообщаю вам, что считаю возможным, что вы меня обманываете и т. п., и побуждаю вас..., жду от вас заверений, подтверждений, доказательств, клятв, что это не так'.

9. Не-ли-вопросы. *Не-ли-вопросы* делятся на два основных типа.

1-й тип — это собственно вопросы (или информативные, используя термин Рестана, вопросы): *Скажите мне, фру Хельмер, не помните ли вы случайно дня смерти вашего отца?* (Г. Ибсен; пер. с норв.); *Не найдете ли вы сегодня или завтра свободную минутку*

¹⁷ Ср. также замечание в «Русской грамматике» [1980], что *не-вопросы* могут выражать опасение [§2604]: *опасение* — это предположение, что случайно может произойти нечто плохое, нежелательное для Г.

побывать у меня? (из письма А. Н. Островского); *Что мой Руслан? Не продается? Не запретила ли его цензура?* (А. С. Пушкин Л. С. Пушкину); *Как, Яков Кирьяныч, живешь-поживаешь со вчерашнего дня? Не окривел ли петушок, здорова ли кошечка?* (Бажов. Малах. шкатулка. Далевое глядельце); примеры из [Рестан 1972]. Эти вопросы близки к *не-* (без *ли-*) вопросам. Они также вводят в мир (картину мира) Г идею возможности Р (что в данном фрагменте Р или не Р). Отличие этих вопросов связано с общей функцией частицы *ли*, которая показывает новизну Р в дискурсе. В *не-*вопросах **если** А имеет Р в уме, то оно вытекает из ситуации или текущего дискурса, поэтому оно является **данным в дискурсе**. (Тем самым эти вопросы похожи на полные модальные вопросы, это как бы «половинчатые», «неуверенные» модальные вопросы; неуверенность здесь заключается в том, что Г не уверен, что А имеет представление о Р / возможности Р в уме.) В *не-ли-*вопросах Р не вытекает из ситуации / дискурса, поэтому должно быть введено в дискурс как новое. Поэтому если Р явно, очевидно вытекает из ситуации, «активировано» в дискурсе, то *не-ли-*вопрос невозможен. [Г упавшему А:] *Вы не ушиблись?* — если А ушибся, то он актуально чувствует боль ушиба в момент вопроса; *Не ушиблись ли вы?* — звучит очень странно. Г заглядывает на кафедру и спрашивает: *Хозяинов* [проректор университета] *сюда не заходил? Не-ли-*вопрос **Не заходил ли сюда Хозяинов?* в данной ситуации неуместен, потому что если Хозяинов сюда заходил, то представление об этом Р присутствует, «активировано» в уме А-а и является известным, данным в данном дискурсе. Заметим, что *не-*вопросы, функционируя в текущем дискурсе, «привязаны» к координатам ‘здесь’ (‘сюда’) и ‘сейчас’ и часто включают эти слова как эксплицитные показатели текущего места и времени. Соответственно, наличие таких слов блокирует возможность употребления *не-ли-*вопросов. Например: *Вы не видели здесь маленького мальчика?* — здесь *здесь* эксплицитно, а ‘сейчас’ в расширительном значении ‘только что’ подразумевается. Другое дело вопросы, которые задает в сказке Пушкина королевич Елисей месяцу, солнцу и ветру: *Не видал ли где на свете ты царевны молодой?* (= ‘где-нибудь, когда-нибудь’, но не ‘только что, здесь’). Если А и видел царевну, то он видел ее где-то далеко и давно, поэтому представление об этом не присутствует актуально в его сознании, не является (до вопроса) актуальным, активированным в данном

дискурсе. Поэтому здесь, напротив, неуместен вопрос без *ли*: *Ты не видел молодой царевны?* Такой (привязанный к текущей ситуации) вопрос создает впечатление, будто она где-то здесь, рядом и лишь на минутку куда-то отлучилась. Понятно поэтому, что *не-ли*-вопросы особенно активно употребляются в тех случаях, когда Р является отвлеченным, сложным и поэтому просто не может вытекать из текущей ситуации / дискурса. В таких случаях часто возможны только *не-ли*-вопросы: *Владислав Валерьевич, не осложнит ли новый закон взаимоотношений банка с клиентами?* (Столица. 03.04.1997 / НК).

Благоприятным контекстом для *не-ли*-вопросов являются вопросы о мнении А-а: *Не считаете (думаете / полагаете/ боитесь) ли вы, что...; Не кажется ли вам, что...: Не считаете ли вы, что использование народных масс, открыто выражающих протест на улицах, может привести к опасному, неконтролируемому развитию политической ситуации в стране?* (О. Власова. Пора извлекать уроки / НК) — настолько благоприятным, что даже там, где эксплицитного указания на мнение нет, оно сильно подразумевается; так, вопрос выше, скорее всего, понимается как: *В.В., как вы считаете, не осложнит ли...?* Понятно почему: Г вряд ли может заранее предполагать, что А имеет в уме какое-то сложное, не вытекающее из ситуации Р; поэтому в подобных вопросах Г фактически излагает свое мнение по какой-либо теме; вопрос побуждает А высказать свое отношение к данному мнению, согласиться или не согласиться с ним; иногда это побуждение усиливается до косвенного побуждения согласиться, принять это мнение: \approx ‘согласитесь, что Р’.

Не-ли-вопросы, как и *ли*-вопросы, особенно характерны для письменной речи, где они норма, поскольку при переписке Г и А находятся в разных пунктах пространства и времени и, следовательно, в разных ситуациях: *Не изменились ли у тебя, Аллочка, планы?* (письмо дедушки внукам / НК).

2-й, чрезвычайно продуктивный, тип *не-ли*-вопросов надстраивается над первым типом, представляя собой его усложнение. В вопросах этого типа Г формулирует идею возможности Р в мире (что в данном фрагменте мира или Р, или не Р) (это значение 1-го, более простого типа) и одновременно на этой базе делает предположение, что имеет место (именно) Р. Можно сказать, что это двойной вопрос, вторичное предположение: диктальное предположение Р накладывается на сообщение о возможности Р (и не Р). Напри-

мер (при обсуждении причин гибели подводной лодки «Курск»): *Не столкнулась ли подводная лодка с миной?*

Совпадая на уровне лексико-синтаксической структуры, *не-ли₁* и *не-ли₂* вопросы резко различаются интонационным рисунком. Ср.: *Не запретила ли его цензура?* — (1) *не-ли₁*-вопрос: двойной пик на *запретила* и *цензура* (интонация такая же, как и в позитивных *ли*-вопросах; (2) вопрос-предположение *не-ли₂*: резкий подъем на *запретила*, затем держится на том же уровне, спад к концу, произносится в целом в более высоком регистре.

Значение *не-ли₂*-вопросов формируется противопоставлением разноуровневых альтернатив одновременно:

1). Первое противопоставление: возможно Р [и возможно не Р] (= возможно, Р имеет место [или Р не имеет места] (теневая, пресуппозитивная альтернатива) (см. [Шатуновский 1996: 181—186]) (наряду с другими возможностями: Q vs не Q (= Q имеет место или не имеет места), R vs не R, S vs не S, и т. д.; эти возможности присутствуют в мире участников коммуникации до вопроса). Возможность Р здесь противопоставлена (как новое в мире) возможности Q, R, S и т. д. (известным, старым возможностям).

2). Второе противопоставление: возможно, что имеет место Р (а не Q, не R, и т. д.). Это то же самое Р, но взятое в другом противопоставлении, в другом измерении: Р vs Q, R, S, T и т. д.

Чрезвычайно важной особенностью этих вопросов является то, что А в этом случае не имеет абсолютно никакого, ни в каком виде представления о возможности Р (о наличии альтернатив Р и не Р) в данном фрагменте мира. Возможность Р здесь является **абсолютно и безусловно новой** для А. Соответственно, А не может ответить (непосредственно) на этот вопрос, поскольку он не располагает сведениями о Р. Это уводит этот тип в сторону от собственно вопросов. Так, вопрос *Не закрыли ли вы дверь?* используется в ситуации, когда А не имеет в своем уме никакого представления о том, закрыл он дверь или нет, и вообще не думает об этом, не имеет идеи закрытия двери ни в каком виде, ни в положительном, ни в отрицательном, на этом месте в его уме пробел, пустота. Например, он закрыл дверь и потом забыл об этом или закрыл дверь случайно и не заметил этого. Поэтому он и не может на него непосредственно ответить: он должен напрячься и попытаться вспомнить, закрыл он дверь или не закрыл, или вернуться и проверить, закрыта ли дверь

или открыта. Такой вопрос значит что-то вроде: *Может быть, вы закрыли дверь?*

Имеется и другое, возможно, более общее и более важное свойство *не-ли*-вопросов-предположений. Возможность Р (идея возможности 'Р' и 'не Р' и то, что предположительно имеет место именно Р, а не Q и т. д.) является здесь новой не только для А, но и **для самого Г!** Такие вопросы употребляются в ситуации, когда до момента формулировки вопроса Г сам не имел в своем уме идеи о возможности Р (Р или не Р) в данном фрагменте действительности; Г формулирует *не-ли*-вопрос не только и не столько для А, сколько **для самого себя**. В таких вопросах особенно ярко и наглядно проявляется то, что язык является не только средством коммуникации, но и средством мышления. Есть вопросы чисто коммуникативные, они немислимы без А; таковы модальные собственно вопросы и диктальные вопросы-предположения, а также «полумодальные» *не*-вопросы; так, мы не можем спросить сами у себя, без всякого А: *Петя приехал? Он не упадет?* и т. д. В то же время *не-ли*₂-вопросы могут употребляться и чаще всего употребляются без всякого А. Они не нуждаются в адресате, адресат здесь факультативен, поскольку такие вопросы являются средством мышления — «разговора с самим собой» (Платон). Такие вопросы, первично, являются средством формулировки предположения в уме Г-го (посредством языка) или — вторично — средством описания процесса и результата формирования такого предположения (в художественной и научной литературе). Разумеется, такие вопросы могут выполнять одновременно и коммуникативную функцию; они могут формулироваться в присутствии другого человека (других людей), который является здесь в некотором смысле, **частично** адресатом: Г формулирует предположение одновременно для себя и для А; может быть, А, для которого это предположение также является новым, подумав, найдет ответ на этот вопрос? Таков, например, вопрос на совещании, где обсуждаются возможные причины гибели подводной лодки: *Не столкнулась ли подводная лодка с миной?* Аналогично: *Раскольникову ужасно захотелось послушать, что поют, точно в этом и было все дело. «Не зайти ли? — подумал он. — Хохочут! Спьяну. А что ж, не напиться ли пьяным?»* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *На одно мгновение пронеслась в уме его мысль: «Не уйти ли?»*. Но он не дал себе ответа и стал прислушиваться в старухину квартиру: мерт-

вая тишина. (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); ...*Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей. ...Не потому ль так часто и печально мы замолкаем, глядя в небеса?* (Р. Гамзатов. Журавли).

В области *не-ли*-вопросов косвенный вопрос и просто вопрос мало различаются, поскольку в обоих случаях выражается новое предположение, *мысль*, а мысль — это всегда **новое**: *Однако в то же время неприятное облачко набежало на его душу, и тут же мелькнула змейкой мысль о том, что не прописался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного, ибо и такие примеры в жизни бывали* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Здесь, если бы не было продолжения с *ибо*, можно было бы поставить вопросительный знак.

*Не-ли*₂-вопросы, формулируемые в присутствии А и касающиеся самого А, бывают двух типов: (1) стандартные вопросы-предположения, предполагающее кооперативное участие А в поиске ответа на этот вопрос (пример выше); (2) вопросы, предполагающие, что А некооперативен, что он может знать ответ на этот вопрос-предположение, но не захочет ответить на него, скроет или исказит истину. Такие вопросы соответствуют «вопросам недоверия» в области *не*-вопросов (*Вы не шутите? Вы не обманываете меня?*). Отличие в том, что в случае *не*-вопросов сохраняется «вопросительность» — побуждение дать какой-то ответ; в случае *не-ли*-вопросов, являющихся самодостаточными как предположения, никакого ответа не предполагается (вряд ли можно рассчитывать, что А разоблачит сам себя), и вопросы недоверия трансформируются в вопросы подозрения: *Не обманываете ли вы меня?* (*≈ Уж не обманываете ли вы меня?*); *Не украли ли вы эти деньги?* (*Уж Не думаете ли вы, что я хочу занять ваше место?! Не подменили ли вы эту пленку?*) В случае вопросов подозрения, предполагающих возможную неискренность Г, Р не может быть безусловно новым для А, поскольку если он неискренен, то он имеет Р в уме (а если искренен, то не имеет). Но остается то, что Р является новым в мире самого Г. В этом случае и в присутствии А-а Г формулирует вопрос в большей степени для себя: [Плюшкин, пораженный предложением Чичикова платить подати за его умерших крестьян, выдвигает предположение, позволяющее объяснить подобное поведение го-

стя:] *Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?* (Н. Гоголь. Мертвые души). Характерно, что хотя Чичиков и ответил, что он не служил в военной службе, а служил по статской, Плюшкин не поверил ему, и «заклучил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, верно, был в офицерах и волочился за актерками».

10. Наконец, третий тип вопросов, говорящих о возможности Р — это вторичные позитивные *ли*-вопросы «сомнения» (дубитативные вопросы, по Рестану [1972])¹⁸. Все *Не-Р-ли*-вопросы, в том числе и косвенные (*Уходя из дома, проверьте, не забыли ли вы выключить газ; Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я* (песня «То ли девочка, а то ли виденье»), выдвигают идею возможности Р на фоне пресуппозитивной альтернативы ‘не Р’. Точнее говоря, до формулировки вопроса ‘не Р’ рассматривается не как альтернатива, а как фактическое положение

¹⁸ См. также [Кобозева 2003: 40] о скептических вопросах, выражающих сомнение в сказанном. Ср. также: «Одной из причин этого является трудность проведения функционального разграничения (если только язык сам ясно не грамматикализует или не лексикализует это различие) между задаванием вопроса и выражением сомнения. Есть несколько индейских языков Северной и Центральной Америки (включая меномини, серрано и хидатса), которые имеют так называемое **дубитативное** наклонение; само использование термина ‘дубитативный’ показывает, что грамматисты, описывающие эти языки, пришли к выводу, что характерной, если не единственной функцией называемого так наклонения является выражение сомнения говорящего. Однако если говорящий выражает сомнение в истинности конкретной пропозиции не в монологе на сцене, но в беседе, то это может быть понято в контексте (и можно ожидать, что оно будет так понято) как просьба к адресату разрешить это сомнение, то есть как задавание вопроса, а не просто его формулировка.

И наоборот, предложение, чьей характерной функцией является формулировка вопросов — и которое поэтому трактуется как вопросительное (по типу предложения или наклонению), — может, разумеется, быть использовано для выражения сомнения без намерения побудить адресата разрешить это сомнение (или дать какой-либо другой ответ)» [Лайонз 2003: 206—207].

вещей, альтернативой оно оказывается после формулировки вопроса. То есть думали, полагали, планировали, что..., ожидалось, должно быть и т. д. 'не Р', в *не-ли*-вопросе это 'не Р' «альтернативизируется», сообщается, указывается на то, что возможна альтернатива Р; тем самым и 'не Р' оказывается уже не фактическим положением вещей, а только возможной альтернативой. В совершенно ясном (хотя и несколько расширенном смысле) это относится и к *Не-Р-(ли)*-вопросам-предположениям, в случае которых до формулирования вопроса на месте Р «пустота», пробел. В совершенно очевидном смысле эта «пустота» с денотативной точки зрения (в «прозрачном», *de re* понимании) представляет собой 'не Р', отсутствие Р; после формулирования вопроса эта «пустота» альтернативизируется и становится (уже и концептуально, *de dicto*) не просто «пустотой», а отсутствием Р, 'не Р'. Позитивный *ли*-вопрос-предположение формулируется в противоположной ситуации, а именно, фон образует позитивная альтернатива: фоновым исходным положением вещей является 'Р'; в вопросе это положение вещей альтернативизируется, оказывается только альтернативой. Иными словами, думали, считали, полагали, что Р; вопрос выдвигает предположение возможности не Р и тем самым делает Р только альтернативой: *(Да) Завозят ли сюда продукты? (Да) Служил ли он в армии?*; [А. Лебедь в программе «Герой дня», НТВ, о политике Путина]: *Это [деление на 7 округов и назначение «генерал-губернаторов»] показывает силовой вектор развития событий. Нужен ли нам такой вектор?*; *Народ освобожден* [из этого вытекает, что народ должен быть счастлив, это ставится под сомнение], *но счастлив ли народ?* (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо); *Кумушка, мне странно это. Да работала ль ты лето?* (И. А. Крылов. Стрекоза и муравей); *А были ли мальчик?* Заметим, что это относится ко всем видам общих вопросов, то есть не только полным (в смысле Балли) вопросам, но и частичным модальным (по Балли [1955]) вопросам (точнее, частичным вопросам-предположениям, см. выше). Так, *Не Освальд ли убил Кеннеди?* употребляется в ситуации, когда думали, что Кеннеди убил не Освальд, или, шире, не думали, что Кеннеди убил Освальд (вообще не думали об Освальде как о возможном убийце Кеннеди); в вопросе выдвигается как новое предположение, что Кеннеди убил Освальд. *Освальд ли убил Кеннеди?* предполагает противоположную исходную фоновую ситуацию: думали, что Кеннеди убил

Освальд; выдвигается как новое предположение, что Кеннеди убил не Освальд. Вопросы сомнения обычно относятся к постоянным положениям вещей. Понятно почему. Чтобы сначала думали, что Р, а потом поставили это под вопрос, обычно нужно время. *Освальд ли убил Кеннеди?* — это тоже длящееся Р, это предложение тождества, а не событие. Отсюда странность: *А приехал ли Петя?*

Понятно, почему это вопросы с *ли*: такие вопросы всегда вводят в дискурс новую проблему, больше того, это всегда одновременно вопросы мысли, проблемные вопросы, потому что ответа не предполагается. При этом и тогда, когда они относятся к какому-то актанту или обстоятельству, это общие вопросы, потому что речь идет о **тождестве**, скажем, убийцы Кеннеди и Освальда. Ср.: *Павел пошел в школу?* и *В школу ли пошел Павел?*

Вопросы сомнения выражают сомнение в том, что так или иначе уже введено в дискурс, и поэтому могут вообще не включать никаких новых слов — таковыми являются пометки на полях в виде вопроса.

11. Заметим, что сказанное выше позволяет объяснить противоречие между формой вопроса и выдвигаемым в нем предположением, то есть то, что негативный по форме вопрос выдвигает позитивное предположение, а позитивный — негативное. Видимо, это отражает следующую деривацию: сначала формулируется пропозиция, отражающая фоновое, исходное представление о положении вещей (в одних случаях это ‘не Р’, в других — ‘Р’); затем это представление ставится под вопрос = подвергается сомнению; тем самым это положение вещей альтернативизируется, становится не тем, что фактически есть, а только альтернативой. Поскольку исходное фоновое представление о положении вещей является известным, данным, в коммуникативный фокус попадает представление о противоположной невыраженной альтернативе — ‘Р’ и ‘не Р’, соответственно.

12. Как вторичные *не-ли*-вопросы-предположения, так и вторичные *ли*-вопросы сомнения являются прежде всего средством мышления, в них совершается акт мысли. В этом отношении они подобны первичным проблемным *ли*-вопросам, выступающим в мыслительной функции. Однако мысли, отраженные и совершаемые в таких вопросах, принципиально различны. В первых, как было отмечено выше, мысль движется от проблемы (наличия альтернатив) к решению, ответу (безальтернативному состоянию ума). Во вторых движение мысли противоположное: от безальтернативного состояния ума (отсутствия проблемы) к ее «созданию», к раздвоению мыслимого положения дел на альтернативы, к осознанию, что есть такая проблема:

Но ведь и в этой святой вере, где-то в глубине души, жило сомнение. Социализм ли это — вот с Колымой, с людоедством во время коллективизации, с гибелью миллионов людей? Ведь бывало, что совсем другое лезло в тайную глубину сознания, — уж очень бесчеловечен был террор, уж очень велики страдания рабочих и крестьян. (В. Гроссман. Все течет).

ГЛАВА 8

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ КОСВЕННЫХ ВОПРОСОВ И СООТНОСИТЕЛЬНЫХ С НИМИ НЕЗАВИСИМЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ*

1. Косвенные вопросы (сокращенно КВ) — это придаточные (зависимые) предложения, которые имеют форму и сохраняют частично (разные типы в разной степени) значение вопросов (независимых вопросительных высказываний). А. М. Пешковский говорит в этом случае о косвенно вопросительном подчинении [Пешковский 1956: 497]; «Русская грамматика» называет сложные предложения, в которых придаточными предложениями являются КВ, предложениями с местоименно-вопросительной связью частей [Русская грамматика 1980: 508]. С точки зрения формы — КВ содержат вопросительные элементы — вопросительные местоимения или частицу *ли*, с точки зрения значения — КВ описывают положение вещей в «неполном» виде, оставляя какую-то его часть неизвестной, точнее, незаполненной, необрисованной, поскольку говорящий (Г) и адресат (А) могут прекрасно знать, о чем идет речь: *Ты знаешь, о ком я говорю*. Отсюда следует, что все КВ описывают, в прямом или за-

* Глава подготовлена на основе статьи: *Шатуновский И. Б.* Основные типы косвенных вопросов и соотносительных с ними независимых высказываний // Человек о языке — язык о человеке: Сб. статей памяти акад. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2012. С. 377—397.

вуализованном виде, содержание ума субъекта (сокращенно С), отражение мира в уме С: в жизни «пробелов», пустых мест не бывает, они могут быть только в неполном отражении мира в уме человека. Понятно поэтому, что КВ подчиняются словам (имеют в качестве опорных слов, в терминологии «Русской грамматики» [1980], слова) со значением мысли (в широком смысле), речи (последние — постольку, поскольку речь содержит мысль) и восприятия — в том употреблении, в котором они вводят мысленный объект, сформированный на основе восприятия (*Он видел, кто пришел* — ‘видел и поэтому знает’); в конструкциях собственно восприятия, отражающих непосредственно действительность, не обработанную умом ситуацию, КВ употреблен быть не может: **Он видел / смотрел, как кто переходил улицу*.

Среди КВ важно прежде всего различать косвенные вопросы, соотносительные со специальными вопросами, то есть вопросами с вопросительными местоимениями: *Кто приехал?* — *Я знаю, кто приехал*, и косвенные вопросы с *ли*, соотносительные с общими вопросами [Русская грамматика 1980, § 2866]: *Приехал ли Павел?* — *Я не знаю, приехал ли Павел*.

Далее, специальные вопросы делятся на 2 принципиально различные группы. В вопросах первой группы (назовем их *единично-референтные вопросы*) спрашивается об аспектах единичного конкретного события (ситуации): *Кто, когда, где, зачем, из какого оружия и т. д. убил Кеннеди?* Специальные КВ этого типа, подобно собственно специальным вопросам, имеют пресуппозицию существования в мире описываемой ситуации (события). Бессмысленно спрашивать, кто убил Ивана, каким образом, за что и т. д., если Иван, слава Богу, жив-здоров и пьет чай с вареньем¹. Поэтому специаль-

¹ Разумеется, это не значит, что эта пресуппозиция не может быть «отвергнута», «опровергнута» в дискурсе. Ведь любая пресуппозиция — это то, что **принимается** и **подается** Г как данное, как факт. Но Г может заблуждаться или намеренно, например, в шутку или с целью введения А в заблуждение преподносить как факт нечто, что таковым и для него не является: ...*Скажи, в каком году запорожские казаки штурмовали Мачу-Пикчу?* (А. Иванов. Географ глобус пропил). Такая пресуппозиция может при необходимости отрицаться особым сложным, развернутым образом: *Кто убил Ивана?* — *Никто его не убивал. Он покончил жизнь самоубийством*.

ные КВ не сочетаются с нефактивными предикатами, в частности глаголами мнения: *Он думает / считает / полагает / утверждает / заявляет, кто приехал — принципиальная нефактивность мнения вступает в непримиримое противоречие с фактивностью (пресуппозицией существования) КВ.

В вопросах второй группы (назовем ее *дистрибутивно-референтные вопросы*) спрашивается о дистрибутивных участниках множества различных событий (ситуаций). Например, учитель спрашивает учеников в классе: *Кто купил новый учебник?* (пример Х. Мелига). Этот вопрос в стандартном прочтении предполагает множество отдельных ситуаций (событий), каждая со своим субъектом: 'Ваня купил учебник', 'Петя купил учебник', 'Маша не купила учебник', 'Витя не купил учебник', 'Вера купила учебник' и т. д. Другие примеры: *Кто хочет пойти в кино? В каких странах проводятся исследования загрязнения воды?* (пример Е. В. Падучевой), *С кем бы вы пошли в разведку?* — как дистрибутивный вопрос, обращенный к каждому в отдельности из множества людей; такой вопрос, вследствие специфики местоимения *вы*, может пониматься и как единично-референтный вопрос, обращенный к единичному адресату. В таких вопросах, по самому их смыслу, не предполагается осуществление каждого отдельного события, иначе не было бы смысла и задавать вопрос. Поскольку каждое отдельное событие из этого множества может и не иметь место (не осуществиться), тем самым возможен и такой вариант, что ни одно из этих событий / ситуаций не имеет / не имело места, то есть что никто не купил учебник, никто не хочет идти в кино, и ни в каких странах исследования загрязнения воды не проводятся². Заметим, что это особый и весьма

² На материале анализа подобных вопросов Е. В. Падучева делает вывод, что по отношению к специальным вопросам следует говорить не об экзистенциальной пресуппозиции, но исходном предположении вопроса, которое «может нарушаться без ущерба для коммуникации», так, на вопрос *В каких странах проводится исследование загрязнения воды?* может быть дан (вполне нормальный) ответ: *Ни в каких* [Падучева 1985: 64]. Х. Р. Мелиг, проанализировав *кто*-вопросы, приходит к выводу, что у вопросов с *кто* возможно экзистенциальное понимание: *Кто купил новый учебник? = Есть ли такие, кто купил, и если есть, то кто?* [Мелиг 2002: 141—142]. Повторим еще раз, что это особый усложненный тип вопросов. На необходимость различать 2 типа *кто*-вопросов указал А. Д. Шмелев:

своеобразный тип вопросов. Так, на обращенный к классу дистрибутивный вопрос *Кто купил учебник?* и ответ может быть дан только «распределенный»: Ваня: *Я купил*, Петя: *А я не купил*, Маша: *Я купила* и т. д. Такие вопросы чрезвычайно плохо трансформируются в большинство типов КВ: *?Ребята сказали учителю, кто (из них?) купил учебник*. Поэтому в дальнейшем при рассмотрении типов КВ такие вопросы не учитываются.

Что касается КВ *с ли*, то в них, как и в собственно общих вопросах *с ли*, **спрашивается**, имеет ли место (= существует) описываемая ситуация (Р), неизвестным является компонент ‘имеет место’ (‘имеет или не имеет место Р’). Поэтому такие вопросы естественным образом, по определению, не имеют пресуппозиции существования, имения места Р.

Основная задача данной главы — описать основные функционально-семантические типы КВ вместе со связанными с ними деривационными отношениями независимыми интеррогативными высказываниями, расположив их в порядке от типов, наиболее близких к собственно вопросам, к типам все более и более удаленным от прототипических вопросов вплоть до восклицательных высказываний вида *Каким вином нас угощали! Как прекрасен этот мир! Что за прелесть эта Соня!* с формальными показателями восклицательности — «местоимениями-частицами» *как, какой, сколько* и т. п. [Грамматика 1954, 2, ч. 1, § 428], где, по словам И. М. Кобозевой, на синхронном уровне «потеряны всякие точки соприкосновения с прототипическим вопросом» [Кобозева 2003: 39] (однако мы надеемся показать, что это не так).

При анализе значения и употребления КВ важно иметь в виду принципиальное различие между косвенными вопросами, подчиненными главному предложению с субъектом в 1 лице (КВ от 1 лица): *Я спрашиваю, кто трогал мои книги?*, и КВ от 3 лица: *Он спрашивает / спросил, кто трогал его книги*. Поскольку собственно вопрос задается (произносится) всегда по умолчанию от 1 лица (говорящего), только косвенные вопросы от 1 лица непосредственно соотносительны с независимыми вопросами.

в одном случае *кто* собственно идентифицирующее, в другом — *кто* отсылает к множеству, = ‘Кто входит в множество объектов таких, что они купили?’, и это множество может быть и пустым — ответ может быть и *Никто* (А. Д. Шмелев, выступление на семинаре Ю. Д. Апресяна).

Итак, типы.

2. Вопросительные вопросы. (Прошу прощения за тавтологию.) Это КВ в перформативных вопросительных высказываниях с эксплицитным вопросительным перформативом, косвенными вопросительными формулами (клише) или императивом *скажи(те)*, эксплицирующим частично значение вопросительного перформатива:

Я спрашиваю вас, кто открыл окно? Я спрашиваю вас, едят ли кошки кошек? Я хочу знать / спросить, где вы были вчера между 11 и 12 часами? Вы не знаете / не скажете, приехал ли Петя? Арина Пантелеймоновна. А не любит ли он выпить, вот, мол, что скажи. (Н. В. Гоголь. Женитьба) и т. п.

Естественно, что это самые близкие к собственно вопросам КВ, поэтому они могут употребляться и обычно употребляются с вопросительным знаком, по отдельности они формируют просто вопросы, самые обычные, стандартные вопросы: *Куда он пошел? Кто открыл окно? Едят ли кошки кошек? Не любит ли он выпить?*

Вопросительные КВ, естественно, могут использоваться и дескриптивно: в предложениях, описывающих то, что было / будет / возможно, будет спрошено от 1 лица:

Он спросил, кто открыл окно; Я спросил у ясеня, где моя любимая (В. Киршон); Он поинтересовался, где я был вчера...; Узнай / Спроси, приехал ли Петя; Если он спросит, приехал ли Петя, скажи...

Здесь и во всех случаях ниже возникает вопрос о направлении деривации — что первично: развернутый эксплицитный вопрос с перформативом или независимый вопрос? Вопрос ли транспонируется в позицию придаточного предложения (как это описывает Пешковский [1956: 494—495]), или, напротив, сложноподчиненная структура эллиптируется и превращается просто в вопрос? Это проблемный вопрос (см. ниже), на который у нас нет окончательного

ответа. С одной стороны, первичной является развернутая перформативная конструкция, более близкая к «глубинной» смысловой структуре, где всё выражено эксплицитно. С другой стороны, реально в языке более частотны и в этом смысле психологически первичны более простые с формальной точки зрения (и с этой точки зрения они также первичны) независимые вопросы. Этой констатацией мы и ограничимся. В конце концов, для употребления этих вопросов важно только то, что они связаны определенным образом и (в той или иной степени) синонимичны.

3. Проблемные вопросы знаменуют собой первый шаг удаления от собственно вопросов. Такой вопрос является своего рода дескрипцией проблемы, описанием области неизвестного (см. гл. 7, 4.5). Подобные вопросы, пишет П. С. Попов, равносильны проблематическому суждению [Попов 1950: 22]. В отличие от предшествующей группы здесь отсутствует направленное к адресату побуждение передать информацию, ответить на вопрос. Поэтому такие вопросы часто делаются в отсутствии адресата, используются в процессе мышления³:

Хотел бы я знать, куда он спрятал ключи? Интересно, сумеет ли А. Карелин в 4-й раз завоевать олимпийское золото? Товарищи, всех вас интересует вопрос, есть ли жизнь на Марсе (к/ф «Карнавальная ночь») и т. д.

Проблемные вопросы часто употребляются как независимые вопросы: *Едят ли кошки кошек? Едят ли кошки кошек?* — рассуждает сама с собой Алиса из сказки Льюиса Кэрролла; *Есть ли жизнь на Марсе? Это науке пока неизвестно; Кто же на самом деле стрелял*

³ Ср.: «Вопрос может носить внутренний характер, если он задается говорящим самому себе с целью найти удовлетворительный ответ путем интроспективного размышления. Вопрос носит внешний характер, если он обращен к другому лицу, от которого говорящий ждет ответа, — при этом говорящий может либо принять этот ответ безоговорочно, либо принять его лишь к сведению, оставляя за собой в дальнейшем свободу согласиться или не согласиться с собеседником» [Теньер 1988: 206].

в миссис Смит? — думал детектив Эрколь Пуаро; Так кто же подменил пленку? (думает вслух, глядя на подозреваемого, лейтенант Коломбо из полиции Лос-Анджелеса); А взрывали ли русские бомбу у посольства США в Грузии? (название статьи) (ИноСМИ.Ру); «Кто виноват?», «Чего же ты хочешь?» и т. д.

Важно, однако, отметить, что имеется принципиальное различие между проблемными вопросами и собственно дескриптивными высказываниями. В дескриптивных высказываниях описание проблемы является «конечным пунктом» назначения этих высказываний. В то же время в проблемных вопросах это **только начало**. В проблемных вопросах имеется чрезвычайно важное свойство, наследуемое ими от собственно вопросов и отраженное в самом слове *проблема*. *Проблема* — это то, на что нет ответа в данный момент (в момент, когда она формулируется), но это то, что **требует ответа** (какая именно из альтернатив или что именно имеет место, если это проблема познания) или **решения** (если это проблема действия, выбора между различными альтернативами). Проблемные вопросы содержат в себе идею **необходимости поиска ответа (решения), стремление найти ответ** (при этом возможно, конечно, что ответ так и не будет найден): *Есть ли жизнь на Марсе? Наука пока не знает ответа на этот вопрос*. Возможный ответ (в случае успеха) лежит впереди, в области будущего, куда и устремлен вектор скрытого обобщенного побуждения проблемного вопроса. Все это придает проблемным вопросам **динамизм, напряжение, незаконченность и неокончателность**, обусловленные стремлением Г решить проблему, найти ответ на сформулированный вопрос. Поэтому проблемный вопрос часто сопровождается постановкой задачи решения сформулированной в нем проблемы:

[В. Путин]: *Мы должны ответить на следующие вопросы: делает ли этот договор систему безопасности более совершенной? Укрепляет ли он позиции России?*; [Начальник уголовного розыска:] *Нам необходимо выяснить, кто мог пронести оружие в здание*; [Начальник — подчиненному:] *Выясните, когда была отправлена эта накладная*; и т. п.

Два основных типа проблемных вопросов в соответствии с типом формулируемых в них проблем, уже упомянутых выше, — это

проблемные вопросы познания (все примеры выше) и проблемные вопросы решения (как акта воли):

Они думают, что взять с собой в отпуск; Я думаю, куда поехать летом?; Надо решить, что делать; Быть или не быть — вот в чем вопрос. Независимые вопросы решения: *У меня растут года, будет и семнадцать. Где работать мне тогда, чем заниматься?* (В. Маяковский. *Кем быть?* — также проблемный вопрос решения); *Иные, дуньками одеты, сидеть не могут взаперти. Прищелкивая в кастаньеты, они идут. Куда идти, кому нести кровавый ротик, у чьей постели бросить ботик и дернуть кнопку на груди? Неужто некуда идти?* (Н. Заболоцкий. Ивановы); «*Что делать?*»; *Что взять с собой в отпуск?*

4. Вопросы незнания / непонимания (ВН). Это, например, *Я не знаю / не понимаю / не представляю, что ему от нас нужно / кто открыл окно / едят ли кошки мошек; Я не знаю / не помню, куда я положил ключи.* Такие вопросы выражают бывшую пресуппозицию (условие уместности) независимого вопроса, а именно, что спрашивающий не знает ответа на свой вопрос = не знает / не понимает и т. д., кто, где ... и т. д. В отличие от проблемных вопросов, в ВН нет установки на нахождение в конечном итоге ответа, они просто описывают область незнания субъекта (то, что он не знает), и в этом отношении они уходят от вопросов и переходят в область информирующих (чисто дескриптивных) высказываний. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев объединяют такие вопросы в единую с вопросительными и проблемными вопросами (без какой-либо их дифференциации) группу вопросов с игноративными предикатами [Булыгина, Шмелев 1988: 51—55; 1997: 388—389]. Однако, как представляется, имеет смысл разделить эту группу по линиям, предложенным в настоящей статье, с выделением ВН в особый тип. В пользу этого говорят и формальные соображения. Так, выделенные в статье Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева особенности КВ с игноративными предикатами — возможность употребления частицы *же*, использование КВ с *не... ли...*, возможность аффективного способа выражения, возможность модальных показателей [1988: 53—54] — все

это возможно только для вопросительных и проблемных КВ, как наиболее близких к обычным вопросам (где все это возможно), в собственно вопросах незнания, которые с наибольшим основанием могут претендовать на звание игноративных, такие показатели употреблены быть не могут:

*Все чаще думаю, не поставить ли лучше точку пули в своем конце (В. Маяковский) (проблема решения) — *Я не знаю, не поставить ли лучше...; *Я не знаю, не ты ли это был / кто же открыл окно/ куда бы он мог уйти; *Я не знаю, кто же убил Ивана; *Я не знаю / не понимаю / не представляю, не любит ли он выпить / кто бы это мог быть; и т. д.*

При этом необходимо иметь в виду следующее. Деление КВ на перечисленные выше группы не является чисто формальным, основанным на типе подчиняющего предиката (опорного слова). Определяющим при отнесении вопроса к той или иной группе является его значение и функция. Так, вопросы с *не знаю, не понимаю* и т. д. могут пониматься (и понимаются в их, так сказать, прямом значении) как информирующие о состоянии ума С (незнании). В этом случае употребление всех перечисленных выше средств невозможно. Однако эти вопросы могут также пониматься и как компрессированные цепочки речевых актов (см. гл. 10, 4), включающие в свой состав выводной, возникающий как вероятностная коммуникативная импликатура вопрос: *Я не знаю, ...* → [поэтому хорошо было бы / а надо бы узнать...] (проблемный вопрос); *Я не знаю / не понимаю, ...* → [поэтому скажи / объясни мне...] (собственно вопрос). Различие между этими типами вопросов обыгрывается в следующем анекдоте: Генсек Брежнев премьер-министру Косыгину: *Я не понимаю, как работает социалистическая экономика*. Косыгин начинает объяснять (то есть понимает вопрос как просьбу объяснить, дать ответ на вопрос). Брежнев: *Нет, объяснить я и сам могу, но я не понимаю, как она работает!*, то есть вопрос нужно понимать как чистый вопрос непонимания. Если вопросы с предикатами незнания / непонимания понимаются как включающие имплицитный выводной вопрос, то и употребление всех перечисленных выше связанных с вопросительностью средств становится в той или иной степени возможным: *Не знаю, что бы подарить ему на день рож-*

дения? (включает выводной вопрос — побуждение к передаче недостающей информации: ‘если можешь, подскажи’); *Не понимаю, куда же я дел ключи?* (прагматически содержит установку на решение проблемы: ‘надо их найти’).

В свою очередь, ВН делятся на две группы: вопросы **незнания** с подчиняющими предикатами незнания (*не знаю, не помню* ≈ ‘не знаю, потому что забыл’, *забыл* (→ ‘и поэтому не знаю’), *неизвестно* и т. п., *кто, где, когда, кого...* и т. д.) и вопросы **непонимания** (*не понимаю, не представляю*⁴, *непонятно, кто, как, почему* и т. п.). Наиболее яркой формальной различительной чертой этих групп является возможность употребления в вопросах незнания КВ с *ли*: *Не знаю / Не помню, был ли он пляже* и невозможность таковых в вопросах непонимания: **Не понимаю / *Не представляю, едят ли кошки мошек / был ли он на пляже; *Я не понимаю, удалось ли ему открыть окно; *Я не понимаю, любит ли она меня, надо: Я не могу понять, любит ли она меня*, где отрицанию подвергается *могу*. Другой резкой разделительной чертой является их соотношение с независимыми вопросами. ВН чрезвычайно продуктивны как независимые вопросы (игноративные риторические вопросы, как называет такие вопросы В. А. Григорьев [1987]), как бы «вбирающие» в себя подчиняющий предикат, при этом они понимаются почти исключительно как **вопросы непонимания**. Из этого следует, и это подтверждается языковым материалом, что только специальные вопросы могут употребляться как независимые ВН, вопросы с *ли* в этом случае невозможны: *Купил ли он квартиру? ≠ Я не знаю / *не понимаю, купил ли он квартиру*. При этом надо иметь в виду следующее. *Знать* — это самый широкий, немаркированный глагол, он может употребляться и в смысле *понимать*:

Теперь я знаю = понимаю, что это такое: идти день и ночь, не смыкая глаз и т. д.; *Не знаю, кому понадобилось его убивать? ≈ Не понимаю...; Однако от Надеждина Прохоров ждет разъяснений, сказала «Газете.Ru» пресс-секретарь лидера ПД Юлиана Слащева. «Хотя как он сможет это объяснить, я не знаю», — отметила собеседница «Газеты.Ru»* (Газета.Ru. 3.08.2011),

⁴ (*Не*) *представляю* близко к (*не*) *понимаю*, см. [Зализняк 2009], где один из видов (*не*)понимания толкуется через (*не*)*представляю, могу себе представить* — *не могу себе представить* [Зализняк 2009: 548—549].

≈ не понимаю, а также в позиции своего рода нейтрализации, где выступает более обобщенный недифференцированный смысл, своего рода «семантический кварк» [Апресян 1995а: 481—482] знания / понимания: *Я знаю силу слов* (В. Маяковский. Неоконченное). Независимые игноративные вопросы не могут выражать незнание в узком и собственном смысле, то есть в тех случаях, когда незнание противопоставлено непониманию.

Независимые вопросы непонимания соотносительны с эксплицитными высказываниями непонимания от 1 лица: *Как он это сделал?* = *Я не понимаю, как он это сделал, но ≠ Он не понимает...; Ты не понимаешь...* Обобщенное непонятно, через которое также могут толковаться эти вопросы, включает в это обобщенное множество, которому непонятно, 1 лицо: *Непонятно, как он это сделал?* ≈ *Непонятно любому, в том числе и прежде всего мне.*

Примеры:

Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном? (Лермонтов. Парус) ≈ ‘Я не знаю / не понимаю / Неизвестно, что ищет он в стране далекой...’; Ленский: *Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?* (Пушкин. Евгений Онегин) ≈ ‘Я не знаю / не понимаю / не могу понять, куда...’; аналогично: *Что я сделал им? За что они мучают меня? Чего хотят они от меня, бедного? Что могу я дать им?* (Гоголь. Записки сумасшедшего); *Зачем было красить дом в такой цвет?; И он ударил меня... За что?* (к/ф «Разные судьбы»); *И толковала чернь тупая: «Зачем так звучно он поет? Напрасно ухо поражая, к какой он цели нас ведет? О чем бренчит? чему нас учит? Зачем сердца волнует, мучит, как своенравный чародей? Как ветер песнь его свободна, зато как ветер и бесплодна: какая польза нам от ней?»* (Пушкин. Поэт и толпа).

Естественный (проблемный) вопрос, который возникает в этой связи, это: почему независимые вопросы склоняются к выражению непонимания? Как представляется, это связано со спецификой понимания. Если знание в типичном случае поступает к человеку из внешних источников, то понимание в конечном итоге всегда формируется за счет **внутренних усилий и ресурсов** субъекта. Поэтому

если субъект не понимает что-то, то ему никто не может помочь⁵, а раз так, то произнесенный вслух вопрос не может быть понят как собственно вопрос, содержащий побуждение к А сообщить недостающую информацию.

Два основных вида понимания / непонимания и, соответственно, вопросов непонимания — это **объективное, пропозициональное** понимание / непонимание и **субъективное, непропозициональное** понимание / непонимание. Первое является (не)пониманием каких-то **объективных аспектов** ситуации:

Ленский: *Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?* (Пушкин. Евгений Онегин) \approx ‘Я не знаю / не понимаю / не могу понять, куда...’; *Я не понимаю, как ему удалось проникнуть в квартиру — Как ему удалось проникнуть в квартиру? Я не понимаю, что ищет он в стране далекой? — Что ищет он в стране далекой?*

Такое понимание / непонимание в полном смысле фактивно, в таких высказываниях имеется presupпозиция объективного существования того, что обозначено КВ. Содержание того, что субъект понимает / не понимает, может в этом случае быть выражено пропозицией. Такие вопросы — ВН₁ — это вопросы незнания / непонимания — и только, они не развивают дальнейших значений.

Второе непонимание и соответственно вопросы непонимания₂ — это непонимание субъектом чувств и мотивов людей, обычно других лиц или людей «вообще», но возможно также и своих собственных мотивов:

Не понимаю, какое удовольствие сидеть целый день с удочкой на берегу? (Не понимаю) Зачем вы перед ним извинялись? / Почему вы себя унижаете? (Не понимаю) Зачем было красить дом в

⁵ Не считая возможности объяснения различных научных теорий, принципов устройства и функционирования сложных, комплексных объектов и областей. Но это особый вид понимания и, соответственно, непонимания, который как раз (и может быть, именно потому, что здесь может быть дано объяснение) не выражается отдельными независимыми вопросами: *Как функционирует рыночная экономика?* ни при каких условиях не может означать: ‘Я не знаю / не понимаю, как...’.

такой цвет? (Не понимаю) Почему ты до сих пор не спишь? (Не понимаю) Как ты мог так поступить? Непонимание мотивов собственных действий: *И к чему с такой нелепой нежностью я перебираю эту добычу детской памяти?* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); [Антрыгина] — *...Ничто меня в жизни не занимает. И зачем я живу? Я не понимаю* (А. Н. Островский; пример М. А. Дмитриевской); *Я не понимаю, где были твои глаза?* (когда ты подписывала это) — Егорова: *Я тоже не понимаю* (т/с «Маргоша»).

Такое непонимание — всегда от 1 лица. В тех случаях, когда глагол стоит в 3 лице, имеет место не описание Г-им того, что не понимает другой человек, а цитация, передача того, что он **сказал**: *Один господин говорил с негодованием, что он не понимает, как в нынешний просвещенный век могут распространяться нелепые выдумки* (Гоголь); *Он не понимает, как можно было так поступить* — не описание того, что он не понимает, а передача того, что он сказал, а сказал он: *Я не понимаю, как можно было так поступить?* Ср.: *Он не знает, кто...* не означает, что он сказал *Я не знаю, кто...* нет, это описание ума субъекта говорящим, который как-то в него проник! Конечно, он мог это и сказать, но это не обязательно. Г может заключить об этом по поведению С, он может узнать об этом от третьего лица, который сказал Г, что он не сказал С, кто..., и т. д., и т. п.

Подчеркнем, что субъективные мотивы и причины надо отличать от объективных причин. Причина и цель действия могут быть вполне объективными и пониматься или не пониматься, достигаться посредством объективного понимания: *(Не понимаю), Зачем он приходил? — думает детектив Пуаро.* И эта причина (цель) его визита вполне объективна, она может быть «вычислена», установлена и выражена пропозицией: например, он приходил для того, чтобы обеспечить себе алиби. В случае (не)понимания₂ вмешиваются внутренние факторы, внутренние, субъективные мотивы, обусловленные всей «системой» внутреннего устройства (характера) человека: его желаниями, пристрастиями, предпочтениями, моральными ценностями и оценками и т. д., и т. п. При одном и том же внешнем событии (например, человеку изменила его жена) для одного человека это в его системе координат, чувств будет достаточным мотивом для убийства, для другого — для развода, в мире третьего — для скан-

дала, четвертый только скривится и махнет рукой, и т. д. То есть тут важно, как это переживается, чувствуется, оценивается, насколько это движет человеком, а это зависит от внутренних факторов⁶. Сами объективные факты при этом известны. «...В человеке могущественно выступает индивидуальность: у каждого свой собственный характер; поэтому тот же мотив не производит на всех одинакового действия, и тысячи побочных обстоятельств, заключающихся в широкой сфере познания индивидуума, но неизвестных другому, изменяют его действие. Поэтому нельзя по одному мотиву вперед определить действия, так как недостает другого фактора, точного познания индивидуального характера и сопровождающего его познания» [Шопенгауэр 1993: 47].

Такое непонимание (как и соотносительное понимание) **непропозиционально**, это то, что не может быть описано пропозицией, поскольку **непропозиционально** то, что понимается. Понимание₂ — это «моделирование» (непроизвольное, неконтролируемое субъектом) в своей душе тех чувств и мотивов, которые присутствовали в душе другого субъекта (или самого этого субъекта). Непонимание₂ — это результат неспособности (по тем или иным причинам) создать в своей душе аналогию, подобие того, что есть в душе другого человека (или было в душе самого «непонимающего» ранее), представить, вообразить это [Зализняк 2009: 548—549]. Поскольку то, что (не) понимается, относится к области чувств, ощущений, чувственных (сенсорных, эмоциональных, этических) оценок и др. (много чего есть в душе человека, еще хорошо и не изученного!), его невозможно описать пропозицией. Так, можно принять как факт в результате сообщения, что человеку грустно, но что именно чувствует человек в этом случае, можно узнать (понять) только по своему внутреннему опыту. Аналогично мотивы: насколько жгучим, сильным было чувство (чувства) оскорбления, приятия или неприятия, возмущения, сострадания и т. д., которое (которые) и было (бы-

⁶ Ср. толкование *понимать* 2 И. М. Богуславского: *X понимает Y* = ‘X понимает 1 мотивы действий лица Y и считает², что у Y-а есть основания для таких действий’ [Богуславский 1984] (где — как мы это понимаем / трактуем, и если мы правильно понимаем мысль И. М. Богуславского — *понимает 1* — объективное понимание / знание причин и целей действий других людей, а основания — это субъективная «оболочка», интерпретация, делающая событие мотивом к действию или чувству и т. д. X-а).

ли) мотивом совершения поступка и в которые была «завернута» объективная причина, как именно с ними взаимодействовали этические правила и принципы, насколько они вообще разделяются или принимаются субъектом, и т. д., и т. д., всё это невозможно описать пропозицией. Поэтому здесь только можно указать на объект или область (не) понимания, но не выразить пропозицией то, что именно (не)понимается: *Я его (не) понимаю; Я понимаю ваши чувства* и т. д. Ср. объективное и субъективное непонимание: *Я не понимаю, как ему удалось проникнуть в квартиру* — объективное непонимание, тот, кто это знает / понимает или сам С, если поймет, может описать пропозицией или, скорее, серией пропозиций, как ему удалось проникнуть в квартиру: *Он сначала..., потом..., затем...* и т. д. Поскольку то, что не понимается, может быть описано пропозицией, предложения объективного непонимания могут «дрейфовать» в сторону проблемных вопросов и «запросов» об объяснении (см. выше). В сложноподчиненном предложении при этом обычно используется вопросительный знак: *Я не понимаю, как работает социалистическая экономка? /...как ему удалось проникнуть в квартиру? /...зачем он это сделал?* Субъективное непонимание: *Я не понимаю, какое удовольствие сидеть целый день с удочкой на берегу?* → *Какое удовольствие сидеть целый день с удочкой на берегу?* Здесь то, что не понимается — ощущение удовольствия, его характер и т. п., — не может быть описано пропозицией. И даже если С поймет это, например, в результате того, что он посидел с удочкой на берегу и ему это понравилось, он не сможет это выразить иначе, чем просто сказав: *Теперь я понимаю, какое это удовольствие сидеть целый день с удочкой на берегу!* Такие вопросы не могут пониматься как проблемные вопросы или «запросы» об объяснении — просто потому, что объяснить это невозможно. Вместе с тем эти вопросы развивают ряд других значений, «уводящих» их от собственно вопросов. Поскольку это непонимание относится к внутреннему миру людей, к интенциональным объектам, которые существуют только в «душе», внутреннем мире человека и не имеют независимого от этого внутреннего мира существования, то если человек не понимает, не находит в своей «душе» в широком смысле, в своем внутреннем мире чего-то, то его тем самым и **нет вообще**. Это прежде всего относится к непониманию своего собственного внутреннего мира: *И зачем я живу? Я не понимаю* (А. Н. Островский) трансформируется в ‘В

моей жизни нет никакого смысла'. Поскольку человек судит о других людях по своему опыту и моделирует их внутренний мир по образу и подобию своего собственного [Дмитровская 1985: 105], этот вывод переносится на внутренний мир других людей: поскольку я не понимаю, не нахожу причин, мотивов, удовольствия в том, чтобы делать нечто, то таких причин и т. д. **нет**⁷. Тем самым ВН₂ переходят в риторические вопросы [Дмитровская 1985: 105] = в **утверждения** об отсутствии того, о чем спрашивается в вопросе: *Что я сделал им? За что они мучают меня?* (Гоголь. Записки сумасшедшего) → 'Я не понимаю, за что они меня мучают → меня не за что мучить, я им ничего плохого не сделал'. При этом, однако, может сохраняться понимание, что на самом деле какие-то мотивы, основания для совершения действий и «испытывания» чувств у действующих лиц есть / были — «остаток» фактивной пресуппозиции глагола *понимать*, подкрепленной фоновым знанием (пресуппозицией), что люди никогда ничего не делают без каких-либо причин и оснований. Это является базой для следующего шага в цепочке деривации — выводной «дискредитации» этих мотивов, причин и оснований: это какие-то «не настоящие», «неправильные» мотивы, этически предосудительные, глупые и т. д. (характер «дискредитации» зависит от конкретного содержания КВ / самостоятельного вопроса непонимания), эта дискредитация в качестве следующего выводного шага естественным образом влечет дискредитацию, осуждение действующих и чувствующих лиц: их умственных, этических и человеческих качеств, которые обуславливают возникновение в их внутреннем мире таких «неправильных» чувств, оснований для действия и мотивов⁸: *За что они мучают меня?* → 'Я не понимаю, за что они мучают меня → меня ведь не за что мучить, я им ничего плохого не сделал! → они меня гонят несправедливо → поэтому я их осуждаю, они плохие люди'; *И он ударил меня... За что?* (к/ф «Разные

⁷ «...Язык охотно отождествляет существование/несуществование в реальном мире и в сознании наблюдателя» [Падучева 2012: 269]. Ср.: *Ну смотри, если я еще раз это замечу!* (дачу взятки) (сериал «Универ») = чтобы этого больше не было! (ответ: *Не заметите!*).

⁸ Согласно Анне А. Зализняк, в основе деривации этих вопросов лежит следующее умозаключение «обыденной логики»: 'Я этого не понимаю, а я умный / хороший, следовательно, это глупо / дурно' (подробнее см. [Зализняк 2009]).

судьбы) → ‘Не понимаю, за что → Не за что... → Он поступил неправильно → Он нехороший человек’; *Зачем задавать вопросы, на которые нет ответа?* → ‘Я не понимаю, зачем... → Незачем ... → Глупо задавать такие вопросы → Задающие такие вопросы глупы’; *Какое удовольствие сидеть с удочкой целый день на берегу?* → ‘Я не понимаю, какое удовольствие... → Нет никакого удовольствия... → Глупо сидеть..., потому что в этом нет никакого удовольствия → А тот, кто испытывает от этого удовольствие, примитивный, неразвитый человек’. Аналогично: *Какого черта ты вздумал запирать от меня дверь?* (Э. Бронте. Грозовой перевал).

Заметим, что наши толкования упрощают ситуацию с этими вопросами в том отношении, что они представляют (сравнительно) четким, дискретным и определенным то, что является принципиально нечетким, размытым, слитным, неопределенным. Все эти выводные значения не отделяются четко друг от друга, их возникновение имеет вероятностный характер и они могут возникать, так сказать, в большей или меньшей степени. Что поделаешь, такова реальная семантика, неотделимая от прагматики. В частности, «накал» осуждения существенно ниже в тех случаях, когда не понимаются мотивы, основания действий, чувств и т. д. самого Г, он же «не понимающий»: *И зачем я живу — не понимаю; Как я мог подписать такой договор? Не понимаю!; (Не понимаю,) Почему я этого до сих пор не сделал?* и т. д. Наверное, тут глупость, неразумность, незтичность моего поступка, чувства в данном случае, уравнивается тем, что вообще-то я умный, хороший, разумный и т. д.⁹, поэтому общего осуждения деятеля как человека в целом не возникает.

5. Референтно-указательные КВ (РУ КВ). Такие вопросы представляют собой просто способ референции к факту, отражение которого имеет в уме С, без полного раскрытия его содержания

⁹ Это фоновое суждение, принимаемый по умолчанию (если эксплицитно не утверждается противоположное) постулат естественно-языковой, обыденной логики, что человек сам себя дураком, подлецом, невеждой и т. д. не считает (см. пример использования этого положения как одной из посылок обыденно-языкового умозаключения из статьи [Зализняк 2009], приведенный выше).

ния. Если вопросы незнания / непонимания **описывают** то, что не знает субъект, и в этом смысле имеют позитивное содержание, информативны (и это объясняет возможность дальнейшей семантико-прагматической деривации в области этих вопросов), то референтно-указательные КВ — это способ референции **говорящего** к факту, который оставляет неизвестным, что именно имеет или не имеет в уме субъект, отражающий этот факт в своем уме, включая самого Г, который не только обозначает факт, но и имеет в уме какое-то его отражение. Они указывают на факт действительности, отражение которого имеет в уме С, не раскрывая его содержания. Используя логическую терминологию, можно сказать, что обозначение факта в этом случае «прозрачно»: это обозначение никак не отражает того, что именно имеет или не имеет в уме об этом факте субъект речи / мысли. Например: *Петя сказал / сообщил Маше, где он живет* оставляет неизвестным, что именно он сказал / сообщил Маше и что именно она теперь в результате этого имеет в уме, равно как и то, что знает об этом факте Г (знает он или не знает, где живет Петя, имеет ли он в уме фактивную пропозицию вида ‘Петя живет там-то’, или не имеет). Причины, мотивы такого «неполного» обозначения могут быть различны. Иногда факт обозначается так, потому что Г не знает его содержания и поэтому не может обозначить его через полную пропозицию, иногда потому, что Г хотя и знает Р, хочет скрыть от других лиц — адресата, присутствующих третьих лиц — его содержание, ну а иногда просто потому, что это содержание неважно или известно адресату — тогда это способ сокращенной анафорической (отсылающей назад) или катафорической (отсылающей вперед, к будущему тексту) референции. Так, в примере выше, помимо возможного незнания Р или нежелания раскрыть его содержание, основанием для употребления КВ может быть то, что для Г и А вообще неважно, где живет Петя, но важно, что Петя сообщил это Маше и теперь она это знает (и может сообщить кому-то другому, например, сообщить о местопребывании Пети полиции, и т. п.). Это может быть просто способом сокращенной референции, например, А знает, где живет Петя, поэтому глупо повторять его адрес: *Петя сказал Маше, что он живет там-то, там-то, там-то и там-то*. Ср. пример, где анафорический, компрессирующий характер такого указания очевиден: [Руководитель следственной группы на совещании:] *Итак, что же мы знаем? Мы знаем, кто украл кольцо. Нам*

известно, как это было сделано. Мы знаем, где оно сейчас находится (вместо того, чтобы повторять все это в виде развернутых пропозиций). *Но мы не знаем, как туда добраться* (последний — это уже вопрос незнания, переходящий в проблемный вопрос — косвенную постановку задачи: надо это узнать!). В случаях типа *Он не знает, кто убил Ивана* КВ *кто убил Ивана* играет двойную роль в семантической структуре. Он указывает на факт и одновременно описывает то, что не знает С.

В референтно-указательной функции могут использоваться только специальные вопросы, поскольку они имеют пресуппозицию существования положения вещей, события, на различные аспекты (факты) которого они указывают (обозначают). Нельзя обозначать то, что не существует, точнее (поскольку Г может и ошибаться и считать существующим то, что на самом деле не существует), то, о чем ты думаешь, что оно не существует, или в существовании чего ты не уверен. Общие КВ с *ли*, не имеющие пресуппозиции существования Р, существование которого в них, напротив, находится под вопросом, не могут в норме употребляться в такой функции: *?Он сказал / знает / видел, приехал ли Петя*. В вопросах незнания вопросы с *ли* возможны, потому что в вопросах незнания посредством КВ не обозначается существующий независимо от ума С факт действительности, а описывается состояние ума С, которое само в этом случае имеет дизъюнктивный характер: *Я не знаю / Он не знает, приехал ли Петя* ≈ ‘Я имею в уме (Петя или приехал, или Петя не приехал)’ — альтернативы, описываемые КВ — это именно то, что С имеет в уме. В случае позитивного высказывания КВ указывает на факт, но не описывает непосредственно состояние ума С: *?Он знает / ?Я знаю, приехал ли Петя* — КВ имеет дизъюнктивный характер — ‘Петя приехал или Петя не приехал’, а состояние ума С вполне определено: он либо имеет в уме ‘Петя приехал’, либо он имеет в уме ‘Петя не приехал’.

Референтно-указательные вопросы наиболее далеки по своей функции от собственно вопросов (ср. [Русская грамматика 1980, § 2869]). Поскольку они не имеют какого-либо самостоятельного информативного содержания, они не употребляются отдельно, как независимые вопросы (*Я сказал / знаю, где живет Иван* ≠ *Где живет Иван?*). Их дальнейшая деривационная история связана с «понижением» их синтаксического ранга: от указания на факт (который

может быть описан пропозицией) к превращению в чисто указательное дескриптивное средство, обозначающее посредством пропозиции уже нечто не пропозициональной природы — лицо, предмет, место, время и т. д. — посредством отсылки к их роли в какой-либо ситуации: (*тот*,) *кто убил Кеннеди* = (с чисто референтной точки зрения) *Освальд*; *место / город, где был убит Кеннеди* = *Даллас*; аналогично *день, когда был убит Кеннеди* = *22 ноября 1963 года*; [Элиза Дулитл:] *Кто спёр шляпку, тот и кокнул старушку* (Б. Шоу. Пигмалион) и т. д.

6. Информативно-указательные КВ (ИУ КВ). Назовем их так, чтобы подчеркнуть сходство с и отличие от референтно-указательных КВ. Это вопросы типа

Известно, как общество взрослых развивает детей (Аксаков); *Ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают* (Лермонтов); *Ты не подозреваешь даже, сколько в тебе врожденного ума и наблюдательности* (Куприн); *Обыкновенно она часто делилась со мной впечатлениями, и удивительно, как ясно и точно она умела передавать самые тонкие подробности виденного, слышанного и пережитого* (Куприн) (все примеры из [Русская грамматика 1980]); *Теперь я понимаю, какое (это) удовольствие сидеть с удочкой на берегу реки!*; *Поразительно, как долго голодает доктор Хайдер!* (пример из [Булыгина, Шмелев 1988])¹⁰ и т. п.

Эти вопросы находятся на периферии КВ, частично выходя за их пределы и переходя в иной, информирующий тип (эту двойственность мы постарались отразить в их названии), что проявляется и в истории их изучения. Первоначально эти вопросы рассматривались внутри КВ и не выделялись в особую группу (так, не выделяет их в отдельную группу А. М. Пешковский [1956: 497], раздел о косвенно вопросительном подчинении), в [Грам-

¹⁰ Американский астрофизик доктор Чарльз Хайдер в 1986 году объявил голодовку в знак протеста против гонки ядерных вооружений, эта (якобы) голодовка продолжалась 218 дней.

матика 1954, гл. 2, ч. 2, §§ 1438—1440] эти предложения объединяются с другими КВ в группу «Придаточные дополнительные с вопросительно-относительными местоимениями и наречиями», к числу КВ-предикатов отнесены предикаты в предложениях этого типа в работах [Kiefer 1981; Karttunen 1978] (отмечено в [Падучева 1988: 40]). Однако со временем их исключили из состава КВ. В «Русской грамматике» 1980 г. такие предложения выделяются в особую группу под названием предложения «с местоименно-интенсифицирующей связью частей» [511, § 2874—2875], в работах Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева и Е. В. Падучевой подчеркивается необходимость отграничения этих предложений, которые авторы называют «косвенно-восклицательными» (или просто «косвенными восклицаниями») от косвенно-вопросительных предложений [Булыгина, Шмелев 1988: 47; Падучева 1988: 40]. Краткая лингвистическая мораль, которую можно вывести из этого краткого экскурса в историю вопроса, это то, что эти предложения имеют нечто общее с другими КВ (иначе их бы туда не включали), но также чем-то и отличаются от основной массы (иначе бы их оттуда не исключали).

Рассмотрим теперь более подробно особенности этого типа на сакраментальном примере сидения с удочкой на берегу: *Теперь я понимаю, какое (это) удовольствие сидеть с удочкой на берегу реки! / Ты не представляешь / не понимаешь, какое (это) удовольствие сидеть с удочкой на берегу реки!*, где ‘ты не представляешь’ имплицитно подразумевает ‘а я представляю, понимаю’. В этих предложениях местоимение указывает на (замещает) некоторый (не описанный конкретно) аспект ситуации, на которую указывает КВ в целом, в данном случае — это **характер, степень** удовольствия, которое испытывает субъект, совершающий это действие. В этом отношении КВ данного типа не отличаются от других КВ, в частности типа *Ты не знаешь, кто убил Ивана*, поэтому мы называем их информативно-указательными КВ. Однако причина, по которой этот аспект не описывается, а на него только указывается, не в том, что Г не знает, каков этот аспект, или хочет умолчать о нем и т. д. Причиной употребления КВ, как в предложениях непонимания₂, является то, что это **невозможно описать** с помощью пропозиции! Поэтому приходится ограничиться указанием, что в этой области есть, существует некоторое особое переживание, чувство (а чтобы понять, каково оно, его надо испытать, ср. *Ты не представляешь / не понимаешь...*

выше). Однако здесь это не вся история. В КВ этого типа происходит своего рода обогащение «голого указания» некоторым конкретным содержанием (информацией), такие КВ не просто указывают на область, к которой относится не выраженный, не описанный конкретный аспект ситуации (как в *Я знаю, кто открыл окно* — но кто именно — на это и намек никакого нет), но определенным образом сужают, конкретизируют его — тем самым они приобретают конкретное информационное содержание, они уже не просто указывают на..., но определенным образом описывают, характеризуют ситуацию, происходит «семантизация» конструкции, в ней появляется некий семантический «довесок». В данном случае (как и во многих других) — это указание на «**высокую степень**» — в данном случае удовольствия. Поэтому мы называем их **информативно-указательными** КВ. Поскольку формально референтно-указательные и информативно-указательные КВ в ряде случаев могут совпадать, в тексте может возникать и специально создаваться и использоваться двусмысленность, обусловленная возможностью как РУ, так и ИУ понимания конструкции: [заглавие материала в Интернете:] *Волочкова* (экс прима-балерина Большого театра) *показала, в каких условиях она живет* (mail.ru, 26.08.2011) — заголовок наводит на мысль ‘в очень плохих условиях’, ср.: *Вы только посмотрите, в каких условиях я живу!* (ИУ понимание, которое здесь является приоритетным), но при чтении заметки выяснилось, что она живет в «средних» для людей с ее статусом условиях: небольшой двухэтажный дом и т. д., таким образом, задним числом становится ясно, что предложение-заголовок следует понимать просто в указательном (катафорическом) смысле: она показала, в каких условиях она живет, а именно в таких, какие далее описаны в заметке.

В связи со сказанным выше возникают 2 связанных друг с другом проблемных вопроса: 1) каким образом возникает семантический, номинативный «довесок» в данной синтаксической конструкции? 2) с какими подчиняющимися (опорными) предикатами сочетается этот тип косвенных вопросов? Наиболее типичными, характерными, в которых это значение практически обязательно возникает, являются здесь (1) предикаты, обозначающие интенсивную эмоциональную реакцию на то, что указано КВ: *Поразительно, как она умеет...* (2) предикаты понимания, представления, воображения, при этом контекст говорит о трудности, затрудненности пони-

мания / представления / осознания и т. п. того, что обозначено КВ, иногда весьма косвенным образом:

Ты не представляешь / представить себе не можешь, как это тяжело... / какое удовольствие... / как она любила его; Ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают (Лермонтов); Нужно было видеть, какое благоговейное молчание воцарилось (Гоголь. Записки сумасшедшего)

— невозможно это представить, вообразить, чтобы понять степень и характер этого молчания, надо было самому наблюдать, видеть эту картину; (3) предикаты и контексты, обозначающие привлечение внимания А к тому, что обозначено КВ: *Посмотри, какая красивая у нее шляпка!* и т. п. Как можно увидеть из этого перечня, во всех случаях подчиняющий предикат и контекст показывают, что аспект, к которому отсылает КВ, является необычным, **отклоняется от нормы, стандарта**. Если бы это было не так, то нечему было бы удивляться, изумляться, это не было бы поразительно (группа 1), это не было бы трудно представить, понять, вообразить (группа 2), не было бы смысла специально привлекать к этому внимание А (группа 3)¹¹. И это значение, этот выводной компонент возникает в соответствующих контекстах столь часто, что становится в большей или меньшей степени фиксированным, конвенционализованной импликатурой (по Грайсу [1985]), почти частью значения этих КВ. Как отмечается в «Русской грамматике» [1980], в этих предложениях местоимения «функционируют как интенсификаторы качественного или количественного признака, выраженного прилагательным, наречием, глаголом или существительным, или как интенсифика-

¹¹ Подчеркнем, что это только основные группы. Существуют и другие контексты, действующие в этом же направлении, например: *...Я ему молвить боялась, как я любила его!* (Некрасов; пример из [Русская грамматика 1980]) — раз боялась молвить, значит, степень и характер любви были необычны; *Известно, как общество взрослых развивает детей* (Аксаков) — известно, а кому неизвестно, тот легко может предположить, что общество взрослых **очень сильно** развивает детей. В направлении вывода этого компонента как конвенционализованной импликатуры действует принцип информативности [Грайс 1985] — ведь то, что общество взрослых развивает детей, — очевидно и поэтому неинформативно.

торы содержания придаточного предложения в целом» [§ 2875]. Заметим, впрочем, что значения этих предложений гораздо более разнообразны: это может быть не только «интенсификация» (= указание на высокую степень проявления признака, выраженного присутствующим в предложении признаковым, качественным словом (*какое удовольствие, как быстро*, и т. д.)), «достройка» значения может иметь и более сложный характер и касаться конкретизации параметра, обозначенного каким-то словом в предложении: → ‘то, на что указывает местоимение, относится к крайней части шкалы этого параметра, удаленной от центральной части, нормы’: *Вы только посмотрите, в каких условиях я живу!* → ‘в очень плохих условиях’, то есть выводится и само качество, относящееся к параметру ‘условия жизни’, — ‘плохие’ (условия) + интенсификация этого качества: ‘очень’ (плохие условия). Тем не менее, есть ограничения на вывод этих подразумеваемых опорным словом и контекстом компонентов: чем сложнее вывод, чем он окказиональнее, неопределеннее и проблематичнее, тем хуже звучит предложение. Ср. примеры из статьи Е. В. Падучевой: *Меня возмущает, кого он пригласил на ужин* — предложение, как отмечает Е. В. Падучева, находящееся на грани литературной нормы, где *кого* ≈ ‘очень плохих людей’ [1988: 40]. Если плохие условия жизни — это достаточно определенно и, кроме того, конкретизируется указанием на ситуацию, которую А непосредственно воспринимает, то что такое плохой человек — так же неопределенно и непонятно, как и что такое хороший человек [Вендлер 1981: 554]. И даже если А знает, кого именно С пригласил на ужин, этот перечень сам по себе плохо проясняет, чем эти люди плохи (нехороши). Поэтому предложение оказывается малоинформативным: непонятно, что все-таки возмущает Г. Еще меньше информации выводится в *Ты не представляешь, кого он принимал* [Падучева 1988: 40] — тут даже непонятно, плохие это люди или хорошие, ясно только, что какие-то необычные. Поэтому эти, не совсем грамматико-семантически правильные предложения образуют группу, переходную между РУ и ИУ КВ. Отмеченная двойственность ИУ КВ объясняет их широкую сочетаемость с разнообразными типами предикатов. Они сочетаются и с предикатами, типичными для собственно косвенных вопросов — знания, понимания, восприятия и т. п.: *Ты знаешь, какое это удовольствие...; Теперь я понимаю, какое...; Ты не представляешь / представить себе не мо-*

жешь, какое / как... и т. п. В то же время постольку, поскольку и в той степени, в какой они содержат позитивную информацию о ситуации, они сближаются с *что*-придаточными (с пропозициональным значением), их значение в какой-то степени становится эквивалентным пропозиции и они приобретают способность сочетаться с эмоциональными предикатами:

Поразительно, как долго голодает доктор Хайдер! ≈ Поразительно, что доктор Хайдер голодает так долго!; Я был потрясен, как быстро она с ним справилась ≈ ...что она справилась с ним так быстро / очень быстро / чрезвычайно быстро и т. д.

Они также приобретают другие свойства раскрывающих содержание пропозиции *что*-придаточных: **Я не знаю, как долго голодает доктор Хайдер!* не может пониматься в ИУ смысле точно так же и по тем же причинам, что и **Я не знаю, что доктор Хайдер голодает долго*. Однако полной эквивалентности здесь нет. Мерцающая сквозь КВ пропозиция не исчерпывает его содержание, но является лишь грубым приближением к нему. Можно сказать, что значение таких КВ «полупропозиционально». В этой уже суженной семантизацией области КВ указывают на наличие некоторого свойства, аспекта, обстоятельства такого, что его уже невозможно описать пропозицией: *Нужно было видеть, какое благоговейное молчание воцарилось* (Гоголь. Записки сумасшедшего) — понятно, что стало очень тихо, но это не всё! Местоимение в КВ указывает на некий невыразимый с помощью пропозиции особый характер этого молчания. Во многих случаях Г эксплицитно говорит о невыразимости того, что он чувствует, видит, понимает и т. д. Например: *Ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают* (Лермонтов). В основном, и это, как всегда в языке, не случайно, ИУ значение развивают вопросы с местоимениями *как, какой, насколько, сколько, что за* и т. д. (см. [Русская грамматика 1980, § 2874]), которые отсылают к признаку признака или даже признаку признака признака (молчание (благоговейное (какое))); *Надо было видеть, как весело они смеялись!* (они (смеялись (весело (как))). Чем дальше мы продвигаемся по шкале абстракции от сущностей базового членения — индивидуальных предметов и их непосредственных признаков к признакам более высокого уровня, тем более мощная способность

воображения и абстрагирования требуется для «отвлечения», тем труднее «отвлечь» от ситуации эти признаки и тем, соответственно, меньше язык предоставляет в распоряжение говорящих готовых отвлеченных смыслов, пригодных для того, чтобы выразить необходимое значение с помощью пропозиции. Таким образом, то, что имеет в виду Г, уже нельзя описать, однако можно **указать**, что оно есть, с тем чтобы А, по крайней мере, знал это, а при возможности, исходя из этого указания, вывел, догадался, понял, что именно имеет в виду Г. Три основных возможности здесь: Г обращает внимание А-а на признак, который присутствует в ситуации, которую А непосредственно воспринимает: *Вы только посмотрите, в каких условиях я живу!*; *Как прекрасен этот мир, посмотри!* (В. Харитонов); Г апеллирует к опыту, памяти А-а (к его прошлому восприятию): *Ты помнишь, как хороши, как свежи были розы!*; *Теперь я понимаю, какое это удовольствие сидеть с удочкой...!* — А-у, который это давно сам понимает; Г обращается к воображению А-а: *Представь только, какое это удовольствие рано утром пробежаться по тропинке по берегу реки...* и т. д.

В «Русской грамматике» 1980 г. к этому типу относят также предложения, которые мы ранее отнесли к вопросам непонимания:

Один господин говорил с негодованием, что он не понимает, как в нынешний просвещенный век могут распространяться нелепые выдумки, и что он удивляется (здесь ≈ не понимает. — И. Ш.), как не обратит на это внимание правительство (Гоголь); [Ковалев:] Я не понимаю, как вы находите место шуткам (Гоголь. Нос).

Непонятно, однако, что здесь «интенсифицируется», поскольку в таких предложениях, как было отмечено выше, вообще отсутствует позитивное содержание, которое могло бы как-то модифицироваться. Эти сложные по своему значению, включающие в свое содержание целую деривационную цепочку вопросы имеют в своем «ядре» риторическое отрицание / утверждение противоположного и означают: ‘Такие выдумки не могут (= не должны) распространяться, потому что в наш век для этого нет никаких оснований’, ‘Правительство не обращает на это внимания, а должно, потому что для этого есть все основания’, ‘Здесь нет места шуткам’ + осужде-

ние, критика тех, кто, несмотря на это, распространяет, шутит, не обращает на это внимание. Объединяет эти предложения с ИУ КВ экспрессивность, но эта экспрессивность совсем другого рода: это экспрессивность осуждения, тогда как ИУ КВ в целом, как таковые нейтральны по параметру оценки. Важным свойством вопросов непонимания₂ является отсутствие пресуппозиции существования того, что не понимается; в ИУ КВ, напротив, эта пресуппозиция имеется и чрезвычайно важна. Объединяющим вопросы непонимания₂ и ИУ КВ признаком является лишь то, что то, что субъект здесь не понимает или понимает, представляет или не представляет и т. д., нельзя описать пропозицией, это непропозициональное непонимание, понимание и т. д.

7. Восклицательные высказывания (ВВ). Информативно-указательные вопросы (косвенные восклицания) представляют собой предпоследний шаг к восклицательным высказываниям. Последний шаг — это, разумеется, переход от ИУ КВ к отдельным собственно восклицательным высказываниям путем «отбрасывания», опущения, эллипсиса главного предложения. Происхождение восклицательных высказываний из специальных вопросов — через всю цепочку типов, описанную выше, и непосредственно, как конечный шаг, из информационно-указательных косвенных вопросов объясняет тот «поразительный параллелизм между вопросительными и восклицательными предложениями» [Sperber, Wilson 1995: 253], который наблюдается практически во всех языках¹². Приведем примеры образования восклицательных высказываний путем простого опущения главной части:

Поразительно, как долго голодает доктор Хайдер! → Как долго голодает доктор Хайдер!; Ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают → Как тяжела мысль, что друзья нас забывают!; Ты не подозреваешь даже, сколько в тебе врожденного ума и наблюдательности → Сколько в тебе

¹² «Во многих языках способы выражения восклицания и вопроса более или менее схожи. Многие слова могут использоваться как вопросительные и как восклицательные» [Теньер 1988: 230].

врожденного ума и наблюдательности!; Обыкновенно она часто делилась со мной впечатлениями, и удивительно, как ясно и точно она умела передавать самые тонкие подробности виденного, слышанного и перечувствованного → Как ясно и точно она умела передавать самые тонкие подробности виденного, слышанного и перечувствованного!; Ты и представить себе не можешь, каким вином нас угощали! → Каким вином нас угощали! и т. д.¹³

Будучи по крайней мере системно производными от информативно-указательных КВ, восклицательные высказывания совпадают по характеру содержания с соотносительными ИУ КВ. Поэтому о них можно повторить почти всё, что было сказано выше о последних. Они также полуинформативны (полупропозициональны), полууказательны. Роль эксплицитного подчиняющего предиката, запускавшего вывод в ИУ КВ, в ВВ играет **интонация** восхищения, потрясения, изумления и т. п. (своего рода вершинный предикат эмоциональной оценки, выраженный не отдельным словом, а суперсегментными фонетическими характеристиками, часто вместе с указательным жестом (\approx ‘посмотри на...!’), с теми же конвенционализированными последствиями, как и в ИУ КВ: раз это восхищает, изумляет, потрясает, раз на это обращают внимание А-а и т. п., то это что-то отклоняющееся от нормы, стандарта, это что-то особенное. Соответственно, *Каким вином нас угощали!* означает, что нас угощали очень хорошим, замечательным вином; *Какой же ты подлец!* → ‘очень большой, в высшей степени’; *Как долго голодает доктор Хайдер!* → ‘очень долго’, ‘необычно, поразительно долго, другой бы на его месте давно умер, и это удивляет, изумляет’. Однако и здесь, как и в ИУ КВ, это далеко не всё, эквивалентности с пропозицией здесь нет. ВВ, кроме того, указывает, что в этой области «очень хороших вин», «больших подлецов» и т. д. есть нечто особое, что невозможно уже выразить, описать словами. Восклицательные высказывания начинаются там, где кончаются слова, они

¹³ Заметим, что это не проходит с вопросами непонимания, что является еще одним свидетельством их особого статуса: *Один господин говорил с негодованием, что он не понимает, как в нынешний просвещенный век могут распространяться нелепые выдумки... (Гоголь) — *Как в нынешний просвещенный век могут распространяться нелепые выдумки...!*

пытаются, апеллируя к непосредственному восприятию, памяти и воображению А-а, указать на то, что невозможно описать пропозицией, составленной из имеющихся в языке слов, просто потому что таких слов уже не существует. Нет слов, описывающих все возможные оттенки заката, все возможные вкусы вина, все возможные бесчисленные разновидности подлецов и красавиц, способов совершения каких-то действий... и т. д., и т. д. Часто эта невыразимость эксплицируется «рядом» с ВВ:

Каким вином нас угощали — не выразить словами!; А какая она красавица! Ни в сказке сказать, ни пером описать!; Какой он подлец — просто слов нет; Не заклинаю духа злого, и, как молитву наизусть, твержу все те же четыре слова: «Какой простор! Какая грусть!» (Ф. Сологуб)

— нет слов, описывающих именно эту разновидность простора, именно этот неповторимый оттенок грусти. Однако тот, кто видел этот простор и испытывал грусть, которую этот простор навевает, в какой-то степени, может быть, поймет, что чувствовал автор этих слов.

И, наконец, последний источник, из которого черпают, из которого наполняются содержанием ВВ и «местоимения-частицы» в них: это восприятие, опыт и воображение самого говорящего — воспринимающего / мыслящего / чувствующего субъекта. Язык ведь — он не только **для других**, он и **для себя**. Для говорящего / мыслящего / чувствующего нет проблемы установления референции ВВ: они относятся к тому, что он в данный момент видит, вспоминает и чувствует: *Какой позор!* — **подумал** я; *Нашла туча — и задавила. Как темно, боже, как темно в сем мире!* — говорит, восклицает в своей дневниковой записи, то есть для себя, Гоголь; *Я думаю: как прекрасна земля и на ней человек! И сколько с войны несчастных уродов теперь и калек!* — **думает** Сергей Есенин. Такие «высказывания», произведенные вслух или про себя, являются **действиями** мысли-оценки. Посредством таких предложений **совершается** оценка, которая является одним из видов мысли, и эта мысль является источником чувства, которое возникает как реакция на эту мысль, на эту оценку и которое одновременно и **выражается** — но только в тех случаях, когда эта мысль совершается вслух. Ибо что

такое *выражается*? Чем оно отличается от *сообщается*? **Выражается** высказыванием то, что в нем содержится, но не передается специально А-у, хотя и проявляется в каких-то воспринимаемых звуковых аспектах данного речевого произведения. (Подробнее о мыслях оценки далее (гл. 13, 3.2).)

ГЛАВА 9

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ИХ ТИПЫ

1. Риторические вопросы (РВ) — это бескрайнее море в безбрежном океане вопросов. Риторические вопросы **чрезвычайно** продуктивны в разговорной речи и в речи вообще¹. Первичным, прототипическим употреблением РВ являются вопросы в реальном диалогическом дискурсе, поскольку здесь в полной мере присутствует то, что предполагается сутью вопросов как речевых актов (РА): живая, реальная коммуникативная ситуация и реальные, меняющиеся ролями ее участники, говорящий (Г) и адресат (А), взаимодействующие друг с другом. Когда такие вопросы переносятся в другие коммуникативные условия, в публичную монологическую речь (с коллективным «размытым» адресатом), в публицистическую письменную речь, в научную и художественную литературу (прозу и поэзию), где А делается часто весьма условным, обобщенным и потенциальным и реально может отсутствовать, с ними могут про-

¹ Отметим курьезное, на наш взгляд, замечание М. Н. Петерсона, писавшего, что если местоименные и неместоименные вопросы (т. е. обычные вопросы) «постоянно употребляются в жизни», то РВ представляют собой, «по-видимому, исключительно достояние литературы и ораторской речи» [Петерсон 1940: 39].

исходить различные трансформации. Тем не менее, эти вторичные употребления мотивированы их первичным употреблением в реальном диалоге, поэтому изучение значения и функций РВ в повседневном диалогическом дискурсе важно для понимания сущности РВ вообще.

Существуют разные определения риторических вопросов, и эти определения не всегда выделяют одну и ту же область. Так, согласно одному из определений, риторические вопросы — это вопросы, не требующие ответа. Это безусловно так, но наряду с РВ существуют многочисленные другие типы вопросов, не требующих ответа, например, проблемные, дубитативные, вопросы незнания / непонимания и т. д., вопросы-предположения (в мысли) и т. д. (см. гл. 7, 8, 13). Можно, конечно, все такие вопросы называть риторическими (как иногда и делают), но это не продуктивно, потому что все равно их придется разделить на те же типы, но только с другим названием для собственно РВ. Другой подход к определению РВ связан с их коммуникативной функцией. РВ — это вопросы, имеющие «повествовательное значение» [Бердник 1974], или же в несколько иных терминах, РВ — это «утверждение или отрицание в форме вопроса» [Никитина, Васильева 1996: 121], РВ — это «вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное отрицание» [Российская грамматика 1980, 2, § 2624]. К этому часто добавляется, что РВ характеризуются «полярностью», т. е. позитивный по форме вопрос выражает отрицательное суждение, отрицание, а отрицательный вопрос — утверждение [Sadock 1974: 125]. Все это в той или иной степени верно, но недостаточно. Это не объясняет их поистине огромную частотность и продуктивность. Остается непонятным, зачем выражать «повествовательное значение» или утверждение и отрицание в форме вопроса, когда для этого есть специализированные РА. Ради экспрессивности? Просто невероятно, что такой огромный класс выработался для выражения экспрессивности, которая может быть выражена более простыми средствами, например, интонацией. На самом деле РВ представляют собой гораздо более сложное и интересное явление. Чрезвычайно важное и принципиальное свойство РВ — широта, размытость и неопределенность их значения (точнее, того смысла, который «возникает» в том пункте дискурса, где находятся эти вопросы, и **благодаря им**). Это некоторое размытое облако, «сотканное» из различных слабо дифференцированных речевых

актов, в том числе буквального значения вопроса, пресуппозиций, фоновых сведений и мнений, коннотаций, исходных предположений, выводов и импликатур, в некоторой (большей или меньшей и разной в разных случаях) степени конвенционализированных, «застывших» и ставших частью значения, и в некоторой, в большей или меньшей степени, вариативных. И **этим** они и хороши! Именно их широта и размытость (разумеется, наряду с их сжатостью, экономичностью, когда одно предложение «возбуждает», обозначает целый дискурсивный комплекс, блок) обуславливает чрезвычайную употребительность РВ.

Поскольку значение РВ является принципиально нечетким, то таковым должно быть и его описание². Такими **нечеткими** и **приблизительными** являются все описания РВ ниже. Это противоречит укоренившимся традициям точного и строгого, однозначного описания, но **иное** описание здесь просто невозможно и **не нужно**. Ведь говорящие прекрасно живут с этой размытостью и замечательно используют ее! При этом описание все равно неизбежно является более четким и конкретным, чем описываемое значение, все конкретные слова и формулировки искажают фактический смысл этой лексико-синтаксической конструкции, представляя его более точным и однозначным, чем он есть на самом деле, и это надо постоянно иметь в виду.

Риторические вопросы сохраняют, пусть в трансформированном виде, какие-то признаки собственно вопросов — иначе не было бы смысла использовать вопросы. Основной признак собственно вопросов, сохраняющийся в РВ — это то, что в РВ, в отличие от повествовательных (дескриптивных) высказываний, сохраняются, релевантны **альтернативы**, предполагаемые вопросом. Однако, в отличие от собственно вопросов, где говорящий описывает действительность в виде альтернатив потому, что он не знает, какая из альтернатив имеет место, причина альтернативного описания в случае РВ иная. В этом случае важно, что альтернативы ‘Р’ и ‘не Р’ противоречат друг другу, что они **не могут быть одновременно истинными**. В РВ альтернативы **борются, спорят** друг с другом, в них имеет место **внутренняя дискуссия**, одна альтернатива от-

² О невозможности четкого описания того, что в действительности является нечетким, см. [Витгенштейн 1994, 74].

рицает, опровергает другую альтернативу, также присутствующую в вопросе. В случае РВ утверждение и его отрицание совмещаются на синтагматической оси в рамках вопроса, объединяющего в себе положительную альтернативу и отрицательную альтернативу. В зависимости от цели объединения и характера взаимодействия альтернатив РВ могут быть разделены на ряд пересекающихся, накладывающихся друг на друга типов. Основными из них являются реактивные, деонтически-оценочные и утилитарно-оценочные РВ и кванторные РВ.

2. Реактивные РВ (РРВ) возникают как реакция Г на некоторое речевое или неречевое действие Q. Ср.: «РВ всегда возникает как реакция говорящего на некий стимулирующий акт Q, автором / исполнителем которого обычно является слушающий, и всегда служит для того, чтобы обоснованно указать на его (Q) неуместность» [Степанова 1986: 40]. (**Не** всегда, если говорить о РВ в целом, но в случае реактивных РВ — по самому определению реактивных РВ как таких, которые являются реакцией на некоторый акт Q — всегда.) Субъектом, «автором» этого действия (которое может быть и очень часто является речевым, каким-либо высказыванием) в прототипическом случае является адресат, однако это может быть и какое-то другое лицо, в том числе и сам Г — прежний Г, которому теперь возражает Г нынешний. Из этого Q вытекает — в очень широком смысле — некоторое Р по следующей схеме: **если Q** (истинно, правильно, хорошо и т. д.), **то Р** (Р должно быть истинно, правильно, хорошо и т. д.). В то же время Г знает, полагает, иногда демагогически инсинуирует, что на **самом деле не Р** (Р ложно, неправильно, нехорошо и т. п.). Г объединяет эти альтернативы в рамках вопроса, «сталкивает» их между собой с целью опровержения Q и далее, опосредованно, критики, осуждения его автора (А). Поскольку из Q следует Р, но на самом деле не Р, то следовательно (обратный вывод), что-то «не так», что-то «неправильно» с Q. Это «не так» может быть самых разных видов: Q ложно, неправильно, плохо (с деонтической, этической или утилитарной точки зрения — потому что ведет к плохому Р), несправедливо, бессмысленно, неэффективно (как действие), необоснованно, неоправданно и т. п. Далее, поскольку Q

«неправильно»), то его А также «неправ» в том или ином смысле: лжет, ошибается, нарушает моральные нормы и т. п. Таким образом, РВ становится средством критики, осуждения А-а.

Примечание 1. Наличие частицы *не* в обозначении альтернативы Г-го не означает, что она обязательно является отрицательной с точки зрения формы и / или значения. Частица здесь используется исключительно для того, чтобы показать противоположность, «полярность» этих альтернатив. Альтернатива Р, следующая из Q, может быть как позитивной (в этом случае противоположная альтернатива является отрицательной, негативной), так и отрицательной, негативной (в этом случае принадлежащая Г-му противоположная альтернатива является позитивной).

Очень важное примечание 2. Описываемая здесь логика риторических вопросов является, с одной стороны, гораздо более размытой и нечеткой, чем разработанные системы научной логики (ср. замечание П. Стросона: «...В обыденном языке нет точной логики» [Стросон 1982: 86]), а с другой — отчасти именно в силу своей нечеткости и размытости — гораздо более общей и мощной, чем различные виды формальных логик. Эта «наивная» (но на самом деле чрезвычайно глубокая) логика обыденного мышления и языка поднимается над различиями логики, оперирующей с истинностью / ложностью высказываний, деонтической логики, логики норм и оценок, логики действий (см. [Вригт 1986]), а также многих других возможных логик, касающихся различных аспектов мысли и деятельности людей. Как показывает материал РВ, а также исследование других областей естественного языка (в частности, поля модальности [Шатуновский 1996], знания и мнения, оценок [Арутюнова 1988а] и т. д.), в обыденном языке и мышлении существуют понятия и действуют логические операции гораздо более общие и глубокие, чем конкретные точные понятия соответствующих наук. Такие понятия проявляются на семантико-синтаксическом уровне и интуитивно чувствуются говорящими, но лексические единицы, выражающие их, отсутствуют (такие значения Ю. Д. Апресян назвал «семантическими кварками» [Апресян 1995а: 481—482]). Возникает вопрос, как же описывать и определять нечто настолько глубокое и элементарное? Иногда для таких понятий возможно подо-

брать слово или несколько слов (в том или ином естественном языке), выражающих это значение с какой-то степенью приближенности. Такое общее (родовое) понятие может быть также описано посредством перечисления конкретных его видов, как это делается, например, в русском жестовом языке глухонемых, в котором значение собирательных существительных «выражается несколькими жестами с конкретным значением: ‘мебель’ — СТОЛ СТУЛ КРОВАТЬ РАЗНЫЙ, ‘овощи’ — КАРТОФЕЛЬ КАПУСТА ОГУРЕЦ РАЗНЫЙ» [Зайцева 2000: 44; цит. по: Прозорова 2007: 49—50], ср. также «перечислительный способ определений», когда определение дается «путём перечисления тех объектов, которые именуются данным словом» [Арбатский 1970]. Мы (выше и ниже) используем оба способа представления. Так, чрезвычайно широкое и общее русское слово *должен* (*должно быть*) очень удачно выражает ту генеральную идею и операцию «необходимого следования» (= *долженствования*), которая используется говорящими в риторических вопросах, чрезвычайно широкое английское слово *wrong* (*‘incorrect, not happening properly, not sensible, not morally right, not suitable’*) очень близко выражает то свойство ситуаций, описываемых РВ, которое по-русски можно описать только посредством дизъюнктивного ряда более конкретных понятий: что-то «не так», неправильно, ложно (неистинно), неуместно, неразумно, неоправданно, несправедливо, незаконно, невежливо и т. д. (наиболее близкое к тому смыслу, который необходимо выразить, и, соответственно, наиболее общее слово из этого ряда в русском языке — это *неправильно*). Еще один способ, используемый в данной работе для объяснения таких значений (близкий к перечислению) — это приведение ряда неточных синонимов, содержащих интересующий нас «кварк»; то общее, что содержится в значении этих синонимов, и есть искомый семантический элемент. Такой способ часто используется в традиционных толковых и переводных словарях, например: *fabulous* — «баснословный, мифический, легендарный» [Англо-русский словарь 1999]. Читатель как традиционных словарей, так и настоящей работы должен вывести, что имеется в виду, попытавшись найти то общее, что содержится во всех этих синонимах.

3. Механизмы возникновения противоположных альтернатив (полярности РВ) различаются в случае общих и специальных вопросов.

3.1. Полярность в буквальном смысле может иметь место только в случае общих (полных) вопросов, выражающих законченную, полную пропозицию. Такие **РРВ** непосредственно содержат в себе противопоставленные альтернативы:

[Егор Гайдар Сергею Глазьеву, заявившему, что в октябре 1993 он сам в знак протеста ушел в отставку:] *Сергей Юрьевич, это не вы мне [такого-то числа] звонили с просьбой, чтобы вас не отправляли в отставку?* (ТВ, «Времена», 5.10.2003) ≈ ‘Вы сейчас говорите, что вы сами ушли в отставку в знак протеста (Q), как будто не вы / вы не звонили мне... (P), а ведь на самом деле вы звонили мне и просили, чтобы вас не отправляли в отставку (не P), следовательно, Q ложно, а вы неискренни, вы сейчас лжете, я вас осуждаю’³;

[Бендер Балаганову:] *Вы зачем полезли в кабинет? Разве вы не видели, что председатель не один?* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок)⁴ ≈ ‘Вы вошли в кабинет (Q), как будто вы не видели, что председатель не один (P), однако вы видели, что... (не P), поэтому с вашей стороны было неправильно, глупо входить в кабинет в такой ситуации, не надо было входить в кабинет, я вас осуждаю’;

Не забудь взять ключи. — (Разве) Я когда-нибудь забывала взять ключи? — ‘Твое напоминание (Q) предполагает, что я могу забыть взять ключи; но это предположение уместно только в том случае, если я когда-нибудь забывала взять ключи (P), но я никог-

³ Подчеркнем еще раз: эмоционально-экспрессивное «осуждение», которое содержится в РВ, это не то холодно-логическое осуждение, которое обозначается и совершается словом *осуждаю*. Но оно наиболее **близко** к тому, что выражается РВ. В конце концов, риторическое «осуждение» — это такой «кварк», который может быть выражен с точностью только РВ и ничем иной природой, собственно, для этого РВ и существуют.

⁴ В ряде случаев в дискурсе присутствует целый ряд различных по своему характеру РВ, важных в данном дискурсе для интерпретации интересующего нас РВ. В таких случаях тот РВ, который собственно анализируется, выделяется жирным шрифтом.

да не забывала взять ключи, и ты должен знать это, поэтому твое высказывание неуместно, я тебя осуждаю’.

Убит!... к чему теперь рыдания, пустых похвал ненужный хор и жалкий лепет оправдания? Судьбы свершился приговор. Не вы ль сперва так злобно гнали его свободный, смелый дар и для потехи раздували чуть затаившийся пожар? (Лермонтов. Смерть поэта) ≈ ‘Теперь вы рыдаете и хвалите поэта (Q), наблюдая это, можно подумать, что вы любили, ценили и т. д. его (P); однако на самом деле именно вы злобно гнали... и т. д. (не P); поэтому ваши рыдания и похвалы неискренни, лживы, фальшивы, я осуждаю ваши прошлые и нынешние действия и ваше лицемерие’.

Аналогично (уже без комментариев):

Водитель маршрутного такси пассажиру, не закрывшему дверь: *Дверь я буду закрывать?*

Владимир Николаевич Машков Уэфу: *Ты нас обещал до города довести. Уэф, топча ногами пустынную землю: А это что, не город? А это что, не город?* (х /ф «Кин-дза-дза»).

PВ может дизъюнктивно совмещать разные варианты осуждения, возникающие из возможных различий в интерпретации ситуации: [Чиновник посетителю, обратившемуся к нему с вопросом:] *Вы что, не видите, что я занят?* ≈ ‘Ведь вы видите, что я занят (не P), а поступаете так, как будто этого не видите (P) — отвлекаете меня, мешаете мне работать (Q), тем самым вы нарушаете этикетные нормы поведения, я вас осуждаю и требую, чтобы вы прекратили Q, или же не видите, хотя должны видеть, и если не видите, увидьте, надо быть внимательнее в учреждении и уважать его работников, которые занимаются делом, не отвлекать их, не мешать им работать’;

...Вы грозны на словах — попробуйте на деле! Иль старый богатырь, покойный на постеле, не в силах завинтить свой измайловский штык? Иль русского царя уже бессильно слово? Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык? Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды...? (Пушкин. Клеветникам России) ≈ ‘Вы говорите и ведете себя так, как будто нас мало

и т. д., но вы знаете или должны понимать или знать, что нас много... и т. д., поэтому вы неискренни или глупы’.

Правильная (истинная) альтернатива может эксплицироваться в ответе на РВ, который дает сам Г, если он не надеется на понятливость и вообще кооперативность А-а и помогает ему сделать правильный вывод: [Пассажир спрашивает проводника, не будет ли в поезде, в котором не работает отопление, холодно. Проводник:] *Что щас, мороз, что ль, какой? Щас не мороз... ≈* ‘В поезде бывает холодно и поэтому включают отопление, когда на улице мороз; ваш вопрос предполагает, что на улице мороз, но сейчас не мороз, поэтому холодно не будет’; *Ты что, не спал? — Почему не спал? Спал* (т/с «Моя вторая половина»).

3.2. Как было сказано выше, РВ объединяет 2 альтернативы, борющиеся друг с другом, при этом одна из этих альтернатив является эксплицитной, другая является имплицитной, предполагаемой самой формой вопроса. Обычно (все примеры выше) эксплицитная альтернатива следует из того, что говорит или делает А, и является ложной, неправильной, имплицитная альтернатива принадлежит Г и является — по крайней мере, так это представляет Г — правильной, истинной. Однако не всегда это так. Ситуация вопроса может быть инвертирована: эксплицитная альтернатива принадлежит Г и является / трактуется Г-им как истинная, имплицитная альтернатива следует из того, что А говорит или делает, и является «неправильной», в частном случае, ложной. Например:

Ты видел, что он в подштанниках? — холодно спрашивал пират. — Помилуйте, Арчибальд Арчибальдович, — труся, отвечал швейцар, — как же я могу их не допустить, если они — член МАССОЛИТА? — *Ты видел, что он в подштанниках?* — повторял пират (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Q — здесь действия швейцара, пропустившего Ивана Бездомного в ресторан, эксплицитная альтернатива ‘Ты видел, что он в подштанниках’ принадлежит Г и является истинной (швейцар очевидно видел это), имплицитная альтернатива ‘Ты не видел, что он в подштанниках’ вытекает из (является возможным объяснением) действий швейцара и является ложной (он позволил Бездомному войти,

как будто он не видел, что он в подштанниках). Отсюда вытекает осуждение действий швейцара: 'Не надо было впускать Бездомного в ресторан, ты поступил глупо, неразумно, неправильно'.

Аналогично:

Что у тебя в портфеле, паразит? — пронзительно прокричал похожий на кота, — телеграммы? А тебя предупредили по телефону, чтобы ты их никуда не носил? Предупреждали, я спрашиваю? — Предупреждали... дали... дили... — задыхаясь, ответил администратор. — А ты все-таки побежал? Дай сюда портфель, гад! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) = Разве тебя не предупредили...?

[Мужчина, представляется:] Мэлоун [фамилия]. Девушка: *А имя у тебя есть?* (к/ф «Агент Мэлоун». США) ≈ 'Ты поступил так, как будто у тебя нет имени (не Р), но ведь у тебя есть имя (Р), когда представляешься, надо говорить и имя, ты этого не сделал, ты поступил неправильно, это невежливо, я осуждаю тебя за это + скажи имя'.

Заметим, что во всех этих случаях можно употребить и негативный РВ: *Ты (что), / Разве ты не видел, что он в подштанниках? А тебя разве не предупредили, чтобы ты...? А имени у тебя нет?*⁵ Возможность таких преобразований показывает и доказывает наличие в структуре РВ невидимой (имплицитной) альтернативы.

3.3. Специальные РРВ имеют более сложное значение. Они включают в свое значение (имеют в качестве исходного предположения вопроса) не 2 противоположные пропозициональные альтернативы, а множество (в типичном случае принципиально открытое) конкретных альтернатив. Поэтому значение специальных вопросов, когда они употребляются как РВ, трансформируется таким образом, что 2 противоположные альтернативы появляются. Такая «достройка» до законченных противопоставленных альтернатив может про-

⁵ Характерно, что в английских переводах примеров из Булгакова употреблены негативные РВ: «*Didn't you see he was in his underpants?*» *the pirate inquired coldly*; «*Weren't you warned over the phone not to take them anywhere? Weren't you warned, I'm asking you?*» (Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. 1997).

исходить разными путями. Одним из наиболее распространенных является перенос «фокуса» вопроса с исходного предположения вопроса (набора конкретных альтернатив) на его пресуппозицию (условие уместности). В этом случае не соответствующую действительности и вытекающую из Q альтернативу образует «бывшая» пресуппозиция вопроса (противоположная истинная — с точки зрения Г — альтернатива принадлежит Г). Примеры.

Где ключи? — Откуда я знаю? ≈ ‘Ты спрашиваешь у меня, где ключи (Q), твой вопрос предполагает, что я это знаю (пресуппозиция вопроса, P); но я не знаю, где ключи (не P), и ты должен понимать, что я не знаю, где ключи, потому что у меня нет никаких источников информации об этом (мне неоткуда это знать), поэтому твое Q глупо, я тебя осуждаю’.

Заметим, что прямой ответ *Не знаю* передает ту же самую объективную информацию, что и РВ, однако весь «заряд осуждения» при этом теряется.

Не забудь взять ключи. — А когда я забывала взять ключи? ≈ ‘Твое напоминание предполагает, что я могу забыть ключи, что в свою очередь предполагает, что такие случаи были (пресуппозиция вопроса) (P), но на самом деле таких случаев не было (не P), и ты это знаешь или должен знать, поэтому твое напоминание неоправданно, неуместно’.

Кто тебя просил это делать? — имеет пресуппозицию, что кто-то просил А это сделать, что противоположно реальному положению дел: ‘тебя никто не просил это делать’. В целом РВ значит: ‘Ты сделал это, хотя тебя никто не просил это делать; ты поступил неправильно, я тебя осуждаю, потому что делать что-то для другого человека нужно только тогда, когда он тебя об этом просит’. (Кстати, НСВ в вопросе (не *сделать*) показывает, что правильная альтернатива здесь отрицательная: ‘Тебя никто не просил это делать’.)

Специальный вопрос может «усиливать» противопоставление, заложенное в соотносительном общем вопросе, усиливая тем самым осуждение А-а. Ср.: [отец в ответ на действия сына, взявшего его книгу без разрешения (Q):] *Я тебе говорил, чтобы ты*

не брал мои книги без разрешения? = ‘Я тебе говорил, чтобы ты не брал мои книги..., но ты взял мою книгу, как будто я тебе этого не говорил... и т. д.’ и *Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не брал мои книги без разрешения?!* (содержит пресуппозицию ‘я тебе говорил, и говорил не раз’) = ‘Я тебе много раз говорил, чтобы ты... и т. д., а ты поступаешь так, как будто я тебе не говорил... и т. д.’ (силу осуждения на письме подчеркивает напрашивающийся в таких случаях в дополнение к вопросительному восклицательный знак).

Другой вариант «достройки» значения РВ до полярного: одна из альтернатив, предполагаемая вопросом (правильная альтернатива, Р), противопоставляется всем остальным, образующим единое множество неправильных альтернатив (не Р). А говорит / ведет себя так, как будто имеет место не альтернатива Р, а какая-то другая альтернатива; однако на самом деле, и А это знает, имеет место Р:

Нет, не покинул я тебя! Кого же в день успокоенья я ввел, главу его любя, и скрыл от зоркого гоненья? (Пушкин. Подражания Корану) ≈ ‘ты ведешь себя так, как будто это не тебя я ввел..., скрыл..., но на самом деле, и ты это знаешь, я именно тебя ввел..., скрыл...’.

Аналогично: [водитель маршрутного такси пассажиру, не закрывшему дверь:] *А дверь кто будет закрывать?*

Предполагаемые специальным вопросом альтернативы могут группироваться в две обобщенные альтернативы, противопоставленные по какому-то более общему признаку:

[Лже-ревизор в ответ на предложение поспать после обеда:] *Что будет с Россией, если я буду спать после обеда?* (Г. Ф. Квитко-Основьяненко. Приезжий из столицы) ≈ ‘Если я буду спать после обеда, то с Россией будет нечто плохое, если я не буду спать и буду работать, то я предотвращу это и этого плохого не будет, следовательно, ваше предложение неправильно, плохо с утилитарной и этической точки зрения, а вы этого не понимаете, я отказываюсь от вашего предложения и осуждаю вас за него’.

Весьма часто в таких случаях специальный вопрос «развивается» общим вопросом-предположением, эксплицирующим «неправильную», не имеющую места альтернативу из набора конкретных альтернатив, предполагаемых специальным вопросом, и доводящую ее до абсурда, чтобы тем самым показать правильность противоположной альтернативы, например:

А за квартиру кто платить будет? Пушкин? (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) → ‘за квартиру должен платить не Пушкин, а вы’;

В конторе им говорят — вы чего в такую погоду детей привезли? С ума сошли? (Интернет. История дня) ≈ ‘Вы привезли детей в поле потому, что сошли с ума?’;

[Остап Воробьянинову]: *Куда вы полезли? Разве вы не видите, что это касса?* (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев);

Выступая на Всероссийском медиафоруме «Единой России», главный спасатель страны заявил: — Нас называют «прокремлевской» партией, а какой она должна быть? Провайшингтонской что ли? (С. Шойгу).

Ср. также еще более эксплицитный пример, где эксплицировано всё, что только возможно: и уточняющие специальный вопрос вопросы-предположения, и то, что на самом деле не Р:

[Воробьянинов Остапу:] *Но ведь это же... обман.* [Остап Воробьянинову:] *Кто это говорит? Это говорит граф Толстой? Или Дарвин? Нет. Я слышу это из уст человека, который еще вчера только собирался забраться ночью в квартиру Грицацуевой и украсть у бедной вдовы мебель* (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев). Весь этот комплекс значит: ‘Вы возмущаетесь тем, что это обман (Q); это возмущение было бы уместно в устах высокоморального человека, такого, как Лев Толстой или Дарвин, однако вы аморальный человек, поскольку собирались залезть в квартиру Грицацуевой и украсть у нее мебель, поэтому Q в ваших устах неуместно’.

4. РВ могут употребляться **иронически**. В этом случае ситуация с полярностью усложняется. Как известно, ироническое высказывание понимается в смысле, противоположном его буквальному значению; в то же время РВ и сами по себе понимаются в смысле, противоположном буквальному значению содержащейся в них пропозиции. Минус на минус дает плюс, и полярность на поверхности исчезает, а внутри высказывание оказывается «дважды полярным». Например: [В библиотеке. Молодой человек — девушке, получающей книги:] *Что, книги берете?* — Девушка: *А что, очень заметно?* Не-иронический РВ был бы: *А что, не заметно?*

5. Заметим, что очень часто, практически всегда, РВ не являются просто «вопросами с повествовательным значением» (как они называются в [Бердник 1974]), но являются диффузным объединением нескольких речевых актов (РА), особенно если рассматривать как особый РА «осуждение» А. Помимо осуждения, в состав семантического комплекса РВ очень часто входит в том или ином виде и **побуждение**. Это даже логически следует из наличия компонента осуждения действий или слов А, поскольку осуждение действий (или бездействия) имплицитно побуждает прекратить совершать эти действия (или, наоборот, совершать какие-то действия, в зависимости от того, что осуждается, действие или бездействие). Например:

Куда ты лезешь? ≈ ‘Ты идешь (движешься) в определенном направлении (Q); и это Q неправильное, непропорциональное, я тебя осуждаю, прекрати это движение (остановись) и / или двигайся в другом направлении (не Q)’ (еще раз: толковать РВ — это нелегкое занятие!);

[Мужчина, представляется:] *Мэлоун* (фамилия). [Девушка:] *А имя у тебя есть?* (к/ф «Агент Мэлоун», США) ≈ ‘когда представляешься, надо говорить и имя, ты этого не сделал (Q), и это невежливо, я осуждаю тебя за это + скажи имя’;

Давай передвинем полку. — *Может быть, ты дашь мне сначала поесть?* ≈ ‘Дай мне сначала поесть + ты мешаешь мне есть, невежливо, нехорошо мешать человеку есть, ты плохо воспитан,

ты должен сам понимать это, я осуждаю тебе за всё это (и за то, что ты мешаешь мне, и за то, что ты этого не понимаешь)»;

[А ответил на вопрос вопросом.] *Почему вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?* (как РВ) ≈ ‘Вы ответили вопросом на вопрос; я считаю, что неправильно отвечать вопросом на вопрос, так не надо отвечать, я раздражен этим, я осуждаю вас за это и побуждаю вас не говорить таким образом’.

Побуждение также очевидно содержат: *Что ты делаешь? Ты с ума сошел?* ≈ ‘Не делай этого!’; *А картошку кто за тебя чистить будет? Пушкин?* ≈ ‘Чисть картошку, потому что никто за тебя чистить картошку не будет’; *Куда свечку понёс?* ≈ ‘Ты ее понес не туда, куда надо, остановись / неси ее куда надо’ и т. п.

Именно наличие в реальном дискурсе РВ отрицательно характеризующих, «осуждающих» А компонентов — в разной концентрации: от легкого подтрунивания до крайнего возмущения — делает РВ формой **речевой агрессии**. РВ очень часто представляет собой удар, выпад или, по крайней мере, укол в адрес собеседника. Последнее в свою очередь обуславливает то раздражение и неприятие, которое вызывают РВ у тех, кто подвергся агрессии в форме РВ, особенно тогда, когда А расценивает это осуждение как неправомерное, а РВ — как демагогический.

Демагогическое⁶ употребление РВ имеет место тогда, когда Г посредством употребления РВ «возбуждает» представление о глупости, неправильности и т. п. слов или действий А в тех случаях, когда эти слова или действия на самом деле, в принципе не являются таковыми. Например: *Как я не люблю, — заметил Остап, — этих мещан, провинциальных простофиль! Куда вы полезли? Разве вы не видите, что это касса?* (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев) — высказанное Остапом замечание в виде комплекса из двух РВ, один из которых развивает и уточняет другой, содержит (точнее, «возбуждает») пресуппозицию (импликатуру)⁷, что покупать билеты в кассе, как это собирается сделать Ипполит Матвеевич, глупо. Не случайно эта реплика вызывает у И. М. недовольство, и он наносит контрудар, также в виде РВ, имплицитующего неправомер-

⁶ О лингвистической демагогии см. [Николаева 1988]

⁷ Часто трудно провести грань между «возбуждаемой», «вычисляемой» пресуппозицией и импликатурой.

ность этого замечания: *Ну а куда же? Ведь без билета не пустят!* (Ответ Остапа: надо получить билеты бесплатно у администратора.) Ср. примеры шуточного обыгрывания подобной демагогии: Жена: *Идет дождь. Закрой окно.* Муж: *Неужели ты думаешь, что, если я закрою окно, дождь кончится?* (анекдот). Разумеется, грань между демагогическим и недемагогическим употреблением РВ часто зыбка и условна: то, что Г может расценивать как правомерное осуждение и осмеяние, А — как неправомерное и демагогическое.

6. «Усеченные» (неинформативные) РВ. Стандартные РВ содержат в себе Р, описывающее действительность (диктальное Р, в терминах Балли) (в альтернативизированном виде — Р или не Р). Таковы были все РВ выше. Правильная альтернатива таких вопросов может быть констатацией или «сообщать» (со всеми описанными выше особенностями) новую информацию А-у. Однако существуют и такие РВ, которые не содержат в себе никакого описания действительности, не содержат ни утверждения, ни отрицания, полностью лишены «повествовательного значения». Такие РВ можно назвать **усеченными**. Их содержание сводится к модальным компонентам РВ: они являются реакцией на прямой или косвенный вопрос А, оценивают его как неправомерный и выражают осуждение (разной степени интенсивности — от легкого недовольства и недоумения до возмущения и негодования) его автора. Единственным назначением таких вопросов является критика, осуждение вопроса (Q) как неуместного, излишнего, глупого и его автора (адресата) за некомпетентность, глупость, непонимание очевидных вещей, неспособность делать необходимые выводы и заключения. Если в случае РВ-констатаций адресат знает «ответ» (какая из описываемых вопросов альтернатив имеет место) **до** вопроса (*Ты видел, что он в подпитанниках?*), а в ситуации информирующих РВ адресат должен знать, какая из альтернатив имеет место до вопроса, но не знает и получает эту информацию **из** РВ (*Откуда я знаю?*), то в случае усеченных (неинформативных) РВ адресат не знает, какая из описываемых вопросов альтернатив имеет место, до вопроса и не узнает это из вопроса. Поэтому Г не ограничивается выражением своего возмущения / недовольства вопросом, но кооперативно вслед за

усеченным РВ в отдельном высказывании сообщает адресату, какая именно из альтернатив имеет место. Например:

[Филарет:] *Где отец Анатолий?* [Отец Иов:] *Где ему быть? В котельной, пьет чай с мирянами (х/ф «Остров»);*

Где вы взяли эту книгу? — Как где?! В первом зале!

[Бальдр — Рапе:] *Помнишь одиннадцатый «Тезис о Фейербахе»? — Чей? — Как чей. Карла Маркса.* (В. Пелевин. Амфир В);

Кто тебя просил это делать? — Как кто? Ты!;

С. Цекри («Зюддойче цайтунг»): *Скажите, пожалуйста, ...если это чисто коммерческий конфликт, почему именно Европа должна решить этот конфликт?* В. В. Путин: *... А как же? Транзит-то закрыт европейским потребителям. Это разве вас не волнует?* (пресс-конференция В. В. Путина 9.09.09).

Ср. также: *В богатой семье была дочь дурнушка, к ней начал ходить парень. Однажды мать застала молодых людей целующимися. Она строго сказала парню: — Надеюсь, вы делаете это с серьезными намерениями. — А как вы думаете? Не из-за удовольствия же!* (анекдот). Формального вопроса здесь нет, однако герой анекдота понимает предположение матери как косвенный вопрос. Это следует из того, что он дает на него ответ. Однако перед этим он в отдельном РВ выражает свое возмущение глупой, как он это представляет, репликой матери. *А как вы думаете?* может быть употреблено и без дескриптивного добавления, но в этом случае оно будет понято как собственно вопрос.

Заметим, что не являются усеченными (неинформативными) РВ в примерах, где они являются реакцией не на специальный вопрос (который сам по себе не предполагает никакие конкретные альтернативы), а на общий вопрос. В этом случае РВ содержит в себе в скрытом виде диктальную правильную альтернативу, которую он заимствует из вопроса. Это доказывается тем, что такой РВ может употребляться и без дескриптивного продолжения:

[Настя:] *Так он сейчас дома?* — [Хозяйка квартиры:] *А где же ему быть? Нажрался опять, дрыхнет* (т/с «Обручальное кольцо») — ‘Он дома’;

Вы поедете на конференцию? — *А как же!* = ‘Конечно, поеду!’

7. Аргументативно-убеждающие риторические комплексы.

Наряду с агрессивными, осуждающими действия А-а или другого лица и тем самым самого А (или другого лица), имеются РРВ иного типа, с функцией не только и часто не столько осуждения, сколько **убеждения** А-а. Такие РРВ сопровождаются аргументирующими высказываниями (аргументами) в пользу той альтернативы, которую считает правильной Г. Поэтому здесь точнее говорить об аргументативно-убеждающем риторическом **комплексе**. Изменение функции РРВ связано именно с **приведением аргументов** в пользу альтернативы Г, которое свидетельствует об изменении исходных предположений Г, касающихся ситуации употребления РРВ. Раз Г приводит А-у аргументы против представляемой им альтернативы, то он, следовательно, не считает, что А лжет или действует неискренне (убеждать лжеца в том, что он лжет, бессмысленно — он это и сам знает). Поэтому не возникают импликатуры лживости, неискренности А-а. Далее, раз приводятся дополнительные аргументы, то, следовательно, не так это очевидно, ясно и т. д., что не Р, и поэтому не так уж глупо этого не знать, не понимать, не видеть и т. п. Поэтому не возникают или возникают в ослабленной форме импликатуры некомпетентности, глупости, ограниченности А. (При этом другие компоненты значения РРВ — то, что в вопросе сталкиваются две противоположные альтернативы — неправильная (по мнению Г), принадлежащая А-у и вытекающая из Q, которое он делает, и правильная (по мнению Г), принадлежащая Г-му — сохраняются.) Адресат в этом случае, по мнению Г, возможно, добросовестно заблуждается, поэтому имеет смысл попробовать убедить его отказаться от неправильной альтернативы. Примеры.

[Адвокат:] *Вы обсуждали с гражданкой Тропиной [обвиняемой в заказе убийства своего мужа] мотивы убийства? [Киллер:] Зачем? Киллеру мотивы не важны. Лишь бы деньги заплатили (т/с «Линия защиты») ≈ 'Ваш вопрос (Q) предполагает, что я должен был обсуждать с заказчиком мотивы заказа на убийство (P), но я этого не делал (не Р), потому что киллеру незачем обсуждать мотивы, потому что для него мотивы не важны, ему важно только, чтобы ему заплатили деньги'.*

[Паниковский Балаганову]: *Вам, Шура, я скажу как родному. Я раскрыл секрет этих гирь. ...Балаганов: Какой же может*

быть секрет? — разочарованно молвил уполномоченный по попытам. — Обыкновенные гири для гимнастики. (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок) ≈ ‘ Вы говорите, что у этих гирь есть секрет, но вы ошибаетесь, у этих гирь не может быть и, следовательно, нет никакого секрета, потому что это обыкновенные гири для гимнастики’.

Аналогично (без комментариев):

[Ротный командир рядовому Сидорову:] *Ну, коли ты неграмотный, так я тебя сегодня вечером отправлю на «Травиату!».*
[Сидоров:] *Помилуйте, ..., за что же? Что я неграмотный, так мы этому не причинны. Не учили нас при старом режиме* (М. А. Булгаков. Неделя просвещения).

[Полицейский убеждает А, что надо (было) слушать его, а не тех людей, которые его обманули:] *Я законный представитель власти. Могли ли я лгать? (т/с «Последний янычар»).*

Аргументом в пользу не Р, заключенном в одном РВ, может быть другой РВ: *Как я не люблю, — заметил Остап, — этих мещан, провинциальных простофиль! Куда вы полезли? Разве вы не видите, что это касса? (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев).* В данном примере агрессивность сохраняется, поскольку второй РВ сам по себе является агрессивным, ≈ ‘вы лезете не туда, куда надо, как будто не видите, хотя должны видеть, или видите, что это касса, не надо лезть за билетами в кассу, я осуждаю вас, вы глупы и не знаете жизни’.

Во многих случаях аргумент при РВ необходим, поскольку без аргумента ложность, неправильность и т. д. Р и соответственно неразумность Q, из которого оно вытекает, совершенно не очевидны: [А пишет на маленьком обрывке бумаги, как будто ее экономит (Q). Г:] *Зачем экономить бумагу? У нас этой бумаги девать некуда!*

Аргументы могут выражаться отдельными высказываниями, как в примерах выше, а могут составлять вместе с РРВ одно сложноподчиненное предложение. Чрезвычайно часто в качестве риторических аргументативных конструкций используются сложноподчиненные (формально) условные предложения, в которых главная часть представляет собой РВ, имплицитную альтернативу которого

необходимо подкрепить аргументом, а придаточное с *если, коль, раз* и т. п. не имеет собственно условного характера, но выражает аргумент — некоторый факт, который свидетельствует в пользу не Р:

[Журналист осуждает девушку за то, что она не ходит в школу. Девушка:] *If teachers don't teach us anything what's a point of coming?* (Deutsche Welle TV); *Если учителя нас ничему не учат, какой смысл приходить на занятия?* ≈ ‘Вы осуждаете меня за то, что я не хожу на занятия (Q), из этого следует, что вы считаете, что посещение занятий имеет смысл (Р), но нет смысла приходить на занятия (не Р), потому что учителя нас ничему не учат (аргумент), так что вы неправы, ваше осуждение неправомерно’.

Хотя условная конструкция в подобных, чрезвычайно распространенных случаях не имеет собственно условного характера (придаточное выражает не условие, а факт), понятно, что ее употребление не случайно и мотивированно. Условная конструкция «согласуется» с собственно РВ (главная часть предложения) в отношении альтернатив, предполагая, как и РВ, вторую, ложную альтернативу, «согласующуюся», связанную с Q (в данном случае, что учителя чему-то учат в школе). Помимо этого, условная конструкция выражает большую посылку скрытого силлогизма: ‘Если учителя ничему не учат, нет смысла приходить на занятия; в данном случае учителя ничему не учат, поэтому нет смысла приходить на занятия’. Таким образом, условная часть выражает одновременно и обобщенное условие, и конкретный факт. Аналогично:

Борис: *Никто и не узнает про нашу любовь.*

Катерина: (Обнимает Бориса). *Если я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?* (Островский. Гроза) ≈ ‘Из твоих слов (Q) следует, что я побоюсь людского суда (Р), но я не побоюсь людского суда (не Р), потому что я не побоялась греха, который куда более страшен, чем людской суд (аргумент)’.

Ты видел, что он в подштанниках? — *холодно спрашивал пират.* — *Помилуйте, Арчибальд Арчибальдович,— труся, отвечал швейцар,— как же я могу их не допустить, если они — член МАССОЛИТА?* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Аргументом может быть предложение с *который*: *Можно ли доверять партии, которая все последние 7 лет голосовала против принятия Акта о противодействии терроризму?*

Вообще, наличие аргумента делает вопрос риторическим или дубитативным [Рестан 1972] (вопросом сомнения) — для того чтобы задать собственно вопрос, никакие аргументы не нужны. Ср: *Зачем школьникам лингвистика?* — реальный вопрос, заданный школьником лингвисту на страницах сайта, и: *Зачем школьникам лингвистика? Ведь они потом не будут этим заниматься* или т. п. — риторический или дубитативный вопрос; *Нужна ли школьникам лингвистика? Ведь они потом не будут этим заниматься* — вопрос сомнения.

8. Нейтрализация осуждения. Значение (импликатура) осуждения не возникает (если иметь в виду, что в подавляющем большинстве случаев такая импликатура возникает и является отчасти уже конвенционализованной, то можно сказать, что эта импликатура «нейтрализуется», «погашается» [Грайс 1985]) не только в аргументативных РВ, но и в некоторых других ситуациях употребления РВ. Так, осуждение не возникает, когда имеется (может быть выведена) благовидная мотивировка расхождения между правильным не Р и вытекающим из Q неправильным Р. Такая мотивировка имеется, в частности, в ситуациях, когда Г посредством РВ побуждает / убеждает А совершить Р, которое в интересах А, и предшествующие в дискурсе слова или действия А, показывающие, что он намеревается сделать не Р (не делать Р), обусловлены не неискренностью или глупостью и т. д. А, а его вежливостью и порядочностью, стремлением выполнять некоторые этические, этикетные и т. п. правила. Поскольку следование таким правилам, нормам и т. д. не только не осуждается, но, напротив, приветствуется, импликатура осуждения А не возникает (все остальные компоненты, в том числе идея, что действия или слова А неправильны, необоснованны, неразумны, нецелесообразны и т. п., сохраняются):

[Вежливый гость собирается уходить, гостеприимный хозяин хочет оставить его ночевать:] *(Ну) Куда вы пойдете на ночь глядя?!;*

[Коровьев вложил в руку Никанора Ивановича пачку денег.] *Строго преследуется, — тихо-претиho прошептал председатель и оглянулся. — А где же свидетели? — шепнул в другое ухо Коровьев, — я вас спрашиваю, где они?* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Осуждение также нейтрализуется, когда А предварительно осуждает действия Г, и Г сам сознает, что эти действия заслуживают в каком-то смысле осуждения: *Как ты мог так поступить! — А что еще мне было делать? / А что я мог сделать?* — осуждение осуждения = оправдание. И т. д.

В прототипическом случае употребления РВ в дискурсивной ситуации имеется два (по крайней мере, основных, обязательных) участника: Г и А, он же субъект осуждаемых действий. Ситуация с РВ приобретает вид коммуникативного треугольника в тех случаях, когда субъект Q, он же осуждаемый субъект, не совпадает с А. В этом случае в ситуации участвуют Г, А и осуждаемый субъект (С), чьи действия или слова вызывают РВ. Например:

[Реклама препарата «Нурофен» для детей:] *Снимет температуру и боль на время до 6 часов!* Г, прослушавший эту рекламу, А-у, который также слышал ее: *А лечит кто будет?;*

[Объявление: приглашаются на такую-то работу с такой-то зарплатой.] Г А-у: *Кто будет работать за такую зарплату? ≈* 'Глупо полагать, что кто-то будет работать за такую зарплату и предлагать такую зарплату; никто не будет работать за такую зарплату'.

Осуждающие и т. п. компоненты здесь не исчезают, но эмоциональный и интонационный накал (экспрессивность) РВ снижается по понятным причинам: нет возможности выплеснуть осуждение, возмущение на тех, кто его реально заслуживает, Г просто «выпускает пар» в присутствии более или менее случайного А.

Составляющая эмоционального осуждения и т. п. РВ исчезает в рассуждениях, размышлениях, касающихся потенциальных, возможных в будущем действий Г, А или третьего лица. Напри-

мер: [Если вы / я / он сделаете / сделаю / сделает то-то, то будут такие-то нехорошие последствия.] *Зачем вам / мне / ему нужны все эти неприятности?* Поскольку реально еще ничего не сказано и не сделано и даже не выбрано как будущее действие, то нет и не может быть реального осуждения действий и т. п. субъекта. Остальные компоненты сохраняются: подразумевается, что это **было бы** глупо / неразумно / нецелесообразно / неэтично / невежливо и т. д., и т. п. сделать или сказать это со стороны С, чей потенциальный курс действий обсуждается. Но стоит перенести это в прошедшее время с реальным А (= С) — сразу ситуация меняется, и РВ становится стандартным РВ: *Зачем вам нужны были все эти неприятности?*

Осуждение также редуцируется (однако в разных ситуациях в разной степени) в обобщенных ситуациях, когда конкретный С вообще не имеется в виду, и Г (пишущий) в своем монологическом рассуждении предвосхищает возможные аргументы, замечания, возражения и т. п., которые можно было бы высказать по тому или иному поводу, и затем сам же «парирует» их посредством РВ, со всеми описанными выше импликациями и компонентами (за исключением редукции осуждения из-за отсутствия реального А). Г сам может эксплицитно формулировать возможные замечания, возражения и т. п.: *Могут сказать, что...; На это можно (было бы) возразить, что...* и т. д., а может оставлять их в области имплицитных, подразумеваемых компонентов дискурса (имплицатур): [Из сочинения девочки о счастье, где она написала, что хочет иметь четырех детей, двух мальчиков и двух девочек:] *Я ничего не написала о труде, но разве у матерей мало работы?* (к/ф «Доживем до понедельника») ≈ ‘Меня могут упрекнуть в том, что я ничего не написала о труде. Но такой упрек неправомерен, потому что мать должна очень много работать для того, чтобы вырастить и воспитать своих детей’.

9. Риторические вопросы мысли.

Заметим, что собственно объектом отрицания, опровержения в РВ является некоторое находящееся в уме А **мысленное** неправильное Р (вариантом чего является «пробел» в уме, отсутствие правильного Р). Это ясно по определению, потому что опровергаться, отрицаться в том или ином смысле может только некоторое

мысленное представление, предположительно описывающее, отражающее реальность; сама объективная реальность действиям ума не подвластна. Это относится и к стандартному, обычному отрицанию предложения: то, что отрицается, опровергается в этом случае, это содержащаяся в предложении Р, выражающая пропозицию или, точнее, совпадающая в содержательном отношении с пропозицией, находящейся в уме С. В случае РВ эта находящаяся в уме А-а Р сама по себе, непосредственно не выражена в дискурсе, поэтому Г **заключает** о Р, исходя из воспринимаемого им стимула Q, которым являются слова или какие-то неречевые действия А. То, что речь идет именно о состоянии ума А, может быть эксплицировано в общих РВ (в тех случаях, когда это Р таково, что поддается вербальной экспликации) посредством глагола *думаешь*:

Вам пора завести ребенка. — Но у нас есть Катя! — Ты думаешь, у меня склероз?! Я прекрасно помню про Катю! [Вам нужно завести другого ребенка.] (т/с «Исцеление любовью»). Здесь можно было бы обойтись и без *думаешь*, которое, тем не менее, и в этом случае бы подразумевалось: *У меня что, склероз?* В то же время наличие *думаешь* сужает манипулятивные возможности Г, поскольку предполагает, что А действительно так думает или, по крайней мере, может так думать. РВ без *думаешь* могут использоваться и часто используются в ситуациях, когда Г реально не думает, что А думает, что Р, но демагогически предполагает, инсинуирует это, чтобы таким образом показать неуместность, неправильность Q адресата. Так, РВ в диалоге: *Пригласи на день рождения Петю. — Я что, с ума сошел?* не предполагает, что Г реально предполагает, что А думает, что Г сошел с ума. Он делает это заведомо, гиперболически неправильное предположение, чтобы показать неуместность предложения А. См. примеры РВ с эксплицитным *думаешь* в книге Рестана [1972: 218—219], выделяющего такие РВ в особую группу:

Мама сняла с меня фуражку и вытерла слезы душистым платком. — Перестань, — сказала она. — Ты думаешь, мне самой легко? [Смысл: Мне же самой НЕ легко!] (К. Г. Паустовский. Далекие годы);

— Почему нельзя? — Этого я сейчас сказать не могу, но чувствую, что нельзя. — А вы думаете, я сама этого не чувствую? (А. Н. Толстой. Хождение по мукам);

Катерина (вздыхая). *Какая я была резвая! А у вас завяла совсем.*
Варвара. *Ты думаешь, я не вижу?* (А. Н. Островский. Гроза).

Теперь, РВ могут употребляться и часто употребляются во внутренней речи, в мысли, в диалоге Г с самим собой. В этих случаях сохраняется внутренняя полемичность, дискуссионность РВ, который и в этом случае предполагает борьбу, схватку правильной и неправильной альтернатив, в которой, разумеется, побеждает правильная (по мнению Г, но в данном случае лучше говорить о субъекте мысли — С) альтернатива. В случае мысли внутри РВ происходит изменение позиции С (Г): сначала С придерживается неправильной альтернативы, но затем отвергает ее и принимает (формирует в уме) правильную альтернативу. Например:

В конце концов я уснул, а разбудил меня скрип открывающейся двери. Луна пропала, в комнате стоял плотный мрак, но на лестнице горел желтый свет, и в этом свете мне была видна женская фигура. Спросонья я решил было, что это Ксения. Но потом подумал — бог ты мой, да откуда же ей здесь взяться?
(А. Волос. Недвижимость / НК)

— сначала С решил, что это Ксения, что предполагало, что она могла здесь появиться (= ‘ей было откуда взяться’, — ‘Р’ — исходная неправильная альтернатива РВ), но затем пришел к выводу, что Ксении здесь неоткуда взяться (возникшая в уме и сменившая исходную правильная альтернатива вопроса, ‘не Р’), поэтому это не Ксения (‘не Р’);

[Хозяйка гостям при подаче супа:] *Я собиралась обойтись без супа, но потом подумала: обед без супа — какой же это обед?*
(х/ф «Скромное обаяние буржуазии»)

≈ ‘я собиралась обойтись без супа и это имплицировало, что обед без супа — это нормальный, хороший обед (‘Р’ — исходная, неправильная альтернатива РВ), но потом подумала, что обед без супа — это плохой обед (‘не Р’ — правильная альтернатива, сменившая исходную неправильную), и поэтому решила приготовить суп’;

Конечно, я мог бы догнать ее и устроить фарс посреди улицы. Но зачем? И так было ясно, что она меня обманывает (т/с «Не ври мне»).

Как видно из этих примеров, в РРВ мысли стимулом Q, из которого вытекает неправильная альтернатива Р, может быть не какое-то внешнее действие или слова, но мысли С, поскольку эти мысли непосредственно доступны С. В первом случае стимулом является возникновение мысли, что фигура на лестнице — это Ксения, что далее опровергается в РВ, во втором случае — решение не готовить суп, которое оказывается неправильным в свете мысли, произошедшей в РВ, и сменяется правильным решением приготовить суп. В третьем примере стимулом является мысль (решение, возникновение предположительного намерения) догнать ее и устроить фарс; из этого следует, что это имеет смысл (неправильная альтернатива РВ), но это опровергается в уме С правильной альтернативой — это не имеет смысла, потому что и так ясно, что она обманывает С-а (мысленный аргумент), и в результате первоначальное решение отменяется.

Впрочем, стимулом может быть и внешнее, физическое действие, вытекающее, как и любое действие, из каких-то внутренних ментальных предпосылок, как в примере из романа Булгакова ниже в главе «Раздвоение Ивана», где внутреннее движение мысли воплощается в эксплицитный диалог прежнего и нового Ивана:

Почему, собственно, я так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай?— рассуждал поэт. — В конечном счете, ну его в болото! Кто я, в самом деле, кум ему или сват? Если как следует провентилировать этот вопрос, выходит, что я, в сущности, даже и не знал-то как следует покойника. ... Важное, в самом деле, происшествие — редактора журнала задавило! Да что от этого, журнал, что ли, закроется? [и т. д., и т. д.]
(М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Первичным стимулом инициального РВ (*Почему, собственно, я так взволновался...?*) и всего этого рассуждения в целом являются волнения поэта Ивана Бездомного и все его действия, связанные с гибелью Берлиоза. В дальнейшем рассуждении одна из альтернатив, заключенных в РВ, а именно та, что вытекает из Q, — ‘смерть

Берлиоза является более чем достаточным основанием для всех волнений и действий С' опровергается, а противоположная — 'смерть Берлиоза не заслуживает того, чтобы из-за нее так переживать и предпринимать все эти действия' — подтверждается, «утверждается» как правильная с использованием ряда мысленных аргументов, в числе которых и другие РВ: я действовал так, как будто я ему сват или брат, но я ему не сват и не брат, поэтому мои волнения и действия неразумны, я волновался так, как будто то, что редактора журнала задавило, является важным происшествием, как будто от того, что редактора журнала задавило, журнал закрывается, но на самом деле это не важное происшествие, потому что от этого журнал не закрывается, и будет у журнала другой редактор, да еще лучше (красноречивее) прежнего и т. д. Посредством этих аргументов Иван успешно убеждает себя в неправильности Р и правильности не Р и в итоге приходит к тому, что осуждает сам себя: *Так кто же я такой выхожу в этом случае? — Дурак, — отчетливо сказал где-то бас, не принадлежащий ни одному из Иванов...* (Там же).

10. РВ и вопросы сомнения. От РВ мысли следует отличать похожие на РВ дубитативные вопросы [Рестан 1972] (вопросы сомнения), которые также являются прежде всего вопросами мысли (даже тогда, когда они высказываются вслух) (см. подробнее гл. 7, 10). В таких вопросах так же, как в РВ мысли, происходит борьба противоположных альтернатив — старой и новой. Однако, в отличие от РВ, эта борьба не завершается победой новой альтернативы, которая сохраняется в рамках вопроса как одна из возможных, наряду со старой. Например:

[А. Лебедь в программе «Герой дня», НТВ, о политике Путина]: *Это [деление на 7 округов и назначение «генерал-губернаторов»] показывает силовой вектор развития событий. Нужен ли нам такой вектор? ≈ события развиваются по силовому вектору (Q), и это предполагает, что такой вектор нам нужен (Р); Г (С) ставит это под вопрос, альтернативизирует это Р, добавляя в вопросе альтернативу не Р — 'такой вектор нам не нужен' ≈ Я сомневаюсь в том, что нам нужен такой вектор.*

[Е Хули выражает свое желание, предположительное намерение переехать в Москву, А Хули отвечает ей в письме:] *Поверь, сестричка, приехав сюда ты будешь чувствовать себя бескрылой мухой, блуждающей по островам архипелага, о котором все главное уже сказал человечеству Солженицын. Стоит ли менять твое море и солнце на эту трудную судьбу? Да, денег здесь больше...* (В. Пелевин. Священная книга оборотня)

— из намерения Е Хули приехать в Москву (Q) следует, что она считает, что это стоит сделать (P); А Хули формулирует вопрос, в котором противопоставляет ‘P’ новую альтернативу ‘не P’ — ‘делать этого не стоит’, и приводит аргументы в пользу этой альтернативы, но окончательное решение оставляет за Е Хули.

Специфика дубитативных вопросов ярко проявляется в отрывке из юморески М. Жванецкого, где автор говорит о богачах-олигархах следующее: *Ходят в охране. Шутят в охране. Едят в охране. Плачут в охране. Они учат охрану носить галстук, охрана учит их носить бронжилет. Хотим ли мы такой жизни, друзья? Да! Хотим!* (М. Жванецкий. Ко дню юмора). Обычно считается, что быть богачом, олигархом хорошо (P). Автор приводит аргументы в пользу того, что быть олигархом плохо, и ставит под сомнение P, противопоставляя ей в рамках вопроса новую альтернативу (не P): быть олигархом плохо. Однако это только возможно, что не P истинно, вопрос этот не решен в самом вопросе, что показывает финал юморески, в котором С (Г) приходит к выводу, что правильно, хорошо — P. Это абсолютно невозможно в РВ: *Я что, сошел с ума? *Да, сошел!; Разве я тебя просил делать это? *Да, просил;* и т. п.⁸

⁸ Такой ответ может дать только А, разрушая тем самым РВ и превращая его задним числом в вопрос реальный: Ельцин Лукашенко: *Разве я тебя когда-нибудь обманывал?* — Лукашенко: *Обманывал* (программа «Куклы», НТВ); Сталин Сергею Эйзенштейну в связи со второй серией «Ивана Грозного»: *Вы истории хоть немного читали?! — Немного читал* (ТВ, канал «Культура», 11.09.13).

11. Как было видно уже из примеров выше, РВ очень часто (в большей или меньшей степени) конвенционализуются и фразеологизуются:

Откуда я знаю / мне знать? Что я, рыжий, что ли? Что я, с ума сошел? Где же ему быть? А Р за тебя Пушкин будет делать? А что я мог сделать? С какой стати?, иногда даже теряя при этом вопросительный знак и вопросительную интонацию: *Кто ты такой? — Нет, это ты кто такой!; Да не хотите ли закусить, Никанор Иванович? Без церемоний! А? — Я извиняюсь, — уже негодую, заговорил Никанор Иванович, — какие тут закуски!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Да какой он артист! (из анекдота, где человека называли артистом); *Как ты мог (так поступить)!; Дай мне... — Еще чего!; Ты ведь знаком с Машей? — А как же!*

Однако это ни в коей мере не противоречит всему тому, что было сказано ранее, поскольку при конвенционализации и фразеологизации РВ просто происходит фиксация и закрепление того дискурсивного семантико-прагматического комплекса, который в других случаях выводится в дискурсе по принципам речевой коммуникации. Напротив, конвенционализация, фразеологизация «показана», «рекомендована» РВ, поскольку облегчает их опознание как РВ. Фразеологизованные и конвенционализированные РВ употребляются в дискурсе в тех же ситуациях и в соответствии с теми же закономерностями, которые были описаны выше для РВ в целом. Например: *Ты собираешься на встречу выпускников? — Какое твое дело? ≈ 'Ты спрашиваешь меня... (Q), как будто это тебя касается, как будто это твое дело, но это не твое дело, поэтому не лезь ко мне с вопросами, я твое Q осуждаю'.*

12. **Деонтические РВ.** В ситуации употребления **деонтических РВ** имеется уже не действие, но некоторое деонтическое **обстоятельство** Q (закон, этическое правило и т. п.), из которого вытекает как необходимое некоторое действие (которое может быть и отрицательным — бездействием) Р, однако на самом деле не Р.

Поскольку деонтическое правило не может быть опровергнуто на основании того, что кто-то его не выполняет, своеобразному деонтическому отрицанию (= осуждению) подвергается имеющее место не Р. Примеры общих деонтических вопросов.

Закавказье мы потеряли теперь навсегда. И людей наших надо оттуда забирать. А разве мы забираем? Разве выделяются на это деньги, разве мы этих людей встречаем? (А. И. Солженицын; пример Н. П. Вольвак).

Q здесь — ‘людей наших надо оттуда забирать, выделять на это деньги и т. д.’. Это моральная прескрипция, вытекающий из этических правил моральный императив. Действия, которые следуют из этого императива, это ‘мы забираем наших людей оттуда, на это выделяются деньги, мы этих людей встречаем’ (Р). Однако это Р не имеет места, а имеет место противоположное (не Р): ‘мы не забираем наших людей оттуда, на это не выделяются деньги, мы этих людей не встречаем’. Однако моральное правило и вытекающий из него моральный императив не могут быть отвергнуты или опровергнуты на основании того, что они на самом деле не выполняются (≠ ‘раз мы этих людей не забираем, следовательно, их не надо оттуда забирать’). Поэтому деонтическому отрицанию подвергается не соответствующее данному моральному императиву ‘не Р’: ≈ ‘Мы не забираем людей оттуда и т. д., и это нехорошо (плохо)’. Заметим, что когда мы говорим, что деонтическое правило не может быть опровергнуто на основании того, что его не выполняют, мы не имеем в виду, что оно не может быть отвергнуто, опровергнуто вообще. Оно не может быть отвергнуто **в самом этом РВ** и на основании того, что **его не выполняют** — это было бы противоречием внутри РВ. Но оно, разумеется, может быть отвергнуто, опровергнуто **другим Г** на каких-то других основаниях. Так, кто-то мог бы возразить Солженицыну: *А зачем их оттуда забирать? Пусть живут в независимых странах, живут же в других странах национальные меньшинства, и ничего страшного не происходит.* Помимо осуждения Р, в семантике деонтического РВ присутствует косвенное «мерцающее» побуждение — оно то ли есть, то ли нет — типичная ситуация для РВ — прекратить делать неправильное не Р и начать делать правильное Р (возникает в настоящем времени, когда еще возможно это изменить).

Разве те, кто приходит на эротические сеансы, учатся ухаживать за любимой девушкой? Разве они стремятся подарить ей цветы, произвести на нее впечатление своей деликатностью, внимательностью, уважительным отношением, культурой поведения, блеснуть знаниями, способностями? (Д. С. Лихачев; пример Н. П. Вольвак)

≈ ‘Люди должны учиться ухаживать за любимой девушкой и т. д. (этикетное, моральное правило Q), из которого вытекает P — люди учатся ухаживать и т. д., однако на самом деле те, кто приходят на эротические сеансы, не учатся этому, не стремятся подарить ей цветы и т. д. (не P), и это неправильно, плохо, я их осуждаю [и побуждаю людей не посещать эротические сеансы]’ (в квадратных скобках — мерцающий компонент).

Компонент побуждения усиливается в РВ, описывающих противоречащее деонтической (этической) норме действие А, относящееся к будущему: *Вы перестанете качать ногой / болтать / стучать по стеклу?* Такие РВ предполагают, что А знает, понимает, что не надо делать Р, надо не делать Р, но делает Р, или должен понимать, что надо не Р / не надо Р, но не понимает и соответственно не делает этого, из чего вытекает побуждение (понять это и) прекратить делать Р. Однако обычно такого типа значение выражается посредством специальных РВ, см. ниже.

Деонтические РВ могут комбинироваться с РВ аргументативно-осуждающего типа в едином деонтически-аргументативном комплексе:

Кабанова: ...*Ну какой ты муж? Посмотри на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?* Тихон Кабанов: *Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит* (А. Н. Островский. Гроза; пример из [Рестан 1972: 117]) ≈ ‘Жена должна бояться своего мужа (моральная норма, прескрипция Q), поэтому ты должен вести себя так, чтобы эта норма выполнялась, чтобы твоя жена боялась тебя, но ты плохой муж, ты ведешь себя так, что жена тебя не будет бояться, и это не соответствует моральной норме, это плохо, поэтому я осуждаю тебя и твои действия [и побуждаю тебя изменить свое поведение, стать настоящим мужем, начать действовать так, чтобы жена тебя боялась]’.

Характерно, что Тихон, также использующий в своем ответе риторический комплекс, отрицает именно деонтическое правило, но уже посредством реактивно-аргументативного риторического комплекса: 'Ваше высказывание предполагает, что жена должна бояться своего мужа (пресуппозиция), но это не так, жена не должна бояться своего мужа, потому что достаточно, если она его любит'.

Специальные деонтические вопросы:

[Водитель остановил автомобиль, перевозивший деньги, по просьбе неизвестных.] *Инструкция это строго запрещает. Но кто у нас соблюдает инструкции?* (передача «Следствие вели...», НТВ). Пресуппозиция 'есть люди, которые соблюдают инструкции' — ложная, истинна противоположная альтернатива 'у нас никто не соблюдает инструкции', но из этого не следует, что инструкции не следуют соблюдать, но следует осуждение: '...и это неправильно, плохо'. Поскольку это событие уже целиком в прошлом, то изменить уже ничего нельзя, и соответствующего побуждения не возникает.

When will Neil Kinnock start telling the truth about his disastrous National Minimal Wage policy? (Michael Howard's speech, пример из [Plie 1994: 136]); *Когда, наконец, Ник Киннок начнет говорить правду о своей катастрофической политике национальной минимальной заработной платы?* Здесь собственно цель РВ — осудить действия Нила Киннока, который не говорит правду о... (Р), хотя должен... (не Р) в соответствии с моральной прескрипцией «Не лги!» (Q), и это плохо, я его осуждаю. Ср. контринтуитивный, на наш взгляд, анализ этого примера в [Plie 1994: 168—169], где этот вопрос интерпретируется как стандартный полярный РВ, имплицитующий ответ: *Neil Kinnock will never stop misleading the British people* [Ibid: 169]. Но это другой тип риторического вопроса. Если в реактивных РВ *когда* действительно значит 'никогда' (*А когда я забывала взять ключи?*), *сколько* — 'очень много' (*Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не ходил туда?*) и т. п., то такой эквивалентности нет в случае деонтических РВ. Так, *Когда вы перестанете бить свою жену?!* (как РВ) очевидно не имплицитует 'никогда' — он не для этого создается. Он означает: 'Вы бьете свою жену (пресуппозиция вопроса, Р), это противоречит моральной норме, согласно которой жен и женщин вообще не следует бить (Q), я осуждаю ваше Р и вас и побуждаю вас (= требую, поскольку речь идет о моральной норме), чтобы вы перестали бить свою жену'. Аналогично, *Сколько можно стучать?!* не

имплицирует в качестве правильного ответа ‘очень долго’, но \approx ‘Х стучит очень долго (Р), это нарушает моральную норму, согласно которой не надо слишком уж досаждать другим людям (Q), я осуждаю Х-а и его действия’. Если этот РВ высказывается не в присутствии субъекта стука, то он останавливается на стадии осуждения и возмущения; если это говорится стучащему, то возникает конвенционализованная импликатура: ‘я требую, чтобы вы прекратили стучать!’ *Как ты мог (так поступить)!* не значит ‘Ты (никак) не мог так поступить’, но значит ‘Ты поступил так, и этим поступком ты нарушил моральную норму, поэтому ты не должен был так поступать, я осуждаю тебя и твой поступок’.

13. Наряду с деонтическими (деонтически-оценочными) РВ, существуют и РВ, в которых описываемое действие нарушает не этические нормы, но нормы утилитарной разумности (назовем такие РВ утилитарно-оценочными). В случае таких РВ действие А (С) (Р) не соответствует, противоположно тому, что он должен был бы сделать (не Р), если бы действовал разумно с точки зрения своих интересов (Q). Так, *Как ты мог это подписать?* может пониматься двояко: в деонтическом смысле (то, что ты это подписал, противоречит некой моральной норме) и в утилитарно-деонтическом: ‘то, что ты это подписал, не соответствует твоим интересам, поэтому я тебя осуждаю, глупо, неразумно, что ты это подписал’. Характерно, что во втором понимании возможно 1-е лицо: *Как я мог такое подписать?* — человек осознал неправильность, неразумность своего поступка и критикует сам себя. Ср. более витиеватую форму утилитарно-оценочного РВ: *Где были твои глаза?* (когда ты подписывала это). Утилитарно-оценочные РВ (как и некоторые из деонтически-оценочных специальных РВ) происходят из вопросов непонимания (см. гл. 8, 4), согласно обыденной логике, описанной Анной А. Зализняк [Зализняк 2009]: ‘я умный (или в случае действий 1-го лица: **теперь** я умный), поэтому раз я этого не понимаю, то, следовательно, это глупо, неразумно, нерационально и т. п.’. Ср. РВ с эксплицитным *не понимаю*: *Я не понимаю, где были твои глаза?* (когда ты подписывала это) — *Я тоже не понимаю* (т/с «Маргоша»).

14. Особняком стоит ограниченная группа фразеологизованных РВ с глаголом мнения в прошедшем времени *думал* с частицей *ли*, а также с усложнениями в виде *мог, кто мог*, с глаголами *подумать, предположить, вообразить, представить (себе)*:

Думал ли я, что однажды выбранная наугад в подмосковном лесу тропинка выведет меня к той самой легенде? (В. Степанов. Чайка над околицей; пример из [Бердник 1974]);

Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Пушкин. Капитанская дочка);

Мог ли я подумать / предположить / представить себе, что...?; О, кто из нас думал тогда, что сердца забудутся муки, что рану излечат года (А. Н. Плещеев);

Кто (тогда) мог подумать / представить, что Советский Союз распадется?

Альтернативы, заключенные в этих вопросах, описывают изменения в состоянии ума С: сначала С не имел в уме, что Р (и это «неправильная» в определенном смысле альтернатива), в более поздний период (в настоящее время абсолютное или относительное) С имеет в уме, что Р, и это правильная альтернатива, поскольку Р — факт. То, что Р в этих вопросах — факт, обусловлено тем, что в коммуникативном фокусе глагол мнения, что возбуждает конвенционализованную импликацию фактивности Р [Шатуновский 1996: 272]. В то же время осуждения, критики С не возникает, поскольку имеется хорошее объяснение того, почему С ранее не думал и даже не мог подумать и никто не мог подумать, представить, вообразить, что Р. С не думал и т. д., что Р, не из-за того, что он глупый, недалновидный, некомпетентный и т. д., но потому, что Р настолько удивительно, поразительно, неожиданно, что его невозможно было заранее представить, предположить, подумать. Так что С не виноват. И именно этот ситуативный, прагматически обусловленный по своей природе компонент фиксируется, закрепляется в этих чрезвычайно фразеологизованных конструкциях, часто ради того, чтобы его выразить, они и употребляются: ≈ ‘Р неожиданно, удивительно, поразительно настолько, что С не мог даже подумать, представить, вообразить что Р; [теперь он знает (имеет в уме), что Р]’.

15. Специальные РВ могут употребляться как особого рода **кванторы**: *Кто...? ≈ Никто...; Кто не...? ≈ Все...; Где...? ≈ Нигде...; Когда...? ≈ Никогда...* и т. д. Кванторные РВ, как и другие РВ, могут использоваться и часто используются как критическая реакция на некоторое действие или обстоятельство Q. Однако в этих вопросах формируется также специфическое кванторное значение, отличающееся от значения соотносительных невопросительных кванторов. Так, *Да и вообще, что мы знаем о человеке? Ведь науки о человеке нет, она еще даже не начиналась* (Ю. Нагибин; пример Н. П. Вольвак) не значит ‘ничего’, но значит ‘очень мало, практически ничего’; *Он работал всю свою жизнь, и что он за это получил?* значит: ‘ничего **или очень мало**, гораздо меньше, чем он заслуживал’ (это одновременно и деонтический РВ: ‘...и это плохо’); *Кто его знает, что он еще вытворит?* — не равно *Никто не знает*, но слабее, неопределеннее: ‘может быть, кто-то и знает, но я не знаю тех, кто знает, и сам не знаю’. Возможно, это объясняется тем, что категоричность истинной альтернативы снимается за счет **исходного предположения специального вопроса**, в данном случае, что мы что-то знаем, что он что-то получил, есть кто-то, кто знает это. В результате кванторное отрицание или утверждение в РВ является не полным, частичным, несколько неопределенным. И этим оно и хорошо, поскольку очень часто трудно гарантировать полный охват квантифицируемого множества⁹. *И какой же русский не любит быстрой езды?* мягче, чем *Любой русский / Каждый русский...*; *Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался?* (Пушкин. Станционный смотритель) ≠ *Все проклинали...*, нет, здесь мягче, неопределеннее: ≈ *Наверное, все...* В этом случае не исключается, что могут найтись люди, которые не проклинали станционных смотрителей и не бранивались с ними. Такие высказывания, однако, в большей или меньшей степени выходят за пределы риторических вопросов, от которых они очевидно происходят, и превращаются в полностью восклицательные высказывания в примерах типа: *Где я только не бывал!* ≠ ‘Я бывал везде’, но ≈ ‘Я бывал в очень многих местах’.

⁹ По аналогичным причинам в русском и других языках сформировался специальный класс показателей неточности, неопределенности обозначения и утверждения: *как бы, своего рода, типа того, в некотором смысле, a sort of, a kind of* и т. д.

Аналогично, с некоторыми поправками, квантифицируют признак специфические для русского языка идиоматические РВ типа

Да какой он артист!; Спасибо за поддержку. — Да какая там поддержка!; [Кабанова Тихону:] Ну какой ты муж? Посмотри на себя! (А. Н. Островский. Гроза); [Аман Тулеев, губернатор Кемеровской области:] Если ты начинаешь жульничать, то какой ты кандидат в президенты? [Журналист Аману Тулееву:] А какой из тебя президент, если ты и жульничать не умеешь? (Аргументы и факты, № 11, 2000).

Здесь квантификация касается степени проявления, наличия признака, обозначенного предикатным словом. Эти РВ не совсем равны *Он не артист; Никакой поддержки не было*. Это значит — ‘в минимальной степени, почти не..., практически не...’ или ‘плохой’ (в случае с артистом, мужем и президентом, подразумевающее ‘настоящий, в полном смысле артист (президент, муж) — это хороший артист (президент, муж)’. Но все-таки это не полное отсутствие признака, действия и т. п.: *Да какая она красавица! Так, просто симпатичная; [журналист, автор очерков, которого назвали писателем:] Ну что вы, какой я писатель, я себя писателем не считаю*. Симпатичная девушка в какой-то степени красивая, тот, кто пишет очерки — в какой-то степени писатель, а плохой муж — это все-таки муж. Высказывание-стимул Q, из которого вытекает отрицаемое в РВ Р, в этих случаях также не является полностью неправильным, не соответствующим действительности, оно частично правильно, истинно, поскольку для Q есть некоторые основания.

ГЛАВА 10

6 СПОСОБОВ

КОСВЕННОГО ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛА*

1. Способы косвенного выражения смысла¹ в языке чрезвычайно разнообразны. Наша цель — выделить, систематизировать и предварительно описать наиболее распространенные и наиболее общие их типы.

2. Одним из наиболее изученных способов косвенного (в некотором смысле) выражения смысла являются косвенные речевые акты. Заметим, что то, что называют косвенными речевыми актами, представляет собой внутренне неоднородную область. Необходимо различать здесь по крайней мере два принципиально разных типа «косвенных коммуникаций» (термин Тэк-Гю Хонга [2003]): соб-

* В основу главы положена статья: *Шатуновский И. Б.* 6 способов косвенного выражения смысла // Семантика и прагматика языковых единиц. Калуга, 2004. С. 262—274.

¹ Здесь и далее термин *смысл* будет пониматься так, как он понимается в работах А. В. Бондарко (см., напр., [Бондарко 2002: 102—103]) и в обычном русском языке (экспликацию этого понимания см. в [Кобозева 2000а]).

ственно косвенные речевые акты (далее сокращенно КРА) и компрессированные цепочки речевых актов (КомпРА).

3. Косвенные речевые акты. Собственно КРА представляют собой, так сказать, речевые акты (РА) в «переносном значении». В таких случаях «прямое», исходное значение данного РА лишь мотивирует переносное, вторичное значение и как таковое в дискурсе отсутствует: *Ты почему до сих пор не спишь?* очень приблизительно \approx ‘иди немедленно спать’; собственно вопроса здесь нет, и для осуществления данного речевого действия вполне можно было просто сказать (хотя и с существенным изменением общего значения): *Иди немедленно спать!*; *Не хотите ли чаю?* = ‘Я предлагаю вам выпить чаю’; *Где ключи? — Откуда я знаю?* \approx ‘я не знаю’ и т. д.

Важное примечание: Необходимо отметить, что, вопреки распространенному упрощенному представлению, значение КРА в большинстве случаев не сводится к выражению какого-то другого РА (с некоторыми коннотациями вежливости, резкости, эмоциональности и т. п.); очень часто (особенно это касается вопросов) это значение представляет собой гораздо более сложное образование. Так, *Ты почему до сих пор не спишь?* (как КРА, это высказывание может пониматься и буквально, как вопрос) означает нечто вроде: ‘Тебе давно пора спать, и ты должен сам понимать это, я выражаю свое возмущение тем, что ты, хотя понимаешь это, не идешь спать, я побуждаю тебя немедленно идти спать’; *Где ключи? — Откуда я знаю?* \approx ‘Ты спрашиваешь у меня, где ключи, предполагая, что я это знаю; но ты должен понимать, что я не знаю, где ключи, потому что у меня нет никаких источников информации об этом, поэтому с твоей стороны глупо спрашивать меня об этом’; [Мужчина, представляется:] *Мэлоун*. (фамилия). [Девушка:] *А имя у тебя есть?* (к/ф «Агент Мэлоун». США) \approx ‘скажи имя + когда представляешься, надо говорить и имя, ты этого не сделал, и это невежливо, я осуждаю тебя за это’. В дальнейшем, однако, мы будем, имея это в виду, представлять тем не менее значение КРА в упрощенной форме. Далее, следует учитывать также наличие «полукосвенных» РА, когда в сложном, комплексном значении, реализующемся в области данного РА в

дискурсе, отчасти и в разной степени может сохраняться первичное значение: *Ты не упадешь?* — отчасти вопрос, но в большей мере предостережение, призыв учесть возможность падения и, может быть, принять необходимые превентивные меры (усилить контроль, отменить действие, которое может привести к падению и т. п.); это (важное само по себе) обстоятельство также далее будет игнорироваться.

(Собственно) КРА можно в свою очередь разделить на различные типы (подтипы, группы) в зависимости от (находящегося совсем в иной плоскости, нежели рассмотренный ранее) признака наличия, степени и вида идиоматизации (конвенционализации) (см. [Ширяев 2001: 139—140]). В работе [Sadock 1974] это различие описано в терминах уподобления этих типов идиомам и метафорам (что, на наш взгляд, с терминологической точки зрения не очень удачно, поскольку эти термины в своем первичном, не метафорическом, как у Сэйдока, употреблении не противопоставлены друг другу: метафора в узком и собственном смысле слова — это способ образования переносного значения, основанный на сходстве двух явлений и противопоставленный метонимии и т. д.; метафоры также могут конвенционализироваться и превращаться в идиомы; то же относится и к метонимиям; кроме того, при образовании КРА механизм собственно метафоры не используется). Между этими типами, впрочем, нет резких границ, поскольку конвенционализация (идиоматизация) происходит не скачкообразно, а постепенно [Sadock 1974: 158], что отражается на синхронном уровне в наличии непрерывной шкалы идиоматичности-неидиоматичности.

На одном полюсе этой шкалы находятся полностью конвенционализированные КРА (ср. [Серль 1986б: 201—204]). Имея форму РА одного вида, они понимаются в значении другого вида РА. Такие РА и не могут быть поняты в буквальном, прямом смысле; отсутствует и живой коммуникативный вывод этих значений; значение этих КРА уже зафиксировано в языке за данной моделью. Прямое, буквальное значение этих РА только **мотивирует** их переносное значение, не более того. В любом языке есть свои схемы, или модели, подобных конвенциональных КРА. Например: *Вы не могли бы передать мне соль?* ≈ ‘Передайте мне, пожалуйста, соль’; *Не будете ли вы так любезны передать мне соль? Вы не скажете, который час?*

(просьбы); *Чаю не желаете? Не хотите ли чаю? Не пойти ли нам в кино? Не могу ли я помочь вам?* (предложения разных типов) и т. д. (показателем конвенционального косвенного употребления является здесь наличие частицы *не*); *Что ты так рано встал? — Ну где же рано?!* (\approx 'это не рано') *Уже 8 часов; Можно войти?; Можете идти!; Зачем было красить дом в такой цвет?; Коньяку выпьешь?; Продается ВАЗ 1989 года выпуска \approx 'Предлагаю купить...'; Куплю вагон листового железа;* и т. д.; формальным показателем конвенционализованного косвенного употребления является также сослагательное наклонение: *Я хотел бы поговорить с...; Я был бы вам очень признателен, если бы вы сошли с моей ноги;* и т. п.

Иногда в таких РА уже закрепляется и лексический состав, давая в итоге идиому в квадрате — и как модель, и с точки зрения лексического состава:

Дай мне книгу. — А больше ты ничего не хочешь?; За кого вы меня принимаете?! Когда он приезжает?; — Откуда я знаю?; Откуда мне знать?; Почему ты не помог ему? — А что я мог сделать?; Что я, с ума сошел / глупый (что ли) / миллионер?; А что я сделал? ср. [?]А что я построил?; Сколько раз тебе говорить! = Я тебе уже много раз это говорил!; С какой стати я должен...?; Как ты мог (так поступить)!; Какое ты имел право говорить от моего имени?!; и т. д.

Фразеологизация и конвенционализация могут заводить КРА так далеко, что они, приобретая уже и формальные признаки РА, в значении которых они употребляются, превращаются в своего рода «гибридные речевые акты» [Конрад 1985: 376—380]. Так, в немецком и английском языках вопросительные предложения, употребляясь в значении просьбы и, шире, побуждения, могут включать в свой состав показатели вежливого побуждения — *bitte* в немецком [Конрад 1985: 377] и *please* в английском языке: *Can you tell me how much this costs, please?* В русском языке, впрочем, такое употребление невозможно.

Другой тип — это КРА, возникающие в речи по живым принципам коммуникативного вывода в соответствии с принципами речевого общения Грайса [Грайс 1985]. Поскольку понимание их в переносном смысле зависит от ситуации и контекста, они могут в другой

ситуации и в другом контексте пониматься и в буквальном, прямом смысле. Например: *Я спас вам жизнь, и теперь она принадлежит мне. Вы станете моим агентом* (к/ф «Тень», США) — приказ через сообщение; аналогично, [учительница ученику:] *Завтра ты придешь с родителями*; [генерал офицерам:] *Завтра все офицеры ровно в 8 часов выходят на плац в парадной форме... / должны быть в 8 часов... и т. д.*; [мать ребенку:] *Ты почему до сих пор не спишь?* ≈ ‘иди немедленно спать и т. д.’, см выше; *Что я сделал им? За что они мучат меня? ... Что могу дать я им?* (Гоголь. Записки сумасшедшего) = ‘Я не знаю, что я сделал им и т. д.’² или ‘Я им ничего не сделал. Они мучат меня напрасно. Я им не могу ничего дать’; *Брось его! Зачем он нам нужен?* ≈ ‘Он нам не нужен’; *Когда вы, наконец, перестанете бить свою жену?* ≈ Перестаньте бить свою жену! (требование, с возмущением, и + что это давно надо было сделать, прекратить бить); *Какими же вопросами занимается риторика?* = ‘теперь мы рассмотрим, какими вопросами занимается риторика’. В свою очередь, в этой области «живых» КРА наряду с КРА, которые производятся по регулярным и продуктивным моделям, так сказать, иллюкутивной деривации (как все примеры выше), возможно образование окказиональных КРА (которые, как и окказиональные слова (см. [Земская 1973]), образуются вне существующих моделей или с нарушением этих моделей): *Не хотите ли вы вынести мусор?* — то ли странное предложение, то ли ненормальная просьба; [О. Бендер беспризорному, который клянчит у него деньги:] *Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) — отказ подать деньги.

4. Компрессированные цепочки речевых актов (КомпРА)

возникают в тех случаях, когда какое-то высказывание, являющееся тем или иным РА, **полностью сохраняя свое значение в данном дискурсе**, «запускает» коммуникативно-логический вывод некоторого имплицитного РА (или целого их ряда), возникающего в

² В данной интерпретации во вторичном невопросительном употреблении вопроса происходит лексикализация и переход в коммуникативный фокус (ассерцию) пресуппозиции вопроса: ‘говорящий не знает ответа на свой вопрос’.

данном пункте дискурса. Ср. пример Серля (который он приводит как парадигматический пример КРА): Let's go to the movies tonight 'Давай пойдем в кино вечером' — I have to study for an exam 'Я должен готовиться к экзамену' [Серль 1986б: 197—198]. Для того чтобы сделать ситуацию нагляднее, выразим отказ еще «косвеннее»: *Давай пойдем вечером в кино. — У меня завтра экзамен.* Конечно, здесь есть имплицитный **отказ** пойти в кино, но сообщение о том, что X должен готовиться к экзамену, сохраняет все свое значение и релевантность, выражая причину отказа: *У меня завтра экзамен* → 'поэтому я должен готовиться к экзамену → поэтому я не могу пойти в кино → поэтому я отказываюсь'. Из всей этой цепочки эксплицитно формулируется только одно звено: основание, причина, по которой..., остальное — выводится. Аналогично: *Я хочу пить* — '... поэтому дай мне напиток', *Вы стоите на моей ноге!* — 'сойдите...', *Спичек не найдется?* — *Не курю* = 'Я не курю, поэтому у меня нет спичек, поэтому я не могу их дать'; Роберт Чилтон лорду Горингу: *Артур, я умираю от жажды! ... Спасибо.* (О. Уайльд. Идеальный муж) = 'я умираю от жажды, поэтому дайте мне напиток'; «если герцог Барделло говорит своему дворецкому: *Здесь холодно*, он, скорее всего, имеет в виду распоряжение закрыть окно» [Гордон, Лакофф 1985: 276]; *Я там чай заварил / Там в холодильнике есть масло и сыр* — сообщение + предложение выводное: возьми, если (за)хочешь; *Может быть, подарим ему бритву?* — *Бритва у него уже есть!* — отказ от предложения подарить бритву, потому что... (основание). Как и в случае собственно КРА, есть более или менее продуктивные модели, типы компрессии (со стороны отправителя) или выводной развертки (со стороны получателя) (такowymi являются все примеры выше). Наряду с ними, могут быть более или менее нестандартные, окказиональные варианты компрессированных цепочек: *Мне ключ брать?* — *Я буду дома* ['поэтому не надо брать ключ']; *Каша есть?* — *Сегодня воскресенье, золотой* — отказ с объяснением и осуждением спросившего: каши нет, потому что в воскресенье каши не варят, а сегодня воскресенье (+ а вам надо бы знать, что в воскресенье у нас кашу не варят). Часто эта нестандартность заключается в слишком сильной компрессии: *Почему вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?* — *А как надо?* (анекдот) — 'Я отвечаю так, потому что думаю, что так и надо отвечать, но если это не так, то я спрашиваю вас: а как надо отвечать?'; *У вас ко-*

фе есть? — *Платите в кассу 40 копеек* (цены советского периода, пример Т. М. Николаевой) = ‘Есть, он стоит 40 копеек, платите эту сумму в кассу’. В некоторых случаях возникают и более сложные образования, имеющие в своем составе КРА, включающийся как компонент в цепочку КомпРА. Например: Покупатель: *Дайте «Огонек»* (популярный в советское время журнал). — Продавец: *А где вы видите «Огонек»?* (пример Т. М. Николаевой), где риторический вопрос (КРА) *А где вы видите «Огонек»?* (\approx ‘Вы же не видите «Огонек»’) «запускает» вывод компрессированной цепочки, и в целом ответ понимается как: ‘Вы же не видите «Огонек», следовательно, его нет, поэтому я не могу дать вам его, и вообще, прежде чем спрашивать, надо посмотреть, что есть на витрине (упрек, осуждение)’.

5. Потенциально компрессированные цепочки РА. Другой тип компрессированных цепочек РА — это такие РА, которые, так сказать, сидят сразу на двух стульях, гонятся сразу за двумя зайцами. Говоря менее образно и более точно, это такие РА, которые в зависимости от того, как конкретно, актуально разворачивается ситуация, выражают только то, что эксплицитно сказано, или же «возбуждают» коммуникативную импликацию и продуцируют «скрытый» РА, образуя вместе с ним КомпРА. При этом обе возможности сразу программируются говорящим. Например: *Есть здесь где-нибудь поблизости аптека?* Если аптеки нет, то это остается просто вопросом, но если есть, то вопрос уже подразумевает, имплицитно, по принципу максимальной кооперации [Грайс 1985], другой вопрос: ‘Где она находится?’ (см. [Арутюнова 1976: 216]). В целом вопрос прочитывается так: *Есть ли здесь где-нибудь поблизости аптека, и если есть, то скажите, где она находится.* Аналогично: *Вам есть в чем каяться?* (вопрос Евгению Евтушенко в передаче «100 вопросов взрослому», ТВЦ, 19.01.08) — но в более слабой степени предполагает конкретизацию положительного ответа, поскольку больше оснований это скрывать. Многие из таких потенциальных КомпРА уже полностью или частично конвенционализировались, превратились в конвенциональные модели деривации потенциальных КомпРА, иногда и с устойчивым лексическим составом: *У вас нет стичек?* = ‘...Если есть, дайте’; *Вы не сходите на следующей оста-*

новке? — ‘... если нет, то пропустите меня’; *Вы не знаете, когда отправляется поезд...?* — ‘... если знаете, скажите’; и т. д. Ср. неконвенционализованные случаи: *У тебя есть часы?* (= если есть, скажи, сколько времени) — *Да. Пол-шестого.* Ср. шутливое обыгрывание окказиональной (вследствие чрезмерной компрессии) потенциальной цепочки КомпРА : *Было опрошено 100 участниц фестиваля. Из них на вопрос: Что вы делаете сегодня вечером после фестиваля? 92 ответили: Да.* (КВН, 14.2.1999. ТВ). Очевидно, что (якобы) отвечавшие на вопрос интерпретировали его как потенциально компрессированную цепочку, выводящую в итоге на приглашение: *Что вы делаете сегодня вечером после фестиваля? Если вы свободны, то я приглашаю вас куда-нибудь пойти со мной. Вы согласны / принимаете мое приглашение?*

6. Намеки. Особую область косвенной коммуникации образует обширное царство намеков. В статье [Кобозева, Лауфер 1988] сделана попытка раскрыть специфику намека как одного видов из непрямых речевых действий, выявлены и описаны различные виды и способы «намекания». Заметим, однако, что определение намека, данное в статье, не позволяет отграничить намеки от косвенных речевых актов и некоторых других косвенных способов выражения смысла. В качестве различительного (в этом отношении) признака намеков в работе рассматривается их «нетривиальность». Как представляется, этот критерий не является достаточным; можно привести примеры весьма нетривиальных косвенных речевых актов (*Не хотите ли вы вынести мусор?* как выражение побуждения в русском языке весьма нестандартно, хотя и вполне понятно) и других косвенных способов выражения смысла. Так, когда Френсис Дрейк опускал палец в воду и, попробовав затем ее на вкус, говорил: *Вода соленая! Значит, это владения Британской короны,* то он весьма косвенно и нетривиально передавал смысл *Британия — владычица морей.* Но мы не можем сказать, что это был намек. Для намеков характерно весьма специфическое отношение между прямым, буквальным, и косвенным смыслом. В косвенных речевых актах один из смыслов (прямое значение) является только мотивирующей базой для косвенного смысла, при этом элемент дискурса, имеющий

косвенное употребление, однозначно понимается как реализующий именно вторичный, косвенный смысл. В компрессированных цепочках речевых актов вообще нет какой-либо неоднозначности, эксплицитные и имплицитные компоненты объединяются в единый актуализованный в данном контексте дискурсивный блок. Отличительной особенностью намеков, как представляется, является то, что это такое дискурсивное образование, которое программируется говорящим как имеющее и сохраняющее — в аспекте их **интерпретации** адресатом — **двойной** смысл (эта мысль высказана в курсовой работе Эмилем Бургановым) при том, что с точки зрения **замысла** Г подлинной целью намека является доведение до А именно косвенного смысла. Если говорить точнее, то в случае интерпретации намеков имеет место динамическое «колебание» между возможностями буквальной и косвенной интерпретации, так и не разрешающееся окончательно ни в одну, ни в другую сторону. Задача говорящего в этом случае — создать такую дискурсивную единицу, которую можно было бы интерпретировать и так (в буквальном, прямом смысле), и этак (в косвенном смысле). В пункте намека возникает как бы «мерцающий» косвенный смысл, который то ли есть, то ли нет. Диалектика намека как особого коммуникативного приема заключается в том, что именно этот вторичный «мерцающий» смысл является (если он есть! но об этом известно только говорящему) подлинной целью намека, который строится именно для того, чтобы передать его³. При этом возможность только прямой, буквальной интерпретации всегда в той или иной степени сохраняется. Сущность намека, в прототипическом случае нормального намека, в ситуации его реализации как раз и состоит в том, что для получателя высказывания так до конца и остается неясным, является ли это намеком⁴ (уточнения этого положения см. ниже). Конечно, это знает сам говорящий (Г), но он не может указать это, поскольку тем самым он совершит иллокутивное самоубийство [Вендлер 1985], разрушив намек как неопределенный (для адресата / адресатов) в отношении подлин-

³ Ср. замечание П. Стросона об инсинуациях, которые являются видом намека: «The whole point of insinuating is that the audience is to suspect, but not more than suspect, the intention, for example, to induce or disclose a certain belief» [Strawson 1964: 454].

⁴ Замечательным примером этого являются диалоги Ивана Карамазова со Смердяковым в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

ного его смысла акт. При этом, разумеется, целью Г является не намек сам по себе (исключение — шутивное, игровое употребление намеков, см. [Кобозева, Лауфер 1988; Кобозева 2003: 18]). Имеется некоторое общее свойство всех ситуаций употребления намеков, мотивирующее их использование: в виде намека подается то, что, будучи сказано прямо, может принести вред, ущерб Г (или адресату (А), а тем самым, опосредованно, и Г). Именно опасность, в самом широком смысле, от реальной опасности до опасности ущерба «лицу», репутации Г (см. [Кобозева 2003: 20]), связанная с высказыванием Р, заставляет подавать его в виде «проблематического» с точки зрения самого его наличия смысла. Передача (косвенного) смысла в виде намека дает возможность Г в любой момент «дать задний ход» и сказать: я этого не говорил, не имел в виду и т. п.

С точки зрения прагматического назначения и ситуации употребления можно выделить следующие основные функционально-ситуативные типы намеков (между которыми, как всегда в языке, нет резких границ, с одной стороны, и внутри которых можно выделить более мелкие типы, с другой).

(1). Мотивом использования намеков могут быть этикетные соображения, стремление Г к «сохранению лица» А и, вследствие этого, и своего собственного — как вежливого, соблюдающего правила этики и этикета человека. При помощи намеков можно сказать нечто, что может обидеть или оскорбить адресата, так, что это можно интерпретировать и таким образом, что это не было сказано. Например, неудобно и невежливо сказать засидевшемуся гостю *Уходите!* Поэтому хозяин в таких случаях конструирует намек: *Ой, уже 12 часов. А мне завтра рано идти на работу!* Адресат с большой вероятностью интерпретирует это (по принципу КомпРА) как ‘...и поэтому вам пора уходить / уходите’. Можно, однако, понять это и так, что хозяин ничего такого и не имел в виду, а адресат сам, по своей инициативе пришел к этому выводу.

(2). Другой вариант использования намеков Г-им обусловлен его стремлением к сохранению своего собственного лица. Р, составляющее содержание косвенной коммуникации в этом случае, имеет предосудительный с морально-этической точки зрения характер. Примером такого намека могут служить следующие слова Собакевича, обращенные к Чичикову: *Но знаете ли, что такого рода покупки, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда по-*

зволительны, и расскажи я или кто иной — такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактов или вступления в какие-нибудь выгодные обязательства (Гоголь. Мертвые души). Собакевич не хочет прямо угрожать Чичикову и шантажировать его. Он хочет «сохранить лицо». Намек очень прозрачный, но все-таки Собакевич не сказал, что донесет на Чичикова, если тот не заплатит ему за души требуемую им цену, он высказал только общее гипотетическое соображение. Сюда же относятся «грязные» намеки-предложения чего-либо не (совсем) пристойного, аморального и т. п.

(3). К предосудительности Р с морально-этической точки зрения может добавляться и тем самым усиливать, подкреплять мотивировку намека и незаконность, уголовная наказуемость Р. Прямое высказывание Р угрожает здесь не только «лицу» Г, но чревато его уголовным или иным преследованием. Таковы, например, намеки — побуждения к даче взятки, примеры которых в изобилии представлены в отечественной художественной литературе: Хлестаков: *Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался* (Гоголь. Ревизор); Чичиков Ивану Антоновичу — кувшинному рылу: *Иван Григорьевич, председатель, мне большой друг. — Да ведь Иван Григорьевич не один, бывают и другие, — сказал сурово Иван Антонович* (Гоголь. Мертвые души); Редактор автору: *Интересно, в Мурманске есть копченая рыба?* (С. Довлатов. Ремесло).

(4). К намекам этого типа примыкают намеки, использующиеся в публичной полемике, агитации и пропаганде с целью избежать возможного преследования по суду за оскорбительные или недостаточно обоснованные фактически Р, порочащие политических противников и оппонентов. Например: [А. Чубайс:] *Если какой-нибудь мерзавец (подчеркиваю: мерзавец!) еще раз поставит рядом слова «Чубайс» и «взятка», он будет иметь со мной дело в суде* — прозрачный (для знакомых с ситуацией) намек на телеведущего С. Доренко, неоднократно ставившего рядом эти слова; выражаемый косвенный смысл: 'Доренко — мерзавец'. Разновидностью намеков этого типа являются **инсинуации**. Инсинуация — это вид намека, характеризующийся (а) отрицательным, порочащим человека, являющегося его объектом, косвенным смыслом; (б) пресуппозицией ложности, намеренного искажения действительности посредством возбуждения этого косвенного смысла говорящим — автором инси-

нуации. (Разумеется, эту пресуппозицию имеет тот, кто употребляет слово *инсинуация* для квалификации коммуникативной ситуации.) Инсинуация — это, так сказать, клевета в виде намека.

Особую подгруппу этих намеков (или, если угодно, особую группу намеков) образуют политические намеки, направленные против лиц и институтов, обладающих властью и репрессивными возможностями (множество примеров таких намеков можно найти в истории отечественной литературы и публицистики). Использование намеков обусловлено здесь стремлением избежать судебных и внесудебных репрессий; отличие этой группы заключается в отсутствии (в типичном случае) отрицательной морально-этической оценки таких намеков и содержащихся в них Р.

(5). Использование намеков может быть связано с «желанием скрыть передаваемую информацию от третьих лиц» [Кобозева 2003: 18; см. также Кобозева, Лауфер 1988]; «утечка» этой информации нежелательна или прямо опасна для Г. В этом случае имеется несколько (по крайней мере, два) лиц, которые могут «воспринять» передаваемое Г сообщение, которое строится Г таким образом, что те, на кого рассчитан намек, поймут заключенный в нем косвенный смысл, а те, для кого он не предназначен, не выведут его и поймут данный дискурсивный отрезок только в буквальном значении. Как пишет о (фактически) таких намеках А. Н. Баранов, «истинный намек формирует альтернативное семантическое пространство текста, доступное только посвященным и закрытое от профанов, при этом поверхностное прочтение текста остается открытым для любого адресата» [Баранов 2006]. Можно сказать, что в этом случае сущность намека меняется принципиально: его «мерцающий» смысл распределяется между «воспринимателями» таким образом, что для одних этот смысл однозначно есть, а для других его столь же однозначно нет. Возможность расшифровки намека намеченными участниками коммуникации определяется либо тем, что (а) подлинный А знает нечто, что позволяет ему дешифровать намек (какое-то фоновое знание, выступающее в качестве посылки скрытого силлогизма, и т. д.), или же тем, что (б) он просто умнее других (...*С умным человеком и поговорить любопытно!*, как сказал Ивану Карамазову «человек намекающий» Смердяков). Примером такого намека могут быть слова Талейрана в письме графу Румянцеву, министру ино-

странных дел России, в 1809 г. во время войны Франции с Австрией, в условиях возможного перехвата письма агентами Наполеона:

... Он и не знал, известны ли Румянцеву все его секреты. Он в восторге от побед великого императора над австрийцами, он всегда этих чудес ждал и т. п. Но что поделаешь, когда человек уже не молод, невольно «дрожишь», становишься немного трусом. ... Это намек на очень затруднительное положение Наполеона (Е. В. Тарле. Талейран).

Разумеется, возможны и другие, более сложные ситуации использования намеков. Так, в романе «Братья Карамазовы» слова Ивана, обращенные к Смердякову (предлагавшему ему поехать в Чермашню, а не в Москву, чтобы ближе было возвращаться в случае убийства отца): *Видишь... в Чермашню еду...*, представляют собой своего рода «бессознательный намек», подтолкнувший Смердякова к убийству. Ситуация намека здесь инвертирована в том отношении, что А однозначно понимает высказывание как намек, тогда как для Г смысл этого высказывания раздваивается: для одной части его большой раздвоенной души это не намек, а прямое информирование, тогда как другая, темная ее часть посредством этого высказывания косвенно дает разрешение (или указание) Смердякову действовать согласно его зловещему замыслу.

С точки зрения легко- или труднодоступности (выводимости) косвенной интерпретации намеки делятся (эта классификация уже произведена в естественном языке) на намеки прозрачные, тонкие, темные и т. д. (см. [Кобозева, Лауфер 1988; Кобозева 2003: 18], ср. также [Баранов 2006] об истинных и регулярных намеках). Заметим, что чем «прозрачнее» намек, чем легче его дешифровать, тем в меньшей степени он является намеком; когда намек становится совершенно прозрачным и ясным, он перестает быть намеком, напр.: *Вы выглядите прекрасно. — Я хотела бы сказать вам то же* (к/ф «Ведьмы») — этот едва прикрытый «комплимент наоборот», несмотря на всю его косвенность, выводимость и нетривиальность, уже никак нельзя назвать намеком. Саморазрушение намека (намеренное иллюкутивное самоубийство [Вендлер 1985], используемое как прием языковой игры) посредством доведения его прозрачности до предела может использоваться для создания комического эффекта:

[Сотрудник ДПС представляется:] *Капитан Иванов. Жена, двое детей и теща* (анекдот).

Неустранимая, конституирующая существо намеков неопределенность в отношении наличия косвенной интерпретации обуславливает повышенную вероятность коммуникативных неудач (см. [Ермакова, Земская 1993: 49]), связанных с неверным пониманием А-ом коммуникативного намерения Г: непонимания А-ом намеков, с одной стороны, и ошибочной интерпретации им не-намеков как намеков, с другой. Это делает намеки обоюдоострым оружием, поскольку дает А-у возможность демагогически⁵, намеренно как бы не понимать, игнорировать, если ему это нужно, косвенный смысл намека в одних случаях и столь же демагогически трактовать не-намеки как намеки в других. Ср. ниже примеры подобной интерпретации не-намеков как намеков; характерно и типично для ситуации намеков то, что очень часто остается неясным, намеренно ли А интерпретирует не-намеки как намеки или добросовестно заблуждается:

Рабинович, как ваше здоровье? — Не дождетесь! (анекдот): вопрос vs вопрос + пожелание ‘скорей бы вы померли!’; *Парень с девушкой едут в автомобиле. Прекрасный летний день. — Посмотри, — говорит он, — какая здесь высокая трава. — На что ты намекаешь?!* (анекдот); *Ять: В наше время, Настасья Тимофеевна, трудно выйти за хорошего человека. Нынче каждый норовит вступить в брак из-за интереса, из-за денег... Апломбов [жених]: Это намек! Ять: И никакого тут нет намека... Я не говорю о присутствующих... Это я так, вообще...* (Чехов. Свадьба); [Сайм напрашивается на ссору и дуэль] — *Я ничего не говорил, — сказал маркиз. — Разве что насчет оркестра. Я люблю, когда хорошо играют Вагнера. — Это намек, — твердо сказал Сайм. — Моя тетя плохо играла Вагнера. Нас вечно этим попрекают* (Г. К. Честертон. Человек, который был Четвергом).

7. Двусмысленные РА (высказывания). Весьма сходны с намеками **двусмысленные** высказывания. В случае намека имеется **подлинный** его смысл, который Г хочет довести до А. В случае

⁵ О лингвистической демагогии см. [Николаева 1988].

двусмысленных высказываний, как и в случае намеков, имеются два сосуществующих в одном пункте дискурса смысла (прямой и косвенный, выводной) или два выводных смысла (когда собственно и только в прямом смысле, без его «достройки» с помощью имплицатур высказывание не может функционировать в данном дискурсе), однако в отличие от намеков ни один из этих смыслов не является привилегированным, основным с точки зрения намерения Г донести (именно) его до (нужного) А, интенция, замысел Г заключается в том, чтобы неопределенность в отношении того, как именно нужно понимать данное высказывание, сохранилась не только потенциально, но и по существу, чтобы А, поняв оба возможных смысла, так и остался до конца в неведении, какой именно из них имеется в виду. Чаще всего это делается ради языковой игры: *After you get married, kiss your wife in places where she has never been kissed before*. Но такая двусмысленность может иметь и серьезные функции. Например: Сальери: *Did my work please you?* — Моцарт: *I never knew that music like that was possible.* — Сальери: *You flatter me.* — Моцарт: *No, no! One hears such sounds and what one can say but: Salieri!* (х/ф «Amadeus»). Сальери: *Как вам понравилась моя новая работа?* — Моцарт: *Я не знал, что возможна такая музыка!* → ‘... такая прекрасная музыка’ или ‘... такая ужасная музыка’; Сальери: *Вы мне льстите.* Моцарт: *Нет, нет! Услышав такие звуки, остается сказать только одно: Сальери!* → ‘... Сальери всегда пишет замечательную музыку’ и ‘... Сальери всегда пишет отвратительную музыку’. Моцарт хочет, с одной стороны, быть вежливым и не огорчать своего коллегу-композитора, а с другой, он, соблюдая морально-коммуникативный принцип искренности, хочет говорить правду, не хочет лгать. Поэтому высказывания (оба приведенных выше высказывания Моцарта) строятся таким образом, чтобы они могли быть интерпретированы двумя различными способами; при одной интерпретации высказывание является вежливым, отвечающим правилам речевого этикета, не рекомендуящим говорить неприятную А-у правду (РА высокой оценки), при другой — правдивым (РА уничтожающей оценки). Аналогично, Чичиков Плюшкину: *...Наслышась об экономии его и редком управлении имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение*. Заметим, что если в примерах из «Амадея» выше двусмысленность была «разлита» по всему высказыванию в целом, то в этом примере дву-

смысленность локализована в конкретном его элементе и связана с оценочной неопределенностью слова *редкое* (об управлении именными). Чтобы получить законченный смысл, необходимый в данном дискурсе, необходимо конкретизировать оценку посредством коммуникативных импликатур; разные возможности конкретизации дают разные смыслы. Тем не менее, принципиального значения это не имеет: различия в данном пункте высказывания делают это высказывание двусмысленным по своему смыслу и коммуникативной цели в целом.

Наиболее сложным и изощренным приемом косвенной передачи смысла является ирония. Ей посвящена следующая глава.

ГЛАВА 11

ИРОНИЯ И ЕЕ ВИДЫ*

1. То, что называют **иронией** и к чему применимы характеристики *иронический*, *сказал иронически*, *с иронией* и т. п., представляет собой чрезвычайно обширную и размытую область. Двусторонняя задача, которая встает перед исследователем в этой связи, — это, с одной стороны, найти то общее, что есть во всех этих чрезвычайно разнообразных употреблениях, а с другой, показать, на какие различные виды, типы и подтипы делятся иронические высказывания и выражения и иронические знаки в целом.

При этом, может быть, основная проблема, которая встает при описании области иронического, — это нехватка в естественном (обыденном и научном) языке понятий и слов, достаточно общих для того, чтобы схватить и отразить то интуитивно ясно ощущаемое общее, что имеет место в различных видах иронии. Чтобы преодолеть эту трудность, мы будем использовать метафорические обозначения, употреблять имеющиеся слова расширительно, показывать

* В основу главы положена статья: *Шатуновский И. Б.* Ирония и ее виды // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма. М.: Индик, 2007. С. 340—372.

это общее путем демонстрации и перечисления видов этого общего и т. д.

Настоящая глава написана на материале русского языка. В то же время даже беглый взгляд на положение с иронией в других языках позволяет сделать вывод, что основные механизмы и виды иронии являются общими если не для всех языков, то, по крайней мере, для связанных тесными культурно-историческими узами языков «среднеевропейского стандарта» [Уорф 1960: 140] — английского, немецкого, французского, русского, итальянского и др. Это видно уже даже из того, что ирония в общем случае **переводима**. Поэтому основные выводы и положения данной работы, если они верны, приложимы и к другим языкам, по крайней мере, языкам среднеевропейского стандарта.

2. Общая идея иронии. Ирония как особый языковой и, шире, семиотический прием конституируется рядом взаимосвязанных и взаимообусловленных особенностей.

1). Ироническое выражение / высказывание (ИВ) является в широком, а иногда и в узком смысле «двусмысленным», включает два различных «слоя». (Это первый случай недостаточности имеющихся слов, о котором мы говорили выше. Несмотря на всю его широту, понятие *смысла* (см. [Бондарко 2002: 102—103; Кобозева 2000а]), недостаточно, чтобы охватить весь спектр возможных различий между различными «осмыслениями», часто просто аспектами ИВ. Поэтому для обозначения того очень абстрактного и общего понятия, которое нам необходимо, мы будем, наряду с термином *смысл*, пользоваться метафорическим термином «слой», оставляя его без определения. В дальнейшем это понятие получит денотативное (то есть на примерах) объяснение путем описания различных типов двуслойности в ИВ.)

2). При этом, в отличие от других типов двусмысленных высказываний (см. гл. 10), эти «слои» противопоставлены друг другу, отличаются по, очень условно говоря, параметру «истинности» / «ложности»: один «слой» является / представляется говорящим (Г) как «истинный», а другой — как «ложный». (Это второй случай нехватки слов и понятий. «Истинный» и «ложный» здесь надо

понимать **чрезвычайно** расширительно. Поскольку высказывания бывают самых разных типов с точки зрения семантики и функции и имеют различные аспекты, точнее говорить о **соответствии / несоответствии** высказывания тому, чему оно **должно**, по правилам употребления данного типа высказываний и в данном аспекте, **соответствовать**. В различных ИВ этот параметр предстает как соответствие / несоответствие действительности, соответствие / несоответствие критериям номинации, соответствие / несоответствие каким-либо (в различных случаях разным) правилам, правильность / неправильность, правомерность / неправомерность, обоснованность / необоснованность (оценки, аргументации, вывода и т. д., и т. п.)). Подчеркнем, что двусмысленность может касаться как пропозиционального содержания высказывания (Р) вместе с его истинностной (и т. д.) оценкой, так и только его истинностной оценки (в одном смысле, аспекте, отношении Р истинно, в другом — ложно).

3). При этом каждый из составляющих значение ИВ «смыслов», «суждений», «слоев» **имеет основания** во внеязыковой действительности и / или дискурсе, оба этих смысла **обоснованны**. Из чего-то (из какого-либо высказывания, ситуации, знаний о мире и т. п.) вытекает одно, а из чего-то вытекает другое. При этом, поскольку эти «слои», аспекты совмещены в рамках одного высказывания, ИВ оказывается **«частично истинным»** и **«частично ложным»**¹ — в разных случаях в разных смыслах и разных аспектах.

Г **комбинирует** оба этих смысла, слоя в ИВ, строя высказывание **частично истинное и частично ложное** (в указанном широком, но очень часто и в узком смысле). Это **главный принцип построения ИВ**. Например, если я просто скажу как нечто новое, не связанное с ситуацией и контекстом: *У меня появилась очень талантливая аспирантка*, то, как бы я ни старался интонацией, улыбкой, подмигиванием и т. д. выразить противоположный смысл ‘Она очень глупая’, у меня ничего не получится! Другое дело: (иронически) *Да, талантливую аспирантку ты ко мне привел!* (пример Н. В. Перцова). В какой ситуации это может быть сказано? Скорее всего, адресат (А) рекомендовал аспирантку Г-му как талантливую, это основание назвать ее талантливой; однако ее реальные действия, высказы-

¹ Ср. замечание Х. Вайнриха: «В иронии истина и ложь не составляют противоположности» [1987: 76].

вания и т. п. не подтверждают этой характеристики, поэтому есть основания и для иного мнения; Г комбинирует оба эти слоя, порождая ИВ. Ср. также: *Есть у меня дурацкая привычка — готовиться к занятиям* (пример из [Ермакова 2005: 184]). В каком-то смысле характеристика *дурацкая* имеет основания (они **должны** быть, раз предложение осмысленное!) и не является абсолютно ложной! Действительно, зачем тратить силы и время, готовиться к занятиям, когда лекции читаются уже много лет, лектор прекрасно знает материал и вполне можно обойтись старым багажом, многие так и делают. Но есть основания и для противоположной оценки: правила профессиональной порядочности требуют от преподавателя постоянно совершенствовать курс и читать его так хорошо, как только возможно.

Подчеркнем, что Г (иронизирующий) именно **представляет** один из слоев своего высказывания как ложный, аномальный, не соответствующий действительности и т. п., однако это не означает, что он всегда **является** таковым. Поскольку Г, говоря, преследует свои цели, он может демагогически представлять как ложное, неправильное, неправомерное, неуместное и т. п. то, что на самом деле не является таковым (или, более осторожно, с чем адресат (А) может не согласиться). Далее, поскольку «ложный» в широком смысле «слой» имеет под собой основания, может оказаться, что это Г ошибается: то, что он считает «ложным» и подает как несоответствующее действительности и т. п., является или оказывается впоследствии истинным и т. п.: *Следом отличилась Нино Бурджанадзе. Когда Россия прекратила импорт грузинского алкоголя, госпожа спикер язвительно поинтересовалась: «А «боржоми» они не запретят?».* Помните, что советовал герой Фрунзика Мкртчяна в фильме «Мимино»? «Сначала подумай, потом говори...» (Вина Грузии // Известия.Ру. 15.06.06). (Вскоре после этих слов Россия запретила продажу боржоми.)

4). Описанное ироническое построение является **специальным приемом**, Г хочет, чтобы оно было воспринято и обнаружено. Поэтому обязательным компонентом иронии является «сигнал иронии» [Вайнрих 1987: 79]. Хотя ИВ включает «ложный» слой («искажает» в том или ином отношении действительность, не соответствует в том или ином отношении тому, чему оно при нормальном, **серьезном** употреблении должно соответствовать), однако это не ложь, поскольку **нет намерения обмануть**, выдать ложное

за истинное. Обобщая сказанное и расширяя его на все типы ИВ, можно сказать, что все ИВ намеренно и демонстративно нарушают принцип нормальности, «серьезности» употребления (соответствие значения и употребления иллокутивной и / или перлокутивной цели высказывания). Разумеется, это не значит, что у ИВ нет своей серьезной цели. Однако эта цель **более высокого уровня**, которая реализуется посредством нарушения высказыванием принципа серьезности на обычном, стандартном уровне использования языковых выражений.

Указанные четыре момента присутствуют в любом выражении, которое может быть названо ироническим, и (все вместе) только в них и таким образом очерчивают, ограничивают область иронии. Другие моменты присутствуют не во всех ИВ или свойственны и другим типам двусмысленных и недвусмысленных высказываний.

3. Сигналы иронии. Существуют следующие типы сигналов иронии.

1). Формальные сигналы.

1а). **Паралингвистические сигналы (знаки) иронии.** Эти сигналы, как показывают материалы «Национального корпуса русского языка», чрезвычайно разнообразны. Это может быть улыбка, усмешка (улыбка, сопровождаемая выдохом воздуха, как при смехе), ухмылка — фактически то же, что и усмешка, но наблюдаемая со стороны и оцениваемая Г-им отрицательно, ироническое хмыканье, взгляд, наклон головы и т. д. Однако основным из этих средств является ироническая улыбка и усмешка (как вид улыбки). Все другие средства лишь сопровождают усмешку, ироническую улыбку, являющуюся обязательным знаком: без такой улыбки взгляды и т. п. выражать иронию неспособны.

Заметим, что характер иронической улыбки иконически мотивирован описанной выше общей спецификой иронии. А именно, с одной стороны, это **улыбка** — метонимический знак **несерьезного**, игрового построения / отношения, но, с другой стороны, это не широкая, полная, «настоящая» улыбка, а половинчатая, узкая, сжатая (губы сжаты), односторонняя, кривая, частичная (один угол рта

приподнят, другой нет) «полуулыбка»: *Он опять криво улыбнулся, этот учитель Филатов, пожал иронически плечами* (В. Липатов. Деревенский детектив) / НК).

1б). К паралингвистическим в широком смысле слова сигналам можно также отнести специфическую **ироническую интонацию** (различную в различных с точки зрения коммуникативного назначения высказываниях). Интонация, однако, в отличие от чисто паралингвистических сигналов, не может использоваться сама по себе, без какой-либо языковой «материи».

1в). **Специальные слова** — сигналы иронии, где функция сигнализации иронии фиксирована в словарном порядке: *возлежать, благодарствуйте, пиэса, ораторствовать, блюстититель, восседать, лицезреть, отпрыск, чадо, изречь, соблаговолить, соизволить* и т. п. Сигналом иронии также является употребление высоких слов (*воин, песнь, воззвать, молвить* и т. п.), а также, реже, слов, относящихся к научному и официально-деловому стилям² в обыденных «низких» ситуациях и контекстах. Заметим, что разница в этом отношении между *возлежать* и т. д., и *воин, песнь* и т. д. не принципиальная, а градуальная: первые также являются словами высокого стиля, но настолько устаревшими, что сейчас практически не употребляются иначе, чем иронически, тогда как вторые могут и в настоящее время употребляться не иронически в высоких жанрах³.

Заметим, что не являются сигналами иронии однословные и неоднословные «иронические стереотипы», или «клише», выделяемые О. П. Ермаковой в особую группу ИВ [Ермакова 2005: 156—169], — в том случае, если это действительно клише, «застывшие» в данном значении выражения, типа *перл; А больше ты ничего не хочешь? Тебя здесь только не хватало! Ишь, чего захотел! Держи карман шире!* и т. п. Ироническими они являются лишь с точки зрения их происхождения, в настоящее время в них уже нет живой иронии, **частичности, двусмысленности**, так, *А больше ты ничего*

² Ср.: *Резина, лохи на «десятках», покорёженные двери и засорившиеся форсунки не должны отвлекать папиков от выкачивания углеводородов из земных недр* (Почем любовницы олигархов? // Известия.Ру. 11.09.2006), где показателем иронии является, наряду с выражением *из земных недр* (сочетание высокого стиля), научный термин *углеводороды*.

³ Подобное стилистическое снижение является иконическим знаком «снижающей» функции иронии (см. далее).

не хочешь? — это прямой и недвусмысленный отказ. Подчеркнем разницу между этими словами (и фразеологическими выражениями) и словами — сигналами иронии: *перл* приобрело **иное**, отличное от первичного ('жемчужина') значение: 'в высшей степени глупое или ошибочное высказывание'; в то же время *пизса* — это **то же самое**, что *пьеса*, но только употребленное иронически = как сигнал иронии. Такие слова совмещают обозначение какого-либо явления и функцию сигнализации иронии, каковая функционально ничем не отличается от иронической интонации и улыбки.

2). Семантические (содержательные) сигналы иронии.

Сигналом иронии может быть сама нарочито «ложная» (в широком смысле) и, шире, аномальная в том или ином отношении (коммуникативном-функциональном, оценочном, номинативном и т. п.) семантика высказывания. В этом случае (поверхностное, эксплицитное или более поверхностное, более эксплицитное, если слои ИВ различаются в этом отношении) содержание высказывания в каком-то его смысле, аспекте, отношении (очевидно, явно) частично не соответствует действительности или каким-то языковым (речевым) или внеязыковым нормам, правилам, «неуместно» [Серль 1990: 337].

Указанные средства могут употребляться как в комбинации друг с другом, так и по отдельности. Два полюса, которые при этом образуются, можно назвать «тупой» и тонкой (ее также можно назвать творческой, креативной) иронией. В случае «тупой» иронии единственным или основным сигналом иронии являются интонация и (факультативно) другие паралингвистические средства. Без таких средств и интонации данное выражение не будет понято иронически. В случае тонкой иронии основным или единственным сигналом иронии является содержание высказывания в его соотношении с действительностью и т. д. В целом, семантические и формальные сигналы иронии находятся в отношении обратной пропорциональной зависимости: чем более тонкой является ирония, тем менее уместны паралингвистические и интонационные сигналы иронии, и в случае особо тонкой иронии они недопустимы: такое иронизирование делается с абсолютно серьезным видом и абсолютно серьезным тоном.

Далее будут рассмотрены и описаны различные виды иронии, прежде всего, иронии на лингвистической основе, т. е. опираю-

щейся на какие-то слова и высказывания. При этом, разумеется, невозможно рассмотреть **все** способы построения ИВ — не только потому, что они чрезвычайно многочисленны и разнообразны, но также — принципиально — потому, что ирония является творческим приемом и Г способен порождать ИВ по моделям, которые ранее не существовали, создавать новые образцы, используя общие принципы построения ИВ.

Отметим также, что различные виды иронии могут накладываться друг на друга, совмещаться в одном ИВ — постольку, поскольку различные деления в этой области опираются на разные основания.

4. Возможно, наиболее общее деление в области иронии связано с противопоставлением **конкретной** и **общей** иронии. В случае конкретной иронии противопоставлены смыслы / слои, обладающие конкретным пропозициональным, концептуальным или иллокутивным содержанием. (Об общей иронии см. далее.) Конкретную иронию, в свою очередь, можно разделить на коммуникативную и номинативную иронию (ср. противопоставление текстовой и вербализованной иронии в [Ермакова 2005: 9]). В случае **коммуникативной** иронии иронически интерпретируется коммуникативная единица — высказывание или их ряд, отрезок текста. В случае **номинативной** иронии иронически интерпретируется и двусмысленной, двуслойной является его часть, служащая для обозначения и характеристики какого-то объекта действительности: *Мы пришли, а блюстители порядка* (ироническая номинация) *нас не пускают*.

Коммуникативную иронию, в свою очередь, можно разделить на **пропозициональную** и **иллокутивную** иронию. Ирония первого типа оперирует на пропозициональном содержании какой-либо из пропозиций, входящих в содержание высказывания, или как-либо ассоциированной с ним. Иллокутивная ирония оперирует на высказывании как действии (речевом акте).

5. Конкретная коммуникативная пропозициональная ирония (ККПИ) представляет собой наиболее ясный и эксплицитный, в некотором смысле прототипический случай иронии. ИВ в случае ККПИ имеют диалогический (см. [Шаронов 2004: 47—48]), дискурсивный и **реактивный** характер. Они являются **реакцией** на какие-то предшествующие **действия**, которыми могут быть и часто являются **слова, высказывания** адресата (А) или третьего лица — объекта иронии, которым всегда является мыслящее, действующее и контролирующее и оценивающее свои действия существо. В дискурсивной последовательности, звеном в которой является ИВ, всегда есть некоторое высказывание (высказывания) или действие (действия) (разновидностью действия является контролируемое бездействие) — **стимул** и некоторое **ироническое выражение-реакция** (см. и ср. [Sperber, Wilson 1981; Морозова 2005: 119; Шаронов 2004]). Общей глобальной целью ИВ является (опять не хватает слов!) **подвергнуть критике** стимул [Levinson 1983: 161], показать, что **что-то с ним не так**, в частности, что он ложен / неправилен / неискренен и т. д. Однако эта критика является не прямой, а косвенной, это, так сказать, «возражение под маской согласия»^{4,5}. ИВ специально строится Г так, что оно, с одной стороны, в каком-то отношении, аспекте, в какой-то мере и т. д. = какой-то его «слой», смысл находится «в согласии», согласуется со стимулом, но в каком-то отношении, аспекте, мере и т. д. = какой-то его «слой», смысл, не согласуется со стимулом, находится в противоречии с ним. Поскольку целью ИВ является возражение, опровержение того, что содержится в стимуле, то оно специально строится так, что то, что согласуется со стимулом, является (представляется Г-им) ложным, аномальным, неуместным и т. п., и наоборот, то в этом высказывании, что противоречит стимулу, не согласуется с ним, является (представляется) истинным и т. д. Общая идея «возражения», «опровержения», «критики» того, что содержится в стимуле, выглядит следующим образом (что-то вроде размытого обратного вывода): поскольку то, что согласуется со стимулом, является ложным, неправильным, необоснованным и т. д., то, следовательно, что-то не так с самим стимулом!

⁴ Выражение Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, использованное ими по другому поводу [Булыгина, Шмелев 1997: 305].

⁵ Не случайно поэтому одной из распространенных моделей иронических высказываний является клише согласия: *Да, весело вы тут живете! Да, это не Пушкин!* и т. д.

6. При этом важно различать **объективную (онтологическую)** и **субъективную (эпистемическую)** иронию. В случае объективной иронии один слой ИВ (в случае наличия стимула — тот, который противоречит стимулу) является объективно истинным, а другой (согласующийся со стимулом) — объективно ложным (тем самым высказывание является **объективно** частично истинным и частично ложным). Например: Фамусов (отец Софьи): *...Не хочешь ли жениться?* (на Софье); Чацкий: *А вам на что?* Фамусов: *...Ведь я ей несколько сродни* (А. С. Грибоедов. Горе от ума): ‘Я ей родственник’ — объективно истинно (отец — родственник), ‘несколько, в небольшой степени’ — объективно ложно (отец — **близкий** родственник). В случае эпистемической иронии Г **не знает**, имеет ли на самом деле место то, что выражено в стимуле, или не имеет; он строит такое ИВ, которое является **возможно истинным** (то, что противоречит стимулу) и **возможно ложным** (то, что согласуется со стимулом) (возможность здесь — эпистемическая (субъективная) [Шатуновский 1996: 173—178]). Тем самым он выражает **сомнение** в истинности / искренности / правильности / правомерности / обоснованности и т. п. того, что содержится в стимуле⁶. Таким образом, частичность в случае эпистемической иронии имеет субъективный характер: она в уме иронизирующего субъекта, колеблющегося между ‘Р истинно’ и ‘Р ложно’, но не в объективной действительности, в которой Р — на самом деле — или истинно, или ложно, но не истинно и ложно одновременно, как в случае объективной иронии. Пример:

Но когда я увидел вас, просто голову потерял. Такой очаровательной девушки я еще не встречал. Я понял, что это сама судьба: если сейчас позволю вам исчезнуть, никогда себе этого не прощу. — Здорово у вас получается. — Ирина иронически улыбнулась. — Это что, любовь с первого взгляда? — Вы мне не верите? — Какая разница, верю или нет, — бросила она небрежно и занялась покупкой овощей. (Л. Дворецкий. Шакалы / НК).

⁶ Как отмечает О. П. Ермакова, «семантика сомнения в истинности обозначения..., в факте совершения чего-то... очень часто сопутствует ироническому употреблению слов, не входящих в антонимические пары» [Ермакова 1997: 53].

7. В соответствии с описанными выше сигналами иронии ироническая реакция может иметь следующий вид:

1). Иронизирующий субъект реагирует на высказывание или действия объекта иронии при помощи жестовых паралингвистических средств (усмешки, кривой улыбки и т. п.), не производя никакого ответного, «реактивного» иронического высказывания: *Без всякого преувеличения можно сказать, что мысль об этом загадочном оружии захватила умы; даже скептики, иронически переглядывавшиеся при каждой новой радиосводке с театра военных действий...* (В. Пелевин. Оружие возмездия). Поскольку такие паралингвистические знаки сами по себе не имеют никакого пропозиционального или иллокутивного содержания, они относятся только к оценке соответствия стимула тому, чему он должен, по правилам употребления данного типа высказываний, соответствовать (его истинности, искренности, обоснованности и т. п.), и выражают эпистемическую иронию — сомнение в истинности, искренности, обоснованности и т. п. стимула.

2). Иронизирующий субъект продуцирует ответное, «реактивное» высказывание, не совпадающее с тем, что было сказано А-ом (если он сказал что-то).

8. Способы создания ИВ в случае ККПИ.

Различные способы создания ИВ опираются на те общие закономерности построения ИВ, которые были описаны выше. При этом высказывание должно удовлетворять определенным условиям для того, чтобы ироническая интерпретация была возможной.

Первое. Высказывание должно быть «реактивным» (и отражать эту «реактивность» в своей формально-семантической структуре). Поэтому не любое высказывание и не любой тип речевых актов (РА) может получить ироническую интерпретацию. Так, не могут интерпретироваться иронически (имеется в виду конкретная ирония) первичные, «инициативные», содержащие новую информацию сообщения, утверждения, объявления и т. п. (см. гл. 3).

Второе. Семантическая структура высказывания должна обеспечивать возможность двоякой интерпретации. Образно говоря, в ней должно быть достаточно «пространства» для реализации раз-

личных, противоположных в каком-то отношении смыслов, «слов», формирующих частично истинное и частично ложное высказывание. Прямолинейное, однозначное, «плоское», «одномерное» утверждение, сообщение и т. п. не обеспечивает возможностей для иронической интерпретации.

В свете сказанного понятно, что подходящим материалом для выражения (эпистемической) иронии являются высказывания, содержащие в себе в том или ином виде идею возможности, поскольку значение возможности образовано альтернативами 'Р' vs 'не Р' [Шатуновский 1996: 181—186]. В соответствии с тем, что идея возможности Р формулируется и формируется в речевых и мысленных действиях **предположения**, одним из наиболее общих способов построения ИВ является формулирование высказывания, содержащего в себе в том или ином виде **предположение**.

1). Наиболее простым способом (разумеется, после чисто паралингвистических: иронической улыбки, усмешки, взгляда) иронически «раздвоить» высказывание-стимул на противоположные альтернативы является общий вопрос-«переспрос»: *Да? Действительно? В самом деле?* или вопросительный повтор (с иронической интонацией; поскольку это ирония «тухая», интонация необходима, факультативно используются также паралингвистические средства). Такой вопрос содержит предположение возможности истинности Р = предполагает как возможные альтернативы 'Р (пропозициональное содержание предшествующего высказывания) истинно' vs 'Р ложно'; позитивная альтернатива согласуется со стимулом, отрицательная противоречит ему: *Я никогда не обманываю. — Да?; Ах, четыре? — полувопросительно, полуутверждающе повторяет она, иронически склоняя голову* (Э. Герштейн. Реплики Ахматовой / НК); *«В любых условиях надо оставаться человеком». — «Да?» — иронически, начиная сердиться, сказала Таня* (И. Полянская. Сельва / НК); Дэн: *Она сумасшедшая! Она преследует меня!* Баринов (иронически): *Да что ты? Преследует?* (т/с «Обреченная статья звездой»). Поскольку такой вопрос не вводит никакого нового пропозиционального содержания, двусмысленность здесь касается только истинностной оценки Р.

2). Г может иронизировать, продуцируя полноценный общий вопрос (вопрос, содержащий новую диктальную (по [Балли 1955]) альтернативу). Такой вопрос содержит две противоположные аль-

тернативы, которые не могут быть одновременно истинными (т. е. одна из них истинна, другая ложна, но какая именно — неизвестно); одна из альтернатив согласуется со стимулом (как-то развивает, дополняет его, содержит какие-то выводы из него и т. д.), другая — противоречит ему (но имеет какие-то основания в действительности): *А «боржомы» они не запретят?; Такой очаровательной девушки я еще не встречал. Я понял, что это сама судьба: если сейчас позволю вам исчезнуть, никогда себе этого не прощу. — Здорово у вас получается. — Ирина иронически улыбнулась. — Это что, любовь с первого взгляда?* (Л. Дворецкий. Шакалы / НК) — слова героя позволяют предположить, что он полюбил героиню с первого взгляда, однако ее жизненный опыт внушает ей в этом сомнения; в целом, это возможно истинно, и возможно ложно. Заметим, что не любой общий вопрос может употребляться иронически. Иронически употребляются вопросы, в которых Г вводит в мир и дискурс пропозициональную (диктальную) альтернативу, новую, с одной стороны (Г сам ее производит, конструирует), но реактивную, согласующуюся со стимулом, как-то вытекающую из него, — с другой. Не могут употребляться иронически позитивные *ли*-вопросы — такие вопросы являются не реактивными, а, напротив, инициативными, они начинают новую тему в дискурсе (см. гл. 7), ср. невозможность употребления в примере выше *Запретят ли они боржомы?*, и позитивные модальные вопросы — *Они запретЯт боржомы? А боржомы они запретЯт?* — альтернативы, образующие базу этих вопросов, являются (= должны быть, для того чтобы вопрос мог быть употреблен нормально) известными, данными (см. гл. 7), поэтому Г, задавая такой вопрос, не формулирует от себя ничего нового, что могло бы представляться аномальным, ложным. Иронически употребляются только разнообразные **вопросы-предположения** (см. гл. 7) (все примеры выше). Предположительность вопросов часто эксплицируется посредством модальных слов, указывающих на возможность: [*Злых людей нет на свете, говорит Иешуа.*] *Впервые слышу об этом, — сказал Пилат, усмехнувшись, — но может быть, я мало знаю жизнь?; Вы умрете другой смертью. — Может быть, вы знаете, какой именно? — с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

3). Высказывание может строиться уже как собственно предположение того или иного рода. Предположение содержит альтерна-

тивы 'Р' или 'не Р' [Шатуновский 1996: 280—281]; Г выдвигает как новую альтернативу Р, согласующуюся со стимулом и в то же время (представляет ее как) аномальную, не соответствующую действительности:

Почему прокуратура не захотела инкриминировать посредничество при даче взятки..., а вместо того ни к селу, ни к городу приплела мошенничество, понять невозможно. Вероятно, видя такую неодолимую тупость прокурорских работников, В. В. Устинов [генеральный прокурор] признал свое бессилие и подал в отставку (М. Соколов. Факир и футурист // Известия. Ру. 9.06.2006).

«Теневая», имплицитная альтернатива остается здесь пропозиционально не заполненной (= 'причина отставки прокурора была какой-то иной, но какой именно — неизвестно'). *Сиреневый... вскричал: — Убивают! Милиция! Меня бандиты убивают! — очевидно, вследствие потрясения, внезапно овладев до тех пор неизвестным ему языком* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Здесь имплицитная отрицательная альтернатива наполняется конкретным пропозициональным содержанием: 'сиреневый притворялся, что не знает русского языка' (вывод, который программирует автор и делает читатель, опираясь на свои фоновые знания о мире).

Сделаем некоторые пояснения. Эксплицитно формулируемые альтернативы в иронических предположениях могут характеризоваться различной степенью эпистемической вероятности (= правдоподобности) и образуют в этом отношении градуальную шкалу от достаточно вероятных, правдоподобных (*Это что, любовь с первого взгляда? Может быть, я мало знаю жизнь?* и т. д., где ирония должна сигнализироваться интонацией и паралингвистическими средствами, иначе эти высказывания будут поняты серьезно) до очевидно неправдоподобных (и поэтому комически аномальных) (предположения о причинах отставки прокурора и внезапного «овладения» языком выше). Тем не менее, предположение, даже самое неправдоподобное, является неправдоподобным, но не более того, оно не является абсолютно ложным по определению: поскольку это **предположение**, а не факт, всегда есть какая-то хотя бы минимальная, ничтожная вероятность, что оно является истинным; ведь если

такой вероятности нет, то это не предположение, а утверждение. То же самое с другой стороны: предположение выдвигает альтернативы 'Р' (эта альтернатива в фокусе) или 'не Р' (пресуппозиция предположения) = 'возможно, Р, и возможно, не Р', но тогда если 'Р' ложно, то 'не Р' истинно, а в целом предположение не истинно и не ложно. Сама семантическая структура предположений, в том числе и вопросов-предположений, предполагает такое понимание. Поэтому если из любого из высказываний выше устранить показатель предположения, то ирония исчезнет и останется абсурдное однозначно ложное высказывание: ??? *Сиреневый ... вскричал: — Убивают! Милиция! Меня бандиты убивают! — вследствие потрясения внезапно овладев до тех пор неизвестным ему языком.*

4). Для выражения предположений особого рода могут употребляться слова *конечно, разумеется, естественно: Я велел ему немедленно уехать. — И он, конечно, уехал. Как же!* [Ермакова 1997: 52].

Примечание. О *конечно* как показателе стереотипности и *естественно* как показателе причинной обусловленности см. [Яковлева 1994: 252—260]. Заметим, что автор, вопреки существующей традиции, вообще выводит эти слова за пределы показателей достоверности (предположительности) [Яковлева 1994: 253]. Однако, как показывает материал, в том числе материал ИВ, традиционный подход не совсем неверен, поскольку, оставаясь всегда показателем стереотипности, *конечно* (а также *разумеется* и *естественно*) в нефактивных контекстах указывает на очень вероятное предположение (предположение с очень высокой степенью достоверности), теряя это значение в фактивных контекстах.

Высказывания с *конечно, разумеется, естественно* могут употребляться иронически в тех случаях, когда они выражают не факт, а предположение. Ср.: *Конечно, я отказался от этого предложения* — Г не может строить предположения о самом себе, соответственно, это высказывание не может употребляться иронически, но о другом человеке — может: *И ты, конечно, отказался от этого предложения* (можно с вопросом, можно без вопроса) легко допускает ироническую интерпретацию.

5). В ряде случаев уверенное предположение делается и без помощи *конечно* и т. д.:

Какие версии? — С версиями пока туго! Сама потерпевшая без сознания, а опрос подруги и немногочисленных свидетелей ничего не дал. — Опять никто ничего не видел, никто ничего не знает, — иронически констатировал майор. — Не совсем, — возразил следователь. — Три человека видели сцену издали, в том числе и тот, кто в милицию позвонил. Все утверждают, что преступников было двое, оба высокого роста, в темной одежде. Но вот больше никто ничего не запомнил (М. Милованов. Кафе «Зоопарк» / НК).

В этом случае высказывание должно иметь эксплицитные формальные показатели иронии. Показателями предположительности в этом случае являются ироническая интонация, а также сигнализирующие об иронии слова, обуславливающие осмысление высказывания как предположительного (если нет других возможностей иронической интерпретации).

6). Благодатной почвой для иронии являются различного рода причинные и иные объяснения, обоснования и примыкающие к ним мотивировки (резоны) и аргументы⁷. Объяснения, мотивировки, обоснования, аргументы по самой своей природе допускают и другие объяснения и т. д., они в принципе не единственны и не фактивны. Из всего бесчисленного множества факторов, из всего множества связей, соединяющих событие, ситуацию с другими ситуациями и событиями, человеческий ум выделяет некоторую связь в качестве единственной причины. (О множественности возможных причинных интерпретаций см. [Карнап 1971: 258—263].) Поэтому объяснение по самому своему существу, с одной стороны, допускает и другие возможные объяснения и поэтому и само является лишь возможно истинным, а с другой — объяснение, даже серьезное, не ироническое, всегда является неполным и поэтому лишь частично «истинным». В случае ИВ эти обычно не замечаемые особенности объяснений гиперболизируются, «выпячиваются» так, что они

⁷ Ср. замечание О. П. Ермаковой: в основе глубинной семантической структуры иронии «лежат ... перевернутые причинно-следственные отношения» [2005: 4].

становятся явными и используются для создания иронической двуслойности. Пример.

[В прессе появились описания роскошной жизни сына президента Украины А. Ющенко, сопровождающиеся вопросами: откуда средства? Президент, отвечая на них, заметил, что его сын уже взрослый человек, работает и имеет независимый источник доходов. Сын президента работает в консалтинговой фирме.]
...На Украине первое место по праву занимает консалтинг. Зарботки в этой отрасли так хороши, что даже неопытный 19-летний парубок после пары месяцев работы может арендовать автомобиль БМВ-М6, нанять позаштатных бодигардов и снимать в центре Киева пентхаус площадью 600 кв. м. (М. Соколов. «Оглянулся Андрий: пред ним Виктор!» // Известия.Ру. 29.07.2005).

Нарочито принимая как бы всерьез слова президента, объясняющие источник доходов его сына (стимул), автор фельетона делает из него выводы, еще менее правдоподобные, чем исходный стимул, согласующиеся со стимулом, но противоречащие фоновым сведениям читателей о жизни, тем самым демонстрируя «дефектность» исходного объяснения; читателю предлагается найти другое — более правдоподобное — объяснение, не согласующееся со словами президента (стимулом), но согласующееся с фоновыми знаниями о жизни. Заметим, что вытекающее из слов президента объяснение источника доходов его сына, заложенное автором в исходную presupпозицию всего рассуждения ('Средства, обеспечивающие описанные выше расходы, заработаны А. Ющенко в консалтинговой фирме'), не является абсолютно ложным как с субъективной, так и с объективной точки зрения. С субъективной: это весьма неправдоподобно, но чего не бывает, может быть, это так и есть, вероятность этого нельзя исключить полностью. Оно также возможно объективно частично истинно: в какой-то степени, в большей или меньшей, эти расходы частично обеспечены и заработком по месту работы. Другие примеры:

[Настасья Ивановна:] *А отчего* [ваш батюшка] *умер?* — [Иван Васильевич вмешивается в разговор:] *Не того доктора пригласили!* (М. Булгаков. Театральный роман)

— **отчасти и поэтому!**

Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и действительно, у Степана Аркадьевича долгов было много, а денег решительно не доставало (Л. Толстой. Анна Каренина; пример из [Ермакова 2005: 68]).

Ситуация Степана Аркадьевича представляет собой один из частных конкретных случаев, обобщением которых является суждение ‘В России все дурно’, и поэтому может служить аргументом в пользу этого утверждения (в обыденном дискурсе обобщение единичного частного случая, возведение его в правило является типичным логическим ходом!). С другой стороны, такое обобщение единичного случая очевидно является слишком сильным, рискованным и дает немного гарантий истинности вывода, который поэтому является не совсем правомерным (хотя выводное суждение само по себе вполне вероятно является истинным). (Два последних ИВ являются также примерами авторской метаиронии, см. далее.) Таким образом, во всех трех примерах выше, несмотря на всю их нарочитую, явную аномальность, есть «зерно истинности», без которого невозможно существование иронии.

7). Своеобразную и весьма продуктивную группу ИВ образуют ответы на общие вопросы-предположения, характеризующиеся противоположной вопросу полярностью (т. е. на положительный вопрос дается отрицательный ответ и наоборот). Например: (*И ничего толком про это не могла вспомнить, кроме одного: героин — это серьезно. Это шприцы и иглы.*) — *То есть он кололся?* — *Нет, нюхал!* — *иронически высказалась инспекторша* (Е. Белкина. От любви до ненависти). ИВ этого типа, представляя собой, казалось бы, очевидно ложное возражение против правильного («истинного») предположения собеседника, как будто противоречат идее частичного «согласия» с предшествующим звеном дискурса и частичной «истинности». Тем не менее «согласие» и «частичная истинность» есть в глубине и здесь. Ирония в иронических репликах этого вида

оперирует на исходных предположениях, задаваемых (предполагаемых) вопросом. Отвечая на вопрос, Г **принимает** заложенные в нем альтернативы, в этом отношении ответ **согласуется** с вопросом; давая на него неправдоподобный ответ, формулируя в ответе неправильную (как он ее представляет), не соответствующую действительности альтернативу и подкрепляя ироническую трактовку интонацией (поскольку ирония здесь не очень тонкая, ложность альтернативы неочевидна), Г в косвенной форме **отвергает** наличие этих альтернатив, выражает критическое отношение к вопросу. Общая идея таких ответов: предполагать, что у 'Р' есть альтернатива 'не Р', и спрашивать Р ли, глупо, поскольку альтернативы у Р нет. В примере выше вопрос представляется как аномальный, глупый, поскольку он предполагает, что героин можно употреблять, вводя его шприцем, а можно и каким-то другим образом, а последнее, как это подает Г, неверно. Заметим, что и в данном случае ответ не является абсолютно ложным. Ведь вопрос касается не только (а может быть, и не столько) **способа** употребления (каким образом употреблял), сколько самого **употребления** как такового (употреблял или не употреблял). Компонент 'употреблял (о наркотиках)' идиоматично «спаян» в языке с обозначением способа употребления (*курил травку, нюхал кокаин* и т. д.), при этом способ обычно относится к фоновым знаниям, пресуппозициям и, как правило, не входит в фокус сообщения, утверждения или вопроса. Вопрос выше, скорее всего, должен интерпретироваться как: 'То есть он употреблял героин?'; иронизирующий демагогически интерпретирует вопрос так, как будто в нем спрашивается о способе употребления, а сам факт употребления относится к данному, пресуппозиции. Как бы то ни было, ответ в любом случае является одновременно ложным (относительно способа употребления) и истинным, поскольку *нюхал* значит 'употреблял'!

8). Распространенным приемом создания ИВ является построение высказывания, истинного на ассертивном уровне, но ложного на уровне какой-либо из его пресуппозиций (в широком смысле, включая фоновые сведения):

Она театрально воздела руки к небу и запричитала: «Сейчас утоплюсь!». Было непонятно, как она осуществит свое на-

мерение, поскольку поблизости не было не только подходящего водоема, но даже ванны (пример из [Ермакова 2005: 78]).

Ироническое замечание Г частично согласуется со стимулом: выражение недоумения по поводу того, как объект иронии осуществит свое намерение, имеет пресуппозицию, что ее намерение искренне. Соответственно, на определенном уровне высказывание, сообщаемое о том, что Г непонятно, как она это сделает, истинно, поскольку действительно непонятно, как это будет осуществлено. В то же время оно неуместно, аномально, поскольку включает ложную пресуппозицию (фоновое суждение), что можно утопиться в ванне. Собственно, ироническим делает данное высказывание именно добавление о ванне, именно оно (главным образом, наряду, впрочем, со стилистически неуместным в данном контексте специальным словом *водоем*) сигнализирует об иронии, в противном случае высказывание было бы понято как выражение искреннего недоумения. Частичная ложность, аномальность высказывания сигнализирует о том, что что-то не так со стимулом, в данном случае, что исходное высказывание-стимул не является искренним и, следовательно, истинным. Ср. также:

[Помощник адвоката Комаровского перечисляет различные предложенные ему юридические дела, Комаровский от всех последовательно отказывается.] Помощник: *Чего же вы хотите?*— Комаровский: — *Чистой любви.* — Помощник (иронически-шутливо): *Такого, извините, у меня для вас нет* (т/с «Доктор Живаго»).

И реплика Комаровского, и ответ его помощника являются истинными в буквальном смысле: Комаровский действительно хочет чистой любви, а у его помощника этого нет, однако они имеют (нарочито предполагают) ложную пресуппозицию, что среди предложений, сведениями о которых располагает помощник, могло быть и такое. Аналогично: *Да, (это) не Мандельштам / не Пушкин!*; [О. Бендер:] *Нет, ...это не Рио-де-Жанейро, это гораздо хуже* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок) (ср. с прямо ложным: *Да, это Рио-де-Жанейро!*, которое вряд ли можно понять иронически). В каком-то буквальном смысле это истинно, даже чересчур истинно, и поэтому

на каком-то уровне ложно. А именно, ложна сама исходная пресуппозиция высказывания, предполагаемая им альтернатива, что это произведение может принадлежать Пушкину, что этот город можно спутать, принять за Рио-де-Жанейро.

9). Ироническая ситуация инвертирована в случае использования приема непосредственного, прямого **выражения иронического согласия с потенциально двусмысленным высказыванием**. Г здесь не производит двусмысленного в каком-либо отношении высказывания, обладающего пропозициональным содержанием, его «творчество», «креативность» заключаются в том, что он замечает, что высказывание, которое произвел объект иронии, потенциально двусмысленно, при этом сам объект иронии не имел в виду и, в типичном случае, и не замечал возможность другого осмысления. Г выражает согласие с тем, что было сказано объектом иронии, «окрашивая» это выражение иронической интонацией и (факультативно) сопровождая его другими паралингвистическими сигналами иронии. Общий смысл этого согласия можно представить следующим образом: ‘я с вами согласен (= как и вы, считаю, что это истинно), но не в том смысле, который вы имели в виду, а в другом, а в том, который вы имели в виду, я с вами не согласен (= не считаю, что это истинно, а считаю, что это ложно)’. [В законодательное собрание избрана некая Малиновская, порнозвезда, бывшая телеведущая, участница реалити-шоу. Дискутант от ЛДПР]: *Госпожа Малиновская понимает проблемы молодежи!* — В. Соловьев (иронически): *О да!* (Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. НТВ. 09.04.2006) — коротко говоря, ирония здесь в том, что она понимает проблемы молодежи, но не в том смысле, в котором это нужно в законодательном собрании. Ср. также (без комментариев): Жена застаёт мужа наедине с молодой женщиной. Муж: *Это мой секретарь. Она помогла мне разобрать бумаги. Понятно?* — Жена: *Теперь мне всё понятно!*

10). Чрезвычайно продуктивный тип ИВ возникает на базе слов — обозначений (характеристик) лица, обобщающих в своем значении актуальные действия этого лица в ряде (множестве) актуальных ситуаций. Так, *нахал* — это человек, который в различных актуальных ситуациях *действует нахально*. Однако может оказаться так, что в одних ситуациях этот признак проявляется, а в других нет. Тогда приложение данной характеристики к этому чело-

веку оказывается «двусмысленным», одновременно истинным (для одной / одних ситуаций) и ложным (для другой / других ситуаций). Иронию, возникающую на этой базе, можно назвать денотативной, или референциальной, иронией. Пример.

— *Добрый вечер, — открыл двери сосед, молодой человек с бородой. — Пожалуйста. — Вежливый!* — иронически сказал Шляпников. — *Поучился бы себя вести в быту!* — закричал он на бородатого. — *Что случилось, Женя?* — выбежала в коридор какая-то сопливая девчонка в халате, должно быть, жена бородатого. — *В чем дело?* — *А в том!* — Шляпников стукнул себя по часам. — *Людам спать надо! А вы после одиннадцати на полную катушку включаете!* (М. Мишин. Превращения Шляпникова / НК).

Здесь характеристика *вежливый* отчасти мотивирована вежливыми словами бородатого и поэтому истинна (для этой ситуации), но с другой стороны, по отношению к другой ситуации («включение на полную катушку магнитофона») — ложна. Ироническая интонация показывает, что «более истинной», более «существенной» для применения характеристики является (считается Г-им) не непосредственный стимул (ситуация приветствия), а ситуация с включением магнитофона (\approx «на поверхности он вежливый, а по существу — хам»). Аналогичным образом могут употребляться высказывания, базирующиеся на словах *умный, хороший, ласковый, воспитанный* и т. д., и т. п., и даже *красив, красавец, хорош* (в смысле «красив») — постольку, поскольку внешний вид человека подвержен изменениям и разный в разных случаях. Посмотрев утром в зеркало и увидев там опухшее, в синяках, в царапинах и т. д. лицо, человек может иронически сказать: *Да, хорош / красив / красавец, нечего сказать!* Это означает примерно следующее: «вообще-то я ничего (или даже хорош, красив) (другие случаи рассмотрения себя в зеркале позволяют сделать такой вывод), но в данном случае это не так».

11). Возможно, самый продуктивный (вследствие его простоты) способ порождения ИВ заключается в том, что в качестве его предиката употребляется слово или выражение, значение которого в данной ситуации частично, какой-то своей частью соответствует действительности, истинно, а частично, в какой-то части не соот-

ветствует, ложно. Фамусов: ...*Не хочешь ли жениться?* (на Софье); Чацкий: *А вам на что?* Фамусов: ...*Ведь я ей несколько сродни!* (Фамусов — отец Софьи) (Грибоедов. Горе от ума). ‘Я ей родственник’ — истинно (отец — родственник), ‘несколько, в небольшой степени’ — ложно (отец — **близкий** родственник). При этом ‘несколько, в небольшой степени’ согласуется с вопросом Чацкого, представляя его как осмысленный и разумный: ‘степень родства небольшая, поэтому ты можешь этого не знать, я тебе сообщаю об этом’; истинный компонент — напоминание ‘я ей родственник → я ей отец’ не согласуется с вопросом, показывая его аномальность (глупо спрашивать **это** у отца). Заметим, что преувеличение как способ иронизации, как, впрочем, и преуменьшение, очевидно является разновидностью данного способа — по самому определению этих слов: поскольку объект **имеет** признак, приписываемый ему «преувеличивающим» / «преуменьшающим» предикатом, высказывание истинно, поскольку он имеет этот признак **не в той степени**, которая ему приписывается, — высказывание ложно. Пример. [Герой дарит героине фигурку лопухого человечка, напоминающего его, и спрашивает героиню:] *Похож? — Копия!* — шутливо, с иронической интонацией, отвечает та (т/с «Я тебя люблю»). Человечек действительно похож, но не копия в полном смысле. В значение слова *копия* входит указание на сходство — и в этом отношении высказывание героини истинно — плюс указание на очень высокую степень этого сходства — и в этом отношении высказывание ложно.

Понятно, что чем более размыто, широко и неопределенно значение слова и область его референции, тем легче употребить его иронически — частично, по отношению к какой-то части значения / области референции, истинно и частично, по отношению к какой-то другой части, ложно. Поэтому ирония так «любит» оценочные слова — нет ничего более неопределенного и размытого, чем оценка. Примеры. Героиня фильма (о сурке): *Ну разве он не хорошенький?* — Герой, иронически: *Прелесть!* (х/ф «День сурка») — преувеличенная положительная оценка. [В. Соловьев:] *Михаил Ефимович затронул очень важную проблему...* [М. Е. Швыдкой:] *Я горжусь собой!* (Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. НТВ. 18.09.2005). В последнем случае, с одной стороны, есть основания для положительной самооценки (что образует ядро концепта гордости), и в этом отношении высказывание истинно, но, с другой стороны, все-

таки их очевидно не так много, чтобы гордиться в полном смысле, и в этом отношении сказанное ложно, **несерьезно**. Ироническому осмыслению оценочных высказываний способствует также субъективность оценки: то, что для одного хорошо, для другого ужасно. В этом случае высказывание с точки зрения одного субъекта истинно, с точки зрения другого (Г) — ложно. Смыслы эти в таком случае резко противопоставлены:

Судя по всему, была спланирована следующая схема. Во-первых, накалить обстановку на границах с двумя непризнанными государствами, спровоцировать миротворцев. Далее — постараться убрать российских миротворцев из Абхазии и Южной Осетии, заменить их миротворцами из ОБСЕ. Эти миротворцы «прекрасно» показали себя в Косове, где ровно ничего не сделали, чтобы прекратить геноцид сербов (Тупик имени Саакашвили // Взгляд. Деловая газета. 04.08.2006)

— *прекрасно* — с точки зрения грузинской стороны, совсем наоборот — с точки зрения автора.

12). Ироническая интерпретация (частичная истинность, частичная ложность) может возникать на базе слов (выражений), обладающих как номинативным (объективным), так и оценочным содержанием. В случае иронического употребления номинативный и оценочный слои противопоставляются с точки зрения «истинности» в широком смысле, а именно: с точки зрения номинативной отнесение слова к объекту истинно, объект соответствует номинативной дескрипции, с точки зрения оценочной — «ложно», приложение данной оценки к объекту неправильно, неправомерно, он «не заслуживает» этой оценки. Подчеркнем, что таким образом могут употребляться как слова, содержащие положительную оценку, так и слова, включающие отрицательную оценку; впрочем, примеров на «ложность» положительной оценки больше.

[Журналисты хотят написать статью о водителе Муталове.] *За какой подвиг такая честь оказана? — пожал он ... плечами. — Вроде урожая от огня, рискуя жизнью, не спасал. Вооруженных бандитов не обезвреживал. Изобретений и открытий тоже не имею. Работаю не лучшие и не хуже других... — Середняк, — пы-*

тались мы иронизировать над скромностью собеседника. Муталов помолчал. А потом ответил веско и твердо: — Середняков в нашей бригаде нет. И героев тоже. Мы не каскадеры, не испытатели. А просто водители (А. Фитц, О. Шатуновский. Нас три миллиона).

Номинативное значение слова *середняк* согласуется с тем, что говорит шофер и с действительностью (истинно то, что он ‘середняк’), но не истинно и не согласуется с его высказыванием и с общей ситуацией то, что ‘это плохо’. Герой здесь «критикуется» за излишнюю, с точки зрения авторов, скромность, за то, что он преуменьшает свое значение, слишком низкого мнения о себе, ирония говорит о том, что это неправомерно, неправильно. Минус на минус дает плюс, в итоге получается положительная оценка персонажа: ≈ ‘он такой же, как все, как другие простые советские труженики, и это замечательно’ (каковую оценку далее подтверждает и сам герой). Пример на «ложность» положительной оценки:

[Дроздов жене (любящей Лопаткина) об изобретателе Лопаткине, иронически:] *Он мученик. Возвышенная натура. Гений.* И далее характерно: *Я н-не верю в существование так называемых возвышенных натур. Рядом с понятием «гений» обязательно существовало понятие «чернь». ... Я потомок черни, бедноты. У меня наследственная неприязнь ко всем этим... незаменимым...* (к/ф «Не хлебом единым», по роману В. Дудинцева).

Дроздов согласен с мнением жены, что Лопаткин гений, мученик и возвышенная натура, как и она, считает, что это истинно. Но он не согласен с положительной оценкой этих качеств, он считает, что это не хорошо, а плохо, и в этом отношении употребление слов с положительной оценкой — неправильно, «ложно».

9. Интерпретационная ирония (ИИ). ИИ отличается от ККПИ отсутствием **предшествующего речевого** или **акционального** стимула. В широком смысле стимул здесь также есть — это некоторая ситуация, имеющая место в действительности, которая

нарочито описывается, концептуализируется таким образом, чтобы это описание было «двусмысленным», «двуслойным» и на каком-то уровне, в каком-то смысле истинным, а на каком-то, в каком-то — ложным. Двуслойность, двусмысленность создается за счет различных интерпретаций одной и той же ситуации: одна — с точки зрения участвующих в этой ситуации лиц, своего рода интерпретация *de dicto*, другая — с более высокой точки зрения более осведомленного Г (автора) — интерпретация *de re*, «подлинная» интерпретация. Например:

...Эти петербургские буржуа, происходившие от раввинов патрицианской крови..., паломничали в самые что ни на есть тургеневские и лермонтовские курорты, подготавливая себя лечением к переходу в потусторонний мир (О. Мандельштам. Четвертая проза).

В одном смысле, это очевидно ложно, поскольку это очевидно не было целью этих людей, их интерпретация **другая**, в то же время, с другой стороны, как это представляет автор, истинно: от лечения на курортах нет никакой пользы и фактически это лечение предшествует неизбежному переходу в иной мир. *Когда все было кончено и противостоявшие друг другу короли праздновали свою победу каждый в своем лагере, вознося хвалы господу...* (Вольтер. Кандид) — на уровне буквальной интерпретации, относящейся к «сырой», непосредственно наблюдаемой действительности, это истинно: каждый из королей действительно праздновал свою победу в битве и интерпретировал это событие именно таким образом; на более высоком уровне, из самого сопоставления автором этих событий в одном высказывании, видно, что что-то здесь не так, в каком-то смысле это ложно, поскольку этого не может быть; скорее всего, битва закончилась вничью, но каждый король считает победителем себя и поэтому празднует победу (более истинная интерпретация).

10. Номинативная ирония. В случае номинативной иронии ирония скрыта внутри высказывания: ироническим является не все высказывание в целом, а какая-либо номинация в его составе — но-

минативный акт — отнесение обозначения к какому-либо объекту, признаку, действию и т. п. Общий принцип иронического конструирования — частичной истинности и частичной ложности конструируемого выражения — действует и в этом случае, с поправкой на специфику номинативного акта (собственно истинной и ложной может быть только пропозиция в целом): номинация производится таким образом, в такой ситуации, что объект номинации частично соответствует значению номинативного выражения, а частично не соответствует: *Мы пришли, а блюстители порядка нас не пускают или, более ярко и наглядно, ...лежат пьяные*⁸. Основания для употребления иронической номинации (ИН) в последнем случае очевидны: с одной стороны, значение номинации соответствует функциональной характеристике обозначаемых лиц — полицейских или охранников, обязанностью которых является следить за соблюдением порядка, с другой стороны, не соответствует, поскольку они этой своей функции актуально явно не выполняют. В то же время, поскольку в выражении *блюстители порядка* ирония закреплена словарно, оно может использоваться как ИН и в тех случаях, где ее (частичное) несоответствие обозначаемому неочевидно (первый случай); в этом случае ИН **сигнализирует** о том, что Г трактует, интерпретирует ситуацию как неоднозначную в номинативном отношении: с одной стороны, номинация применена правильно, соответствует функции этих лиц, с другой — есть какое-то несоответствие (с точки зрения Г) их поведения, действий тому, что предполагается их функциональными обязанностями. Например, они слишком придирчивы по отношению к людям, которые не нарушают порядок, формалисты, следят не за теми и не за тем, за кем и за чем нужно следить, следуют не существу, но букве правил, превышают свои полномочия (и тем самым нарушают порядок, за которым они должны следить) и т. д., и т. п. — и это **неправильно** (момент критики), не так должны себя вести люди, охраняющие порядок. Ср. также «нагнетание» иронических номинаций при описании действий Бездомного и Берлиоза (поэта и редактора журнала, соответственно)

⁸ Подчеркнем, что противопоставление коммуникативной и номинативной иронии никак не связано с фиксированием иронии в значении слов и выражений в словарном порядке (как, например, в выражении *блюститель порядка*). Такие слова являются сигналом иронии, сама же ирония при этом может быть как коммуникативной, так и номинативной.

в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *...Писатели первым делом бросились к пестро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды». [...] Напившись, литераторы немедленно начали икать... [...] Поэт ... внимательно слушал Михаила Александровича, уставив на него свои бойкие зеленые глаза, и лишь изредка икал, шепотом ругая абрикосовую воду...* и т. п. Наименования писатели, поэт, литераторы согласуются с действительностью, с той ролью, которую выполняют эти люди, производя литературную продукцию и являясь официально, формально (у них даже есть удостоверения) писателями, литераторами, а Бездомный — поэтом. В то же время на более глубоком и подлинном, с точки зрения автора, уровне, где принадлежность к классу определяется тем, является ли то, что пишут люди, подлинной литературой и поэзией, они не писатели, не поэты и не литераторы. Комическим сигналом этого несоответствия, этой несогласованности является неуместное употребление этих обозначений в бытовых контекстах, не связанных с их профессиональной деятельностью⁹. Критическая идея, проводимая автором посредством иронических номинаций: они не настоящие писатели, а ремесленники и приспособленцы.

11. Шутки иронического типа. На периферии, а точнее, частично за пределами поля иронии оказываются шутки, построенные семантически по ироническому принципу, а именно, по принципу частичного соответствия и частичного несоответствия высказывания (или номинации) действительности. «В каждой шутке есть доля истины» — автор этого афоризма, наверное, и не подозревал, насколько много в нем истины — с точки зрения языкового механизма создания таких шуток. Основное отличие таких шуток от собственно иронии в том, что если собственно ирония «критична» по отношению к своему объекту, то в случае просто шуток эта «критичность» отсутствует. Примеры.

Что-то его [Ипполита] давно не было (х/ф «Ирония судьбы»). Это высказывание двусмысленно с точки зрения истинно-

⁹ Подробнее о закономерностях употребления имен с предикатным типом значения и необходимости его согласования с значением предиката см. [Арутюнова 1976: 348—355].

сти. С одной стороны, оно ложное: Ипполита не было, может быть, полчаса или час, и с обычной, стандартной точки зрения это нельзя назвать *давно*. Однако если принять за точку отсчета регулярность появления Ипполита, то **с этой точки зрения, для него** это *давно* и высказывание истинно.

[Болельщики выбежали на поле и бьют арбитра. Футбольный комментатор:] *Болельщики высытали на поле с целью объяснить арбитру его ошибки* (ТВ, канал «Евроныюз»). В каком-то смысле это так и есть! Ср. с очевидно ложным: *...с целью поблагодарить арбитра за хорошее судейство*. (Чтобы сделать из последнего иронию, надо добавить что-то типа *видимо*: *...видимо, с целью поблагодарить его...*) Это пример интерпретационной иронической шутки.

Алмаз вы наш небесный, драгоценнейший господин директор! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) — преувеличенная и поэтому частично «истинная», правомерная и частично «ложная», неправомерная положительная оценка.

Г, глядя на поля, засеянные кукурузой: *Да, Хрущев недаром прожил жизнь!* Частично это истинно: ведь неплохо, что теперь здесь растет кукуруза, которую он так усиленно внедрял. Но, с другой стороны, это слишком мало для политического деятеля, главы страны на протяжении более 10 лет. Поэтому это (частично) ложно. В целом, огрубляя ироническую идею: ‘частично недаром, но в основном — даром, если это единственный результат его усилий’. Аналогично:

Х. Р. Мелиг: *Когнитивная лингвистика — это когда рисуют картинки*. Понятно, что это не совсем истинно. Однако и не совсем ложно!

Лектор аудитории: *Я вам еще не надоел?* С одной стороны, лектор, безусловно, может надоеть, есть такая альтернатива, и в этом отношении вопрос уместный. С другой стороны, вопрос также предполагает, что аудитория может положительно ответить на этот вопрос; а вот наличие **этой** альтернативы весьма проблематично, можно сказать, что ее практически нет: сказать это возбраняется правилами этикета и (для студентов) также «инстинктом самосохранения» (себя как студента), и лектор это прекрасно понимает. Это исходное предположение не соответствует действительности и делает вопрос несерьезным, шутовым, аномальным.

12. Авторская метаирония. Чрезвычайно интересный усложненный случай представляет собой возможная только в художественных текстах **авторская метаирония** (как мы предлагаем ее называть). В случае стандартной иронии высказывание, являющееся стимулом, и реагирующее на него ИВ существуют отдельно. В случае метаиронии высказывание-стимул и ироническое высказывание накладываются друг на друга, **совмещаются в одном высказывании** (или ряде высказываний). Повествование строится таким образом, что речь непосредственно говорящего героя художественного произведения не является иронической, он говорит то, что он говорит, не иронически, серьезно, с его точки зрения это истинно и нормально, однако высказывание (высказывания), вкладываемое автором в его уста, и ситуация и контекст строятся автором таким образом, чтобы была ясна «неистинность», аномальность в том или ином отношении этого высказывания (с точки зрения автора и присоединяющихся к нему читателей). Так, когда герой «Карнавальная ночь» Огурцов говорит о докладчике, который «коротенько, минут за 40, изложит» на новогоднем вечере основные положения своего доклада, то Огурцов это говорит серьезно, для него и ему подобных бюрократов, с их точки зрения, принимая как точку отсчета среднюю продолжительность их речей, это истинно, это действительно коротко! Однако с точки зрения нормальных людей (автора и зрителей) и учитывая ситуацию встречи Нового года, это длинно. Столкновение этих разноуровневых противоположных оценок и является здесь источником иронического эффекта. В повести М. Булгакова «Дьяволиада» автором сконструирована следующая ситуация. Герою повести Короткову выдали зарплату спичками. «Да ведь они же не горят! — вскричала [соседка героя. Коротков начал проверять. Одна спичка погасла. Другая выстрелила и попала в глаз Короткову.] Всю ночь Коротков не гасил огня и лежал, чиркая спичками. Вычиркал он таким образом три коробки, причем ему удалось зажечь 63 спички. — **Врет, дура,** — ворчал Коротков, — **прекрасные спички**». Персонаж говорит это серьезно, для него подобный «процент зажигаемости» является «прекрасным», и на этом «слое» его высказывание истинно, однако на уровне авторской и читательской «общечеловеческой» оценки это высказывание ложно: «спички плохие». Из взаимодействия этих двух оценок вытекает критическая импликатура: «действия и суждения героя и ситуация в

стране в целом представляют в ряде отношений отклонение от нормы, от общечеловеческих стандартов качества и его оценки'. Таким образом, одно и то же высказывание (высказывания) в случае метаиронии одновременно является и тем, над чем иронизируют (как слова героя художественного произведения), и самим ироническим, иронизирующим высказыванием (как принадлежащее автору художественного произведения)! Обратим внимание, что в обоих примерах выше метаиронические высказывания описывают некоторую «среднюю» ситуацию, такую, которая может быть интерпретирована двояким образом. Так, если бы Огурцов сказал: *коротенько, часа на три* или у Короткова зажглось из трех коробок, скажем, 2 спички, то это уже не соответствовало бы никаким мыслимым, правдоподобным стандартам «краткости» и «хорошести» соответственно и вместо иронии вышел бы просто абсурд.

В ряде случаев такой способ иронизирования становится конструктивной основой повествования: автором конструируется образ повествователя, которому непосредственно принадлежит текст произведения; за этим образом на более высоком уровне «просвечивает» образ автора, которому в конечном итоге принадлежит весь текст вместе с созданным им образом повествователя; высказывания повествователя (+ ситуация, контекст) строятся таким образом, что то, что повествователь говорит серьезно (и для него это «истинно»), автор оценивает иронически (с точки зрения автора, это ложно); каждое такое высказывание становится одновременно стимулом для иронии (тем, что высмеивается) и самим ироническим высказыванием. Такой прием широко применял Гоголь, в частности, в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: *Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! ... Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи боже мой! Николай Чудотворец, угодник божий! отчего же у меня нет такой бекеши?; Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни; Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно. Господи, как он говорит! Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке; и т. д.* Этот прием является также основой сказа М. Зощенко, в более сложной форме — А. Платонова, широко используется в произведениях М. Булгакова и многих других авторов. Внутреннее напряжение в таких

высказываниях, совмещающих ряд противоположных, борющихся друг с другом смыслов и пластов, достигает предела. В частности, в повести Гоголя в отдельных пунктах высказывания становятся трехслойными: высказывание героя (стимул) → его (серьезная) интерпретация повествователем → ироническая авторская интерпретация интерпретации повествователя и через нее самого исходного высказывания-стимула: [Иван Иванович:] *Как же вам таскаться по болотам...? Нет, вам нужно иметь покой, отдохновение. (Иван Иванович, как упомянуто выше, необыкновенно живописно говорил, когда нужно было убеждать кого. Как он говорил! Боже, как он говорил!)*

13. Ирония и речевые акты. Выше были описаны ИВ, так или иначе соотносящиеся с действительностью, прежде всего, дескриптивные и дескриптивно-оценочные высказывания (см. гл. 3) и вопросы. Однако область приложения иронических механизмов не ограничивается этими типами высказываний. «Практически каждый речевой акт при определенных условиях может быть ироническим» [Ермакова 2005: 78]. Однако ряд ограничений здесь все-таки есть. Так, для выражения конкретной иронии (оперирующей на пропозициональном содержании высказывания) в области побудительных речевых актов иронически могут употребляться и активно употребляются предложение и совет. Однако трудно представить себе иронический приказ или требование и даже ироническую стандартную, прямую просьбу с каким-то противоположным или просто иным, отличающимся от буквального пропозициональным содержанием. В свете сказанного выше такое положение дел вполне объяснимо. Как уже говорилось, потенциально ироническими являются такие высказывания, которые формируют какие-то альтернативы, которые могут наполняться ироническим содержанием. (Близкие друг к другу) речевые акты совета и предложения как раз и представляют то, к чему побуждается А, в виде подлинных альтернатив, и исключительно от А зависит, какую альтернативу выбрать: делать Р или не делать Р (делать не Р). Ирония в этом случае оперирует на пропозиции, описывающей то, к чему побуждается А. На одном уровне

А побуждается делать Р, на другом, более глубоком уровне — он побуждается не делать Р / делать не Р:

Сразу после вступления в силу закона о правовом положении в ОВИРах карточек не было. Прибравшим за ними испуганным украинцам и узбекам иронически советовали: «А вы больше телевизор смотрите, там и не такое расскажут». Однако перед самым новым годом карточки появились (Г. Ковальская. Закон есть закон / НК) — иронический совет; В свою очередь, критически настроенные любители фигурного катания иронически замечали: не следует ли теперь раздавать программки с либретто накануне соревнований. Думаю, не стоит... (Т. Тарасова. Красавица и чудовище / НК) — ироническое предложение.

Характерно, что в обоих случаях **были основания** и для буквального понимания совета и предложения — в первом случае как раз буквальное понимание (ирония ситуации!) оказалось правильным, во втором случае автор хотя и не соглашается с ироническим выдвинутым предложением, но воспринимает его **серьезно** и отвечает на него.

В то же время РА категорического побуждения — приказ, требование и т. д. — не допускают никакой альтернативы выполнению А-ом Р, поэтому ироническое употребление здесь невозможно. Что касается просьбы, то хотя на некотором уровне собственно языковых правил этой языковой игры альтернативы здесь существуют и от выбора А зависит здесь, делать или не делать Р, на некотором ином уровне принципов этики и правил этикета выбор здесь отсутствует: А **должен** выполнить просьбу, если он вежливый и кооперативный (в смысле Грайса [1985]) человек, а он **должен** быть таковым — таковы правила человеческого общежития. В языке, однако, выработались многочисленные виды косвенных, более вежливых просьб, представляющих Р как подлинную альтернативу и дающих возможность А-у вежливо, сохраняя лицо, отказаться. Такие просьбы могут употребляться иронически: *Ты не мог бы говорить громче, а то газетчики не слышат?* (пример из [Ермакова 2005]) — косвенная просьба в виде вопроса о возможности. Заметим, что и здесь имеет место совмещение противоположных истинностных оценок, которое и делает высказывание ироническим. Если бы Г

просто хотел бы побудить А говорить тише, то он просто попросил бы: *Говори, пожалуйста, тише, а то...* В примере выше ситуация иная. С одной стороны, Г нужно, чтобы А говорил тише (и в этом смысле содержание его побуждения «ложно», не соответствует тому, что он действительно хочет (не выполняется условие искренности [Серль 1986в: 165])). С другой стороны, он, видимо, подозревает (в той или иной мере), что, может быть, А специально говорит так, чтобы его слышали посторонние (по крайней мере, он представляет ситуацию именно таким образом), и «нарочито» побуждает его действовать так, чтобы успешно достичь этой цели (и в этом смысле содержание побуждения истинно).

14. Иллокутивная ирония. Ирония может относиться не к пропозициональному содержанию высказывания, а к высказыванию как иллокутивному действию (речевому акту). Иронические предложение, совет и косвенная просьба, описанные выше, — это именно предложение, совет и косвенная просьба (в последнем случае, впрочем, это отчасти, на некотором уровне, совет), двусмысленность в них касается пропозиционального содержания, но не речевого акта как такового. В случае иронических речевых актов «двусмысленным» в некотором смысле становится сам РА. «Частичность», «двусмысленность» здесь относится не к соответствию пропозиционального содержания РА действительности, а к соответствию самого речевого действия правилам его употребления. В случае иронического употребления РА частично соответствует правилам употребления, а частично не соответствует (правила сознательно и демонстративно частично нарушаются), при этом и то, и другое как-то вытекает из актуальной ситуации и дискурса. Так, ироническая благодарность: *Спасибо, ну, удружил, век этого не забуду!* — не является настоящей, подлинной благодарностью, поскольку не выполняются какие-то условия успешности и уместности этого РА. Скорее всего это будет сказано в ситуации, когда А по своей доброй воле сделал Р, которое он считал хорошим для Г (эта часть ситуации соответствует правилам употребления РА благодарности), однако это Р оказалось или Г оценивает его как плохое для него (за такое не благодарят, это нарушение условий нормального употребления

данного РА). Поэтому, с одной стороны, это вроде благодарность (не только формально, но и по существу — намерения А были хорошими, он потратил ради Г свои ресурсы), с другой — нечто вроде упрека¹⁰. Заметим, что полное несоответствие правилам употребления не дает иронии. Так, если А ударит Г со всего размаха по лицу и Г скажет в ответ: *Премного благодарен!*, то это будет не иронией, а непонятым, никак не мотивированным абсурдом. Иллокутивная ирония особенно характерна для этикетных РА и особенно приветствий, практически лишенных пропозиционального содержания. Поскольку ирония здесь касается не пропозиции, а действий, иронически могут употребляться и невербальные, жестовые приветствия и вообще этикетные акты: поклоны, приподнимание шляпы, преклонение коленей и т. д. В случае иронического приветствия его характер, способ совершения не полностью, только отчасти, соответствует тому, что должно делаться по этикетным правилам в данной ситуации. Например, приветствие может быть преувеличенно почтительным, «не по рангу» приветствуемого лица, или же, напротив, не столь уважительным, как этого требуют правила. Подчеркнем, однако, еще раз, что и для этикетного преувеличения, и для преуменьшения должны быть какие-то основания в действительности: в специфике данной ситуации, в отношениях между участниками ситуации приветствия, предыстории данного РА, и т. д. Например: [Гроссмейстер Таль молодому Фишеру:] *Бобби, ку-ку!* — ирония «преуменьшения», приветствие не столь уважительное, как можно было бы ожидать, к важной персоне обращаются, как к ребенку. В ситуации были как основания для такого приветствия, делающие его оправданным и уместным, так и моменты, делающие его неуместным: с одной стороны, Фишеру в тот момент было всего 16 лет, с другой — он уже был одним из сильнейших гроссмейстеров и участвовал в турнире претендентов на звание чемпиона мира. Полное несоответствие и здесь не проходит: так, я не могу при встрече сказать иронически: *Прощайте!*, это будет просто абсурдом.

¹⁰ Аналогично (с некоторыми очевидными поправками на специфику жанра) обстоит дело с иронической благодарностью Лермонтова: *За все, за все тебя благодарю я: за тайные мучения страстей, за горечь слез, отраву поцелуя, за месть врагов, за клевету друзей...* и т. д. («Благодарность»).

15. Общая ирония. В случае общей иронии, в отличие от иронии конкретной, ИВ не является «двусмысленным» ни в отношении Р, ни в отношении самого действия высказывания. Оно совершенно нормально с точки зрения его вхождения в дискурс, абсолютно уместно в коммуникативной ситуации его употребления как с точки зрения смысла, так и в отношении совершаемого иллюкутивно-го действия. Это как будто бы обычное, нормальное высказывание, однако несущее в себе или «около себя» те или иные формальные сигналы иронии: ироническую интонацию, специальные иронические слова, паралингвистические сигналы иронии. Например: *Чапаев опрокинул бутылку в стакан, наполнил его до краев и подвинул мне. — Благодарствуйте, — сказал я с иронией и выпил* (В. Пелевин. Чапаев и Пустота). В данном случае речевое действие благодарности совершено совершенно по всем правилам совершения этого действия и полностью уместно. И тем не менее, оно «половинчато», «частично» — но уже в очень широком и общем смысле. Ирония здесь «подрывает» серьезность, подлинность, «истинность», «всамделишность» совершаемого коммуникативного акта, но не полностью, а **частично**. Такое высказывание произносится **полусерьезно, полунесерьезно**. Г и поблагодарил, и одновременно как бы не поблагодарил = поблагодарил, но не совсем серьезно, как бы явно притворно = «понарошку», не всерьез. В случае общепирических высказываний частичное несоответствие (и частичное соответствие) относится не к каким-то конкретным правилам совершения данного, конкретного РА или содержащейся в нем Р, а к наиболее общему принципу, правилу совершения всех речевых действий, употребления всех высказываний — ПРИНЦИПУ СЕРЬЕЗНОСТИ, как его можно назвать: а именно, что высказывания производятся **серьезно**, что их надо принимать за «чистую монету», что это не шутка, не нарочитое притворство (имеющее какую-то цель более высокого уровня), а нормальное, стандартное употребление высказывания.

Подобное ироническое употребление может иметь различные мотивы. Таким мотивом может быть, в частности, стремление Г снять с себя ответственность за то, что говорится, поскольку то, что в этом случае сказано, вроде бы сказано, но с другой стороны, как бы и не совсем всерьез. Таким основанием может быть также выражение «скептического» [Чубарян 1994: 22], «снижающего» от-

ношения Г к объекту иронии. Полусерьезное выполнение РА в случае общей иронии иконически выражает, отражает «сомнение» Г в важности, значимости, «ценности» объекта иронии (которым может быть и сам Г — самоирония), его слов, действий и поступков. При этом общая ирония (самая примитивная ирония — и поэтому, возможно, ирония в самом чистом, «беспримесном» виде) всегда именно «снижает» (но никогда не «возвышает»). Ее общая идея: то, что представляется / то, что объект иронии представляет важным, значительным, «высоким», «ценным», на самом деле является не таким важным или совершенно неважным, незначительным и т. д. Примеры. [Балаганов рассказывает Остапу о проблемах в деятельности сообщества детей лейтенанта Шмидта.] *И вы убоялись возрастающих трудностей?* — *насмешливо спросил Остап. Но Балаганов не заметил иронии* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок). С точки зрения пропозиционального содержания и иллюкутивной силы вопрос Остапа является совершенно нормальной реакцией на рассказ Балаганова, находится в полном согласии с ним. Ироническая интонация и слово *убоялись* показывает здесь общее отношение Остапа к деятельности Балаганова — мелкой, несерьезной — и его целям, не стоящим усилий (то ли дело миллион, к которому направлены устремления Остапа!). Что-то вроде, если перефразировать: ‘вся эта деятельность не заслуживает серьезных вопросов, все это не имеет значения, не этим надо заниматься’.

Любимый сын Таганки В. Высоцкий ... был деликатен в жизни. [...] Помню, он подошел и торжественно-иронически произнес: «Имею честь пригласить вас на свадьбу, которая состоится 13 января 1970 года. Будут только свои» (А. Вознесенский. На виртуальном ветру / НК).

Это самое настоящее приглашение, его намеренно «полусерьезное» исполнение (устаревшая формула приглашения, относящаяся к высокому стилю) выражает примерно следующее: ‘я не отношусь ко всему этому — к свадьбе, ко всем этим формальностям и т. п. слишком серьезно, всё это не так важно’.

Созрел для каждодневной службы, — сказал он редактору. — Могу приступить. — А как же пизсы? — иронически спросил

тот. — Они уже написаны, и больше я для них ничего сделать не могу. — Ну и правильно, — ответил редактор. (Г. Щербакова. Подробности мелких чувств / НК)

— ироническая импликация здесь \approx ‘писание пьес, которое представляется очень важным делом героя, Г оценивает как не очень серьезное занятие’.

Общая ирония может входить в ткань авторского повествования, выражая общеироническое отношение автора к своему герою:

[Паниковский:] *Вам, Шура, я скажу как родному. Я раскрыл секрет этих гирь. [Балаганов:] Какой же может быть секрет? — разочарованно молвил уполномоченный по копытам. — Обыкновенные гири для гимнастики (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).*

Общая ирония может быть не ложной, но близко к этому — **притворной**. [Г₁ признается:] *Меня к вам заслали. Г₂, иронически: Интересно, интересно! Кто же? (т/ф «Крот-2»).* Г, иронически окрашивая свою реплику, старается показать, что ему это не очень-то интересно, что для него это не очень важно. В то же время по фильму ясно, что информация эта для него чрезвычайно важна. Резоны для использования здесь иронической стратегии: Г не может сказать, что это ему не интересно, ведь он хочет узнать эту информацию, но он не хочет также показать, что для него это очень важно, поэтому формулирует «промежуточное», двойственное ироническое высказывание.

16. Самоирония. Объект иронии (в случае общей иронии) может совпадать с ее субъектом: [О. Бендер:] *Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).* Основания для такого иронического «снижения» могут быть различны. Так, слова Остапа Бендера выше, являющиеся его финальной репликой и вообще последними словами романа, призваны снизить драматизм момента, успокоить и вдохнуть оптимизм в самого себя:

да, произошло крушение надежд, но всё это не так страшно, не так серьезно, как может показаться, жизнь (и заседание, говоря словами Бендера) продолжается. Иная ситуация в примере ниже, где ироническое отношение субъекта к самому себе продиктовано этикетным принципом скромности:

[Армен Джигарханян:] *Сорок лет тому назад я в ереванском Русском театре играл спектакль «Требуется лжец». У нас сейчас тоже этот спектакль идет. Мы его привезем. Там всего семь актеров заняты, и оформление простое. Сыграем, отметим день рождения **художника и мыслителя** [самого Джигарханяна], ребята посмотрят Армению, на Севан их свозят...* (Интервью с А. Джигарханяном // Известия.Ру. 13.06.06).

Армен Джигарханян безусловно является не просто актером, но художником и, возможно, в какой-то мере, мыслителем. Но говорить так о себе нескромно. Поэтому Г снижает высокую оценку посредством иронии. Ироническая двусмысленность, заложенная в высказывании, позволяет и назвать так себя, и одновременно не назвать: да, я художник и мыслитель, но я говорю это не совсем серьезно (но и не совсем несерьезно! что-то во мне такое есть!).

17. Отметим в заключение показательный факт: ирония — как конкретная, так и общая — **градуальна**. Это подтверждает исходное предположение о природе иронии. Абсолютное не имеет степеней, но ИВ, в которых смешаны истинность и ложность, допускают различные пропорции этого смешения, дающего различные **степени** ироничности — от ядовитейшего сарказма до легкой, почти незаметной, сходящей на нет иронии. В качестве примера последней можно привести многочисленные реплики и вообще манеру речевого поведения персонажей известного актера Алексея Баталова (фильмы «9 дней одного года», «Москва слезам не верит» и др.), с характерной **слегка** ироничной интонацией и легкой, почти незаметной иронической улыбкой. Ср. также пример «легкой» (процентов на 25—30) самоиронии:

[Куликов (в исполнении И. Смоктуновского, слегка иронично):] *Я придумал название для научно-популярной статьи — «Раскрыта тайна магнитных бурь и северного сияния» (х/ф «9 дней одного года»).*

В последней фразе заложено следующее ироническое противоречие: я говорю, что я придумал это, и в какой-то мере это так и есть, но название банальное, поэтому можно сказать и так, что я просто воспользовался расхожим штампом; я не отношусь серьезно к своему «творению» и не оцениваю высоко это название и самого себя как его автора.

ГЛАВА 12

ПЕРЛОКУТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ИХ ВИДЫ

1. Перлокутивные речевые действия. Теория речевых актов, наиболее активно развивавшаяся в 60-х гг. прошлого века, постепенно отодвинулась на задний план вследствие изменения лингвистической моды, или, говоря научным языком, парадигмы лингвистических и примыкающих к ним гуманитарных исследований. При этом очень многие чрезвычайно важные для теории и практики описания языка вопросы остались «недорешенными», в частности, особенности перлокутивных речевых действий в связи с семантикой и грамматикой описывающих их глаголов. Как отмечает М. Я. Гловинская, понятие перлокуции у Остина неясно [Гловинская 2001: 227], мы бы сказали мягче — не совсем ясно. Возможно, поэтому в ряде работ иллокутивные и перлокутивные акты (действия) не разграничиваются. Так, Дж. Серль в своей классификации иллокутивных актов рассматривает в качестве иллокутивных актов и фактически перлокутивные акты (*threaten* ‘угрожать’, *boast* ‘хвастаться’, *complain* ‘жаловаться’) [Серль 1986а: 177, 181]). Аналогично, в работе [Гловинская 1993б] рассматриваются недифференцированно в качестве глаголов речевых актов иллокутивные и перлокутивные глаголы. Однако это различие объективно существует, перлокутивные действия, как мы надеемся показать, принципиально отличаются

ся от иллюкутивных актов. При этом перлокутивные действия представляют собой такой уровень речевой деятельности, на котором неразрывно соединены, слиты язык и (социальная) жизнь, речевое и социальное взаимодействие в целом.

Прежде всего, определение: перлокутивные действия (далее иногда сокращенно ПД) — это неконвенциональные речевые действия более высокого (относительно иллюкутивных актов) уровня, которые совершаются посредством конвенциональных иллюкутивных актов (речевых актов, далее сокращенно РА), которые относятся к уровню собственно языка. Остин об этом: «...Осуществление локутивного акта и вместе с ним иллюкутивного акта может также выступать как исполнение акта другого рода. < ... > Мы назовем осуществление акта этого типа осуществлением *перлокутивного* акта, или *перлокуцией*» [Остин 1986: 88]; «Иллюкутивные акты конвенциональны; перлокутивные акты *не*-конвенциональны» [Остин 1986: 100]. Ярким примером перлокутивного действия является *убеждение*. Мы убеждаем кого-нибудь в истинности пропозиции P¹ посредством высказываний, которые сами по себе являются дескриптивными речевыми актами — сообщениями или констатациями. Всегда, когда мы совершаем какой-то перлокутивный акт, имеет место и какой-то иллюкутивный акт (акты) (но не наоборот). Так, высказывание (речевое действие) *Петя позвонил* на иллюкутивном уровне может быть охарактеризовано как *сообщил*, но на более высоком перлокутивном уровне — как *успокоил*: *Он сообщил, что Петя наконец-то позвонил, и тем самым успокоил Машу*. Когда человек жалуется, он сообщает или констатирует нечто плохое, касающееся его, поэтому это одновременно и сообщение (или констатация), и, на более высоком перлокутивном уровне, жалоба.

Из этого также следует следующее различие: в случае перлокутивных действий различается **то**, что делают, и **то, чем** (какими словами) это делают. Так, угрожают, **сообщая**: *Если вы не сделаете это, я вас убью*. В случае иллюкутивных актов совпадает то, что делают, и то, чем это делают. Так, когда утверждают, что Земля плоская, то делают это словами: *(Я утверждаю, что) Земля плоская*. (Скобки показывают необязательность перформатива.)

¹ P — пропозиция, описывающая какое-то положение дел (состояние, событие, действие, процесс и т. п.) в действительности / положение дел, описываемое пропозицией.

Теперь, в каком смысле иллокутивные акты (речевые акты) конвенциональны, а перлокутивные — нет. Иногда Остину приписывают мнение, что для осуществления иллокутивных актов необходимы какие-то внеязыковые установления, и затем это опровергают [Стросон 1986: 136; Серль 1986а: 176]. Однако Остин нигде не говорит о том, что **все** иллокутивные акты требуют для своего осуществления внеязыковых установлений. Очевидно, что не все иллокутивные акты требуют внеязыковых установлений. Какие-то требуют, а какие-то нет. «Для того чтобы сообщить, что идет дождь, или пообещать навесить вас, мне достаточно только соблюдать правила языка» [Серль 1986а: 176]. Все иллокутивные акты конвенциональны в том простом смысле, что их значение и употребление основывается на конвенциях (правилах) языка. Для того чтобы пообещать что-то или сообщить, что идет дождь (со стороны говорящего (Г), а со стороны адресата (А) — понять, интерпретировать сказанное как обещание и сообщение соответственно), необходимо соблюдать (для А — знать) правила языка. У иллокутивных актов есть специальные языковые показатели, есть конвенциональная форма, так же, как и у отдельных слов и у, скажем, синтаксических типов предложений. Для дескриптивных РА — это форма изъявительного наклонения, для различных видов дескриптивных РА, например, сообщений — дополнительно перформатив *сообщаю*, особая интонация; для побуждения — форма повелительного наклонения, а также, дополнительно, перформативные слова, для вопросов — форма и интонация вопроса. Без этих показателей языковых, формальных — это не будет сообщением, вопросом и т. д.²

В случае перлокутивных актов (действий) не надо знать никаких правил и конвенций, ни языковых, ни внеязыковых, касающихся собственно перлокутивных актов. Всё, что здесь нужно, это

² Отметим, что косвенные речевые акты, которые делаются посредством прямых РА и мотивируются ими, также **конвенциональны**; способы совершения косвенных речевых актов различаются в разных языках и в целом идиоматичны [Серль 1986б: 213—215]. При этом следует различать косвенные речевые акты и компрессированные цепочки РА, в которых какой-либо РА присутствует имплицитно, как импликатура: *Пойдем в кино — У меня завтра экзамен* → ‘поэтому я должен готовиться к экзамену’ → ‘поэтому я не могу пойти в кино’ → ‘поэтому я отказываюсь’ (см. подробнее в гл. 10).

знать, как совершать и интерпретировать иллокутивные акты, посредством которых они совершаются, и плюс к этому иметь экстралингвистические знания, касающиеся устройства мира и ума человека, и владеть естественной, внеязыковой, обыденной логикой, которой все люди владеют, независимо от конкретного языка, уже в силу того, что они являются людьми. Так, для того чтобы сказать с определенной целью (со стороны Г) и понять, что происходит, и как-то на это реагировать (со стороны А), в случае, например: *Если ты это сделаешь, я тебе голову оторву*, совершенно не надо знать, что это угроза. Если А понял содержание этого сообщения и (тем самым) принял его во внимание, то перлокутивный акт угрозы осуществлен. Из этого сообщения также вытекает, можно сказать, в каком-то смысле содержится в нем, «идея», что Г стремится (и может) добиться посредством этого высказывания, чтобы А не делал Р. Но если А и не станет после и в результате этих слов Г делать Р, то это не потому, что он знает, что это угроза, но исключительно потому, что ему не хочется испытать ущерб, который ему причинит Г в случае совершения им Р. Это логика жизни, а не языка.

С описанной выше спецификой иллокутивных и перлокутивных актов (действий) связаны особенности употребления соотносительных с этими актами (обозначающими их) иллокутивных и перлокутивных глаголов. Иллокутивные глаголы могут употребляться и дескриптивно — для описания, сообщения о том, какое иллокутивное действие произведено, производится, будет произведено, и перформативно — для совершения этого самого речевого акта и экспликации его характера, т. е. указания, какой именно акт совершается. Перлокутивные глаголы не употребляются перформативно. Иными словами, мы не убеждаем, говоря: **Я вас убеждаю, что вам надо сходить к врачу*, и не угрожаем, произнося: **Я вам угрожаю, что я вам голову оторву*³. *Вопрос: почему? Почему не говорят: Я угрожаю...?* Просто потому, что оно здесь **не нужно**. Здесь **нет ничего скрытого, конвенционального**, о чем сигнализировало бы слово *угрожаю*. Экспликация коммуникативной цели — **Я*

³ «...Нельзя совершить актов, скажем, похвалы или угрозы, сказав “Настоящим я хвалюсь” или “Настоящим я угрожаю”», — пишет Серль, делая из этого вывод, что не все иллокутивные глаголы могут употребляться перформативно [Серль 1986а: 177]. Однако из этого, на наш взгляд, следует только то, что это не иллокутивные, а перлокутивные глаголы.

вам угрожаю... — ничего не прибавляет к ...если вы это сделаете, я убью вас. Перлокутивные глаголы не употребляются (без особых оснований) в перлокутивных актах потому, что их добавление нарушает один из главных принципов речевого общения [Грайс 1985]: не говори лишнего⁴.

Для некоторых из перлокутивных глаголов **дополнительными** причинами, препятствующими их перформативному употреблению, являются «подрывные» факторы, описанные З. Вендлером [Вендлер 1985]. Например, в случае английского *flatter* и русского *льстить* таким фактором, препятствующим экспликации цели данного действия в самом этом действии, является его неискренний характер: *льстить* — ‘неискренне говорить хорошее (\approx хвалить) А с целью добиться его расположения (хорошего к себе отношения) и получить какую-то выгоду’ [Зализняк, Шмелев 2008: 660] — обнаружение А-ом неискренности дескрипций Г уменьшает (но не исключает!) шансы на достижение цели этого действия, поэтому обнаруживать скрытую цель и вредить самому себе — нелогично и неразумно. В *хвалиться*, *хвастаться*, *подначивать* (и в соответствующих английских глаголах) и т. п., а также и в *льстить* и *flatter* заключена отрицательная оценка данного действия, что препятствует приложению этой оценки к себе (в целом люди оценивают себя и свои действия положительно), хотя и не исключает этого (в качестве некоторой самокритики: *Хочу похвастаться...* — Г осознает свою слабость). Но всё это дополнительные факторы. Не используется перформативно и множество других глаголов, которые обозначают действия, в экспликации которых отсутствует какой-либо подрывной фактор. Нет ничего плохого, неискренного и т. п. в том, чтобы подбадривать, успокаивать, уговаривать, утешать, жаловаться и т. п., и т. д., тем не менее, не говорят: **Я вас подбадриваю сделать это*; **Я вас успокаиваю, что он обязательно позвонит* и т. д., где цель — хорошая и оценка действия — положительная.

Заметим, что перлокутивное действие не обязательно делается посредством конкретных иллокутивных актов, располагающих собственным иллокутивным глаголом, способным употребляться де-

⁴ Ср. иное объяснение (в более широкой рамке, охватывающей не только иллокутивные и перлокутивные глаголы, но все глаголы речи) невозможности перформативного употребления данных глаголов в статье [Кобозева 2015].

скриптивно и перформативно. Так, при совершении перлокутивных действий активно употребляются РА «широкого», недифференцированного побуждения, выражаемого формами повелительного наклонения [Рассудова 1968: 102; Падучева 1996: 79], не имеющими специального лексического показателя иллокутивной силы (перформативного слова). Аналогично, перлокутивные действия часто совершаются посредством «широких» дескриптивных (описывающих действительность) РА (высказываний), о которых можно сказать не более того, что они фактивны (среди «узких», конкретных РА к ним относятся сообщения, объявления, констатации) или нефактивны (утверждения, заявления, уверения, заверения) (см. гл. 3).

Поскольку перлокутивные действия осуществляются посредством иллокутивных актов и в каком-то смысле «состоят» из них (как предложение строится и состоит из слов), любое перлокутивное действие состоит по крайней мере из одного иллокутивного акта (высказывания с определенной иллокутивной силой), но может совершаться и целым рядом иллокутивных актов (высказываний), часто разного типа. (Это как предложение, которое может состоять из одного слова, но обычно состоит из нескольких слов, выполняющих различные функции в этом предложении.) Если перлокутивное действие состоит из одного иллокутивного акта, то в этом случае можно говорить о перлокутивном акте. Например, можно похвастаться одним высказыванием, сообщающим о каких-то положительных качествах или достижениях Г, — это будет перлокутивный акт хвастовства. Однако можно хвастаться и обычно хвастаются, а тем более убеждают, уговаривают и т. д. целым рядом высказываний, объединенных одной целью. Поэтому необходим и мы употребляем здесь более общий термин *перлокутивное действие*, не предполагающий, как термин *акт*, единичность.

Мы обрисовали приблизительно границу перлокутивных действий «снизу», со стороны более низкого, языкового уровня, отграничив их от иллокутивных актов. Но необходимо провести эту границу также «сверху» и «сбоку». Прежде всего необходимо как-то ограничить круг возможных перлокутивных действий. Трудно даже вообразить все возможные эффекты и цели, которые может иметь в виду Г, совершая иллокутивный акт (акты), тем самым формируя действие более высокого уровня. Поэтому здесь речь пойдет о таких речевых действиях, которые выделены, фиксированы в языке

при помощи специальных слов — глаголов и отглагольных существительных. Так, есть даже два слова (одно более широкое, другое более узкое по значению) для речевого действия, совершаемого словами *Если вы сделаете это, я накажу вас* — **предупреждение / угроза**, но в русском языке нет слова и тем самым не выделено в языке противоположное действие — *Если вы сделаете это, я вознагражу вас* — хотя как таковое оно на том же уровне, что и угроза. Раз нет такого слова — то, в рамках лингвистики, нечего и изучать.

Другое ограничение — перлокутивные действия должны быть именно **речевыми** действиями по преимуществу. Если иллокутивные акты могут совершаться только речевыми способами или же физическими действиями, имеющими знаковую, символическую природу (например, можно попрощаться, сказав *До свидания!* и / или помахав рукой) [Остин 1986: 97—98], то иная ситуация в области действий перлокутивных. Здесь также есть большая группа чисто речевых действий — действий, которые могут совершаться только словами: *жаловаться, упрекать, льстить, говорить (делать) комплименты, хвастаться, уговаривать* и т. п. Однако многие глаголы обозначают действия, которые могут совершаться как словами, так и неречевыми средствами (см. [Остин 1986: 97—98]). Так, *успокоить, подбодрить* и даже *убедить* можно не только словесными действиями: *He should convince his employer that he could do his job* (Deutsche Welle TV) — *Он должен убедить работодателя, что он мог бы выполнять эту работу* (работу электрика) — наверное, прежде всего своими делами, а не словами. Такие действия и глаголы рассматриваются только в той мере и в том аспекте, в каком они являются речевыми действиями; критерием здесь является способность вводить прямую речь (в форме совершенного (СВ) или несовершенного (НСВ) вида; так, *смешишь / рассмешишь, огорчат / огорчит* и т. п. не являются перлокутивными действиями и глаголами, поскольку не могут вводить прямую речь: «*Я выиграю эту гонку*», — **(рас)смешил / *огорчил меня он*.

Перлокутивные акты могут переходить в иллокутивные акты в тех случаях, когда происходит их конвенционализация, фразеологизация. Это приводит к возникновению переходных случаев между иллокутивными и перлокутивными глаголами, когда один глагол может употребляться и перлокутивно, и иллокутивно (*предупреждаю, уверяю, умоляю, настаиваю* и т. д.). Проиллюстрируем это на при-

мере *предупреждения*. *Предупреждение* — это комплексное перлокутивное действие, которое совершается дискурсивным «блоком», состоящим из двух естественно — с точки зрения логики речевого общения — связанных иллокутивных «частей»: сообщения, что возможно / будет некоторое плохое для А Р, и побуждения принять это во внимание, учитывать в своих дальнейших действиях (\approx «Х говорит это потому, что хочет, чтобы Y руководствовался этой информацией в своих действиях» [Гловинская 1993б: 173]). Компонент побуждения может по-разному конкретизироваться в различных ситуациях предупреждения: ‘не делай Q, которое может привести к Р’; ‘сделай Q, которое позволит предотвратить Р / минимизировать его последствия’; ‘приготовься к тому, чтобы столкнуться с Р или его последствиями’ и т. д.: *Не пей из лужи, Иванушка, козленочком станешь!* В подобных случаях *предупреждаю* обычно не употребляется, просто потому, что оно здесь излишне, хотя дескриптивно это действие описывается именно как предупреждение: *Из машины не вылезайте, кнопки все нажмите — папаша суровый, может и палкой заехать, и собаку спустить!* — *предупредил Байрам* (М. Гиголашвили. Чертово колесо)⁵. В то же время *предупреждать* может использоваться перформативно, формируя вместе с вводимой им диктальной пропозицией иллокутивный акт. В этом случае оно «вбирает» в свое значение какие-то элементы перлокутивного текста, претерпевая тем самым конвенционализацию, лексикализацию. Этот переход сигнализируется сокращением перлокутивного текста, какие-то элементы которого уже не выражаются открыто как таковые, но сигнализируются перформативным *предупреждаю*, употребление которого в этом случае становится если не необходимым, то весьма желательным: *Предупреждаю: в поле будет жарко. — Я не боюсь.* (И. Грекова. На испытаниях). В данном случае эксплицитно выражено то, что будет плохое для А Р; наличие побуждения ‘прими это во внимание, подумай, может быть, тебе не стоит ехать’ сигнализируется здесь перформативом *предупреждаю*. Другой вариант — эксплицируется только побуждение, а сообщение о плохом Р имплицитно перформативным глаголом *предупреждаю*: *Я просто еще раз предупреждаю тебя, чтобы ты не выходила из офиса*

⁵ Источником примеров в данной главе являются, за редким исключением, материалы «Национального корпуса русского языка» (URL: <http://www.ruscorpora.ru>). — Режим доступа: свободный).

(Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости) → ‘если выйдешь, с тобой будет нечто плохое’. Ср. также замечание Серля: «Некоторые глаголы могут выступать в разных случаях с разной иллокутивной целью. ... Так, ...: “Предупреждаю: отстань от моей жены!” (директив), “Предупреждаю, что бык вот-вот бросится” (репрезентатив)» [Серль 1986а: 194]. Как представляется, в обоих случаях это иллокутивный акт именно предупреждения (warning), просто в одном случае имплицитным остается компонент сообщения о возможном плохом для А Р (= ‘если ты не отстанешь от моей жены, я каузирую тебе плохое Р’ — разновидность предупреждения, предупреждение-угроза), во втором — компонент побуждения: ‘беги / приготовься к схватке или т. п.’

Другой подход к разграничению иллокутивных и перлокутивных глаголов, представленный в российском языкознании прежде всего в работах М. Я. Гловинской [2001: 277—284; 1993б: 216—217], опирается на критерий достижения перлокутивного эффекта (результата) («...The perlocutionary act ... is the *achieving of certain effects by saying something*» [Austin 1962: 120], см. также [Austin 1962: 101]) и соответственно в русском языке на различие НСВ и СВ. Перлокутивы «обозначают речевой акт с реальным, достигнутым результатом, притом запланированным заранее. При этом граница между иллокутивами и перлокутивами проходит обычно внутри видовых пар: в форме НСВ (в нерезультативных значениях) глагол является иллокутивом, в форме СВ — перлокутивом» [Гловинская 2001: 278]. В соответствии с этим критерием глагол НСВ, например, *убеждать*, — это иллокутивный глагол, соотносительный глагол СВ *убедить* — перлокутив. На наш взгляд, имеет смысл разграничить иллокутивные и перлокутивные глаголы, не связывая это противопоставление с реальным достижением результата и различием видов. *Убеждать* и др. НСВ глаголов этого типа и обозначаемые ими действия (деятельность) имеют объективные отличия от иллокутивных глаголов (речевых актов) и объективные сходства с СВ *убедить* и др. И главное отличие — *убеждают, успокаивают* и т. д. посредством иллокутивных актов. Деятельность (процесс) убеждения так же неконвенциональна, как и достижение результата. И НСВ, и СВ в этом случае обозначают **одно и то же** действие, **одну и ту же** неконвенциональную, осуществляемую посредством

конвенциональных иллокутивных актов деятельность (но с разных сторон, в разных аспектах, как это и свойственно формам вида).

Далее, если принять в качестве критерия перлокутивности достижение действием эффекта, окажется, что одно и то же речевое действие, пока оно не достигло результата, а совершается, является иллокутивным актом, а после того, как оно достигнет результата, оно же становится задним числом перлокутивным актом (действием). Такое описание не кажется естественным. Более того, очень часто остается неизвестным, достигло ли результата действие, ср.: *Почему? Как? Где я вообще? — У себя дома, — успокоил его Крячко.* (Н. И. Леонов, А. В. Макеев. Гроссмейстер сыска) = ‘сказал с целью успокоить’ [Zhang 2003], достиг ли результата, успокоил ли — неизвестно.

Кроме того, наличие цели и произведение эффекта, достижение этой цели (результата)⁶ само по себе не может служить основанием для разграничения перлокутивных и иллокутивных глаголов (актов), поскольку, как справедливо отмечает Остин, у иллокутивных актов тоже часто есть цель, состоящая в изменении состояния ума А-а [Остин 1986: 96]. Так, когда я сообщаю что-то, то у меня есть цель передать информацию (Р) А-у, и я не могу сказать, что я *сообщил* что-то А-у, если не достигнут результат: А воспринял Р — содержание моего сообщения, принял его как факт и поместил его в свою картину мира (см. гл. 3).

Примечание: Различие, которое тем не менее имеется в отношении достижения результата между иллокутивными и перлокутивными глаголами, следующее: в перлокутивных глаголах СВ достижение или недостижение результата (там, где это выражается глаголом, не все и не всегда перлокутивные глаголы СВ обозначают достижение результата [Zhang 2003]) — ассерция, потому что здесь результат может быть достигнут, а может быть и не достигнут (*убеждал, но не убедил*), в иллокутивных глаголах СВ достижение результата является имплицативным компонен-

⁶ В случае целенаправленных (контролируемых) действий (которые только и могут быть названы в полном смысле действиями) цель и результат — это две стороны одной концептуальной медали. Цель — это «замысленный» деятелем, намеченный, предполагаемый результат; результат — это достигнутая действием цель [Левонтина 2006: 176].

том [Karttunen 1971]. Результат здесь достигается как автоматическое следствие того, что Г сказал Р, просто в силу того, что Г правильно, с соблюдением всех условий успешности произвел соответствующий иллокутивный акт: *Г приказал А-у сделать Р* = 'сказал..., [и в силу этого А обязан сделать Р]'; *Г сообщил А-у, что Р* = 'сказал..., [и в результате этого А имеет Р в уме]'. Поэтому здесь невозможно отрицание достижения результата: *сообщал, но не сообщил, приказывал, но не приказал; Он не сообщил ему, что Р* = 'не сказал'.

2. Два типа перлокутивных глаголов и действий. Все перлокутивные речевые действия, поскольку это намеренные, контролируемые действия, производятся с целью достижения какого-либо эффекта. Однако всё не так просто с целью и намеренностью. Перлокутивные речевые действия и обозначающие их глаголы⁷ делятся с точки зрения наличия и характера цели на 2 группы. Одна из этих групп — это **целенаправленные** глаголы, обозначающие прототипические действия — действия в полном смысле слова, имеющие четкую цель, фиксированную в значении слова, описывающего это действие, полностью и безусловно намеренные. Эта цель касается осуществления какого-то воздействия на А, изменения состояния его «ума» — в широком смысле, ментальной сферы, включающей мысли, чувства и волю адресата. Это такие действия, как *убеждать / убедить, уговаривать / уговорить, успокаивать / успокоить* и т. п. Такие действия являются полностью контролируруемыми в отношении процесса совершения этого действия, выражаемого формой НСВ, например, *убеждать* (но не полностью контролируемы в отношении достижения результата).

Другая группа перлокутивных глаголов / действий — это (глаголы, обозначающие) действия, не имеющие фиксированной, выделенной цели (цели, которая была бы закреплена, лексикализована в значении обозначающего это действие слова). Это такие глаголы /

⁷ Мы классифицируем, делим на типы перлокутивные действия **вместе** с обозначающими их глаголами (и существительными), это одновременно классификация слов и действий. В области перлокутивных действий язык и жизнь особенно трудноразделимы.

действия, как *жаловаться*, *предупреждать*, *ругать*, *угрожать*, *упрекать*, *хвалить*, *хвастаться* и многие другие. Такие действия также совершаются посредством конвенциональных действий собственно языкового уровня — иллокутивных актов. Так, когда Г *жалуется*, то он **сообщает** А-у о некоторых плохих для Г Р, когда он *упрекает* А-а, он, используя дескриптивные высказывания, **констатирует**, что он сделал для А некоторые хорошие для А Р, а А со своей стороны не сделал для Г ожидаемых на основе взаимности хороших для Г Р, когда Г *хвастается*, он **сообщает** А-у о некоторых положительно характеризующих Г Р, и т. д. Такие речевые действия также имеют какую-то цель или цели. Однако, в отличие от перлокутивных действий предшествующей группы, цель этих действий не фиксирована в языке. С ними связан, ассоциируется «пучок» (только) возможных целей, нечетко отделенных друг от друга. Ср. различия в толкованиях цели перлокутивного действия упрека у разных авторов: «Основная цель упрека — указать, что упрекаемый обманул наши ожидания» [Шмелев 2002: 140]. Вполне возможно, что так — в каких-то случаях. «Х говорит это, чтобы Y знал, что Р огорчает X-а, и не делал больше Р» [Гловинская 1993б: 198]. Такая цель также возможна — но только возможна. Но может быть, также, что он / она старается сделать так, чтобы она / он чувствовал себя виноватым, испытывал угрызения совести, и в результате (всё это только возможно) побудить его сделать что-то хорошее для Г в порядке компенсации. Помимо того, что цель этих действий более размыта, она очень часто и более «инстинктивна», эмоциональна, не рациональна, не очень ясна самому Г — а это значит, что она в меньшей степени является собственно целью, а эти действия в меньшей степени являются собственно действиями. Здесь цель часто превращается в неосознаваемый или слабо осознаваемый мотив⁸. В мотиве сближаются, сливаются причина и цель. Так, когда человек хвастается, он, вероятно, хочет произвести впечатление на А-а, добиться того, чтобы А ценил, уважал Г, возможно, восхищался им, преклонялся перед ним и т. п. Однако он может хвастаться **не для того, чтобы** почувствовать себя выше А-а (это была бы цель), **но потому, что** ему приятно чувствовать себя выше А-а (возможно

⁸ О сближении в ряде случаев мотива и цели, их контаминации см. [Арутюнова 1992: 15; Рахилина 1989].

неосознаваемый мотив). Г может *жаловаться* для того, чтобы побудить А предпринять какие-то действия для облегчения положения Г, но также просто для того, чтобы «облегчить душу», «дать выход отрицательным эмоциям» [Гловинская 1993б: 196], разделить с кем-то тяжесть неприятных событий. Язык является не только рациональным орудием описания, информирования, задавания вопросов и т. д., но и средством иррационального выражения и «возбуждения» различных эмоций, сознательных, полубессознательных и бессознательных переживаний и чувств — в самом Г и А. Такое выражение и «возбуждение» в гораздо меньшей степени контролируется Г. Нет резкой границы между рациональным, намеренным и эмоциональным, произвольным, ненамеренным в речи (и тем самым в отражающем ее факты языке), в частности в перлокутивных действиях этой группы.

В целом, если в целенаправленных перлокутивных глаголах четко фиксирована цель, т. е. **для чего** это говорится, но их содержательная характеристика, то есть **что** при этом говорится, является гораздо более неопределенной, то в перлокутивных глаголах второго типа, напротив, специфика действия (значения глагола) определяется прежде всего тем, **что** говорится, это достаточно четко фиксировано в значении глагола, но **для чего** это говорится — является недостаточно определенным, не совсем ясным.

Поскольку здесь неясны цели и тем более неясно, достигнуты ли они, такие глаголы имеют СВ со значением ‘сказал’ и не имеют СВ со значением достижения цели: *Г пожаловался А-у на Б* — ‘сообщил о некоторых плохих для Г действиях Б,’ чего он этим хотел достичь и достиг ли он этим чего-нибудь — неизвестно.

(Как видим, различные действия, в том числе и перлокутивные действия, являются действиями в разной — большей или меньшей степени. Это размывает описание, но ничего не поделаешь — такова жизнь и таков встроенный в нее, являющийся ее неотъемлемой частью язык.)

3. Целенаправленные перлокутивные глаголы. Рассмотрим теперь более подробно группу целенаправленных перлокутивных глаголов (действий). Перлокутивные глаголы этого типа обознача-

ют речевое действие, цель которого воздействовать на А. Для этих глаголов важным является противопоставление конативных и неконативных перлокутивных глаголов. При этом различие по этому признаку может проходить как между глаголами в целом (то есть глагол в целом является конативным или неконативным), так и между различными значениями (употреблениями) одного глагола, который в одних случаях понимается как конативный, а в других — неконативный. Наиболее простое определение этой группы — конативные глаголы — это глаголы со значением попытки (для СВ), включающие в свою семантику значение ‘пытаться’ (для НСВ) [Бондарко 1971: 27; Падучева 1996: 112; Милютина 2005]. Глагол *попы́таться* / *пы́таться* является аналитическим показателем конативности [Плунгян 2001], посредством этого глагола образуются конативные сочетания от глаголов, которые могут пониматься как конативно, так и неконативно (например, *пы́тается открыть окно*). В случае *пы́таться* / *попы́таться* действие имеет некоторую цель (направлено на достижение определенного результата), и достижение этой цели является вероятностным (только возможным). При этом важно, что достижение цели в случае *пы́таться* / *попы́таться* и конативных глаголов в целом двусторонне обусловлено: оно, с одной стороны, зависит **от усилий С**, а с другой, как отмечает Е. В. Падучева [Падучева 2004б: 52], — всегда **и от** (неподвластной ему) **удачи**. Например, человек *пы́тается найти / ищет кого-либо*. В одно место заглянул — нет его, в другое место заглянул (вторая попытка) — нет, ... в десятое место заглянул — он там, попытка увенчалась успехом (*нашел*), или опять не обнаружил его и прекратил поиски (*не нашел*). При этом субъект, не обнаруживший объект своих поисков в десятом месте, может **продолжить** их (это **зависит от него**), и если ему **повезет** (что **от него уже не зависит**), он найдет его в 11-м месте.

В случае неконативных глаголов и неконативной интерпретации неоднозначных в этом отношении глаголов достижение действием цели также может быть только возможно, однако ее достижение или недостижение уже не зависит двусторонне от усилий С и удачи. Например, С пошел в магазин купить хлеба, но хлеб к его приходу закончился или магазин был уже закрыт. Мы не можем сказать в этом случае, что он **попытался** купить хлеб, потому что от его усилий здесь ничего не зависело, и мы не предполагаем, что он

мог бы купить хлеб, если бы совершил еще одну попытку. С другой стороны, если он решил написать грандиозный роман и прилагал усилия к осуществлению своего замысла, но у него ничего не вышло, здесь также плохо сказать, что он **попытался** написать роман, поскольку здесь очень много зависит от усилий С и его способностей, но не видно, в чем здесь роль удачи, и мы не можем сказать, что он написал бы роман, если бы ему повезло.

Свидетельством конативной интерпретации перлокутивных глаголов (в случае успешной попытки) являются обстоятельства *с трудом, насилу, еле-еле* и т. п. (см. [Милютина 2005]), но также *легко, без труда* и т. п.:

...Я с трудом убедил его выпить стакан чаю (В. А. Каверин Открытая книга); *Однажды я его с большим трудом уговорил пойти со мной на водную станцию* (Ф. Искандер. Мой кумир); *Он попытался было слезть с помоста, но я всё-таки уговорил его спрыгнуть* (Там же); *Он без труда / легко убедил его поступать в театральный институт.*

Неконативные перлокутивные глаголы и неоднозначные в этом отношении глаголы в неконативных значениях обозначают речевое действие, которое также может как достичь, так и не достичь результата. Однако это уже зависит не от действий самого Г и удачи, а от установок, позиции А. Например, А может не верить Г или не доверять его компетентности. Тогда результат не будет достигнут. Например, Г сказал нечто с целью успокоить А, но А не успокоился, потому что не поверил этим успокоительным заявлениям.

Однозначно конативными перлокутивными глаголами являются *убеждать, уговаривать, упрашивать*. Однозначно неконативными являются *ободрять, подбадривать, обнадеживать, пояснять* (ср. **Он с трудом / легко подбодрил его*) и др.; многие глаголы допускают как конативное, так и неконативное понимание (*уверять, успокаивать, объяснять, разъяснять* и т. д.).

При этом никакое речевое действие как таковое не может оказать непосредственно какое-либо физическое, материальное воздействие на А (исключая магическое побуждение и вообще магию посредством слов — *заклинаний, проклятий* и т. п., но этот вид действий за пределами нашего рассмотрения), они могут воздействовать только

на нематериальную сторону А, на его внутренний идеальный мир (и только через события этого внутреннего мира производить опосредованное воздействие на мир физический, внешний). Внутренний, идеальный мир человека делится на 3 основных части: ум, волю и чувства (эмоции). Соответственно, целенаправленные перлокутивные действия делятся на 3 основных вида в соответствии с тем, на какую область внутреннего мира человека они воздействуют (см. [Гловинская 2001: 278]). Это

1) ПД, воздействующие на ум (ментальное состояние) А-а, его картину мира: *убеждать*₁, *настаивать*₁, *объяснять* и т. д. — дескриптивные ПД (соотносительные с дескриптивными — описывающими действительность — РА (высказываниями));

2) ПД, воздействующие на волю А-а (= ПД побуждения к действию): *настаивать*₂, *убеждать*₂, *уговаривать*, *умолять*, *упрашивать* и т. д.;

3) ПД, воздействующие на чувства А-а — его эмоциональное состояние: *успокоить*, *подбодрить*, *утешить* и т. д.

Между этими группами нет резких границ — недаром многие глаголы употребляются для обозначения воздействия на разные сферы с диффузной переходной зоной. Поскольку выбор воли часто обусловлен умом, рациональными соображениями, воздействуя на ум, мы воздействуем и на волю, воздействуя на волю, мы часто прибегаем к помощи ума и чувств, воздействуя на чувства, прибегаем к помощи ума и воли.

Целенаправленные перлокутивные глаголы, помимо валентностей участников коммуникации — Г и А, имеют также валентность перлокутивной цели (= **результата**, если цель достигнута) — в чём хотят, например, убедить А-а, и валентность **средства** достижения этой цели — это высказывания, речевые акты, которыми убеждают, побуждают что-либо сделать, успокаивают и т. д. Эти высказывания вводятся посредством прямой или несобственно-прямой речи, в некоторых случаях — изъяснительных *что*-придаточных.

Рассмотрим теперь подробнее каждый из этих типов.

4. Перлокутивные глаголы воздействия на ментальное состояние, картину мира А-а, в свою очередь, делятся на 2 основных типа в соответствии с тем, какой компонент фрагмента этой картины мира, используя понятия и термины Ш. Балли [Балли 1955: 44], диктум — диктальная пропозиция Р, «картинка действительности», описывающая как бы «для пробы» возможное положение дел — или (объективный) модус, соотносящий Р с действительностью ('имеет место', 'есть в действительности' — для дескриптивных высказываний) находится не под вопросом, как в случае вопросов, ср. классификацию вопросов Балли [Балли 1955: 47—48], но под **перлокутивным воздействием**. Среди перлокутивных действий воздействия на картину мира А выделяются такие, в случае которых диктальное Р известно, вопрос в том, имеет ли это место в действительности или нет. В фокусе воздействия в этом случае модальный компонент 'имеет место (в действительности)'. А имеет в уме Р, но не знает (не имеет в уме), имеет ли оно место, назначение речевого действия сделать так, чтобы А считал, что Р имеет место. К этой группе относятся **убеждения₁, уверения и, под вопросом, «наставления₁»**. При этом *убеждать* и *настаивать* являются конативными глаголами, *уверять* может употребляться как конативно, так и неконативно.

Другая группа этого же типа — это такие перлокутивные действия, в фокусе воздействия которых диктум, «картинка действительности» в уме А. В этом случае известно, что что-то есть, имеет место, но не совсем ясно или совсем неясно, что именно, какое Р имеет место. В фокусе воздействия в этом случае диктум, Р в уме А. Перлокутивные действия этой группы направлены на то, чтобы сделать содержание Р (или комплекса Р) ясным А-у. К этой группе относятся (с разной степенью вхождения в этот тип, множество нечеткое) **объяснения, разъяснения, прояснения, пояснения, комментарии** и т. п.

Особое место занимают ПД **внушения₁**.

Глаголы ментального воздействия, имеющие в фокусе истинность Р, делятся на 2 основных группы — **убеждения₁** и **уверения**. Эти ПД являются вторичными в том смысле, что они оперируют с Р, уже введенной в дискурс в предшествующем тексте, убеждают или уверяют в истинности Р, уже имеющейся в уме А, но в истинности которой он не уверен, сомневается. Первичные дескриптивные

высказывания (речевые акты), вводящие Р в дискурс, могут быть фактивными и нефактивными. Если Р введено фактивным высказыванием — сообщением, объявлением, широким недифференцированным фактивным высказыванием (а оно является таковым, если Г произносит, а А принимает его как таковое), то его истинность не под вопросом, А принимает его в свою картину мира и на этом история с этим Р заканчивается. Однако если Р не принимается А-ом как факт, то «тема» этой Р может быть продолжена в последующем дискурсе. Есть две основные «угрозы», которые могут сделать содержание высказывания — пропозицию Р — не соответствующим действительности. (1) Субъект — источник этой Р, построивший эту Р в своем уме, может ошибаться, и (2) Г, излагая Р, которое он имеет в уме, может лгать, а также, другие случаи того же рода, фантазировать, ненамеренно под влиянием эмоций исказить истинное положение вещей и т. п. Соответственно, под вопросом в данной коммуникативной ситуации, в данном дискурсе может быть **объективная правильность Р** или **субъективная искренность, надежность** и т. п. источника Р (см. гл. 3).

4.1. Убеждения. В случае убеждения под вопросом объективная правильность Р, Г приводит доказательства в пользу того, что оно соответствует действительности, истинно. Это приведение аргументов, доказательств в пользу Р (того, что Р истинно, имеет место) называется и тем самым является перлокутивным действием **убеждения**. В области первичных иллокутивных актов убеждение соотносится с утверждениями (имеющими в фокусе объективную правильность Р (см. гл. 3)): А-а убеждают, приводя объективные аргументы, в объективной **правильности Р**. Когда мы кого-то в чем-то убеждаем, мы делаем фактивные дескриптивные высказывания — сообщения и констатации, которые являются аргументами в пользу того, что Р (истинно), и опираясь на них, какое-то имплицитное или эксплицитное **умозаключение** в пользу того, что Р (истинно): *Есть школа? Вот она, — убеждал он бригадира. — Значит, можно жить* (Б. Екимов. Фетисыч). Подобное умозаключение, следуя умозаключению, предложенному Г, по замыслу Г, должен совершить в своем уме А и в результате этого принять его результат, согласиться с тем, что Р истинно. Таким образом, речевое действие убеждения использует внеязыковую (точнее, не вполне языковую, естественную)

способность к логическому рассуждению, мышлению и является не только речевым действием, но и актом мысли, который производит вслух Г с целью произвести, продуцировать такой же акт мысли в уме А.

Перлокутивный, неконвенциональный характер убеждения ярко демонстрируется тем, что Г, подбирая и формулируя аргументы в пользу Р, может убеждать самого себя⁹. В этом случае речевое и мыслительное действие полностью совпадают: *«Азы надобно постигать, азы! — убеждал он себя. — Все сложное из простого вытекает»* (Б. Евсеев. Евстигней).

В предложениях, описывающих РД убеждения, может быть выражена только перлокутивная цель убеждения, то, в чём убеждают, при этом то, чем убеждают, остается неэксплицированным:

Помню, как года три назад Петр Авен убеждал меня, что, напротив, ненависть к состоятельным гражданам отступает, в обществе идёт оздоровительный процесс к принятию нового социального слоя... (Е. Семенова. Олигарх без галстука); Он долго убеждал меня в своей правоте.

Предложения убеждения могут описывать непосредственно речевое действие убеждения (вводить прямую или несобственно-прямую речь). В этом случае описывается и то, в чем убеждают, и то, чем убеждают: — *Мы подходим друг другу, (то, в чем убеждает А-а Г) — убеждал Коля. — Я страшно умный, не урод, талантливый. Рядом со мной должна быть блестящая женщина. Я для тебя все сделаю* (аргументы) (А. Слаповский. Большая Книга Перемен).

В случае убеждения возможны переходные между изменением состояния ума А и побуждением случаи: *Колюша и тут научно подошёл, убедил Ивана Ивановича, что к водке соваться нет большого смысла, надо пробраться к спирту* (Д. Гранин. Зубр) — из суждения о том, что нет смысла делать Q и необходимо сделать Р, почти конвенционализированно следует косвенное побуждение не делать Q

⁹ Иллокутивные акты не могут быть (при нормальном употреблении) направлены на самого Г — Г не может сам себе / для себя сообщать, утверждать, заявлять, что Р, сам себя просить и т. д. — поскольку в разговоре с самим собой условные конвенции теряют всякий смысл, воздействие на самого себя может быть только «естественное».

и выполнить Р, см. также, уже без комментариев, многие примеры выше.

4.2. Уверения. Другая группа РД (назовем их «уверениями» в широком смысле) употребляется, когда в дискурсе истинность Р под вопросом вследствие возможных сомнений в субъективной «надежности» (искренности и т. д.) Г. Если перлокутивная цель убеждения — каузировать А считать, что Р правильно (и поэтому Р истинно), то перлокутивная цель уверений — каузировать посредством произнесения различных РА А-а поверить, что Г говорит правду (и поэтому Р истинно). Об этом говорит и сама внутренняя форма этого слова, производного формально и семантически от *вера*, *верить*. Ср. в работе М. Я. Гловинской: «Цель “уверений” — сделать с помощью слов так, чтобы адресат поверил говорящему» [Гловинская 2001: 279], при том что *верить кому-либо* означает полагать, что он говорит правду, не лжет. Однако ПД уверения апеллируют не просто к вере в искренность Г, но к более широкому понятию субъективного **доверия** А к Г. Уверяющий стремится каузировать А доверять Г, в частном случае, доверять его искренности. Однако здесь это только один из аспектов, которым может оборачиваться доверие; в различных коммуникативных ситуациях могут оказаться релевантными и другие виды доверия: доверие к осведомленности и компетентности Г, авторитету и надежности его источников информации, доверие, возникающее к Г вследствие особенностей его ума и характера, и т. д. Иллокутивными актами (высказываниями), которыми делаются уверения, могут быть «клятвы₂»¹⁰ («Субъект может давать честное слово, божиться, клясться и т. д.» [НОСС 2004: 1174]): *клянусь, даю слово, честное слово: Клянусь, (что) я этого не делал!*, побудительные высказывания типа *верьте / поверьте (мне)* и т. д. Этими высказываниями также могут быть различные аргументы, доводы, но в случае уверений эти доводы касаются исключительно субъективной стороны: искренности, надежности, компетентности

¹⁰ **Клятва₁** — РА, обязывающий Г сделать то Р, которое он поклялся, сделать: *Клянусь, что я это сделаю!*; в случае **клятвы₂** Г посредством произнесения в соответствии с простыми правилами (которые мы здесь не будем описывать) «языковой игры» клятвы «ритуальных», перформативных слов стремится каузировать А поверить, что он говорит правду (искренен), и поэтому его высказывание истинно.

Г, а в случае передачи чужого Р — надежности, искренности, компетентности и т. д. его источников: *Зачем мне врать? Разве я тебя когда-нибудь обманывал? Мне говорили об этом надежные люди; Мне сказал об этом человек, который работает в...; Мне сказал об этом Петя, а он врать не будет; «уж он-то знает!»*, как сказал булгаковский герой о Воланде, и т. п., что означает: ‘вы должны верить мне, потому что я никогда не обманываю / у меня надежные источники информации / я человек серьезный, не болтун / у меня нет причин лгать’ и т. п. Можно сказать, что уверение — это убеждение в искренности, надежности и т. д. Г, и в этом смысле уверения представляют вид убеждения, ср.: «УВЕРИТЬ... Заставить поверить во что-л. или чему-л., убедить в чем-л.» [СлРЯ 1981—1984].

Уверения, однако, несимметричны с убеждением в том отношении, что они могут быть не только перлокутивными действиями, но и иллокутивными актами (уверение₂). Нельзя убеждать, просто сказав: **Убеждаю вас, что дважды два пять*, но уверять таким образом можно: [Воланд:] *В частности же, уверяю вас, вам он [кирпич] ни в каком случае не угрожает. Вы умрете другой смертью* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Если в случае перлокутивных уверений, как и в случае убеждения, различаются перлокутивная цель (то, в чем уверяют) и перлокутивное средство (высказывания, которыми уверяют), то в случае иллокутивного уверения то, в чем уверяют, и то, чем уверяют, совпадают: *Вам ведь ваша квартира-то понравилась? Уверяю вас: у Голубятникова хуже* (А. Волос. Недвижимость). В случае иллокутивного уверения в значение высказывания уже конвенционально входят элементы, которые в случае перлокутивного уверения выражаются эксплицитно: Р, ‘и вы должны верить мне, потому что я располагаю надежной информацией, не преувеличиваю, не лгу и т. п.’ Важной особенностью уверений (как иллокутивных, так и перлокутивных) является то, что Р, в котором уверяют, является **хорошим** для А. Это очевидно мотивировано значением мотивирующего глагола *верить*: Р, в которое *верит* субъект, в типичном случае является хорошим для него [Селезнев 1988], ср. аномальность: *??Уверяю вас: ваша квартира хуже, чем у Голубятникова*.

Говорящий (точнее, в этом случае, скорее, думающий) может *уверять сам себя*. В таком случае это, как было сказано выше, по определению перлокутивное действие. Поскольку вопрос о доверии

здесь снимается (человек не может не доверять самому себе), уверенность сближается с убеждением и отличается от убеждения тем, что субъект внутренней речи / мысли подбирает аргументы, стараясь убедить / уверить себя, что имеет место **хорошее** для него Р:

Несмотря на то, что он изначально принадлежал к партии пессимистов, ему все же очень хотелось надеяться на чудо, и, сидя на дорогом кожаном диване, он поглаживал его подлокотник и уверял себя, что людям, которые могут позволить себе в фойе такие диваны, не нужны их жалкие квадратные метры (А. Геласимов. Дом на Озерной).

4.3. Настаивание. Специфика *настаивать* как перлокутивно-го действия заключается в «тупом» **повторении** одного и того же утверждения или побуждения в ситуации, когда А не принимает (сомневается или прямо отрицает) истинность утверждения или не соглашается выполнить побуждение. (Это прагматическое условие уместности настаивания: если никто не сомневается в Р / не отказывается выполнить Р, то нет смысла на нем настаивать.) Ср. толкование *insist*₂ ‘настаивать’ (дескриптивного) в [Macmillan 2002]: «to keep saying very firmly that something is true, even when other people will not believe you».

Это повторение может быть в той же самой форме (часто с эллипсисом, повторяется только то, что в фокусе «настаивания», то, что в пропозиции вызывает сомнение или недоверие): *Позавчера двух лосей завалил. Во каких! — Так уж и двух, — засомневались слушатели. — Двух, двух, — настаивал экс-президент.* (Б. Грищенко. Посторонний в Кремле); форма также может быть разной, но смысл, содержание примерно одно и то же: *...Если по-настоящему, какие мы враги — мы свои люди. Ведь были же друзья! Разве нет? — горячился и даже как бы настаивал Рубахин* (В. Маканин. Кавказский пленный) — где трижды (третий раз в виде риторического вопроса) повторено утверждение ‘мы не враги, мы свои люди’.

Перлокутивное действие настаивания может включать, помимо повторения утверждения или побуждения, также аргументы в пользу Р. *Ключик упорно настаивал, что Вертинский — выдающийся поэт, в доказательство чего приводил строчку: «Аллилуйя, как синяя птица»* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец). В этом случае

оно сближается с убеждением, в некоторых случаях можно сказать и *убеждать* (тогда во главу угла ставится наличие аргументов), и *настаивать* (тогда в фокус выносятся повторение — утверждения / побуждения и аргументов).

Дескриптивное *настаивать* ‘добиваться, чтобы А принял истинность Р’ парадоксально в том отношении, что это такое действие, которое никогда не достигает результата. По крайней мере, СВ *настоять* имеет только значение побуждения — «Добиться исполнения чего-л.» [СлРЯ 1981—1984, а также СУ; СО; Кузнецов 2009; Ефремова 2000]. При этом, поскольку все отмеченные выше словари (кроме [Ефремова 2000]) толкуют НСВ через СВ, дескриптивное значение *настаивать* вообще остается в них не замеченным и не отмеченным¹¹.

Настаивать, так же, как и *уверять* и *предупреждать*, может употребляться и перлокутивно, и иллюкутивно. В случае перлокутивного употребления настаивают, повторяя первичное побуждение или утверждение, часто с аргументами. Такое действие может конвенционализироваться и, как бы вбирая в себя все подразумеваемые возможные повторения и аккумулируя их силу, употребляться для введения первичного утверждения или побуждения, становясь тем самым иллюкутивным актом. Г в этом случае как бы забегают вперед и, предвидя возможные сомнения или возражения, заранее настаивает на своем утверждении или побуждении. О подобной конвенционализации сигнализирует перформатив *настаиваю*:

Я настаиваю на том, что именно стремление быть эффективным на своём рабочем месте является более надёжным доказательством пригодности сотрудника к работе, чем опыт выполнения конкретной работы (Кадры, которые нам не подходят // «Computerworld», 2004).

4.4. Внушение. *Внушать* — чрезвычайно широкое слово, в наиболее частотных его употреблениях — *внушать* (= ‘вызывать’) чувства — *страх, уважение* и т. д., — оно не обозначает речевые действия и действия (контролируемые субъектом события) вообще.

¹¹ В [Ефремова 2000], где толкуется НСВ, также отмечено только побудительное значение *настаивать* — «Усиленно добиваться, требовать исполнения чего-л.».

Тем не менее, достаточно частотное его употребление как речевого действия типа убеждения — действия, которое делается словами, которые часто эксплицируются при *внушать* в качестве прямой речи и которыми Г старается каузировать А принять Р в свою картину мира (или принять Р к исполнению): *Австралия — не Сидней, не Мельбурн и даже не фермы, — внушал нам Алан Маршалл. — Наша страна — это прежде всего буш, и пока вы не побываете в буше, вы ничего не поймёте* (Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами). В отличие от убеждения в случае первого акта внушения (первого высказывания из потенциального ряда внушающих высказываний), как и в случае первичного утверждения, новым для А является и диктальное содержание Р («...*внушать Р* можно и тому, кто о Р совсем ничего не слышал» [НОСС 2004: 1172]). Однако перлокутивной целью внушения является не описание Р, а каузация принятия этого Р А-ом в его картину мира как истинного (либо в случае побуждения принятия Р А-ом к исполнению). В случае перлокутивного внушения то, что внушается, может совпадать и часто совпадает с тем, чем это внушается, и в этом отношении и в этих случаях оно подобно иллюкутивным актам.

Примечание: Поскольку в случае внушения цель (то, что внушают) и средство (то, чем внушают) могут, по крайней мере частично, совпадать, при выражении этих валентностей может происходить контаминация цели и средства: *В детстве, хотя оно и было трудным, мне перепало немало тепла и моя суровая мама внушила мне следующее: «Всегда делай людям добро — это выгодно»* (Ю. Азаров. Подозреваемый). Здесь выражение в кавычках обозначает прежде всего результат внушения, то, что внушено посредством повторяющихся актов внушения, однако, поскольку это внушалось, по крайней мере примерно, этими же словами, это выражение обозначает одновременно и средство внушения, о чем сигнализирует употребление кавычек. Ср. другой, более наглядный пример такой контаминации — объединение цели (что) и средства (чем, в кавычках): *Меня воспитывала бабушка, которая и внушила мне, что «замуж надо выходить девушкой», а иначе лучше не жить вообще* (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО).

Однако, в отличие от иллюкутивных актов, внушение не является конвенциональным действием, но имеет естественную природу¹². В отличие от убеждения, использующего внеязыковые (или, осторожнее, не полностью языковые) логические механизмы, внушение аналогичным образом опирается на внеязыковые (не полностью языковые) естественные психологические механизмы¹³. Одним из основных способов «внедрения» Р в ум А-а является повторение — буквально одного и того же или почти одного и того же высказывания, либо в различных «облачениях» и видах одного и того же содержания. Ср. мнение специалиста: «Если ты имеешь целью внушить что-либо, ...нужно разжевывать и повторять...» (Э. Лимонов. Пархоменко, политработник // Свободная пресса. 22.11.12). Это повторение вместе с «разжевыванием» может происходить на протяжении одного связного дискурса, например:

Народу вера нужна, — внушал он мне однажды у себя в кабинете, когда я в очередной раз пришел к нему ходатайствовать за Быкова, ... — Вера нужна народу. Вот веру литература и должна дать, в этом главная ее задача (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды)

(единичность дискурса показана эксплицитно словом *однажды*), или же, прерываясь, повторяться в разных конкретных дискурсах в разные последовательные моменты (периоды) времени:

«На самом деле — проблема в нас самих, в нашем безделье, лени, воровстве, тяге к кайфу и куражу. Выпендрож раньше нас родился и позже нас умрет, если мы за ум не возьмемся!» — внушал майор своим сотрудникам на пятиминутках (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

¹² То же самое относится к использованию языка как средства мышления в актах, действиях мысли (см. гл. 13).

¹³ Мы говорим о стандартном, обычном языковом внушении, но не о специфическом гипнотическом или телепатическом внушении. Вместе с тем механизмы обычного перлокутивного внушения очевидно имеют нечто общее с этими специальными видами внушения, между ними нет резкой границы.

Помимо повторения и «разжевывания» (что также является видом повторения), внушение также использует различные паралингвистические и просодические средства — особый взгляд, тон, тембр, особая «внушающая», убеждающая интонация и т. п. (что плохо отражается в примерах из письменных источников).

Внушение может включать аргументацию, апеллирующую к субъективной или объективной стороне Р, в этом случае внушение сближается с убеждением. В таких случаях интерпретация дискурсивного блока как убеждения или внушения зависит от того, что является (что мы считаем) главным: аргументацию или само повторение и / или произнесение Р, а также самой аргументации особым «внушающим» образом:

*Напугал меня словом «режиссура» еще отец. Отговаривая от поступления на актерский факультет, **внушал**: «Не уверен я, что театр — твое призвание. Ну, может быть, еще режиссура. С золотой медалью идти в актеры, согласишься, сынка, расточительство. У тебя же голова на плечах» (С. Юрский. Четырнадцать глав о короле).*

Ср. также пример ниже, где свободно варьируются *внушал* и *убеждал*:

*Петрович, птица под белым небом лишь днем, а ночью надо в тепле... Тем более на гнезде, — **внушал** он. — Петрович, она хоть и свиной зовется, но в сырости, при сквозняке жить не будет, — **убеждал** он меня (Б. Екимов. На хуторе).*

Неконвенциональность речевого действия внушения ярко демонстрируется тем, что можно внушать нечто самому себе:

*Папа жив, — **внушал** я самому себе, — попал в плен раненый, оказавшись в окружении, случилось же такое с дядей Хаимом. А после войны — скитания перемещенного лица: Европа, Новый Свет, Австралия... Где-то мыкается, тоскуя обо мне, о сестрах, о матери... Пусть! (П. Сиркес. Труба исхода).*

Внушение может быть побудительным речевым действием:

Пойми, Иван, — внушал Ромаша. — Пиши смело, без оглядки. Но — меньше эстетства. Больше черной земли (Е. Попов. Любитель книг Александра Дюма-старшего борется с плакатом);

Чех внушал: «В любом случае действуйте по обстановке!» (А. Азольский. Диверсант);

Успокойся, — внушал я то ли Рене, то ли себе (П. Сиркес. Труба исхода).

В этом случае А-у внушается выбор Р или способа совершения Р не конвенционально, а посредством психологического механизма непосредственного влияния высказывания на волю.

Как и в случае убеждения, возможны переходные между побуждением и изменением состояния ума А случаи: *После войны не раз внушал тете Розе: — Надо разыскать. — Что я им скажу? — колебалась она* (П. Сиркес. Труба исхода) — из суждения о необходимости Р следует косвенное побуждение выполнить Р.

Особенностью действия внушения является то, что «внедрение» Р в ум А-а происходит в обход сознательного контроля последнего («Внушают таким образом, чтобы слова воздействовали на волю или подсознание адресата» [НОСС: 1172]), и этим обычное внушение подобно внушению гипнотическому: *И тогда милицкий начальник исподволь внушил ей идею — избавиться от Гаврилова* (Плата за собственную казнь // Криминальная хроника, 2003.06.10). Результат здесь достигается на бессознательном уровне, в отличие от *убедить* и *уверить*, где момент достижения «скачком» результата — принятия Р в ум А-а как истинного — может быть зафиксирован и отмечен: *Ну хорошо, вы меня убедили! Ну ладно, ладно, я вам верю!*, в случае внушения невозможно сказать: **Хорошо, вы мне внушили, что Р! *Наконец-то я внушил вам, что Р!*

4.5. Объяснения. Рассмотрим теперь глаголы *объяснять / объяснить, разъяснять / разъяснить, пояснять / пояснить, прояснять / прояснить, растолковать, толковать* и т. п., на примере глагола *объяснять / объяснить*, являющегося доминантой этого ряда. Как было отмечено выше, это глаголы, описывающие воздействие на диктум, точнее, на ту область ума А-а, в которой должен находиться диктум, описание некоторой ситуации Р, но на месте которого — «пробел». Все эти глаголы фактивны в том смысле, что

они имеют пресуппозицию существования некоторой ситуации X, и эта идея наличия некоторой ситуации X есть в уме А-а, однако диктум, описание этой ситуации, диктальное Р является не (полностью) известным, неясным или не совсем ясным для А¹⁴. Например, если произошло некоторое событие, например, пожар или авария, то у него (согласно обыденной, естественной логике) есть причина, если произошло некоторое контролируемое действие / событие, то у него также есть причина в некотором другом смысле = основание, мотив, а также цель (которая также является его причиной, мотивом) и т. д., но что именно является причиной, мотивом, целью, может оставаться неизвестным = неясным А-у. Г посредством дескриптивного РА (высказывания) или ряда, комплекса таких РА «доводит до сведения» А-а, что именно является причиной, мотивом, целью и т. д. X, и тем самым, заполняя пробел в уме А-а этой дескрипцией, **объясняет** это. Таким образом, ПД объяснения совершается посредством дескриптивных РА.

Разумеется, объяснение может быть не только объяснением причины, мотива события / действия, но и многого другого. Например, раз есть какое-то слово, то оно что-то значит, если есть два разных явления X и Y, то между ними есть какая-то разница, поскольку Эйфелева башня существует, то она где-то находится и до нее можно как-то добраться, и т. д., и т. п., и А может не знать этого. В этом случае компетентный Г может ему объяснить, что значит такое-то слово, в чем разница между X и Y, где находится Эйфелева башня, и т. д.

Помимо типичной для перлокутивных глаголов валентности речевых средств объяснения, *объяснять* / *объяснить* имеют специфическую для этих глаголов семантическую валентность «темы» объяснения — того, *что* объясняют, — выражений, слов, которые указывают на диктальную область, нуждающуюся в объяснении (обычно это косвенные вопросы или абстрактные существительные). Эта тема, вместе с включенным в значение глагола компо-

¹⁴ Впрочем, какие-то диктальные признаки этой ситуации должны быть известны А-у, например, что эта ситуация — причина ситуации Y, или что это различие между X и Y, или это маршрут, путь из X в Y, и т. д., именно эти признаки и указывают на ситуацию, которая имеет место. О существовании, имении места неизвестно чего говорить невозможно: **Существует нечто / что-то.*

нением 'делать / сделать ясным', описывает перлокутивную цель объяснения. Тема объяснения может быть ясна из ситуации или предшествующего контекста: *В феврале 2003 года во Фрунзенский РОВД пришёл мужчина и заявил, что хочет сознаться в убийстве женщины, совершённом полгода назад. «Она ко мне по ночам является», — объяснил он милиционерам своё неожиданное признание* (С. Любимов. Призрак убитой ошибся адресом). То, что объясняется причина признания, ясно из контекста, прямая речь — сообщение, описывающее эту причину — средство объяснения. Возможно выражение темы объяснения и в прямой речи — вместе со средством объяснения, например: *«Опыты не получились потому, что вы не верили», — объяснял Лысенко*. В предложении может быть выражена только тема объяснения: *Видать, не зря экономист объяснял жильцам, кто такие тунеядцы и почему их следует гнать из Города к чёртовой матери* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны) — выражено, что объяснял, но не указано, чем (как). Особенностью предложений, описывающих ПД объяснения, является то, что здесь средство объяснения может быть выражено в косвенной речи; разумеется, в этих случаях передается только содержание, смысл средства объяснения, но не буквально слова, высказывания, которыми Г объяснял нечто:

Время от времени поднимал голову и, еле ворочая языком, повторял, что ему в Электросталь... а я каждый раз объяснял, что на Курском ему нужно перебраться на другую ветку... (А. Волос. Недвижимость) — объяснял, как добраться в Электросталь;

Он поносил Родена и Бурделя, объяснял упадок современной скульптуры тем, что нет достойных сюжетов, а главное, что нет достойного материала (В. П. Катаев. Алмазный мой венец).

Речевое действие объяснения / значение глагола *объяснять / объяснить* имеет 2 разновидности, точнее, два «полюса», между которыми располагаются все его употребления. На одном «полюсе» *объяснять* является конативным глаголом, обозначая действие, которое встречает трудности на пути к достижению цели — заполнения мысленного «пробела» в уме А, построения диктальной «картины» Р — и может на каком-то (любом) этапе вдруг, «скачком» достичь этой цели, когда А вдруг начинает понимать Р, формирует

целостную картину Р (*объяснять*₁). В этих случаях перлокутивной целью объяснения можно назвать **понимание** [Гловинская 1993а: 82; 1993б: 175], которое часто рассматривается в качестве цели объяснения вообще: «...*Explaining can be paraphrased, roughly, as causing to understand*» [Wierzbicka 1987: 296; см. также Дмитриевская 1985: 104]. Для достижения понимания субъекту понимания — А-у объяснения — необходимо со своей стороны проделать определенную мыслительную работу для создания в своем уме из тех элементов Р, которые сообщены ему Г, правильного отражения действительности (см. [Дмитриевская 1985: 104]; аналогично в [Wierzbicka 1987: 297; Апресян 1995б: 414]; и др.). В случае объяснения₁ имеется полная коммуникативная кооперация в отношениях между Г и А, т. е. А доверяет компетентности и искренности Г, это является пресуппозицией (условием уместности употребления *объяснять*) в данной коммуникативной ситуации, трудности, возникающие на пути объяснения₁, обусловлены «естественными», можно сказать, «техническими» факторами, такими как особенности ума А-а (недостаток умственных способностей или опыта, необходимых для построения Р, недостаточным знанием языка объяснения и т. п.), характером самого (комплекса) Р — его объективной сложностью, а также качествами самого Г — его знанием языка, способностями объяснять и т. п.: *На ломаном французском языке он с трудом объяснил, что ему нужно* [СУ]; *Алёнка в слёзы — возьмём с собой в санаторий, вдруг это наш. Насилу объяснил, что мы уже километров двести проехали, не мог Тигра столько пробежать* (М. Мартова. Солнечные коты). СВ в случае конативного объяснения обозначает достижение перлокутивной цели объяснения.

На другом полюсе находится более простое (и преобладающее в примерах Национального корпуса) неконативное объяснение₂. Объяснение₂ не требует активной мысленной работы А-а — понимания — для заполнения или «дозаполнения» «позиции» диктума в каком-либо фрагменте картины мира А¹⁵: *Но нам было отказано: здесь живут в основном ирландцы, объяснил супер, а среди них много антисемитов* (С. Мазур. Кто в доме хозяин). Понимать (т. е. ис-

¹⁵ Ср.: «Есть менее типичные случаи употребления *объяснить* <...> : *объяснить, как пройти на вокзал; объяснить, что завтра нужно делать на субботнике*. Здесь речь идет не о непонимании, а о незнании» [Гловинская 1993а: 83].

пользовать активно способность мышления) здесь нечего, кроме самого тривиального смысла понимания значения высказывания (но это необходимо для всех видов речевых действий, как иллокутивных, так и перлокутивных). Возможные проблемы с достижением перлокутивной цели объяснения — заполнения диктального «пробела» в уме А — здесь связаны не с «техническими» особенностями передающего и принимающего «устройств» вкупе с характеристиками того, что передается, но с субъективными коммуникативными установками А-а, который может не доверять искренности и компетентности Г. В ситуации объяснения, в случае недостижения перлокутивной цели мы не можем сказать, что А не понял Г / Р, но можем сказать, что он **не принял** объяснение Г как достаточное, искреннее (и поэтому истинное), правильное и т. п. При этом неконативный СВ *объяснить* сам по себе имеет значение 'сказал' и не указывает на достижение или недостижение перлокутивной цели, однако из более широкого контекста или ситуации может быть ясно, что цель достигнута или не достигнута: *Позже Мошков объяснил, что разозлился, не обнаружив денег, и потому стал стрелять* (Л. Шарова. Трассовики). Здесь можно продолжить: *Но оперативники не удовлетворились этим объяснением / не поверили этому объяснению*. Ср. также:

Академик Опарин, например, уже объяснил, каким образом живая материя произошла от неживой посредством электрического разряда, вышибаемого с помощью учения Маркса — Энгельса в сторону первичного бульона из идеологически верных молекул белка (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

СВ здесь значит 'высказал, предложил законченное объяснение', результата это объяснение, как показывает ирония автора, не достигло.

Теперь очень кратко о некоторых других глаголах этой группы. Наиболее близкими неточными синонимами *объяснять / объяснить* являются *разъяснять / разъяснить* [Гловинская 1993б: 175] и *рас-толковать / растолковывать* — «обстоятельно, подробно объяснить, разъяснить, добиваясь понимания чего-л.» [СлРЯ 1981—1984], которые, подобно *объяснять / объяснить*, включают в свой диапазон как конативные, так и неконативные употребления. При этом

для *разъяснить* / *разъяснять* более характерны неконативные употребления, а для *растолковать* / *растолковывать* — конативные.

Неконативные употребления:

Смотри, какое чистое небо. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, — торжественно разъяснил дядя, — что завтра будет замечательный день, ясный, тихий, тёплый, и мы с тобой пойдём ловить птиц (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом);

Я популярно растолковал кому следует, что произойдет со всеми их тайнами, если, паче чаяния, со мной что-нибудь случится (М. Баконина. Девять граммов пластита) \approx *объяснил*.

Конативные употребления:

Кое-как — на двух языках — он растолковал (= объяснил, разъяснил) немцу, что он — сирота, бездомный, что ему нечего есть (А. И. Пантелеев. Ленька Пантелеев);

А он нам, дуракам, сразу все растолковал (В. Личутин. Любостай).

Вместе с тем есть и специфические для *разъяснять* / *разъяснить* (неконативные, соотносительные с *объяснять*,₂) употребления, мотивированные значением приставки *раз-* ('интенсивность или тщательность' согласно «Русской грамматике» [1980: 395]). Если *объясняют* то, что совершенно неясно (позиция диктума пуста), то *разъясняют* и, реже, *растолковывают* то, что частично ясно, известно, но не полностью: *Пленум Верховного суда разъяснил нижестоящим судам, за что можно выселять из неприватизированных квартир жильцов, а за что нет* (И. Петров. Тише музыка — дальше выселение) — *разъяснил, что жильцов можно выселять из квартир за...* \neq *объяснил, = разъяснил не совсем ясный закон*, ср. также *разъяснительная работа* (в советское время), *работа по разъяснению решений партии и правительства, разъяснил мне мои права, разъяснил идею, главную мысль произведения, суть дела* и т. п.

4.6. Пояснения. Как и в случае *разъяснять* / *разъяснить*, действие **пояснения** направлено на диктум, который частично известен, «понятен», однако если *разъяснить* имеет целью полное

«прояснение» диктума, то *пояснить*, в соответствии с его внутренней формой (приставка *по-* имеет значение ‘в некоторой степени, скорее немного’), в своем исходном и специфическом значении — в некоторой степени, в какой — неизвестно. Ср. [СлРЯ 1981—1984]: *пояснить* — «сделать более ясным, понятным; объяснить, растолковать». В своем исходном и наиболее типичном употреблении *пояснить* вводит дополнительную информацию по **уже введенному** Г-им в предшествующем дискурсе диктальному содержанию: *Да вы — ничего, пройдите. Коли заказать надо, так и Катерина Николаевна принять может... жилища у нас... — пояснил он, — и, что готового есть, покажет* (А. В. Амфитеатров. Домашние новости) — объяснил, пояснил, кто такая Катерина Николаевна. Поскольку *поясняют* то, что уже сказано, уже введенное в дискурс и в мир А-а диктальное описание какой-то области, *пояснить*, в отличие от *объяснить* (и подобно *разъяснить* в специфическом для последнего употреблении) не относится непосредственно к причине, мотиву, основанию и другим диктальным областям и не может иметь в качестве «темой» пояснения соответствующие обозначения: **Он пояснил причину своего опоздания / почему он опоздал / как добраться до X* и т. п. Такой «темой» могут быть только сказанные ранее **слова**: *Поясню свою мысль* — ‘сказав нечто, постараюсь сделать уже **изложенную** мысль более понятной, ясной’.

В последние десятилетия происходит взрывной рост употребительности *пояснить* (см. Национальный корпус). Экспансия этого глагола приводит к тому, что он начинает вторгаться в области, традиционно закрепленные за *объяснить*; [Адвокат Астахов:] *Не могли бы вы пояснить, какие у вас отношения?* [с мужем] (т/с «Дело Астахова») ≈ *объяснить*; [Полицейский:] *Оштрафовали несколько водителей, не пристегнувших детей. Поясняют: недалеко ехать.* (Новости. Дубненское ТВ. 13.12.2012) = ‘объясняют, почему они не пристегнули детей ремнями безопасности тем, что им было недалеко ехать’.

Пояснять / пояснить не является конативным глаголом: **Она с трудом / легко пояснила, что... / кто... / какие у нее отношения с мужем.*

5. Перлокутивные глаголы побуждения к действию делятся на 2 типа.

Глаголы первого типа — *убеждать, настаивать, внушать* — совмещают дескриптивное (каузацию изменения в картине мира А) и побудительное значения (каузацию выбора А-ом Р), глаголы второго типа обозначают только побуждение — *уговаривать, отговаривать, упрашивать, умолять, просить, урезонивать, подначивать, соблазнять* и т. д. Рассмотрим коротко наиболее важные из них.

Перлокутивные действия побуждения 1-й группы совершаются в целом таким же образом, как и соответствующие перлокутивные действия каузации изменения в картине мира А, отличаясь от последних тем, что каузируют в той области ума, которая отвечает за действия воли, «решение», выбор делать Р (что, собственно, также является видом каузации изменения в уме А), а также тем, что включают в свой состав первичные иллокутивные акты (прямого или косвенного) побуждения — совета, предложения, вопроса, риторического вопроса и т. д.

5.1. Убеждать / убедить А-а сделать Р. Дополнительный компонент, который появляется в убеждении₂ в связи с тем, что это каузация выбора контролируемого действия, это вопрос, в чьих интересах это действие. В случае убеждения Р в интересах А-а. Убеждение совершается подбором аргументов, которые каузируют А-а посредством умозаключения прийти к выводу, что Р хорошо (в сенсорном, утилитарном или этическом (деонтическом) смысле [Арутюнова 1988а: 75—76]) для А или для группы, в которую входит А, и поэтому выбрать делать Р. «Воздействие в этом случае оказывается на ментальное состояние и через него на конкретные поступки» [Гловинская 1993а: 84; см. также НОСС 2004: 1172]:

Оставь здесь свой гонор, — убеждал упряма старик. — Все бросай, пока не поздно, и поспеши за нами. Приведу вас туда, где спокойно, и там сможете век дожить в свое удовольствие...
(И. Бояшов. Путь Мури);

Зачем же идти в столовую, когда можно дома? Мы в столовой-то знаешь сколько время потратим! — убеждал жену

Иван. — А тебе интересней по магазинам походить, сама говорила (В. Шукшин. Печки-лавочки)

— риторический вопрос совмещает в себе дескриптивное и побудительное значение (см. гл. 9): ‘Незачем идти в столовую, поэтому давайте пообедаем дома’ (Г убеждает А принять его предложение). Сценарий убеждения может усложняться, включая аргументы в пользу того, что Р, хорошее для А в каком-то одном смысле, не является плохим для А или для группы, в которую входит А, в каком-то другом смысле, или же что плюсы А перевешивают его минусы: *Берите власть, Михаил Владимирович! — убеждал его Шульгин. — Никакого бунта в этом нет (А. Алексеев. Падение монархии в России: заговоры и революция).*

5.2. Настаивать / настоять на том, чтобы А сделал Р. Как и в случае дескриптивного настаивания, побудительное *настаивать* может быть как перлокутивным, так и илокутивным действием.

Перлокутивное побудительное настаивание совершается, как и в случае дескриптивного настаивания, повторением буквально или в разных вариантах первичного побуждения. То, что человек продолжает добиваться исполнения Р (выбора А сделать Р), видно из того неконвенционального факта, что он повторяет, возобновляет снова и снова свое побуждение в ситуации, когда А отказывается принять побуждение к исполнению (в частном случае, выполнить его):

*Вон в третьем ряду... поглядите-ка... Я поглядел и ничего не увидел. — **Всмотритесь** хорошенько! — настаивал он (К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей);*

*Так что же вас так рассмешило? — спросил я у него. Он снова затрясся, на этот раз от беззвучного смеха, и махнул рукой — дескать, хватит меня разыгрывать. — **Всё-таки я не понимаю**, — настаивал я. — Неужели? — спросил он и слегка выпучил свои и без того достаточно выпуклые глаза. — **В самом деле**, — говорю я (Фазиль Искандер. Начало)*

— Г настаивает, чтобы А ответил на его вопрос.

Как и в случае настаивания₁, настаивание₂ может включать в себя аргументы, в этом случае оно сближается с убеждением. Ср.:

Дайте мне свой телефон: я позвоню накануне, — сказала Алина. Как всякая красавица, она, конечно, очень занята! — Нет, вы можете не дозвониться. Лучше договоримся прямо сейчас, — настаивал Лёва (А. Алексин. Мой брат играет на кларнете).

Иллокутивное настаивание совершается посредством перформатива *настаиваю*; в этом случае речевое действие может совершаться и обычно совершается без реального перлокутивного настаивания-повторения. Побуждение-настаивание имеет категорический характер, это сильное побуждение, не предполагающее отказа А-а, не оставляющее ему свободу выбора — выбрать или не выбрать Р. Оно, уже конвенционально, значит примерно следующее: ‘Я побуждаю вас сделать (принять к исполнению) Р, и предупреждаю вас, что я не приму отказа сделать Р’:

Являясь, в отличие от других претендентов на квартиру № 66, остро нуждающимся в улучшении жилищных условий, я категорически настаиваю на том, чтобы эта квартира в соответствии с решением общего собрания была предоставлена мне (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

Отрицание иллокутивного настаивания не отменяет побуждения, но делает его некатегорическим: *Поэтому я вас не тороплю и на немедленном решении не настаиваю (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).*

5.3 Перлокутивные действия «чистого» побуждения — упрашивать, просить₂, умолять, уговаривать, отговаривать (= уговаривать не делать Р) — назовем их «упрашивания» — соотносятся с иллокутивным актом просьбы. Условия уместности (пре-суппозиции) РА акта просьбы: Р, совершить которое побуждается А, **в интересах Г, и А не обязан выполнить побуждение (принять к исполнению) Р, принять или не принять его к исполнению, зависит от воли, выбора А. Если А отказывается выполнить первичное**

побуждение, Г может смириться с этим, а может перейти к стратегии перлокутивного побуждения, которое заключается в том, что Г **повторяет** (часто неоднократно) первичное побуждение-просьбу, усиливая просительную интонацию, добавляя такие усиливающие просьбу побудительные слова, как *пожалуйста*, побудительные частицы *ну*, а также аргументы (мотивировки) [НОСС 2004: 883; Иссерс 2008: 142]. Однако это аргументы особого рода. Если убеждение апеллирует к аргументам, которые объясняют с рациональной точки зрения, почему сделать Р хорошо для А, то специфические для этой группы мотивировки, обоснования побуждения отсылают к интересам Г (А должен сделать Р, потому что Р очень хорошо для / нужно, очень нужно, необходимо, жизненно необходимо Г), а также к тому, что от А это потребует мало усилий (= принесет ему малый ущерб): *Ну пожалуйста, ну сделай это, мне очень нужно, ну что тебе стоит?* (≈ ‘тебе это принесет маленький ущерб, а мне большое благо’). Некоторые из этих глаголов могут быть как перлокутивными, так и иллюкутивными (*просить, умолять*), другие — только перлокутивными (*уговаривать, отговаривать, упрашивать*). *Просить* — типичный иллюкутивный глагол, способный к перформативному употреблению, однако он может употребляться и для обозначения перлокутивного действия, в этом случае он ≈ *упрашивать*. В перлокутивном употреблении *просить* может сочетаться с показателями длительности и образа действия (*долго, со слезами на глазах* и т. п.):

«Возьмите меня в лодку, люди добрые», просит старик, а ему в ответ из лодки: «нам и так трудно справляться, а тут тебя еще старого взять с собой». «Понудитесь малость, возьмите меня в лодку, большую корысть наживете!» взмолился старик, а рыбаки его все не берут. Долго просил старик взять его в лодку, да так и не допросился (Н. И. Березин. Пешком по карельским водопадам).

Упрашивать — перлокутивное действие обычно интенсивнее, чем в случае *просить*: больше повторений, энергичнее интонация «упрашивания» и т. д. *Умоляют* в ситуации, когда Р **очень, в высшей степени** нужно Г [НОСС 2004: 883]. Как говорится, это вопрос жизни и смерти. *Умолять* может быть перлокутивным действием

(оно делается с еще большей интенсивностью, чем *упрашивать*), но оно также активно употребляется иллокутивно (см. [НОСС 2004: 883, 885]). В этом случае перформативное *умоляю* как бы «вбирает» в себя весь возможный перлокутивный контекст повторения и усиления побуждения и выражает это уже конвенционально, иллокутивно: уже не надо говорить *Очень нужно!* и т. п.: [Буфетчик:] *...Гражданин профессор, умоляю, остановите рак* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В перлокутивный комплекс «упрашивания» могут включаться элементы убеждения — логические аргументы, основывающиеся на том, что сделать Р, помимо всего прочего, будет хорошо и для А, см. такой аргумент в примере выше:

«Понудитесь малость, возьмите меня в лодку, большую корысть наживете!» — взмолился старик. Аналогично: *Погодите, сахиб, сахиба!* — уговаривал нас Гашиш не прерывать прогулки. — *Я знаю ювелирный магазин, там работает мой брат, он со скидкой продаст вам любые украшения!* (М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию).

Г приводит аргументы, почему Р хорошо для А (купить украшения со скидкой), но понятно, что это и в интересах Г: там работает его брат, которому он хочет помочь.

Наиболее легко с рациональными аргументами — убеждением в том, что Р нужно сделать, потому что оно хорошо для А — сочетается *уговаривать*:

Хорошо, хорошо. Но и в тюрьме надо кушать. Ешь, суп остынет! — уговаривал его Абессалом, усаживая за шаткий стол. — *Ешь, мой хороший! Ешь, пока харчо горячий!* — со слезами помогал он ему овладеть трясущейся ложкой (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь);

Едем, — уговаривал меня таксист. — Через час будешь на месте. Дорого не возьму (Е. Костикова. Наша бронелодка стоит на запасном пути).

Отличие от собственно убеждения: само употребление для описания этого действия слова *уговаривал* показывает, что Г очень заинтересован в том, чтобы А выполнил Р.

Все описанные выше перлокутивные глаголы побуждения к действию являются конативными. К неконативным побудительным перлокутивным глаголам относятся *подначивать*, а также близкие к нему по значению *подзуживать*, *подбивать*, *подстрекать* и некоторые другие. Специфика подначивания заключается в том, что цель РА является замаскированной [Гловинская 1993б: 187; 2011: 53]. С точки зрения того, что в ситуации совершения данного ПД является «замаскированным», скрытым от А, выделяются два типа подначивания.

Замаскированной может быть не собственно цель — побудить А сделать некоторое Р, а то обстоятельство, что выполнение этого Р — не в интересах А, принесет ему ущерб. В этом случае действие подначивания совершается посредством побудительных РА, часто при поддержке дескриптивных РА, выражающих аргументы в пользу совершения Р:

Во, и мне двадцать четыре! Какой же я те пахан буду? — Это допускается, — твердо сказал Рустам. — Иди, иди, Колян, — стали подначивать остальные лысые. — Человек крестится, нельзя отказывать. По понятиям (Р. Арифджанов. Крещение).

В другой, более косвенной разновидности подначивания, скрытой является также и цель побудить А сделать Р. Такое подначивание совершается посредством утверждений (прямых или косвенных, в виде импликатур), что А из-за своей трусости, слабоволия, некомпетентности, глупости, отсутствия способностей или других негативных качеств не сделает некоторое действие Р; Г стремится задеть этим чувство самолюбия А и тем самым побудить его нарочно сделать Р, чтобы опровергнуть исходные негативно характеризующие его утверждения Г: *Так ведь не выдержишь, — подначил кто-то из ребят* (П. Сиркес. Труба исхода). Стандартизированной формой выражения такого подначивания являются *слабо-конструкции*:

В тот раз Григорий Беленький, человек с большим чувством юмора и с маленьким самозащиты, снимал прыжки индейцев.

Андрей Миронов его подначивал: «А ближе подойти слабо?!»
(Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда).

Понятно, что раз Г подначивает А сделать Р, то это Г зачем-то нужно. Одной из наиболее частотных целей подначивания является жизненно-языковая игра: каузировать А выбрать Р и посмеяться над ним (над его глупостью, некомпетентностью и т. п.), «представить адресата в смешном свете» [Гловинская 2011: 54], если и когда он выполнит это Р и попадет в неприятную ситуацию: *Пойди да отведи, — подначил ее насмешливый супруг. — Взаправду! — не поняв шутки, на ноги поднялась хозяйка* (Б. Екимов. На хуторе).

6. Перлокутивные глаголы воздействия на чувства (эмоции) — *успокаивать / успокоить, утешать / утешить, ободрить, подбодрить, обнадежить* — обозначают положительное воздействие на эмоциональную сферу А-а. Нет перлокутивных глаголов, которые бы обозначали действие с фиксированной целью каузировать какую-либо отрицательную эмоцию.

Глаголы эмоционального речевого воздействия включают указание на конкретную цель в своё значение — ‘(с)делать спокойным’, ‘(с)делать бодрым’, ‘(с)делать так, чтобы А перестал горевать’ и т. п., поэтому они не имеют внешней валентности цели, но только валентность на слова (высказывания) — «средства» утешения, успокоения и т. п. Перлокутивные действия этого вида совершаются посредством дискурсивного комплекса, состоящего, если представить его в полном виде, из побудительных высказываний, побуждающих А-а прекратить испытывать отрицательное чувство и / или начать испытывать положительное, и предлагаемого А-у умозаключения, совершив которое, он, по мысли Г, должен прийти к выводу, что нет оснований испытывать отрицательное чувство / есть основания испытывать положительное чувство и вследствие этого прекратить испытывать отрицательное чувство / начать испытывать положительное чувство. Однако в реальном дискурсе это действие часто предстает в сокращенном виде — умозаключение редуцируется до дескриптивных высказываний — сообщений или констатаций, описывающих основания для вывода:

*Я была совсем молоденькой, неопытной, но он успокаивал:
«Ты не бойся, я тебе всё поставлю»* (Сати Спивакова. Не всё);

Не пугайтесь, — сладко успокоил Коровьев, беря Маргариту под руку, — бальные ухищрения Бегемота, ничего более. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Не бойся, — ободрил Петьку Алик. — Здесь сейчас никого нет, кроме птиц (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий);

побуждение также часто является имплицитным:

Да наши ещё живые, — успокоил он Катерину и даже похвалился: — через раз, но дышат (Б. Екимов. Пиночет).

Поскольку человек в норме не контролирует / слабо контролирует свои чувства, побудительные высказывания в этом случае не являются стандартными конвенциональными побуждениями. Они являются конвенциональными побуждениями лишь частично — в той небольшой степени, в которой человек все-таки способен контролировать свои эмоции, в большей мере они призваны воздействовать на А-а не конвенционально, но непосредственно, опираясь на психологические механизмы внушения. В последнем случае, как и в целом в случаях внушения, может использоваться повторение и особая — успокаивающая, ободряющая и т. п. — интонация: *Ну успокойся, ну не плачь...!*

Примыкают к перлокутивным глаголам воздействия на чувства глаголы *урезонивать / урезонить*. Речевые действия, которые обозначают эти глаголы, формируют более высокий уровень перлокутивных действий. Они включают в себя воздействие на эмоциональное состояние А-а с помощью побудительных высказываний и аргументов, однако здесь изменение эмоционального состояния не является конечной целью, как в группе выше. Эти глаголы употребляются в ситуации, когда А испытывает некоторые чувства, эмоции, отрицательно оцениваемые Г, и эти эмоции, чувства каузируют некоторые действия А-а, которые также оцениваются как отрицательные Г-им; Г своими словами стремится каузировать прекращение / несовершение этих действий, стараясь каузировать прекращение каузирующих эти действия чувств. Таким образом, этот глагол описывает действие, имеющее целью сложную каузальную цепочку замысленных эффектов, когда осуществляется воздействие на ум с

целью воздействия на чувства с целью воздействия на волю (выбор действия) А-а.

Побуждение в случае урезонивания может быть направлено на прекращение чувства (и, как следствие, прекращение действия), либо непосредственно на действие, которое должно стать следствием прекращения испытывания чувства. При этом само действие или чувство, прекращения которого добивается Г, может оставаться имплицитным, быть ясным из ситуации, но то, что его надо искать, «домысливать», следует из самого употребления слов *урезонивать* / *урезонить*:

Уж не Бормотун ли их подослал? — спросил он с тревогой. — Да успокойся ты, — урезонил его Малафей. — Это друзья. Они пришли к нам изучать русский язык. Они и слыхом не слыхали, что тут у нас бесчинствует Бормотун (И. Токмакова. Станем грамотеями)

— здесь эксплицитными являются побуждение успокоиться и аргументы, которые должны успокоить А; действие, которое должно быть прекращено — это задавание вопросов.

Все было сделано, проверено и перепроверено, но Гавриил не мог усидеть на месте и метался по шалашу. — Отдохните, Гаврила Иванович, — урезонивал Захар; он набивал для поручика папиросы. — Еще часа четыре спокойно поспать можно, я разбужу (Б. Васильев. Были и небыли).

Здесь побуждение направлено непосредственно на действие, воздействие на чувства имплицитно, на поверхности оно проявляется в наречии *спокойно* (можно поспать *спокойно*).

Психуешь, парень, — урезонивал его бывалый каменщик Трифон из их бригады. — А ты не психуй, ты легче все бери. Второй срок — он для всех самый трудный, а дальше уже как по маслу. Верь слову: третий раз ухом не поведешь (И. Ратушинская. Одесситы)

— в глаголе *психовать* совмещается выражение действия и (отрицательной до ненормальности) эмоции, поэтому *не психуй* = ‘не испы-

тывай этих ненормальных эмоций и не совершай вызываемых ими действий’.

Утешил, успокоил, урезонил, подобно *объяснять / объяснить*, имеют как конативные: *Насилу / С трудом я его успокоил*, так и неконативные употребления: *Не пугайтесь, — сладко успокоил Коро- вьев, беря Маргариту под руку, — бальные ухищрения Бегемота, ничего более* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Глаголы *подбодрил, ободрил, обнадежил* не имеют конативных употреблений: **Насилу / еле-еле / с трудом я его ободрил / подбодрил / обнадежил; *Я его легко ободрил / обнадежил*. СВ этих глаголов имеет значение ‘сказал’: *Найдется, тогда посмотрим, — уклончиво обнадежил его следователь* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема), достигнута или нет цель речевого действия, остается (без уточняющего контекста) неизвестным.

7. Противопоставление НСВ и СВ в области перлокутивных глаголов¹⁶.

7.1. Значение НСВ перлокутивных глаголов.

Из всего спектра значений НСВ здесь будет рассмотрено значение, которое можно назвать неопределенно-длительным (куда как частные случаи входят актуально-длительное и конкретно-процессное значения [Шатуновский 2009: 24—26]). Это значение является наиболее характерным и специфичным для русского НСВ; помимо этого, именно это значение является стандартным для целенаправленных перлокутивных глаголов, которые в основной своей массе, в силу особенностей их значения, не могут нормально употребляться в значении повторяющегося действия и в (базирующемся на последнем) общефактическом значении: *‘Я много раз уговаривал его отдохнуть; ‘Вы когда-нибудь убеждали его, что Земля круглая?’¹⁷* Перлокутивный глагол НСВ в этом значении обозначает

¹⁶ Данный раздел основывается на статье: *Чжан Цзяхуа, Шатуновский И. Б.* Перлокутивные глаголы и вид в русском языке // *Scando-Slavica*. 2014, 60:2. С. 352—366.

¹⁷ Понятно почему. Целенаправленные конативные глаголы в резуль- тативном значении сами обозначают неопределенно повторяющийся ряд единичных «попыток», поэтому возникает проблема интерпретации

неопределенно-длящуюся последовательность высказываний, формирующих данное речевое действие, которое началось в неопределенный момент до того периода, который актуально представлен, введен перлюкутивным глаголом НСВ, и которое также закончится в неопределенный момент после этого периода. Начало и конец не отражены в тексте, в фокусе «серединная» его часть в процессе развертывания. С прямой речью *убеждать, уговаривать, упрашивать* и т. п. обозначают «поток» речи, цепочку РА / высказываний, направленных на достижение цели: каузировать А-а полагать, что Р / сделать Р.

Есть школа? Вот она, — убеждал он бригадира. — Значит, можно жить (Б. Екимов. Фетисыч); *Подумаешь, свадьба — это формальность. Приедет твой папа, мы все вместе посидим, — убеждал меня Володя* (Сати Спивакова. Не всё).

При этом эти высказывания могут следовать друг за другом в одном и том же конкретном дискурсе, формируя актуально-длительное (конкретно-процессное) значение (с синхронной точкой отчета), или же представлять последовательность на более высоком уровне абстракции, когда высказывания этого типа повторяются в различных следующих друг за другом дискурсах, в моменты времени, отделенные друг от друга, не смежные, отделенные пробелами, в которые происходят иные действия, тем самым переходя на уровень, приближающийся к повторяющемуся действию. Но это не повторяющееся действие в полном смысле слова, поскольку единичные действия, составляющие повторяющиеся действия, отделены и независимы друг от друга. Здесь же эти повторяющиеся действия образуют единый процесс, они объединяются общей целью, которую они достигают, если достигают, только вместе за счет суммы эффектов всех этих отдельных действий. Один раз сказал

неопределенного повторения, которое слабо отличимо от первичного повторения. Что касается повторения результативного употребления, то оно весьма ограничено прагматическими факторами: если человека один раз уже убедили, что Земля круглая, то бессмысленно убеждать его в этом еще раз, и если его уже единожды уговорили жениться / продать квартиру / купить пылесос и т. п., то редко когда появляется возможность и необходимость делать это вновь.

нечто с целью внушить / уговорить / успокоить и т. п., второй раз, третий... — и наконец, после какого-то повторения, внушил, но не последним только актом, а всей последовательностью, которые воздействовали на ум А, как капля (капля за каплей) точит камень, и наконец достигли результата — Г внушил А-у, что Р, уговорил его сделать Р, успокоил его:

«На самом деле — проблема в нас самих, в нашем безделье, лени, воровстве, тяге к кайфу и куражу. Выпендрож раньше нас родился и позже нас умрет, если мы за ум не возьмемся!» — внушал майор своим сотрудникам на пятиминутках (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

7.2. СВ перлокутивных глаголов.

Глаголы, обозначающие действия, не имеющие фиксированной цели, не имеют, что совершенно естественно, СВ со значением достижения внеязыковой цели и образуют СВ со значением ‘произвел целостное речевое действие данного типа’, ‘сказал’: *пожаловался, похвалил, похвастался, обругал* и т. п.

Целенаправленные перлокутивные глаголы обозначают одновременно два действия в соответствии с двумя целями высшего и низшего порядка, которые имеет Г, совершающий перлокутивное действие. С одной стороны, у него есть цель, намерение **сказать нечто** (посредством чего мог бы быть достигнут некоторый перлокутивный эффект). С другой стороны, у него есть цель, намерение **достичь определенного внеязыкового, перлокутивного эффекта** (сказав нечто). Соответственно, два действия, которые совершаются в ходе перлокутивного действия, это (1) речевое действие произнесения определенных слов, (2) действие осуществления (посредством произнесения этих слов) того или иного воздействия на А. Эта двуслойность проявляется в отношении образования СВ. Глаголы, обозначающие целенаправленные речевые действия, могут (теоретически, но не всегда фактически) иметь СВ двух типов: (1) ‘произвел целостное речевое действие данного типа’, ‘сказал с целью достигнуть некоторого внеязыкового результата’ (достиг или не достиг запланированного эффекта — неизвестно) (СВ₁); (2) ‘сказал и достиг внеязыкового результата, произвел запланированный эффект на А’ (СВ₂). (М. Я. Гловинская, выделившая эти типы употребления СВ,

называет эти значения соответственно иллокутивным и перлокутивным значениями СВ [Гловинская 2001: 278]). Тут возможны разные случаи. Некоторые перлокутивные глаголы имеют только СВ типа (1), другие — только СВ типа (2), третьи способны образовывать СВ обоих типов [Zhang 2003: 96—100]¹⁸. В связи с этим возникает вопрос о закономерностях распределения данных значений СВ между различными перлокутивными глаголами. Но прежде чем говорить о таких закономерностях, следует рассмотреть следующий вопрос: что значит в данном случае СВ со значением ‘сказал’? Почему некоторые перлокутивные СВ могут иметь такое значение, а другие нет, хотя и те, и другие — глаголы речи и в НСВ могут вводить слова, которыми совершается данное действие, — прямую речь? Это связано с грамматическим значением СВ. СВ, в одной из важнейших, может быть прототипической его разновидности, обозначает законченное целостное действие. И в речевом значении СВ обозначает ‘сказал’ = ‘совершил целостное законченное речевое действие’. Но что значит здесь «законченное»? В каком смысле? Что делает действие речи законченным? Законченным оно может быть только потому, что Г сделал всё, что возможно, для достижения результата, сказал все необходимые или положенные в данном случае слова и замолчал — другое дело, достиг он перлокутивного неречевого результата или нет, это уже зависит не только от того, что он сказал. И именно это и обозначает СВ в значении законченного произведения речи! Например: *Она ко мне по ночам является, — объяснил он милиционерам*

¹⁸ В работе М. Я. Гловинской отмечен только один перлокутивный (в нашем понимании) глагол, который имеет в СВ «иллокутивное» (как его называет М. Я. Гловинская) значение ‘сказал’ — *объяснить* [Гловинская 2001: 280]. В качестве глаголов, имеющих в СВ значение ‘сказал’, там же отмечены *просить* — *попросить*, *спрашивать* — *спросить* и т. п., однако это именно иллокутивные, в традиционном узком смысле, глаголы, обозначающие иллокутивные акты. Все иллокутивные глаголы, например, *приказал*, *пообещал*, *поздравил*, *сообщил* и т. п., имеют в СВ значение ‘сказал’; некоторые из них, например, *сообщил*, *пообещал*, *приказал*, включают в свое значение также указание на достижение результата, которое здесь является имплицативным компонентом [Karttunen 1971]. Результат здесь достигается как автоматическое следствие того, что Г сказал Р, просто в силу того, что Г правильно, с соблюдением всех условий успешности произвел соответствующий иллокутивный акт: *Г приказал А-у сделать Р* = ‘сказал... [и в силу этого А обязан сделать Р]’.

своё неожиданное признание (С. Любимов. Призрак убитой ошибся адресом). Здесь Г сделал всё, что мог, для «заполнения» диктального пробела в уме А и завершил тем самым своё речевое действие. Адресат мог принять или не принять это объяснение как истинное, но это уже другая история, это уже не зависит от речевого действия Г. Если А доверяет искренности, компетентности и т. д. Г, то он автоматически принимает Р в свою картину мира, если он не доверяет Г, то его объяснение как таковое, как объяснение — терпит неудачу. Конечно, Г может не успокоиться на этом и начать убеждать или уверять А в том, что Р, которое он привел в качестве объяснения, истинно, правильно, что он сказал правду. Но это уже **другие** перлокутивные действия — уверения или убеждения.

Как было сказано выше, в случае СВ₁ остается неизвестным, достигло ли действие запланированного внеязыкового результата. Ср.: *Почему? Как? Где я вообще? — У себя дома, — успокоил его Крячко* (Н. И. Леонов, А. В. Макеев. Гроссмейстер сыска) = ‘сказал с целью успокоить’₂, достиг ли результата, успокоил ли — неизвестно. Из более широкого контекста может быть ясно, что результат достигнут или не достигнут, но **об этом не говорит сама форма СВ** глагола:

Проходи, не стесняйся, — подбодрил я Мефодия, но ему это не помогло (Е. Прошкин) — результат не достигнут, аналогично: *Я не собираюсь бросать тебя по-настоящему, — утешил ее муж. Люся только моргала глазами* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха); *Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, стало топтание Михаила Ходорковского и загадочная смерть Юрия Щекочихина, — объяснил Рыбкин причины своего обращения к либеральным ценностям* (Р. Фаляхов, А. Матвеева. Березовский хотел сделать лицом партии Ельцина, но получился Рыбкин),

где иронический контекст показывает, что объяснение не принимается (= не достигло результата), и т. д. Возникает вопрос: почему форма СВ не может (в типичном случае) выражать одновременно значения СВ₁ и СВ₂, т. е. ‘сказал «Р» и достиг внеязыкового результата’? Употребление СВ должно быть мотивировано, но при этом достаточно **одной** мотивации. Если сказано, **что** сказал Г, то упо-

требление СВ уже мотивировано этим, этого уже достаточно, чтобы употребить СВ, поэтому из наличия формы СВ уже не следует, что действие достигло перлокутивной цели. И наоборот, если **не выражено** никак, **что** сказал Г (*Он успокоил ее*), то, следовательно, действие достигло внеязыкового результата — иначе употребление СВ не будет мотивированным.

Наличие у СВ глагола значения ‘сказал [с целью...]’ и ‘[сказал и] достиг внеязыкового результата’ связано с семантическим типом перлокутивного глагола, а именно его конативностью или неконативностью. Чисто конативные глаголы, а также неоднозначные в этом отношении глаголы в конативных употреблениях не способны иметь значение СВ ‘сказал’ и, соответственно, сочетаться с прямой речью: **Завтра будет хорошая погода, — убедил Машу Петя. Почему?* Потому что речевое действие, которое они обозначают, не может быть по своей природе целостным и законченным — **как** речевое действие. Все эти глаголы, как было отмечено выше, обозначают действие, достижение результата которым зависит не только от контролируемых субъектом усилий, но и от неподвластной ему удачи. Поэтому никогда нельзя знать, что сделано — в данном случае сказано — достаточно для достижения результата и больше ничего сделать нельзя — пока и если не достигнут результат. Когда, например, человека упрашивают, то это происходит так: его один раз попросили — он отказался (или ничего не ответил), его еще раз попросили, он опять отказался, его третий раз попросили он — отказался, и Г прекратил его просить (*не упросил*). Но ведь можно было бы попросить еще раз, и может быть, тогда А бы согласился — *его бы упросили*. Законченным этот процесс делает только достижение результата, которое «скрепляет» перлокутивную деятельность в единое законченное целое. Поэтому (однозначно) конативные глаголы имеют в принципе только СВ типа (2) — достижение внеязыкового результата: *На допросах Фома, видимо, убедил гестапо в том, что родители ничего не знали* (Д. Гранин. Зубр); *Доктор ... убедил его попробовать сделать операцию, сначала хотя бы на одном глазу* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница); *Эраст уговорил меня сыграть эту комедию* (Н. П. Брусилов. Легковерие и хитрость); аналогично *упросил поехать, отговорил ехать* и т. д.

Примечание: В предложениях с конативными СВ возможно совмещение в одном предложении или дискурсивном блоке того, что было сказано, с указанием на достижение результата путем «разведения» этих значений по разным глаголам: *Наконец / Насилу я убедил его поехать, пообещав / сказав, что там нас не задержат долго.* Здесь *убедил* является конативным глаголом и обозначает результат серии попыток, второй СВ вводит законченное высказывание, явившееся «последней каплей», приведшей к достижению перлокутивной цели. Аналогично: *«Меня на яйца сажать? Нету таких яиц, на какие бы я села! И вас всех чапельником побью и сама утоплюсь!» Насилу их урезонил.* *«Не топись, — говорю, — бабка Ульяна, все одно в нашей речке воды тебе не хватит утопнуть. Все это — брехня, кулацкие сказки»* (М. А. Шолохов. Поднятая целина).

Конативными глаголами являются (в случае перлокутивного действия) *просить* (= *упрашивать, выпрашивать*) и *умолять*. Поэтому как перлокутивные глаголы они имеют только СВ₂ — ‘достиг внеязыкового результата’: *(с трудом) упросил его приехать; выпросил книгу почитать; Догола хотели раздеть. Насилу умолил хоть белье оставить. Так в одном белье два квартала и шел* (П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени).

СВ со значением достижения внеязыкового результата могут иметь также глаголы, которые могут пониматься как в конативном, так и не в конативном значении — разумеется, в этом случае они понимаются в конативном значении. Это *уверить, успокоить, утешить, урезонить, объяснить, разъяснить, растолковать*:

Анатолий Иванович уверил меня, что вы можете все (А. Савельев. Аркан для букмекера);

Офицеры гвардии некоторые немножко было поспорили на этот счет, но Игельстром насунил брови, слова два-три произнес весьма увесистых и фанфаронов урезонил (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни...);

Спасибо, — говорю я. — Ты меня здорово утешил (М. Петросян. Дом, в котором...) и т. д.

— здесь характеристика степени результата (*здорово*) предполагает его достижение.

Как отмечалось выше, достижение результата и тем самым конативность глагола могут быть подчеркнуты употреблением обстоятельств *с трудом, насилу, еле, еле-еле, легко, без труда* и т. п.:

Алёнка в слёзы — возьмём с собой в санаторий, вдруг это наш. Насилу объяснил, что мы уже километров двести проехали, не мог Тигра столько пробежать (М. Мартова. Солнечные коты);

Светка стала бояться самолетов. Пристала ко мне, чтобы я ехал поездом. Еле-еле я ее успокоил (А. Адамов);

Он кое-как растолковал солдатам, что для ускорения дела они должны осмотреть дворовые постройки, а он тем временем осмотрит дом (М. Бубеннов. Белая береза).

Поскольку понимание в результативном значении исключает прямую речь, при наличии которой СВ понимается в значении ‘сказал’ (достиг ли результата — неизвестно), соединение в одном предложении обстоятельств, сигнализирующих о достижении результата, и прямой речи делает предложение аномальным: **Не мог он столько пробежать, — насилу объяснил я ей; Почему? Как? Где я вообще? — У себя дома, — *без труда успокоил его Крячко*.

И наоборот, неконативные глаголы и неоднозначные в этом отношении глаголы в неконативных значениях имеют значение ‘сказал’, вводят прямую речь и не обозначают достижение внеязыкового результата. В значении СВ₁ — ‘сказал’ — помимо упомянутых выше *объяснить, успокоить, утешить, подбодрить*, регулярно употребляются также следующие перлокутивные глаголы: *уверить, разъяснить, растолковать, ободрить, обнадежить, подначить, урезонить* и др. Например:

Смотри, какое чистое небо. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, — торжественно разъяснил дядя, — что завтра будет замечательный день, ясный, тихий, тёплый, и мы с тобой пойдём ловить птиц (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом);

А что вы жарили? — Ландорики. — Это что? — Берешь хлеб, — растолковал я, — нарезаешь тонко — и жарить... (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет);

Ну что вы, конечно, нет! — уверил меня адвокат. — По правилам юриспруденции теперь каждый шаг должен быть официально согласован между обеими сторонами! Но меня почему-то это заявление не успокоило. Я продолжал волноваться (А. Тарасов. Миллионер);

Ксюша! — урезонил ее мужчина. — Я же тебе сказал: если бы она была при чем, она бы на телевидение не писала! Ксюшу этот довод слегка утихомирил, но она продолжала враждебно и недоверчиво осматриваться, будто подозревала, что Виктора (то есть Георгия) где-то прячут (А. Слаповский. Синдром Феникса);

Мучают детей в такую даль... да в такую жару... Казня... Как тебе ловчей подсказать... — Пойди да отведи, — подначил ее насмешливый супруг (Б. Екимов. На хуторе);

Всё пройдет как по маслу, — потирая руки, подбодрил друга Женька (Т. Крюкова. Борец за права человека);

Найдется, тогда посмотрим, — уклончиво обнадежил его следователь (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема).

Если глагол не способен иметь конативного значения (употребления), то он не может иметь и значения достижения внеязыковой цели (СВ₂): *Он с трудом пояснил, что приехал сюда из Омска; *Он с трудом / еле-еле / без труда обнадежил / подбодрил / ободрил его и т. д. Аналогичная ситуация с неконативными значениями двусмысленных в этом отношении глаголов: если контекст ясно показывает, что действие неконативное, то СВ не обозначает достижение внеязыковой цели: *Он легко объяснил ему, как доехать до Коньково — или аномально, или объяснил понимается как конативный глагол, объяснить, что в данной ситуации тоже странно. Видимо, СВ способен обозначать достижение цели только в том случае, если это достижение является результатом (пусть и вероятностным, то есть оно частично зависит от действий Г, а частично от факторов, неподконтрольных Г) действий, усилий Г. Если достижение или недостижение цели зависит от позиции А-а, на которую Г данным действием никак не может повлиять, то оно не входит в семантику СВ данного действия, видимо, потому, что тут уже нет каузальной

связи с этим действием. Это уже другая «история», которая проходит целиком в уме А. При этом неконативные перлокутивные глаголы и значения имеют СВ ‘сказал’ и не указывают на достижение внеязыковой цели не только в сочетании с прямой речью, но и **без таковой** — в сочетании с косвенными вопросами, обозначающими объясняемую «область», тему, и в случае внутриглагольного указания на цель (*ободрить, подбодрить, обнадежить*, и т. д.). Подчеркнем, что это не означает, что цель этих действий не достигнута, вне особого контекста это остается просто неясным, контекст может обеспечивать как результативное в этом смысле, так и нерезультативное понимание. Например: *Только мы с ним по первой выпили, смотрю, что хозяин мой как-то мнетя, вроде спросить чего-то хочет. Я его подбодрил и тут выяснилось, что предметом застенчивости служит желание узнать поподробней о моей научной работе по разведению и транспорту термитов на Варьеганской КС (С. Эйгенсон. Сельхозработы) — контекст — выяснилось, что... — показывает, что подбадривание было успешным; Он нас, конечно, подбодрил и сказал, что завтра придет за нас болеть. Что ж, спасибо, хотя спокойствия нам это как-то не прибавило. Наоборот, он-то нам понравился, а мы ему? (М. Козаков. Актерская книга) — а здесь ясно, что результат не достигнут; Я сидел у себя в комнате, когда ко мне заглянула Зоя Михайловна. — Ну, что, что они сказали? — едва выговорила она, со страхом заглядывая в мое лицо. Я обнадежил ее, как умел. Она тихо взяла меня за руку и с умоляющим видом спросила: — Вы правду говорите? Он будет жить? (К. М. Станюкович. Оригинальная пара) — здесь также видно, что цель не достигнута, А сомневается и переспрашивает.*

Возможно, это объясняется тем, что в этих случаях в самой основе глагола, которая имеет достаточно конкретный характер, и без прямой или косвенной речи в каком-то смысле содержится информация о том, что сказал С: ‘сказал нечто ободряющее / обнадеживающее’. Ср. также:

Академик Опарин, например, уже объяснил, каким образом живая материя произошла от неживой посредством электрического разряда, вышибаемого с помощью учения Маркса — Энгельса в сторону первичного бульона из идеологически верных молекул белка (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого),

где в придаточном предложении указана не только тема объяснения — что объяснил — объяснил, каким образом произошла живая материя, но и его содержание — что он сказал: *≈ объяснил, что живая материя произошла от неживой посредством электрического разряда, вышибаемого с помощью учения Маркса — Энгельса в сторону первичного бульона из идеологически верных молекул белка*. СВ здесь значит ‘высказал, предложил законченное объяснение’, результата это объяснение, как показывает ирония автора, не достигло.

Однозначно на достижение результата эти глаголы указывают в тех случаях, когда ободряют и т. п. не высказыванием, но чем-то еще: *Этот дружеский разговор подбодрил* (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца) — скорее всего = то, что разговор был дружеским; *Горячий и возбужденный тон молодого грузина, уверенного в себе и в своих силах, подбодрил и Кочерова* (Валентин Курицын. Томские трущобы). В этих случаях, поскольку невозможно понимание ‘сказал’, это единственно возможная интерпретация СВ.

Различия между конативными и неконативными перлокутивными глаголами и соответственно СВ₁ и СВ₂ проявляются и в их взаимодействии с отрицанием. Нормальное стандартное отрицание имеют СВ конативных глаголов (СВ₂) — отрицается достижение внеязыкового результата, то, что Г совершал речевое действие, является пресуппозицией: [убеждал, но] *не убедил*, [объяснял, но] *не объяснил*, [угваривал, но] *не уговорил*: *Вы меня не убедили!*¹⁹ СВ₁ не имеет нормального отрицания (как и все глаголы, вводящие прямую речь: **Он не сказал ему: «Завтра будет хорошая погода»*).

¹⁹ В некоторых контекстах возможно и неконативное отрицание — отрицание совершения действия вообще: *Почему ты не убедил его поехать? Почему ты не уговорил его отложить поездку?* (отмечено Чжан Цзяхуа). Это очевидно связано с контекстом вопроса о причине (= мотиве) несовершения действия. Вопрос о мотиве, основании совершения или несовершения действия — это вопрос о **выборе** волей субъекта этого действия, а выбор может касаться только действия в целом. Невозможно выбрать начать делать Р, но не достичь результата, поскольку последнее уже зависит от внешних обстоятельств, но не от воли субъекта.

7.3. Внушить, настоять и втолковать. Особая ситуация с глаголами *внушить, настоять* и *втолковать*. Это, казалось бы, типичные конативные глаголы, и в подавляющем большинстве употреблений — свыше 99 % примеров в «Национальном корпусе русского языка» — СВ этих глаголов имеет закономерное для них значение достижения результата:

Алла долго не могла втолковать маме, что от музыкантов отнюдь не требуется поселяться в Липецке (А. Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна);

Один из милиционеров настоял, чтобы ему показали личные вещи, и перетряс сумки пассажиров (Л. Шарова. Трассовики);

Кто-то ей очень ловко внушил, что люди искусства — это совсем особенные люди (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора).

В то же время эти глаголы, вопреки языковой интуиции автора (я бы так не сказал), как показывают материалы «Национального корпуса», хотя и чрезвычайно редко, в сравнении с СВ₂, менее 1% от всех примеров в Национальном корпусе, могут, тем не менее, иметь значение ‘сказал с целью внушить / настоять / втолковать’ [Zhang 2009]. Это означает, разумеется, что в этих употреблениях они не являются конативными. Наиболее часто (в сравнении с двумя другими глаголами) в таком значении употребляется *внушить*:

*Николка резко оборвал маршрут, двинул поперек тротуара, напер на кадетика грудью и сказал шепотом: — Бросайте винтовку и немедленно прячьтесь. Кадетишка вздрогнул, испугался, отшатнулся, но потом угрожающе ухватился за винтовку. Николка же старым испытанным приемом, напирая и напирая, вдавил его в подъезд и там уже, между двумя дверями, **внушил**: — Говорю вам, прячьтесь. Я — юнкер. Катастрофа* (М. А. Булгаков. Белая гвардия);

*Положив руку на голову мою, дед согнул мне шею. — Слушай его, он тебя старше и по годам и по должности... А Саша, выкатив глаза, **внушил** мне: — Помни, что дедушка сказал!* (М. Горький. В людях);

*После кадрили мать отозвала Лину. — Ты с Тищенко много не танцуй, — **внушила** она, — он, конечно, недурен собой и умеет держаться в обществе, но он женатый, хоть и врозь с*

женой живет. Про него ходят нехорошие слухи. Нечего тебе, девушке, с ним знаться. Дурные люди сплетки по знакомым разносут, да и сам голубчик — известный сахар-медович: втрое нахвастает... (А. В. Амфитеатров. Разрыв).

Аналогичное употребление в ситуации актуального настаивания на выполнении А-ом непосредственно предстоящего актуального действия имеет и *настоять*:

*И я согласился, что обозначу его N. Нет, **настоял** он, не N. Дадим ему фамилию, допустим, Демочкин, Макар Евгеньевич Демочкин, чтобы не думали, не гадали, не занимались поисками* (Д. Гранин. Зубр);

*Неразбериха, ругань... и тут меня осенило. Связался с начальником штаба: «Меряйте давление воздуха!». А он в ответ: «Да что его измерять, обычные условия стрельбы». Я **настоял**: «Мы же на высоте 1 км над уровнем моря, давление низкое и воздух разреженный... надо вносить поправки в расчеты». И точно... давление оказалось намного ниже нормы. Как только внесли поправки — колонна боевиков была тут же уничтожена* (О. Березовский. «Я подам в суд на Путина»);

*Первую — за «Всеобщую»! — возгласил Хламида. Не чокайся, — тихо добавил Горбунов. — Чокайся! — громко и властно **настоял** председатель* (Д. Быков. Орфография).

Наиболее редким и окказиональным является употребление в значении ‘сказал’ СВ *втолковать*. В НК зафиксирован лишь один бесспорный пример такого употребления:

*Менеджер аж посинел и стал объяснять, что деньги им дают не по общей ведомости, а в индивидуальных конвертах как раз для того, чтобы никто ничего друг про дружку не знал и друг дружке не завидовал. — А ты плати всем поровну, вот и не будут завидовать! — не сдержался, наругал Ухогорлов. — Поровну — это справедливо, это по-нашему, — **втолковал** Горлоносов. Менеджер аж побагровел и ... на чуть повышенных тонах стал объяснять, что по-нашему в этой фирме быть не может, а может быть только по-ихнему, по-иноземному* (А. Инин. Умом Россию не понять).

При этом достижение внеязыкового результата уже не обозначается глаголом, СВ закономерно «умалчивает» об этом, как и во всех других случаях, когда перлокутивный глагол СВ вводит прямую речь. Исключение из этой закономерности представлено в следующем примере:

*Ладно, сделаем так, — все-таки сдался Служкин. — Вы читаете учебник и во вторник пишете самостоятельную. Вопросы будут сложные, на понимание. Кто напишет на «пять» — тех беру в поход. [...] Виктор Сергеевич, вот список тех, кто пойдет в поход. — Овечкин просунул между чужих локтей мятую бумажку с фамилиями. — Во вторник узнаем, кто пойдет, — **настоял на своем** Служкин (А. Иванов. Географ глобус пропил),*

где (как нам кажется, согласно нашей языковой интуиции, которой после появления «Национального корпуса» стало трудно доверять, поскольку в корпусе можно найти что угодно), что не только слова были сказаны, но и был достигнут внеязыковой результат.

ГЛАВА 13

Язык и действия мысли

1. Введение. Мысль в жизни и в языке.

Проблема связи языка и мышления — одна из вечных проблем философии, логики, психологии, а также, и не в последнюю очередь, языкознания. Является ли язык орудием мышления? Возможно ли мышление без языка? Каковы виды мышления и как эти виды связаны с языком? Обусловлено ли мышление языком вообще или же оно обуславливается каждым конкретным естественным языком? На эти вопросы давались и даются самые разные ответы. Можно привести множество свидетельств людей, в том числе таких авторитетных, как А. Эйнштейн, утверждавших, что они мыслят только образами (см. [Пинкер 2004: 59—60]). (При этом мышление образами не исключает мышления словами, поскольку значением слова может быть образ — в том или ином смысле и виде.)

Можно привести едва ли не большее число вариаций на тему: «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [Выготский 1996: 306] (Выготский, впрочем, чрезвычайно непоследователен в этом отношении). О языке как «органе мысли» говорили В. Гумбольдт [1984: 75], Э. Сепир [1993: 37, 197], Г. Г. Шпет [1989: 397—398], В. А. Богородицкий («Наш язык служит не только для

выражения мыслей, он в значительной мере является и о р у д е м м ы с л и » [1911]) — полный перечень включает сотни известнейших имен философов, психологов, логиков и лингвистов. Существуют также промежуточные подходы, заключающиеся в том, что мы мыслим с помощью языка, но особого языка мысли, некоторого мысленного кода (мыслекода), отличного от обычного языка [Жинкин 1998: 150—159; Караулов 1987: 184—210; Fodor 1975; Пинкер 2004: 70; и др.] Ну, и, разумеется, существует и «примирающий» эти подходы ответ, сводящийся к тому, что иногда мышление протекает с помощью слов, а иногда посредством образов. «Да, это было бы весьма просто, если б высший и низший этажи “разговаривали” бы на одном языке. Однако “обитатели” этих этажей не имеют одинаковой речи. Высший этаж мыслит словами. Низший этаж мыслит образами» (М. Зощенко. Перед восходом солнца). Проблема очевидно усугубляется тем, что мысль — это ЧРЕЗВЫЧАЙНО размытое и широкое понятие, точнее область, «пучок» различных плохо дифференцированных понятий и понимается чрезвычайно широко и чрезвычайно по-разному (см. [Морковкин, Морковкина 1997: 14, 17]). В самом широком понимании мысль — это любой отдельный фрагмент человеческого потока сознания и, шире, ума человека, а также любое действие ума. (Поток сознания — актуален, содержание человеческого ума может быть и неактуальным, не быть в фокусе человеческого сознания.) Ср. формулировку Ш. Балли: «Предложение — это наиболее простая возможная форма выражения мысли» [1955: 43], а также школьное: «**Предложение** — это слово или группа слов, которые выражают законченную мысль» — но только в чрезвычайно широком и точно не определенном смысле. Подобное чрезвычайно широкое, безбрежное понимание мысли и мышления вообще характерно для работ различных направлений, рассматривающих взаимоотношения языка (речи) и мышления, начиная с В. фон Гумбольдта, включая Э. Сепира, Б. Уорфа, Л. С. Выготского, С. Д. Кацнельсона, Г. П. Щедровицкого ... и многих других и заканчивая современными представителями когнитивной лингвистики, см., например материалы сборника «Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика» [Кибрик, Кошелев 2015]. Разумеется, для такого понимания есть хорошие основания. Обычный язык не имеет столь широкого обозначения, поскольку оно не нужно, оно ничему не противопоставлено в обыденном дискурсе, где не говорят о

вещах столь абстрактных, но оно необходимо в дискурсе научном. Поэтому берется и растягивается до чрезвычайности естественно-языковое значение слова *мысль* (и его эквивалентов). (Другой путь преодоления недостаточности естественного языка — это «изобретение новых слов для новых идей» [Пирс 2000: 162] — способ, который предпочитал Пирс, предложивший, в частности, термин *фанерон*²⁰ для обозначения всего того, что представлено уму, но в данном случае общенаучное употребление не пошло по этому пути.) Однако то, что хорошо для одной цели, является помехой для достижения другой, а именно: изучения специфики мысли и значения слова *мысль* (и других слов этого круга) в узком и собственном (обыденно-языковом) смысле слова.

Наш подход — чисто лингвистический. Исходным пунктом и точкой опоры в нашем исследовании мысли будет естественный язык (точнее, «речезык» [Шатуновский 2001: 339]), без четкого разделения на язык и речь, *competence and performance*, как это уже принято в когнитивной лингвистике [Dickey 2015: 79]. С этой точки зрения, мысль — это то, что, в соответствии с уже традиционным подходом в лингвистической философии, в естественном, обыденном, не научном русском (английском, французском, китайском и т. д.) языке **называется** мыслью (= то, что может замещаться анафорически и предвосхищаться катафорически словом *мысль*), а также то, что **вводится глаголами мысли**, такими как *думать / подумать, мыслить / помыслить* и т. д., и соответствующими глаголами в других языках. О каких-то предложениях в тексте сказано или может быть сказано *мысль, пришла в голову мысль, подумал, думала* (в значении акта или процесса мысли, выделение этого значения и отделения его от других значений этих глаголов — отдельная проблема) и т. д., а о других — нет, ср.:

(1) *Однако в то же время неприятное облачко набежало на его душу, и тут же мелькнула змейкой **мысль** о том, что не про-*

²⁰ «[B]y the phaneron I mean the collective total of all that is in any way or in any sense present to the mind, quite regardless of whether it corresponds to any real thing or not. If you ask present when, and to whose mind, I reply that I leave these questions unanswered, never having entertained a doubt that those features of the phaneron that I have found in my mind are present at all times and to all minds» [Peirce 1931, paragraph 284].

писался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного, ибо и такие примеры в жизни бывали (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Неужели он читал Кафку? — подумал он; Кто же на самом деле стрелял в миссис Смит? — думал детектив Эркюль Пуаро; Быть может, эти электроны — миры, где пять материков; Как она похожа на мать! — подумал он — все это мысли; и*

(2) *Маша учится в МГУ, — *подумал я; Здесь холодно, — *подумал он; Маша жена Пети — *пронеслась в голове у него мысль; Завтра я еду в Киев / Я люблю помидоры / Она так похожа на мать! — *подумал я; Что случилось? Вы сломали **НОГУ?***

и масса других предложений — не мысли. Первые входят в особую область **языка мысли**²¹, а вторые — нет²².

Как видно уже из этих примеров, язык мысли имеет свои собственно языковые, формальные (существует своего рода «грамматика мысли») и семантические особенности, которые могут и должны быть предметом изучения. В то же время, изучая эти особенности, мы изучаем не просто слова и конструкции, мы изучаем, используя выражение В. Пелевина, «сделанные из слов мысли» (В. Пелевин. Отель хороших воплощений). Поэтому изучение этих особенностей будет способствовать решению «сверхлингвистической» сверхзадачи: выяснению того, **что** есть мысль и каковы ее виды (по крайней мере, та мысль и те ее виды, которые «сделаны из слов»).

Язык мысли как предмет изучения имеет две стороны. С одной стороны — это язык **описания** мыслей. И это то, что нам непосредственно доступно, это уже зафиксированные в письменном виде мысли. Однако можно с уверенностью предположить, что эти описания сохраняют какие-то важные особенности того, что описывается, а именно самого акта или процесса мысли. Сквозь опи-

²¹ Здесь можно также говорить об особом «мыслительном регистре» языка / речи, противопоставленном информативному и др. регистрам, выделенным в [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 32—33].

²² Мы говорим о стандартном, первичном употреблении этих высказываний. Для каких-то из них могут быть найдены контексты, ситуации, в которых они будут являться мыслями. Но это само по себе только подтверждает указанное выше различие: в таких-то ситуациях это не мысли, а в таких-то — мысли.

сательный слой здесь «просвечивает» сам акт или процесс возникновения мысли²³. Это особенно очевидно в тех (преобладающих) случаях, когда мысль выражается посредством прямой речи (в данном случае лучше говорить о «прямой мысли»). В случае прямой или несобственно-прямой мысли мысль совершается / совершалась именно теми словами и в том виде, какими и в каком она описана. Об этом как раз и говорит ее описание посредством прямой речи и в кавычках. Это дает возможность изучать язык мысли и с другой стороны — как язык **совершения** мыслей.

Примечание. Подчеркнем отличие нашего подхода от сходного терминологически, но не по существу подхода к «действиям мысли» в работах Н. К. Рябцевой [Рябцева 1992; 1993; 2005, гл. 14; и др.]. Н. К. Рябцева рассматривает в качестве «действий мысли» «ментальные перформативы», как она их называет, играющие важную роль прежде всего в научном дискурсе, организующие научный дискурс слова и словосочетания, такие как *будем считать, следует помнить, можно сделать вывод, обосновать, определить, суммировать, постулировать* и т. п. Предметом нашего исследования являются действия мысли, совершаемые всеми людьми в рамках обыденного естественного языка в самых различных жизненных ситуациях. Аналогично, следует различать *действия мысли* и *речемыслительные процессы* — термин, который использовался С. Д. Кацнельсоном [Кацнельсон 1984] и его последователями в гораздо более широком смысле: для обозначения деятельности и процессов порождения речи вообще, любых высказываний, в которых, разумеется, принима-

²³ Ср.: «Процесс М. [мышления. — *И. Ш.*] становится доступным для анализа и исследования, когда его удастся представить в виде дискурса, зафиксированного в текстах» [Новейший философский словарь 1998: 450]; «...Мышление является такой стороной общественной деятельности человека, которая сама по себе недоступна непосредственному восприятию. В то же время знание о мышлении, как и всякое другое знание, возникает и может возникнуть, очевидно, только из чего-то непосредственно данного, непосредственно воспринимаемого. Таким непосредственно данным материалом, на основании которого можно исследовать мышление, служат все внешне выражаемые элементы поведения людей. Но самыми удобными среди них для такого рода исследований являются речь и ее продукт — язык» [Щедровицкий 1957].

ют участие механизмы, относящиеся к мышлению в самом широком смысле этого слова.

Заметим, что мы здесь не касаемся вопроса, возможно ли мышление без языка. Для нас достаточно того, что, как показывают описания мысли в текстах, мысль в огромном количестве случаев совершается посредством языка. Во многих случаях это очевидно, поскольку без слов подумать это невозможно: «Say: “Yes, this pen is blunt. Oh well, it’ll do.” First, thinking it; then without thought; then just think the thought without the words» [Wittgenstein 1953: 330]. Попробуйте также в качестве мысленного эксперимента подумать то, что думали герои в примерах ниже, без слов *немец*, *поляк* и т. п.: «*Немец*», — *подумал Берлиоз*. «*Англичанин*, — *подумал Бездомный*, — *ишь, и не жарко ему в перчатках!*» ... «*Нет, скорее француз...*», — *подумал Берлиоз*. «*Поляк?*» — *подумал Бездомный* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). То, что мышление совершается посредством языка, еще более очевидно и наглядно в тех многочисленных случаях, когда человек по тем или иным причинам мыслит вслух: *У свиней был и у нас, на ферме. — Видно, по работе... — вслух подумал Моргун* (Б. Екимов. Пиночет / НК). Об этом же свидетельствует тот факт, что наиболее близкими синонимами к *подумать* являются *сказал сам себе* — неважно, вслух или в виде внутренней речи — или *сказал про себя*: «*Нет, этого мы приятелю и понюхать не дадим*», — *сказал про себя Чичиков...* (Н. В. Гоголь. Мертвые души) = *подумал Чичиков*.

В качестве аргумента против возможности языкового мышления приводится наличие в естественном языке анафорических (корреферентных) и дейктических обозначений [Пинкер 2004: 68]²⁴. Однако и прежде всего: такие обозначения **фактически** широко используются в мысли. Например: — *Граната без чеки в сумке?* — *спросил ефрейтор. Домешек кивнул и, схватившись за голову, сел прямо в снег. — Почему же она не взорвалась? — вслух подумал Саня. — Наверное, трубку взрывателя прижало* (В. Курочкин. На войне как на войне / НК). И это как раз и свидетельствует о том, что

²⁴ В работе Пинкера мысль понимается в отмеченном нами «безбрежном» смысле, что, впрочем, здесь не очень существенно, постольку поскольку мысль в широком смысле включает и мысль в узком смысле, о которой мы здесь говорим.

мышление осуществляется посредством языка. Такие обозначения были бы не нужны и невозможны, если бы мысль осуществлялась без помощи языка, ведь в такой гипотетической чистой мысли им не соответствовало бы ничего, что отличалось бы от прямых образов соответствующих реалий. Но если мысль осуществляется посредством языка, то естественно, что субъект использует для обозначения, «возбуждения» в уме соответствующих концептов, из которых строится мысль, анафорические или дейктические языковые средства, отсылающие к тому образу, концепту, который был активирован в предшествующем дискурсе или присутствует непосредственно в ситуации. Ведь и при обычном, коммуникативном употреблении языка эти средства обозначают что-то, так почему бы им не обозначать это же и при выполнении мыслительной функции?

В связи с рассмотрением языка мысли возникает вопрос о его соотношении с **внутренней речью**. В соответствии с широким подходом к мысли и мышлению внутренняя речь и мысль традиционно отождествляются или, по крайней мере, четко не разграничиваются. А разграничивать их необходимо. С одной стороны, мысль очень часто, может быть даже, в типичном случае, совершается в виде внутренней (беззвучной) речи. Это возможно потому, что у мысли нет адресата, поэтому она не нуждается в том, чтобы быть воплощенной в звуки. Однако собственно для мысли это не существенно. Она может происходить и в звуковой форме, вслух: *А ежели Дунька не скажет никому? — думал он вслух. — И никто бы ничего не узнал. Но эта мысль обрывается в самом начале* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Озорник / НК). Однако у мысли, совершаемой вслух в присутствии потенциального адресата, может появляться **дополнительная функция сообщения** этой мысли А-у. Ср. обмен мыслями вслух в примере ниже:

Это как-то не вяжется, — вслух подумал Арефьев, — киллеры на месте убийства стараются ничего не оставлять. Тем более трупы своих людей. — Возможно, им кто-то помешал, а может, не хотели обременять себя убитым, — высказал здравую мысль один из акционеров, еще достаточно молодой, с широкими плечами блондин (А. Ольбик. Схватка).

Здесь мысли совершаются и одновременно сообщаются их субъектами — типичный случай в смешанном коммуникативно-мыслительном дискурсе. С другой стороны, внутренняя речь может не быть средством мысли, но выполнять другие функции — в том случае, например, если внешнего адресата нет и Г обращается сам к себе. Так, Г может убеждать, уверять в чем-либо сам себя, внушать нечто самому себе, и это может делаться и обычно делается посредством внутренней речи:

«Папа жив, — внушал я самому себе, — попал в плен раненый, оказавшись в окружении, случилось же такое с дядей Хаимом. А после войны — скитания перемещенного лица: Европа, Новый Свет, Австралия... Где-то мыкается, тоскуя обо мне, о страхе, о матери... Пусть!» (П. Сиркес. Труба исхода / НК); *«Азы надобно постигать, азы! — убеждал он себя. — Все сложное из простого вытекает»* (Б. Евсеев. Евстигней / НК).

Он также может обращаться посредством внутренней речи к тем, кто способен «слышать» внутреннюю речь — к Богу, чародеям, тлепатам и т. п.:

И вдруг заметил в зеркальце, как гашиник напряжился весь и, замерев на месте, потянулся к оружию. «Господи, пронеси!» — в панике подумал Андрей Николаевич (А. Азольский. Лопушок / НК).

Лингвистическое изучение языка мысли имеет две стороны, различные, но неразрывно связанные и обуславливающие и уточняющие друг друга. С одной стороны, это изучение **глаголов мысли** (и глагольных сочетаний), в русском языке это прежде всего прототипические и наиболее частотные глаголы *думать / подумать*. Глаголы мысли и слово *мысль* вводят мысль. Но **сама мысль** описывается высказыванием (предложением), которое эти слова вводят / к которому они анафорически или катафорически отсылают. Поэтому исследование мысли в данном аспекте — это исследование структуры (грамматики) и семантики предложений, посредством которых описывается и совершается мысль.

Заметим, что области, выделяемые словом *мысль* (см. [Кобозева 1993; 2003: 32—35; Урысон 1997]), и области, выделяемые глаголами мысли, не совпадают полностью. В целом область слова *мысль* шире, чем область, выделяемая глаголами мысли. В центре нашего внимания будет та наиболее безусловная область мысли, которая находится на пересечении областей, выделяемых словом *мысль* и глаголами мысли. При этом главным объектом исследования будут именно глаголы (прежде всего, *думать /подумать*) и глагольные сочетания мысли, с одной стороны, и то, что вводится этими глаголами (сами мысли), с другой. Глаголы вводят первичные мысли, слово *мысль* является номинализацией этих глаголов и того, что они вводят, и поэтому имеет вторичный характер.

Важным моментом, который необходимо учитывать при исследовании глаголов мысли и самой мысли в русском языке, является наличие в русском языке категории вида. Аспектуальные значения СВ и НСВ накладываются на семантику глаголов мысли, СВ и НСВ вводят разные типы мыслей, с одной стороны, с другой — само противопоставление СВ и НСВ наполняется в этой сфере особым содержанием. Эти глаголы, как и другие ментальные глаголы, характеризуются нестандартными видовыми соотношениями [Булыгина, Шмелев 1997: 151—166], переход от НСВ к СВ часто переводит глагол в вообще принципиально иной семантический тип. При этом иметь 2 различные формы вместо одной — это большая удача, поскольку формально-семантическая дифференциация, связанная с противопоставлением в русском языке СВ и НСВ в области мысли, проливает, по сравнению с языками, не имеющими такой категории, дополнительный свет на объективное устройство субъективного царства мыслей.

2. *Думать / подумать* как базовые глаголы мышления в русском языке.

2.1. Значение деятельности мышления.

Прототипическими и наиболее частотными глаголами мысли в русском языке являются глаголы *думать / подумать*. Помимо значения мысли, эти глаголы имеют и другие значения, прежде всего значение мнения. Глагол НСВ в значении мысли может обозначать

процесс (деятельность) мышления (*думать*₁), и в этом значении он не отличается принципиально от глаголов, обозначающих физические действия / процессы. Значение НСВ в этом случае соответствует стандартному актуально-длительному (конкретно-процессному) значению НСВ: глагол обозначает однородную длящуюся деятельность (процесс), некоторое длящееся неизменное положение вещей, с тем только отличием, что эта деятельность мыслительная: *Профессор сел у стола на диван, уставился незрячим взглядом в круглые пятна на блестящей поверхности, думал* (В. Быков. Бедные люди / НК). Для того чтобы интерпретировать эту деятельность как однородную, необходимо отвлечься от содержания производимой в результате этой деятельности мысли — пропозиция (Р), которая формируется в этом случае в уме субъекта (С), не может быть выражена, поскольку сама мысль, производимая в уме С, не является однородной. При этом *думать*₁ имеет валентность на обозначение объекта (темы) мысли, того, **о чем** думает С, поскольку этот объект никак не изменяется в ходе мыслительной деятельности: *Я все эти дни думала о вас, — продолжала она нервно* (А. П. Чехов. Ионыч). Объект (тема) мысли может быть выражена косвенным вопросом: *Я думал уж о форме плана и как героя назову* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин) = *Я уже думал о том, как я назову героя*. Содержание мысли здесь не раскрывается, что именно думал С о форме плана, каковы были варианты имени героя, остается неизвестным.

*Думать*₁ разделяет свойства других стандартных конкретно-процессных глаголов: сочетается с обозначениями длительности: *Долго думал о том / над тем, как..;* *Целый вечер думал о чем-то, лежа на диване*; имеет все формы времени, в том числе форму будущего времени: *Царь (думу) думать будет!*; сочетается с кванторами, имеет значения повторяющегося и дистрибутивно-повторяющегося действия: *Часто / Иногда / Каждый вечер он думал о Кате; «Думают ли животные?»* (название док. фильма) и т. д.

*Думать*₁ имеет стандартную делимитативную пару *думал*₁ — *подумал*₁ (некоторое время):

Посидел, подумал немного, затем встал и пошел дальше; Слёзкин усмехнулся одной правой щекой. Подумал. Вспыхнуло вдохновение (М. А. Булгаков);

Лейтенант постоял, подумал, глядя на вдохновенную работу сортировщиц, шмыгнул остреньким носом, приложил ладонь ко вбок зачёсанной, блёклой, вроде как мокрой чёлочке и добавил, удаляясь: — Пришлют ещё бойцов, добавлю и второго... (В. Астафьев. Обертон / НК).

Деятельность мышления, как она представлена в паре *думать*₁ — *подумать*₁, является (в какой-то степени, частично) **контролируемой**, она может начинаться, осуществляться и прекращаться по воле, выбору субъекта. Человек может заставлять себя думать или не думать о чем-то, направлять умственные усилия на решение какой-то проблемы и т. д. Контролируемость *думать* и его СВ коррелята *подумать* проявляется в возможности образования императивов: *Думай, думай!* / *Подумай над этим!*, а также возможности планирования этой деятельности и принятия обязательств, касающихся ее совершения: *Обещаю, что я подумаю* / *Я подумаю над вашим предложением*. В то же время это контроль неполный: иногда трудно, часто невозможно заставить себя думать о чем-то и еще труднее не думать о том, о чем не хочется думать.

Помимо относящегося к регулярному типу *подумать*₁, *думать* деятельности мышления дает и ряд нерегулярных дериватов с идиоматичным значением: *Он задумался*₁ — ‘начал думать и думает’ (тип СВ: ‘не Р — Р...’ [Шатуновский 2009]); *Задумался*₂ и *проехал остановку* ≈ ‘начал думать, думал и настолько глубоко погрузился в процесс размышлений, что перестал замечать окружающее и контролировать свои поступки’ (в толковых словарях это значение не отмечено). НСВ *задумываться*, формально производный от *задуматься*, функционально-семантически соотносится с *думать* деятельности, образуя НСВ с общефактическим значением (потенциально дистрибутивно повторяющаяся деятельность ума): *Кто-нибудь задумывался над тем, какой народ мог придумать телефон, в котором почти все приложения платные, а для того чтобы начать работать, необходимо сделать обрезание сим-карты?* ≈ *Кто-нибудь ставил перед собой вопрос и думал над тем, ...?*

2.2. Глаголы *думать* / *подумать* как глаголы пропозиционального отношения.

В то же время *думать* / *подумать* имеют (чрезвычайно частотное) значение пропозиционального отношения (ПО), в котором глагол вводит пропозицию (Р), содержащуюся в уме субъекта, соединяет Р и ум субъекта (*думать*₂ / *подумать*₂): *Я думаю / думал, что завтра будет хорошая погода*, где глагол вводит пропозицию ‘Завтра будет хорошая погода’. Далее мы будем говорить о *думать* / *подумать* в значении ПО, поскольку именно в этом значении они вводят мысль.

Несколько важных метаязыковых замечаний. Символ *P* (от английского *proposition* ‘пропозиция’) в данной главе употребляется прежде всего для обозначения собственно пропозиции — семантической структуры, представляющей собой соединение концептов определенного рода, способной описывать действительность — положение дел в мире — и являющейся содержанием самостоятельного или подчиненного предложения и их номинализаций (см. подробнее в [Шатуновский 1996: 22—24]). Ситуация в случае мысли своеобразна в том отношении, что мысль, которая описывается пропозицией, она сама **пропозициональной природы** (существует в виде пропозиции). В случае мысли описание мысли посредством пропозиции, выраженной единицами языка, совпадает (в той или иной мере) с тем, что описывается, подобно тому, как это имеет место в случае описания речи [Зализняк 2006: 162—163]. Поэтому символ *P* употребляется также для обозначения **мысли**, описываемой и совершаемой посредством пропозиции. Таким образом, символ *P* употребляется, подобно единицам естественного языка, как многозначный, в ряде связанных друг с другом значений / употреблений: иногда для обозначения пропозиции, описывающей мысль или мнение, иногда — для обозначения мысли, описываемой пропозицией; часто — для обозначения и того, и другого нераздельно, слитно. Разграничение между этими употреблениями определяется контекстом, подобно тому, как это имеет место в обычной речи / обычном тексте. Следующее усложнение связано с тем, что мысль описывается и совершается, по крайней мере, во многих случаях, посредством слов. Таким образом, *P* в ряде случаев обозначает не только пропозицию, описывающую мысль, и мысль, описываемую пропозицией, но и слова, предложение, «высказывание» (произ-

несенное, а точнее, подуманное вслух или про себя), посредством которого выражается пропозиция и описывается и совершается мысль.

2.2.1. Что есть мысль? (по данным языка)

Раз мысль формулируется субъектом (С) в словах, «наедине с собой», значит, это для чего-то нужно. Для чего? Очевидно, для того, чтобы **создать** мысль. В этих случаях без слов нет самой мысли. Такие предложения выполняют «мыслесоздающую», «мыслеформирующую» функцию [Маслов 1987: 9] — одну из **наиважнейших** функций языка. Мысль **создается** в уме С. Каким образом? Как писал М. Мюллер, «под словом Мысль я понимаю акт мышления, а под мышлением я понимаю не что иное, как комбинирование» [Мюллер 1891: 1; цит. по Морковкин, Морковкина 1997: 22]. При этом то, что комбинируется, комбинируется, по крайней мере в огромном количестве случаев, как опять-таки показывают примеры мысли, из единиц и по правилам языка. «Главная функция языка по отношению к мышлению заключается в расчленении информационного континуума, с которым сталкивается человек, т. е. в его представлении в виде совокупности информационных сгущений разного объема и содержания. Эти сгущения как раз и выступают в качестве тех единиц, в разятии и объединении которых состоит суть мышления» [Морковкин, Морковкина 1997: 22]. Однако это нуждается в уточнении. Ведь любая речь заключается, в конечном итоге, в комбинировании формальных и тем самым содержательных единиц языка. Любое описание действительности посредством языка, составляющее необходимую часть утверждения, сообщения, объявления, побуждения и т. д., совершается посредством пропозиции, которая представляет собой **соединение**, комбинацию элементов (понятий, значений) (см. [Шатуновский 1996: 22—24] с обзором литературы по вопросу). Мысль также **пропозициональна**, она совершается и описывается посредством предложений²⁵, поэтому она

²⁵ Мы оставляем здесь в стороне недооформленные, неясные, «полупропозициональные» мысли, которые тем самым и не совсем мысли: *Монгольская природа при ярком солнце была еще в приятной дремоте, воздух чист и прозрачен, небо синее-синее. Думалось о весне, и эта мысль заставляла вспомнить невольно Эзрин-гол, Нань-шань и далекие-далекие теперь для нас Куку-нор, Цайдам, Тибет!* (П. К. Козлов. Географический

также по определению представляет собой открытое или скрытое соединение каких-то элементов. Однако в случае мысли ситуация по сравнению с ситуацией описания инвертирована. В случае описания действительности сначала существует, дано представление о фрагменте (статическом или динамическом) действительности, которое затем разлагается на какие-то аспекты, соответствующие словам, и описывается посредством соединения этих слов и соответствующих им значений в предложение (пропозицию). В случае мысли ситуация **обратная**: мы соединяем слова (значения, понятия, концепты) для того, чтобы получить **представление** о каком-то фрагменте действительности, которое **не существует** до такого соединения!²⁶ Ср. в каком-то приближении очевидно верное: «Мышление позволяет с помощью умозаключения раскрыть то, что не дано непосредственно в восприятии» [Столяренко 2000: 178]. Уточнение, которое здесь необходимо сделать, относится к обеим частям этого суждения. С одной стороны, мышление, мысль опирается не только на то, что дано человеку в восприятии, но и на всё то, что он знает, принимает как данное, а это может быть то, что **сообщено** ему или также является продуктом мысли, но полученном на предшествующем этапе, или же, наконец, то, что он просто знает, принимает как данное, не помня и не зная, как он эти сведения получил. С другой стороны, действие мысли не обязательно заключается в умозаключении, мысль, как она понимается в языке, **гораздо** шире, об этом далее.

Мысль отличается от фантазии, выдумки, игры ума тем, что она направлена на **отражение мира** в уме С. Поэтому продукты и

дневник Тибетской экспедиции / НК). *Мысль о мире, простиравшемся за пределами квартиры, вызывала дикий страх* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света / НК).

²⁶ Ср. в этой связи показательную цитату из работы Л. С. Выготского: «...Мысль не совпадает непосредственно с речевым выражением. Мысль не состоит из отдельных слов — так, как речь. Если я хочу передать мысль, что я видел сегодня, как мальчик в синей блузе и босиком бежал по улице, я не вижу отдельно мальчика, отдельно блузы, отдельно то, что она синяя, отдельно то, что он без башмаков, отдельно то, что он бежит. Я вижу всё это вместе в едином акте мысли, но я расчленяю это в речи на отдельные слова» [Выготский 1996: 356]. Это как раз то, что в обычном языке не называется мыслью — именно потому, что существует ДО и БЕЗ какой-либо пропозиции и только описывается, в случае необходимости, ею.

акты чистого воображения как такового не являются и не называются мыслью. Действия, акты и результаты отражения мира мыслью отличаются от актов **сотворения, создания** или **«досоздания»** каких-то фрагментов в мысленной картине мира и их результатов, вводимых в русском языке посредством глаголов *считать / посчитать* и их «родни» (*рассматривать как* и т. п., см. гл. 4). Поэтому Р в *Он посчитал, что Р* не может быть названо мыслью, а акты создания таких Р и их результаты не могут быть введены глаголами *думать / подумать*.

Поскольку мысль **создается** субъектом в своем уме, то пропозиция Р, вводимая **глаголами** мысли, обозначающими **процесс** или **акт** создания мысли, является по определению **новой**. Заметим, что Р является новой во всех тех случаях, когда она создается в уме субъекта и, шире, когда источником Р является С. Это высказывания мнения²⁷, утверждения, заявления и объявления (см. главы 3, 4; [Шатуновский 1996, гл. 7]). Однако в этих случаях она является новой **для адресата**, тогда как в случае мысли Р является новой **для самого субъекта мысли** — ведь адресата в этих случаях нет: *Гость несколько раз тяжело отдыхнулся. «Толстый и большой, должно быть», — подумал Раскольников...* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание)²⁸. При этом вербализуется, совершается в словах сам непосредственный акт мысли, содержащий и представляющий собой **то новое, что создается действием мысли**, то, что нуждается в вербализации, чтобы начать существовать, как в примере выше. Что касается **известного, данного**, на которое опирается мысль, то оно также может вербализоваться — в большем или меньшем объеме, например: *«Судя по голосу, должно быть, очень молодой», — подумал вдруг Раскольников* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание). Однако часто и даже обычно то, что известно, на что опирается мысль, остается невербализованным, без слов — оно и не нуждается в вербализации = создании, построении — ведь оно

²⁷ О вторичных случаях перехода содержания мнения в коммуникативный фокус (*Я так и думал!* и т. п.) см. [Шатуновский 1996: 272—273].

²⁸ Это не относится к слову **мысль**, которое само по себе, не в составе глагольных сочетаний (типа *пришла в голову мысль, пронеслась мысль* и т. п.) анафорически замещает, вводит готовый и уже известный результат действия мысли: *Эта мысль принадлежит Аристотелю* (см. и ср. [Кобозева 1993; Урысон 1997]).

уже известно субъекту, как в примере выше то, что гость несколько раз отдохнул, и это часто бывает потому, что человек толстый и большой, а также то, что эта мысль относится к человеку за дверью. Важно также, что эти основания часто и не могут быть сформулированы в словах, поскольку они невербальной или частично невербальной природы. Очень часто это непосредственные впечатления и восприятия, не оформленные в слова. Так, выше в примере мысли Раскольникова не выражено и, наверное, не может быть естественно выражено в словах то воспринимаемое Раскольниковым **качество** голоса, которое позволило ему сделать вывод о возрасте человека за дверью. Более того, во многих случаях действие мысли, ее задача как раз и состоит в том, чтобы перевести некоторые невербальные данные на более абстрактный вербально-понятийный уровень, например: *Как они похожи! А он постарел* и масса других. Задача мысли в этих случаях — перевести, перекодировать нечто принципиально невербальное и непропозициональное в вербальную, а тем самым пропозициональную форму.

В дальнейшем мы ограничим наше рассмотрение теми мыслями, которые вводятся в дискурс в русском языке глаголами *думать / подумать* (основными, прототипическими глаголами мысли) и их ближайшими синонимами (*мыслить / помыслить, сказать / пробормотать* и т. п. *себе / про себя* и т. п.) как глаголами пропозиционального отношения.

2.2.1.1. Мнение и мысль.

Как глаголы пропозиционального отношения *думать / подумывать* могут вводить **мнение** и **мысль**. Мнение и мысль тесно связаны друг с другом — в жизни и тем самым в языке. Неслучайно в русском языке, как и во многих других, может быть, во всех, языках, мысль и мнение выражаются одним и тем же глаголом, глагол мысли является также и показателем мнения. Это *думать* в русском языке, *think* в английском, *penser* — во французском, *pensare* в итальянском, *denken* в немецком и т. д.

В связи с исследованием мысли и мнения возникает сложная лингвистическая и философская проблема, связанная с размытостью, неточностью и недостаточностью имеющихся в естественном и как следствие в научном языке обозначений для того, что мы намерены изучать. В данном случае в обычном русском языке только

некоторая часть того, что существует в уме и противопоставляется мысли, называется *мнением*. Мы расширим, чтобы не изобретать новых слов, уже существующий термин *мнение* так, чтобы он охватывал всю эту область, опираясь на уже существующую традицию такого расширенного, при этом точно не определенного, метаязыкового употребления слова *мнение* как всего, что противопоставлено знанию, в научном философско-логическом и лингвистическом дискурсе, ср. название и тематику сборника «Знание и мнение» группы «Логический анализ языка» [Арутюнова 1988б]. Однако в данном случае для нас важно противопоставление мнения и мысли. Какова именно эта расширенная область, будет видно из ее описания далее.

Подобно мысли, мнение **создается** в уме С (*думать* относится к глаголам «конструируемого отображения» [Селиверстова 2004: 314]), поэтому Р, вводимое глаголами мнения, так же, как и Р, вводимое глаголами мысли, является **новым**.

Как пропозициональная мысль, так и (всегда пропозициональное) мнение **неконтролируемы**: **Подумай, что завтра будет хорошая погода*; **Думай, что Иван очень умен*; **Обещаю, что завтра я подумаю, что приму ваше предложение*. Субъект в какой-то степени, частично контролирует усилия думать (*думать* деятельности является частично контролируемым), но не то, какая мысль возникнет в результате этих усилий (или без всяких усилий)²⁹. Принципиальная, по самому определению неконтролируемость мысли (как и мнения) обусловлена тем, что мысль (как и мнение) является формой **отражения** реальности (правильного или неправильного — другой вопрос), и человек не может контролировать форму этого отражения ровно так же, как он не может контролировать свое отражение в зеркале, например, уменьшить нос, если он ему кажется велик. А то, что человек **может** рисовать в своем уме по своей прихоти, по своей воле, различные фантазии, продукты игры воображения, не направ-

²⁹ Ср.: «...Подавляющее большинство мыслительных процессов и операций протекает на подсознательном уровне и слабо контролируемо, ср. *Мне в голову пришла интересная мысль (сама!); Эти мысли не давали ему покоя*» [Рябцева 2005: 11]; «**МЫСЛЬ, ИДЕЯ ... ДУМА 1** 'невидимый результат деятельности человеческого ума, возникающий и развивающийся в нем, когда человек думает, обычно независимо от воли субъекта'» [Урысон 1997: 176].

лено на отражение действительности и поэтому не является и не называется мыслью (*Вообрази / Представь себе / *Подумай, что у этой коровы есть крылья; Я представил себе, что я могу летать. *Эта мысль поразила меня*). Другим именем для неконтролируемости мысли является ее **свобода**. Мысль свободна, потому что она не контролируется — тем, кто ее создает, точнее, чтобы подчеркнуть ее неконтролируемость, у кого она **создается** в уме, а тем самым — и никем другим, потому что иного, кроме как через ум субъекта, в котором она возникает, пути к мысли нет.

Принципиальной особенностью действий мысли, логически следующей из ее неконтролируемости, является их неконвенциональность. То, что неконтролируемо, не может происходить в соответствии с какими-то условными правилами. Эта особенность действий мысли не всегда учитывается в работах по теории речевых актов (РА), в которых некоторые из видов действий мысли включаются в число иллокутивных (речевых) актов. Это началось с основоположника теории РА Дж. Остина, который отнес к особому типу РА — экспозитивам — среди прочих такие слова / акты, как *deduce* ‘выводить’, *class* ‘классифицировать’, *identify* ‘идентифицировать’ [Остин 1986: 127—128]. Дж. Серль в качестве иллокутивного акта рассматривает логическую дедукцию [Серль 1986: 174]. О речевых актах логического вывода, практического рассуждения, размышления говорит И. В. Труфанова [2000: 82, 96—97], о РА логического вывода пишет В. С. Храковский [1998]. Как следует из описания специфики мысли, действия мысли посредством языка — это совершенно особый вид действий, отличный и от перлокутивных, и от иллокутивных действий (актов). Иллокутивные (речевые) действия, акты контролируемы и конвенциональны, перлокутивные действия — контролируемы и неконвенциональны, действия мысли — неконтролируемы и неконвенциональны. Это **естественные** действия (события) и процессы, подобные иногда вспышке молнии и раскату грома, а иногда — тягучему осеннему дождю, с тем отличием, что они происходят не во внешнем мире, а в уме человека.

В то же время мысль отличается от мнения. Прежде всего мысль, выражаемая (вводимая) глаголами мысли, — динамична, это всегда **действие** — акт, точнее, поскольку пропозициональная мысль неконтролируема, **событие** (в этом случае она выражается СВ) или **процесс** (в этом случае она выражается НСВ) **совершения**

Р в уме С: *Он подумал, что он совсем не знает жизни; «Я совсем не знаю жизни», — подумал он.* Мысль, как и речь, **актуальна**, она связана с конкретным временем, разворачивается, происходит в нем. Создающаяся мысль **одновременна, синхронна** с актуальным непрерывно движущимся по линии времени «здесь и сейчас» сознания, которое заполняется этой мыслью по мере ее совершения (так же, как синхронен с разворачивающимся потоком речи движущийся вместе с ним момент его произнесения); эта синхронная точка отсчета — мысленного наблюдения за разворачиванием мысли сохраняется и в случае ее описания (так же, как в случае описания речи — прямой речи)³⁰. Поэтому невозможно одновременно думать две, три и более мысли (как нельзя одновременно произносить два разных высказывания), они происходят только последовательно. Поэтому в высказываниях мысли возможны показатели актуального конкретного времени и актуальной временной последовательности, которые указывают на место действия мысли на линии времени и в ряду других актуальных действий:

Ну вот, всё! «Нужна ты мне, как пьянице пробка!» И едва он подумал это, как ощутил нелепость своей надежды (В. Гроссман. Жизнь и судьба / НК);

Андрей подумал, что их, наверно, можно было бы перепрыгнуть, и в тот самый момент, когда ему в голову пришла эта мысль, человек с соломенной шляпой на шинурке сильно оттолкнулся от крыши, оторвался от вагона и перелетел над ограждением моста (В. Пелевин. Желтая стрела);

«Судя по голосу, должно быть, очень молодой», — подумал вдруг Раскольников (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

Базовое, прототипическое мнение (как и знание) — это **состояние**. Мнение **статично**, это не действие, не процесс, этап формирования мнения не отражен в пропозиции мнения (в НСВ), остается за кадром значения. Это состояние **неактуально**. Если С *думает (считает, полагает), что все люди примитивные расисты* (мнение), то он думает это неактуально, вообще, и тогда, когда спит, и тогда,

³⁰ О различии синхронной и ретроспективной точки отсчета см. [Падучева 1996: 12—13].

когда играет в шашки, и т. д., то есть и тогда, когда не осознает, что он имеет это Р в уме. С неактуальностью Р в случае мнения связано то, что С думает / считает / полагает в одно и то же время (как и знает) неисчислимое множество различных Р. С неактуальностью мнения — его отвлеченностью, отделенностью от актуального момента речи и сознания — связана возможность оценки содержания мнения «со стороны» — с точки зрения его соответствия действительности. Мнение **нефактивно**. Оно может быть сопоставлено с реальным (по мнению говорящего) положением вещей, прошлое мнение (которое, в отличие от мысли, всегда описывается с ретроспективной точки зрения — с позиции более позднего временного момента) может быть сопоставлено с мнением С в более поздний период времени, соответственно, в случае мнения возможно выражение при его описании оценки истинности, правильности (справедливости) и т. п. описываемого Р: *Он наивно думал, что одежда, перстни, кресла и трубки смогут рассказать о человеке больше, нежели рассказывала раньше его гениальная кисть* (К. Г. Паустовский. Орест Кипренский / НК). Из этого же вытекает возможность разнообразных обобщенных импликатур [Грайс 1985], типичных для употребления думать мнения: импликатуры неуверенности говорящего в истинности Р в 1 лице настоящего времени (*Я думаю, завтра будет дождь*), импликатуры ошибочности Р в 3 лице настоящего времени и в прошедшем времени: *Он думает, что тебя нет дома* — импликатура ‘Ты дома, он думает ошибочно’; *Я думала, это весна, а это оттепель* (т/с «Оттепель»). В то же время мысль (как действие, как событие) не может оцениваться с точки зрения ее истинности, ошибочности и т. п., мысль, как и речь, **не фактивна и не нефактивна**, она вне этого противопоставления. В «высказываниях» мысли отсутствуют импликатуры ошибочности Р, неуверенности говорящего в истинности Р, невозможны оценки мысли с точки зрения ее истинности, правильности и т. п. **в самом этом предложении** мысли. Это связано с актуальностью мысли, ее синхронностью с сознанием, которое, собственно, и есть эта мысль, сознание протекает в форме мысли, пока она совершается, поэтому на нее, пока она совершается, нельзя взглянуть со стороны. Однако когда действие мысли завершено, его результат затем, в другом предложении может оцениваться с точки зрения его истинности, правильности:

Утром его вызвали на допрос. «Неужели опять к Нейману?» — подумал он. Но сразу увидел, что нет, что ведут не вверх, а вниз (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей / НК).

С актуальностью мысли, с тем, что мысль — это актуальное действие, связано то, что мысль, вводимая глаголами *думать / подумать*, в типичном случае выражается в кавычках, посредством прямой речи или несобственно-прямой речи (точнее говорить о прямой или несобственно-прямой мысли). Подчеркнем, что то, что описывается прямой речью, — это всегда действие, а не результат (который всегда статичен). Поэтому не может быть описано прямой речью то, что обозначается словом *мысль* в значении результата (не в составе глагольных сочетаний типа *пронеслась в голове мысль* и т. п.): **Мысль «Земля вращается вокруг Солнца» принадлежит Аристарху Самосскому.*

В случае прямой или несобственно-прямой мысли мысль совершается / совершалась именно теми словами, которыми она описывается в предложении мысли³¹ (точно так же, как это имеет место в случае прямой или несобственно-прямой речи). Мысль также может выражаться посредством изъяснительного придаточного с *что*

³¹ Мы здесь обходим (как в данном контексте чисто спекулятивный и несущественный) вопрос, в каком именно виде использовались эти слова в мысли: в виде чистых беззвучных концептов или в виде образов звучаний, с которыми ассоциированы значения, смыслы этих слов. Возможно, это несущественные для нас вариации действий мышления. Часто люди мыслят звучащими словами, мыслят вслух, как маленькие дети или пожилые люди, да и любые люди в моменты затруднений. В то же время это не обязательно. «Другой, еще более богатый источник, порождающий иллюзию, будто в мышлении можно отвлечься от речи, заключается в непонимании того, что язык не тождествен с его звуковым выражением. Звуковая символика речи может быть полностью замещена моторной или зрительной символикой (так, например, многие могут читать чисто зрительно, т. е. безо всякого связующего звена внутреннего потока звуковых образов, соответствующих напечатанным или написанным словам) или какими-нибудь иными, трудно поддающимися определению, более тонкими и менее уловимыми способами субституции. Поэтому утверждение, будто человек думает без слов, на том только основании, что он не сознает сопутствующих его мысли слуховых образов, ни в коей мере нельзя признать веским» [Сепир 1993: 37].

(«косвенная мысль»), аналогично тому, как в форме такого придаточного может передаваться то, что было сказано (косвенная речь). В этом случае в описании мысли отражаются не конкретные слова, но понятия, которыми совершалась мысль. Что касается мнения, то оно — как таковое, само по себе — не может описываться прямой речью, потому что прямая речь (мысль) передает актуальное действие речи или мысли, тогда как мнение — это неактуальная статическая сущность, состояние. Поэтому мнение может быть описано только изъяснительным придаточным с союзом *что* или с бессоюзной связью³².

Поскольку противопоставление мнения и мысли проходит по ряду параметров, возможны переходные, гибридные употребления, когда по одним признакам Р является мнением, а по другим — мыслью. Так, только что возникшее мнение может какое-то время присутствовать актуально в поле сознания, актуально осознаваться С-ом:

Фризоргер после рассказывал мне, что, когда его вызвали, он думал, что его вызывают на расстрел, так его запугал следователь ещё на прииске (В. Шаламов. Колымские рассказы / НК) ≈ *он подумал, что...*;

аналогично: *Он думал, что любовница сейчас сядет в метро, но врунья покружила по переулкам и вышла к многоквартирному дому* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки / НК);

Он думал, что девушка смутится, покраснеет, но в прелестных голубых глазах не мелькнуло даже тени испуга (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки / НК);

И, естественно, он [Шульц] кричит: «Эмма, Эмма!» И что же происходит?! Собака думает, что зовут жену, и не двигается с места, а жена думает, что зовут собаку и тоже не двигается с места! (х/ф. «Летучая мышь»).

³² Разумеется, мнение может быть передано прямой речью в тех случаях, когда С в словах выражает, сообщает свое мнение: «Мигранты не должны работать в торговле», — полагает председатель комитета Госдумы по безопасности Ирина Яровая. В последнее время распространилась контаминация изъяснительного придаточного и прямой речи: *Ирина Яровая полагает, что «мигранты не должны работать в торговле»*. В этих случаях передается, описывается не мнение само по себе, непосредственно, но то, что субъект **сказал**, выражая свое мнение.

Такое Р кратковременно, хотя, как и всегда в случае неопределенно-длительного НСВ, его потенциальное начало (возникновение) и потенциальный конец (исчезновение из ума или переход в неактуальное состояние постоянного мнения) не входят в сферу того, что обозначается глаголом, находятся за рамками языкового представления (момент начала имени Р в уме и момент его прекращения может быть ясен из более широкого контекста, как в примерах выше). Такое актуальное «мнение» приближается по этому признаку к мысли, и оно уже не называется «мнением» в обычном языке. Ср. также: [М. Светлов:] *Я даже думаю, не там ли родилось это определение, которое в конце двадцатых всю употреблялось критикой в отношении Александра Жарова, Иосифа Уткина, Николая Дементьева и других?!* (История советской литературы. — www.rogdestvenskij.ru) — контаминация мнения и мысли, *~ Я даже думаю, что, может быть, именно там...* — мнение, но содержание придаточного — в виде вопроса — характерно для мысли. Это мысль, не совсем еще кристаллизовавшаяся в мнение, или же мнение, сохраняющее на себе отпечатки «свежеиспеченности» из мысли.

3. Виды мыслей.

Немыслимо описать все виды мыслей, как неммыслимо описать все виды событий в природе. Здесь будут вкратце обрисованы только некоторые, но наиболее важные типы (модели) языковой мысли.

3.1. Deskриптивные мысли.

Одним из важнейших видов мыслей являются **deskриптивные мысли**, которые совершаются посредством deskриптивных (описывающих действительность) высказываний. Такие мысли подобны deskриптивным (или констативным, по Остину [1986], или репрезентативным, по Серлю [1986а]), высказываниям / речевым актам, с тем отмеченным выше различием, что это действие не описания некоторого представления, но создания, конструирования его средствами языка. Deskриптивные мысли делятся на два основных типа, которые можно, с большой долей условности, на-

звать **мысли-умозаключения** и **мысли-интерпретации**. Мысли-умозаключения в свою очередь делятся на различные типы. Одним из наиболее типичных видов дескриптивных мыслей являются **мысли-предположения**. Мысли-предположения также бывают разных видов. Это может быть эпистемическое предположение, заключающееся в мысли о субъективной, эпистемической возможности Р³³, основывающееся на каких-то имеющихся, наблюдаемых в ситуации фактах:

Петя долго стучал в дверь, но никто не отвечал. «Наверное, никого нет дома», — подумал он;

Гость несколько раз тяжело отдыхнулся. «Толстый и большой, должно быть», — подумал Раскольников... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание);

— Почему же она не взорвалась? — вслух подумал Саня. — Наверное, трубку взрывателя прижало (В. Курочкин. На войне как на войне / НК);

к этому же типу относится пример Е. С. Ярыгиной: «Когда, например, человек идет в гости и, глядя в темноту, просто думает: “Да, свет в окнах не горит. Наверное, никого нет дома”, то в этом случае просто происходит процесс рассуждения с самим собой» [Ярыгина 2002: 81].

Предположение, что Р, может основываться просто на **объективной возможности**, что Р, и не иметь каких-либо конкретных оснований в ситуации предположения («чистое» предположение): *Как-то недавно он вспомнил об Иване и подумал, — вдруг кто-либо из родственников добьется его посмертной реабилитации (В. Гроссман. Всё течет)*. Таким показателем «чистого» предположения является в данном примере слово *вдруг* (ср. характеристику «гадательного» *вдруг* в работе А. Д. Шмелева: [Шмелев 2002: 419—422]; *Возможно, кто-либо из родственников добился / добьется его реабилитации, подумал он.*

Не менее распространены непредположительные, уверенные дескриптивные мысли, в истинности, соответствии действительности которых у С мысли нет сомнений: *Петя долго стучал в дверь, но*

³³ О видах возможности и краткий обзор обширной литературы по вопросу см. [Шатуновский 1996, гл. 6].

никто не отвечал. «Никого нет дома», — подумал он; «Петя приехал», — подумал он (увидев свет в окне или услышав стук в дверь / шум за дверью + знание, что Петя должен был приехать); Проводив доктора, она надолго ушла в ванную, и он слышал шум льющейся воды. «Плачет», — вяло **подумал** он (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве / НК)³⁴. Такие мысли всегда имеют какие-то основания и возникают на основе различных умозаключений. Для обыденного мышления характерно, что, хотя имеющиеся основания с чисто логической точки зрения позволяют сделать только вероятностный вывод, вывод делается обычно уверенный, непредположительный, см. примеры выше, а также ниже — с немедленным опровержением вывода:

«Petit jeu! Нам не дают покоя лавры Настасьи Филипповны!».
Я вздрогнул. «Сейчас, — подумал я, она обидится и выгонит всех к чертовой матери» ... Однако ничуть не бывало. Кое-кто нервно хмыкнул, а Ольга попросту не обратила на этот пассаж никакого внимания (В. Белоусова. Второй выстрел / НК).

3.1.1. Мысли интерпретации (концептуальные перекодировки).

В примерах выше мысль двигалась, так сказать, «горизонтально», от онтологически одного (основание) к онтологически другому (вывод). В тех случаях, которые мы будем называть **мыслями интерпретации** (или мыслями-интепретациями), мысль оперирует в рамках онтологически **одной и той же** области, но переходит с одного, более низкого, более конкретного уровня представления этой области на более высокий уровень абстракции, интерпретирует, кодирует его в концептах (концептуальной структуре) более высокого уровня, переводит всякую невербальную всячину посредством

³⁴ Здесь, как и во многих случаях дальше, возникает проблема с обозначениями «мысленных вещей». Если слово *предположение* хорошо подходит для обозначения вида мысли, потому что предположение — это прежде всего действие мысли, хотя оно может, вторично, выражаться в словах, то несомненная (для С), «непредположительная» мысль типа «Плачет» не имеет никакого специального обозначения. Как речевой акт это могло бы быть сообщение, или утверждение, или констатация, но в мысли никаких сообщений и т. п. быть не может.

концептов языка в вербализованную мысль, в пропозициональный факт. В этом случае происходит что-то подобное тому, что имеет место при одном из видов перекодирования, описанном Дж. Миллером: «По моему мнению, самым привычным типом перекодирования, к которому мы постоянно прибегаем, является перевод на словесный код. <...> Когда мы хотим запомнить какое-либо событие, свидетелями которого мы стали, то обычно делаем вербальное описание этого события и затем вспоминаем именно это вербальное описание» [Миллер 1964: 578]. Гораздо чаще, однако, подобное перекодирование имеет место не при запоминании, но осмыслении, интерпретации ситуации. Ср. два разных пути, два разных действия мысли, выполняемые одним и тем же высказыванием. (1). Я смотрю через окно на улицу, вижу, что светит солнце, люди на улице легко одеты и т. п., и делаю вывод из наблюдаемого, основываясь на «горизонтальных» причинно-следственных связях: когда тепло, люди одеваются легко, люди одеты легко, следовательно, сегодня тепло; когда светит солнце, обычно тепло, солнце светит, следовательно, сегодня тепло (целый «пучок» таких связей может использоваться): *Сегодня тепло,— подумал я*, хотя сам этого не ощущаю — умозаключение. (2). Я смотрю на термометр, на термометре 20 градусов, и я не делаю вывод к чему-то другому, но квалифицирую это, интерпретирую это как ‘тепло’: *Сегодня тепло,— подумал я, поглядев на термометр за окном. 20 градусов — это и есть тепло — согласно некоторым, возможно, даже лично моим нормам (хотя возможно, и это показательно, в другой стране, в другое время года или просто для кого-то другого это будет холодно). 20 градусов = тепло — но на некотором ином, более обобщенном концептуальном уровне. Мысли-интерпретации, как и мысли-умозаключения, чрезвычайно разнообразны. Приведем некоторые примеры.*

Изумительной красоты животное явно о своей красоте знало и всячески нам позировало. «Хлеба выпрашивает», — подумал я. Но куски за забор не летели и там не валялись (О. Баринов. Зоологический сад / НК) —

интерпретация непосредственно наблюдаемого действия посредством концепта действия более абстрактного уровня, включающего невидимую цель непосредственно наблюдаемого действия.

Потом он всё-таки отправился провожать её, молодая женщина шла по улице, её ждал у метро муж, он сидел в машине и спал — у них была квартира и двое сыновей, и холостой, независимый, преступно рано потерявший литературную невинность Колюня вдруг подумал, что жизнь его обокрала (А. Варламов. Купавна / НК)

— в какой-то момент, сравнивая свою жизнь с наблюдаемыми обстоятельствами жизни других людей, С интерпретирует, кодирует, суммируя и обобщая, разнообразные обстоятельства его жизни как ‘жизнь меня обокрала’. Типичными мыслями интерпретации являются мысли **сравнения**:

Как они похожи! — подумал я, глядя на Машу и ее мать; Вылитый Том Круз в молодости! — подумал я; Кямал вошёл в номер; «Уценённый Омар Шериф», — подумала Анна (В. Токарева. Своя правда / НК).

В случае мысли сравнения происходит сопоставление двух (или более) наличных восприятий или воспринимаемого образа с имеющимся в уме (памяти) С образом и интерпретация результатов этого сопоставления на более абстрактном концептуальном уровне, перекодировка этих результатов в ‘похожи’, ‘непохожи’, ‘очень похожи’ и т. п. Ср. замечание Е. В. Падучевой: «Предикаты со значением сходства и подобия ... требуют субъекта сознания (ощущающего сходство)...» [Падучева 1996: 281], и это «ощущение», добавим мы, есть мысль, поскольку предикат, вводящий его результаты, не *ощутил*, не *почувствовал*, а *подумал*. На сравнении основываются более сложные мысли-интерпретации:

Я посмотрел на его внимательное лицо — брови вскинуты, губы поджаты — и подумал, как сильно всё-таки Шурик изменился за эти годы (А. Волос. Недвижимость / НК);

А он похудел, — подумал я; Как она постарела! — подумал я, глядя на нее.

Здесь наблюдаемые признаки в один момент времени сопоставляются с признаками этого объекта в другой момент времени и ре-

зультат сопоставления интерпретируется (разумеется, автоматически, это не сознательный контролируемый акт, как и во всех других случаях мысли), кодируется как ‘изменился’, ‘не изменился’, ‘сильно изменился’, а также с учетом параметра, отношения, в котором произошло изменение, ‘пополнел’, ‘похудел’, ‘очень постарел’ и т. д. Действие ума в случае мыслей интерпретации (кодировки) заключается в переводе, переработке принципиально невербальных, нерациональных данных восприятия и памяти в рациональный факт, очищенный и отвлеченный от этих данных. Бесконечно сложная картина действительности превращается действием мысли в обобщенный и упрощенный факт. Такие Р являются прежде всего мыслями, они возникают как мысли, кто-то должен создать их посредством действия ума, «подумать» их, а подумать их можно только посредством языка.

3.2. Мысли оценки.

Роль оценок в мысли и языке невозможно переоценить. Равно как и недооценить чрезвычайную сложность этой чрезвычайно многообразной и неоднородной области, где соединяются и взаимодействуют объективное и субъективное начала, внешний мир погружается во внутренний мир человека и отражается, преломляется в нем через призму его взглядов, ощущений, мнений, потребностей и интересов. В работе Е. М. Вольф оценки рассматриваются как специфические речевые акты [Вольф 1985, глава «Речевые акты оценки», с. 163 и далее]. Оценки, безусловно, могут быть речевыми (иллокутивными) актами. Однако это чрезвычайно ограниченная группа. В русском языке это *осуждать* (с оценкой в коммуникативном фокусе) и *обвинять* (с оценкой в пресуппозиции) [Булыгина, Шмелев 1997: 407—410]. Если человек сказал: *Я осуждаю Петю за то, что он подписал это письмо*, то он тем самым его и осудил, независимо от его реальных мыслей по этому поводу. Речевыми, но уже не иллокутивными, а перлокутивными действиями с включенным в их значение аспектом оценки являются *хвалить*, *ругать*, *упрекать*, *попрекать* и т. д. (см. гл. 13, ср. [Булыгина, Шмелев 1997: 411—416]). В большинстве случаев, однако, как мы надеемся показать, оценки являются языковыми действиями мысли. Ср. замечание Ш. Балли: «Мыслить — значит реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его или желая» [1955: 43]. Однако

оценки оценкам рознь (о видах оценки см. [Вольф 1985; Арутюнова 1988а; 1998, ч. 3; Ортони и др. 1996; Ивин 1970, гл. 2] и мн. др.). С одной стороны, не являются действиями и результатами мысли сенсорные оценки, поскольку эти оценки являются непосредственными ощущениями тела и души и не возникают в результате действия ума: *Этот пирог вкусный*, — *подумал он, попробовав пирог; **Эта книга интересная*, — подумал он, прочитав страницу. С другой стороны, не могут быть мыслями общие оценки типа *хорошая девочка, хороший человек, плохая / хорошая мать, хорошая квартира* и т. п.: **«Этот ресторан — хороший»* / **«Хороший ресторан!»* / **«Какой плохой ресторан!»* — подумал он; **«Какая хорошая девочка!»* / **«Какая хорошая мать!»* — подумал он. Мысли актуальны, они возникают в конкретный момент и опираются на конкретные и актуально воспринимаемые или актуально представляемые С-ом свойства объекта. В то же время общие оценки описанного выше типа являются результатом обобщения свойств каких-то узуальных событий и действий объекта оценки. Хорошая девочка — это та, которая узуально ведет себя хорошо, помогает по дому, добросовестно учится и т. п. (см. [Арутюнова 1988а: 72—74, 77—80]). Аналогично, в хорошем ресторане узуально хорошо обслуживают, подают хорошую еду и т. п., и чтобы прийти к такому выводу, надо не раз посетить этот ресторан. Оценка такого типа не актуальна, она не возникает в какой-то конкретный момент в результате действия мысли, опирающегося на конкретное актуальное основание: **Это плохой ресторан!* — подумал он, попробовав котлету.

Мыслями являются **выводные** в том или ином смысле оценки. Это могут быть оценки-умозаключения, подобные другим умозаключениям с тем только отличием, что это умозаключение касается оценки:

Казалось, он [швейцар] думал, глядя на него [Чичикова]: «Эге! уж коли тебя бары гоняют с крыльца, так ты, видно, так себе, шушера какой-нибудь!» (Гоголь. Мертвые души).

Специфически оценочными являются **мысли рациональной оценки** (подобные дескриптивным мыслям-умозаключениям) — оценки фактов по их последствиям для какого-либо С [Арутюнова 1988: 188—189]. Сами по себе эти факты (Р) не являются плохими

или хорошими для С, они являются хорошими или плохими для С потому, что ведут к непосредственно (или более непосредственно) хорошему / плохому (с сенсорной, утилитарной, этической и т. п. точки зрения) для С Q, и устанавливается это посредством действия ума:

Потом Екатерина Ивановна играла на рояле шумно и долго, и, когда кончила, ее долго благодарили и восхищались ею. «А хорошо, что я на ней не женился», — подумал Старцев (Чехов. Ионыч).

Попросту говоря: то, что он не женился, хорошо, потому что если бы он женился, то ему было бы (более непосредственно — в сенсорном, эмоциональном и т. п. смысле) плохо, и основанием для этого актуального заключения являются непосредственно наблюдаемые Старцевым в данной ситуации сцены с участием Екатерины Ивановны.

Бенефициантом Р — тем, для кого оно хорошо — может быть сам субъект мысли, но может быть и другое лицо (лица). Так, *Хорошо, что он тогда не женился* имеет два понимания, различающиеся тем, кому это хорошо: (1) **для меня** хорошо, потому что иначе **мне** было бы плохо; (2) **для него** хорошо, потому что иначе **ему** было бы плохо.

Сами по себе рациональные оценки являются действиями мысли и не являются эмоциями. В то же время они **сопровожаются** актуальными «ощущениями души» — эмоциями удовлетворения, радости, огорчения, сожаления, **сливаются** с ними — в тех случаях, когда Р хорошо / плохо для субъекта мысли-оценки³⁵. Такие эмоции вызываются только мыслями (см. [Шатуновский 1996: 363]), они «возникают, когда человек истолковывает последствия события как желательные или нежелательные» [Ортони и др. 1996: 336]³⁶ (а та-

³⁵ Ср.: «Для большинства предикатов внутреннего состояния эмоциональная и рациональная оценка не исключают друг друга...» [Зализняк 2006: 517].

³⁶ Не только событий, впрочем, но и представлений о статических Р, актуализованных в конкретный момент в сознании субъекта: *Хорошо, что я не женат!* — мог подумать Старцев. Это событие также может быть мысленным, то есть заключаться в осознании некоторого положения вещей,

кое истолкование есть мысль). Такие эмоции предполагаются и в тех случаях, когда о наличии эмоции эксплицитно не говорится: «*А хорошо, что я на ней не женился*» — Старцеву наверняка была и эмоционально приятна эта мысль. И наоборот, указание на эмоцию сигнализирует о совершившейся мысли и в тех случаях, когда в (письменном) тексте эта мысль эксплицитно, отдельно не выражена:

Там, в самом углу, внизу, в одном месте были разодраны отставшие от стены обои: тотчас же он начал все запихивать в эту дыру, под бумагу: «вошло! Все с глаз долой и кошелек тоже!» — радостно думал он, привстав и тупо смотря в угол, в оттопырившуюся еще больше дыру. Вдруг он весь вздрогнул от ужаса: «Боже мой, — шептал он в отчаянии, — что со мною? Разве это спрятано? Разве так прячут?» (Достоевский. Преступление и наказание).

То, что всё вошло, это непосредственно наблюдается, здесь нет ничего нового для С, это констатация, но из этого следует выводная рациональная оценка — мысль, сигнализируемая словом *радостно*: то, что всё вошло, хорошо для Раскольниковова, потому что он избавился от улик и теперь его не смогут поймать с украденными вещами. Да, но как же все-таки эта мысль совершилась в уме героя? Эта мысль, эта оценка была совершена (и выражена вместе с эмоцией) посредством интонации, точнее, специфического просодического рисунка, суперсегментно наложившегося на вербальную констатацию. «...Интонация — это постоянный комментатор речи, а следовательно, и мысли; она сопровождает не только то, что мы произносим вслух, но также и внутреннюю речь: нельзя логически мыслить без слов, следовательно, мысль тоже несет интонацию — ту самую, с которой мы бы произносили выражающие эту мысль слова» [Балли 2001: 118]. Дальше *вздрогнул от ужаса* также сигнализирует о мыслях: спрятано плохо₁ (эта оценка выражена и совершена посредством риторических вопросов мысли, выражающих отрицательную оценку: ‘это плохо спрятано, настолько плохо, что равносильно не

которое оценивается как хорошее или плохое для С мысли: *Ночь проходит незаметно, а первая мысль, появившаяся в голове с утра, просто ошеломляет — Господи, у нас же нет ни одного ценника!!!* (НК).

спрятано'), и это плохо₂ для Раскольниковова (последнее также выражено интонацией). Заметим, что эти примеры не противоречат идее отсутствия параметра фактивности / нефактивности в мыслях, высказанной ранее. То, что оценивается, в частности то, что всё вошло и т. д. — факт, но сама мысль — это **оценка**, а она вне этого параметра! Аналогично:

Наконец-то я в Париже! — подумал я ≈ 'Я в Париже, и это замечательно, потому что теперь я увижу всё то, о чем столько слышал и читал'; Ночь проходит незаметно, а первая мысль, появившаяся в голове с утра, просто ошеломляет — Господи, у нас же нет ни одного ценника!!! (НК) — ... 'и это ужасно'.

Другой, не менее распространенный, но более интригующий тип оценок-мыслей — это **оценки-интерпретации** (подобные интерпретациям в области дескриптивных мыслей). Таковыми, в частности, являются оценки, которые можно назвать **оценками «благополучия»** (в широком смысле):

Митя сел на стул. Стал осматривать приемную, отделанную дубовыми панелями. «Неплохо у нас проректоры живут!» — думал он (А. Житков. Кафедра / НК).

Такие оценки не могут касаться самого С мысли. То, что он живет хорошо или плохо, он знает непосредственно из своего опыта, непосредственно чувствует, и это не мысль: **Я хорошо живу! — подумал проректор [поглядев на стены, отделанные дубовыми панелями]*. Но вот о благополучии других можно делать выводы, опираясь на какие-то основания. Но это основания особого рода. Проректоры живут неплохо не потому, что у них приемная обита дубовыми панелями и это как-то влечет хорошую жизнь, хорошая жизнь проректоров как раз и **заключается**, среди прочего, в том, что приемная у них обита дубовыми панелями. Здесь нет реальной причинно-следственной связи, которую можно было бы использовать для вывода, но есть описание конкретных обстоятельств жизни проректора, то, что С-ом мысли интерпретируется, кодируется, концептуализируется как хорошая жизнь. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, говоря о семантике оценочных предикатов, «дескриптивные свойства объекта и факти-

ческие сведения могут быть поняты как выполняющие роль оснований (мотивов, причины) оценки, либо как интерпретация, своего рода «заполнение» семантически выхолощенного предиката: *Ночь Алексей Иванович провел плохо: болело сердце, были частые перебои, приходилось мочить в холодной воде платок и прикладывать на грудь* (Сергеев-Ценский) [Арутюнова 1988: 93]. Однако в случае мысли интерпретация происходит в противоположном направлении и, следовательно, в другом смысле: от наблюдаемых обстоятельств и фактических сведений к их оценке. Ср. также:

Она не шевелилась, она спала, не сняв шинели. Он осторожно придвинулся к ней, накрыл своей шинелью сверху её и себя и успокоено, даже жалостливо подумал: «Устала, бедная!» — и сам уснул (В. Астафьев. Пролетный гусь / НК) —

здесь как основание для оценочной интерпретации ‘бедная’ используется актуальный результат только что сделанного умозаключения: она спит, не сняв шинели, не шевелится → она *устала* → она *бедная*. Оценочная интерпретация может совмещаться с другими видами интерпретации, в частности с интерпретацией сравнения:

[Бендер, обозревая виды провинциального города Арбатава:] *Нет, — сказал [себе = подумал] он с огорчением, — это не Рио-де-Жанейро, это гораздо хуже* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

В особый тип можно выделить акты частной (этической, интеллектуальной и т. п.) оценки, совершаемые посредством слов типа *подлец, молодец, мерзавец, дурак* и т. п. дескриптивно-оценочных слов, совмещающих в своем значении описание объективных признаков и их оценку того или иного типа:

Вот подлец! — подумал Иван; Вот жмот! — подумала Маша; Я думаю, что в ножки следовало бы поклониться Аристарху Платоновичу за то, что он из Индии... — Что это у нас все в ножки да в ножки, — вдруг пробурчал Елагин. «Э, да он молодец», — подумал я (М. Булгаков. Театральный роман).

Подобная оценка может совершаться также прилагательными:

[Иван:] *Его надо немедленно арестовать, иначе он натворит неописуемых бед. — Так вот вы и добиваетесь, чтобы его арестовали? Правильно я вас понял? — спросил Стравинский. «Он умен, — подумал Иван, — надо признаться, что среди интеллигентов тоже попадаются на редкость умные»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В ситуациях, в которых думаются (неважно, про себя или вслух) эти предложения, человек — объект оценки — актуально совершает какие-то действия, включая речевые (или нам сообщают об этих его действиях, или налицо результаты этих действий, которые говорят о характере самих этих действий), в которых и проявляется его подлость, жадность, глупость, ум и т. п., что является основанием для подведения его в мысли под ту или иную дескриптивно-оценочную категорию посредством соответствующих слов.

Более сложная ситуация в предложениях с восклицательными частицами *какой, каков, ну и* и т. п.:

Ну и жмот! (подумал я); Ну и хам! (подумал он); Какой подлец! / Какой же он подлец! Какая дура! Каков негодяй! (подумал Иван); Какой позор! (подумал я); Он определенно умен, подумал я. Но какой подлец (В. Пелевин. Чапаев и Пустота / НК).

Усложнение заключается в том, что в таких предложениях **лицо**, совершающее определенные действия, или сами эти **действия**, или **ситуация**, создавшаяся благодаря действиям какого-либо лица, действием мысли подводятся не просто под оценку определенного типа, но оценку «усиленную»: *Какая подлость! Какой подлец!* — в его поступках проявляется высшая (в элятивном смысле: очень высокая) степень подлости ≈ это подлец в высшей степени (см. [Вольф 1985: 183—184]). Когда мы **думаем** или **говорим** (но когда мы это говорим, мы это **одновременно думаем**): *Какой подлец!*, мы актуально наблюдаем, или вспоминаем, или представляем те его действия, которые актуально только что совершились на наших глазах, или о которых нам только что рассказали, или о которых мы прочитали в письме (обобщая: представление о которых актуализовано

в нашем уме) и интерпретируем это (а это действие ума, мысль) как в высшей мере подлоца, оцениваем его, квалифицируем его как в высшей степени подлоца и т. п. Если оснований для такого актуального вывода в дискурсе нет, то предложение аномально: **Какой мерзавец! — подумал / сказал я, увидев Петю* — предложение выражает акт ума, но без оснований такой акт не может быть совершен. (Совсем другое дело сообщение, предупреждение, утверждение, констатация или иной речевой акт: *Предупреждаю, будь с ним осторожен. Он такой мерзавец!*)

В связи со сказанным выше возникает следующий вопрос: почему некоторые типы предложений предрасположены к тому, чтобы быть действиями мысли, но не речевыми актами (сообщениями, утверждениями и т. д.)? Обращает на себя внимание то, что в таких предложениях обычно присутствуют дейктические слова — частицы, местоимения, восклицательные частицы-местоимения и т. п.: *вот, вон, как, какой, ну и, а* и другие: [Вижу: все бегают, носят декорации, суетятся и только один человек сидит спокойно в кресле, ему приносят кофе и т. д.] *Спрашиваю: кто это? — Мне отвечают: режиссер. Я про себя отметил [= подумал]: вот это профессия!* (С. Говорухин. Монологи кинорежиссера); *Вот подлец! Какая сволочь! Как они похожи! А он молодец* и т. д. Подчеркнем, что слова *как, какой* здесь также имеют дейктический (указательный) характер: они указывают на некоторый наблюдаемый (воспринимаемый или воображаемый, представляемый на основании того, что рассказывают будущему С мысли) признак (аспект) ситуации (и также информируют об особом характере этого аспекта, обычно — высокой степени проявления признака) (подробнее см. гл. 8, раздел «Информативно-указательные КВ» (косвенные вопросы) и «Восклицательные высказывания»). Как говорилось выше, мысль актуальна, поэтому она нуждается в актуальных основаниях. Такие слова как раз и отсылают к наличной актуальной ситуации, указывают на элементы, являющиеся основаниями для актуального мысленного действия. В то же время такие предложения не подходят для передачи информации адресату. Если адресат не находится в ситуации, в которой проявляются признаки, служащие основанием для оценки, то он не сможет построить ту же самую Р, что и С, поскольку дейктические элементы для него будут бессмысленны и бессодержательны. Если же потенциальный адресат присутствует в этой си-

туации, то он не нуждается в сообщении, поскольку сам может вывести эту оценку. Если С совершает мысль вслух и в присутствии в этой ситуации другого человека, то произносимое им предложение, помимо того, что посредством его совершается мысль, приобретает дополнительную функцию — не информирования, но своего рода призыва, предложения А-у проделать вместе с С эту же мысленную операцию, присоединиться к этой мысли-оценке. (Разумеется, здесь и далее, когда мы говорим о призыве, предложении, побуждении и т. п. создать мысль, это призыв, предложение и побуждение, так сказать, в кавычках, в сдвинутом смысле, поскольку создание мысли не контролируется человеком и не конвенционально, а естественно. Г здесь, говоря, **создает условия**, чтобы в уме А-а неконтролируемо совершилась мысль по шаблону, намеченному словами С.) Если С (он же Г) хочет, скажем так, внушить эту мысль А-у, то он не просто скажет *Какой подлец!*, но приведет основания, обратит внимание А-а на действия Х-а или расскажет о них с целью «побудить» (каузировать) А-а заключить, что Х подлец. В русском языке существуют конвенционализованные способы такого «побуждения», например: *Сергей разбудил Цибульку и всё рассказал ему. — Ты подумай, Цибулька! Он нарочно спаивал нас и подбивал удрать! Ты подумай, какой подлец!* (В. Кетлинская. Мужество / НК)³⁷ и еще более фразеологизованное клише в виде риторического вопроса: *Ну, скажи, не подлец?! / не дурак?!* Другой сценарий взаимодействия участников одновременно создания мысли и коммуникации имеет место в ситуации, когда один человек (Г₁) рассказывает другому человеку (Г₂) о деяниях Х-а и тот по ходу рассказа восклицает: *Какой подлец! Надо же, какой мерзавец!* и т. д. Это, разумеется, не сообщения, не утверждения, здесь не предполагается несогласия, Г₂ этими предложениями создает мысли, но не только. Он произносит их вслух, предполагая, что Г₁ уже сделал или делает одновременно с ним этот вывод, для того чтобы показать, что он разделяет эту мысль, эту оценку, или же «предлагает», побуждает Г₁ также совершить эту мысль, присоединиться к выводам Г₂, солидаризироваться с ними. Другое дело — *Он подлец*. Это предложение хорошо для передачи уже готовой информации, но с трудом может быть понято само по

³⁷ Императив *подумай* имеет здесь нестандартное, «вырожденное» значение. Поскольку собственно побуждения здесь нет, *подумай* здесь не обязательно, можно сказать и просто: *Какой подлец!*

себе как акт мысли, потому что в нем не видно никаких оснований (и нет отсылки к ситуативным основаниям), которые позволяют сделать какой-либо мысленный вывод.

Важнейшим фактором, способствующим пониманию предложения как мысли, является восклицательная интонация, экспрессивность, характерная для этих предложений (о ней говорит напрашивающийся в таких предложениях восклицательный знак). Экспрессивность, восклицательность является проявлением актуальной эмоции С, возникающей в этих предложениях. А откуда берется эмоция? Актуальная эмоция (такая как рад, огорчен, поражен, потрясен, удивлен, восхищен, возмущен, но не любит, ненавидит, уважает и т. д. — это неактуальные эмоции) является реакцией на событие, затрагивающее интересы С [Ортони и др. 1996: 337—338]. Но какое событие? Ведь никакого объективного события здесь не произошло. Но зато произошло субъективное событие — акт интерпретации, мысли, и эмоция является реакцией на этот акт. Поэтому такие предложения понимаются прежде всего как акты мысли. В случае сообщения уже готовой информации все события уже позади, актуальные эмоции и вместе с ними экспрессивность и восклицательность улетучились. Ср. странность как сообщения эмоционального: *Он подлец!* Аналогично, трудно понять как сообщение, или утверждение, или констатацию предложение *Она похожа на мать!*, однако оно реабилитируется как более-менее правильное в случае его интерпретации как мысленного события: я поглядел на нее и увидел (в смысле ментального акта, основанного на данных зрительного восприятия!³⁸), что она похожа на мать, и меня это почему-либо удивило, поразило. В то же время это предложение и в значении мысли менее естественно, чем предложение с *как*: *Как она похожа на мать!* В предложении с *Как...!* делается вывод об

³⁸ Я заметил за собой, что я люблю в некоторых случаях ставить восклицательные знаки после каких-то предложений, и понял почему. Это происходит как раз в тех случаях, когда у меня в уме возникает — в виде предложения, разумеется — мысль, которую я ощущаю как новую, неожиданную и интересную, и эту эмоциональную аффективную реакцию хочется отразить на письме восклицательным знаком. Через какое-то время, когда я перечитываю то, что написал, эта мысль уже не является для меня новой и, следовательно, эмоционально заряженной, поэтому обычно после повторного прочтения я восклицательный знак убираю.

очень высокой степени проявления признака, поэтому естественно испытывать по этому случаю удивление, изумление, но то, что она похожа на мать, гораздо более ожидаемо, и поэтому странно создавать мысль с таким содержанием и тем более этому удивляться³⁹.

Способствует осмыслению предложения как мысли и препятствует пониманию в информирующей функции наличие в нем так называемых когнитивных вокальных жестов (когнитивных междометий) (о когнитивных междометиях см. [Шаронов 2008а; б], там же обзор литературы по вопросу). Междометия представляют собой реакцию на конкретное актуальное событие (через его отражение в уме С), когнитивное междометие является реакцией на событие в сфере ума, ср.: «...Когнитивный вокальный жест — это знак эмоционального переживания в момент осознания чего-либо, эмоциональная реакция на понимание» [Шаронов 2008б: 209]. Не любое ментальное событие, впрочем, является мыслью в узком смысле слова. Так, междометие *Ба!* может сопровождать ментальное событие актуализации Р в памяти («воспоминания»):

Он думал долго, мучительно, до боли в висках. «Ба! — вспомнил он, наконец. — Недалеко от берега в кустах есть мостик... Пока настанет темнота, я могу посидеть под этим мостиком...» (А. П. Чехов. Роман с контрабасом; пример из [Шаронов 2008б])

— (то, что С вспомнил, не является для него новым, поэтому акт воспоминания не может быть назван мыслью и введен посредством *подумал*) или непосредственной (не через умозаключение) идентификации: *Ба! Кого я вижу! Петя!* В то же время такие междометия, как *ага*, *э*, *эге* и т. п. (см. [Шаронов 2008б]) вводят, наряду с другими ментальными событиями, мысли:

³⁹ Сказанное не означает, что все восклицательные предложения являются мыслями. *Каким вином нас угощали! Как тяжела мысль, что друзья нас забывают! Как ясно и точно она умела передавать самые тонкие подробности виденного, слышанного и пережитого!* и т. п. (о таких предложениях см. подробнее в гл. 8) — не могут быть мыслями (...*подумал я), потому что они выражают сенсорную, в смысле непосредственного «ощущения» органов чувств, души или ума, оценку (к тому же ретроспективную, а не синхронную, как это имеет место в случае мысли).

«Вы плохо использовали Будаха, — сказал Румата. — Это отличный специалист. Был...» — добавил он значительно. В выцветших глазах что-то мигнуло. «Ага, — подумал Румата, — а ведь Будах-то еще жив...» (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом; пример И. А. Шаронова);

Бобчинский. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник (Гоголь. Ревизор).

Если человек говорит: «Э, да он молодец» (М. Булгаков. Театральный роман), или *Ага, так вот кто украл шляпку!*, или *Ага, вот оно что!* и т. п., то это, независимо от того, сказано ли это вслух или произнесено про себя, является мыслью, но не может быть информированием, утверждением и т. д., поскольку включает когнитивное междометие, являющееся словесно-эмоциональной реакцией на мысленное событие.

Различные показатели эмоциональности — интонация, восклицательные частицы, междометия — могут естественным образом комбинироваться в одной мысли, усиливая друг друга:

— *Ни фиги себе, какой подлец...* — *Петя нагнулся над сестрой* (А. Троицкий. Удар из прошлого / НК);

«*Англичанин, — подумал Бездомный, — ишь, и не жарко ему в перчатках!*» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Боже мой, подумал я, как интересна ваша жизнь на пятнадцатом году перестройки, на десятом году осуществления знаменитой экономической программы в 500 дней! (Г. Горин. Иронические мемуары / НК).

В последнем примере наличие эмоционально-экспрессивной реакции и дейктического показателя меняет характер предложения с *интересно*. Хотя первично *интересно* является показателем непосредственной сенсорной интеллектуальной оценки, в данном предложении оценка приобретает выводной характер, она основывается на том, что С наблюдает, а предложение в целом становится мыслью интерпретации.

Выражение эмоциональной реакции и совершение (и описание) мысли могут совмещаться при использовании устойчивых, клиши-

рованных, в различной степени фразеологизованных оборотов типа *«Вот этого мне только не хватало!»*, — *подумал я*; *Ни фигу себе! Ну и черт с ним! Да пошел он к черту!* — *подумал он* (и их нецензурных вариантов) и т. п. Такие выражения, обороты И. А. Шаронов называет **коммуникативами** [Шаронов 2014], впрочем, в случае мысленных действий больше подошел бы термин **когитивы**, поскольку никакой коммуникации здесь не происходит. Более того, и в том случае, когда они говорятя вслух в присутствии потенциального адресата, они являются прежде всего, первично когитивами, посредством их создается мысль, которая попутно одновременно сообщается А-у. Такое выражение, когда оно используется для совершения мысли, заключает в себе то новое, в чем заключается собственно мысль, оставляя в области данного, подразумеваемого и неформулируемого в словах все те ситуативные обстоятельства и фоновые знания, на которых акт мысли основывается. Так, *«Вот этого мне только не хватало!»*, — *подумал я* предполагает, что произошло некоторое событие Р в ситуации, когда у С много трудностей и проблем; С, учитывая всё это, оценивает Р с рационально-эмоциональной точки зрения отрицательно; *Тут литераторы* [увидев в руках у незнакомца огромный портсигар из золота и в бриллиантах] *подумали* *разно*. *Берлиоз: «Нет, иностранец!»*, а *Бездомный: «Вот черт его возьми! А?»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) — *Вот черт его возьми! А?* в ситуации романа понимается примерно следующим образом: то, что у незнакомца оказался портсигар из золота и в бриллиантах, не соответствует стандартам жизни в СССР, это не ожидалось, это необыкновенно и поэтому удивительно, поразительно⁴⁰. Ср. также:

Никита настойчиво продолжал: «На что богу уродство всякое; горбатые, например, на что ему?» «Ага, вот оно что!» — подумал Петр, усмехаясь в бороду, чувствуя, что жалобы брата на бога очень успокаивают его; это хорошо, что монахи не жалуется на родных (М. Горький. Дело Артамоновых; пример

⁴⁰ Конечно, наше описание этой и предшествующей и многих других мыслей рационализировано, и это неизбежно при описании. На самом деле наше описание — это другая мысль, но только подобная той, которая совершилась в уме С, исходная мысль — интуитивнее, она почти неразрывно слита с эмоцией, и совершить и описать ее так, чтобы это была именно эта мысль, можно только так, как она реально совершилась.

И. А. Шаронова) \approx 'это (то, что сказал Никита) есть причина его недовольства'.

Собственно к мысли здесь относится нахождение причинно-следственной связи между уже известными в данной ситуации Р, то есть 'это является причиной того'.

В связи с этими примерами, особенно максимально эмоциональными и минимально рациональными выражениями вроде *Вот черт его возьми!*, возникает следующий вопрос: почему бы не считать, что мысль здесь совершается без слов, а выражения описанного выше типа используются лишь для выражения эмоционального отношения к этому мысленному событию? Ну, прежде всего, для ввода этих Р используется слово *подумал*, значит, это выражение и было то, что С именно подумал! Значит, так **думают**. Можно также провести мысленный эксперимент: предположим, в уме Бездомного не пронесли те слова, которые возникли у него в уме в романе, и никакие другие слова, что в этом случае осталось бы от того, что он подумал? Очевидно, что ничего! Выражение *Черт его возьми!* при всей его экспрессивности имеет, тем не менее, рациональное содержание: оно используется в ситуации, когда то, что произошло, является неожиданным и поэтому удивительным, а значит, оно тем самым **и означает это** и может использоваться в подходящей ситуации для совершения соответствующей мысли. Это значение дублируется также **интонацией удивления**, которая выражает слитно и эмоциональную оценку, и мысль (об интонации в мысли см. [Балли 2001: 118]).

3.3. Мысли обоснования.

Чрезвычайно важным и распространенным типом мыслей являются мысли обоснования (о конструкциях вывода-обоснования см. [Ярыгина 2002]). Если в стандартных мыслях — мыслях вывода — в мысленном дискурсе сначала актуализируются (подчеркнем: актуализируются, но не обязательно формулируются, обычно — не формулируются, не воплощаются в слова) основания (для будущего вывода), а затем из этих оснований выводится новое Р, то в случае обоснования эта последовательность инвертируется: сначала в уме С возникает некоторое Р, а затем возникают и формулируются **в словах** основания, подтверждающие, обосновывающие истинность,

правильность, правомерность, разумность и т. п. этого Р. Например: [Римский диктует телеграмму в ялтинский угрозыск по поводу возможного пребывания в Ялте Степы Лиходеева:

Примите сверхмолнию...] «Очень умно!» — подумал Варенуха, но не успел подумать как следует, как в голове у него пронеслось слово: «Глупо! Не может быть он в Ялте!» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита),

где *Не может быть он в Ялте!* является обоснованием оценки *Глупо!*, которая возникла в уме С до данного обоснования, что показывает порядок следования этих Р в прямой мысли. В связи с мыслями обоснования возникает два вопроса: (1) откуда берутся в уме С Р, которые затем обосновываются? (2) зачем нужны обоснования, если эти Р уже есть в уме С? Ответы на них не совсем ясны⁴¹. В некоторых случаях, для некоторых типов оценок, С по своему опыту знает, что Р. Таковы, например, *Хорошо гулять по лесу!* (пример Н. Д. Арутюновой [1988: 192]), или *Хорошо сейчас за городом!*, или *Хорошо быть проректором!* (думает проректор) и т. п. Заметим, что сами по себе эти Р не являются мыслями: *Хорошо гулять по лесу!* — ³подумал он — странно без дальнейших обоснований. Такие оценки возникают как обобщение актуальных случаев или даже одного случая переживания данного опыта и ощущения такой оценки. Человек гулял по лесу и помнит этот опыт со всеми его бесчисленными аспектами и сторонами, и знает (помнит), что это хорошо. Он вспоминает это представление и это оценочное ощущение, актуализирует его в словах. Но на этом мысль не заканчивается. Для того, чтобы мысль совершилась, требуется продолжение, и это продолжение заключается в неконтролируемом возникновении в уме С рациональных, вербальных оснований (обоснований), извлекаемых из этого комплексного и бесконечно разнообразного перцептуального опыта, отвечающих на вопрос, почему прогулки по лесу хороши, что именно в них хорошего. Тем самым перцептуальный невербальный конти-

⁴¹ Ср. ответ на 2-й из этих вопросов в работе [Ярыгина 2002: 85]: «Бывают ситуации, когда говорящему необходимо убедить самого себя в собственном мнении. ...Это происходит в случае внутренней речи: человек, рассуждая сам с собой, пытается вывести какую-то закономерность, подтверждающую правоту его мнения (вывода)».

нуум дискретизируется, рационализируется, что-то из него выделяется действием ума и концептуализируется, интерпретируется как основания для уже данной оценки-ощущения. И это уже мысль: *Хорошо гулять по лесу! / Хорошо сейчас за городом!* — подумал он. — *Птички поют, бабочки порхают, никто не отвлекает, можно думать о чем-то своем, забыть обо всех делах и проблемах...* и много еще чего можно вспомнить и добавить, ряд этот принципиально не замкнут: *...вдыхать запах трав и цветов, любоваться...* — и это всё **есть** хорошо, и поэтому хорошо гулять по лесу. Мысленный круг замкнулся. С сам для себя обосновал, почему / чем в лесу гулять хорошо, а то, что хорошо, он и без вывода знает по своему опыту. Зачем нужна такая рационализация? Вопрос остается открытым.

Предварительная оценка Р может возникать и в тех случаях, когда С не имеет личного опыта некоторой деятельности или пребывания в некотором состоянии. Субъект в своей оценке таких Р может опираться на рассказы сведущих и испытавших это людей, описания данного Р в книгах, статьях, должностных инструкциях и т. п., а также свои наблюдения за людьми, занимающимися данным Р, находящимися в данном состоянии. Например: *Хорошо отдыхать на Багамских островах!* (человек, который никогда там не был); *Хорошо быть проректором (летчиком, моряком, банкиром)!* (человек, который никогда не занимался соответствующей деятельностью и не работал в соответствующей области, но наслышан, начитан и т. п. об этом, короче говоря, так или иначе знаком с ней). В этом случае человек представляет, воображает, что он занимается данной работой, занимает данную должность, и, представляя это, ощущает, что заниматься этим хорошо. Это тоже личный опыт — но только в воображении. Такая оценка может обосновываться, аналогично тому, как это происходит в случае оценки Р по личному опыту. Ср. подобные мысли-обоснования, которые совершает ребенок, раздумывающий над тем, кем быть:

На заводе хорошо, а в трамвае лучше, я б кондуктором пошел, пусть меня научат. Кондукторам езда везде. С большой сумкой кожаной ему всегда, ему весь день в трамваях ездить можно и т. д. (В. Маяковский. Кем быть?).

Нерациональная оценка-ощущение (эмоция) может возникать в результате эмпатии, мысленного переноса субъектом себя на место объекта оценки и в случае оценок благополучия (другого субъекта). В дальнейшем дискурсе эта оценка обосновывается, ее основания осознаются и рационализируются:

Бывало, он меня не замечает, а я стою у двери и думаю: «Бедный, бедный старик! Нас много, мы играем, нам весело, а он — один-одинешенек и никто-то его не приласкает» (Л. Н. Толстой. Детство / НК).

Видимо, аналогичные механизмы работают и в случае обоснования рациональных (более рациональных) оценок и чисто дескриптивных обоснований-умозаключений дескриптивных (не оценочных) Р. Это рационализация, обоснование правильности иррационально, интуитивно возникших в уме С Р, объяснение, обоснование самому себе, почему это Р хорошо, плохо, умно, глупо, правильно и т. п. Например:

«Глупо! Не может быть он в Ялте!» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Или немцы землю отдали?— Не, не отдали. Сами побрали. — Опять одиноличниками стали. — Ну. — Это плохо, подумал командир. Заимев землю, вряд ли они пойдут в лес помогать партизанам — будут ковыряться в поле (Василь Быков. Болото / НК);

На обочине дороги лежал еще один неизвестный человек со сквозным прострелом груди. Наш шофер Эдик Стрельченко и двое других охранников тоже погибли. — Это как-то не вяжется, — вслух подумал Арефьев, — киллеры на месте убийства стараются ничего не оставлять. Тем более трупы своих людей (А. Ольбик. Схватка);

Тревога почему-то отступила, и я подумал, что бессмысленно жаловаться на то, будто живёшь не своей жизнью: значит, своей, если именно ты ею живёшь (А. Волос. Недвижимость / НК).

3.4. Мысли деонтической (этической) и утилитарной необходимости и возможности.

Особую область образуют мысли, касающиеся действий **воли**, заключающихся в «выборе» того или иного из контролируемых субъектом действий. Такими мыслями являются, в частности, весьма распространенные мысли **деонтической (этической) и утилитарной необходимости и возможности**. Деонтическая и утилитарная модальности относятся к модальностям выбора и образуют более высокий уровень модальности, надстраивающийся над абсолютной физической возможностью, в данном случае — возможностью совершения действия (см. [Шатуновский 1996: 218—224]). Деонтическая модальность предполагает в качестве фактора, обуславливающего необходимость, возможность или невозможность выбора того или иного действия, его соответствие / несоответствие установленным (установившимся) в человеческом обществе нормам, правилам и законам. Одним из важнейших видов деонтической модальности является этическая модальность, в случае которой таковым фактором является соответствие / несоответствие этическим, моральным нормам и правилам. Р необходимо (= необходимо совершить, выбрать) с деонтической точки зрения, если согласно некоторому правилу совершению этого Р нет альтернативы. Р невозможно (нельзя) совершить с деонтической точки зрения, если оно запрещено некоторым правилом (= несовершению этого Р нет альтернативы). Р возможно (можно) совершить с деонтической точки зрения, если оно разрешено / не запрещено (это два варианта деонтической возможности) каким-либо правилом. В случае утилитарной модальности фактором, обуславливающим необходимость или возможность выбора того или иного действия, является его соответствие интересам субъекта. Р является необходимым с утилитарной точки зрения, если с точки зрения интересов Г совершению этого Р нет альтернативы (= все другие альтернативы плохие или хуже Р). Р невозможно (нельзя) выбрать с утилитарной точки зрения, если совершение Р принесет такой ущерб, вред С-у, что вариант совершения Р отбрасывается как неприемлемая с точки зрения интересов С альтернатива. Наконец, Р является возможным (его можно выбрать и совершить) с утилитарной точки зрения, если Р является одной из (равноценных) альтернатив, каждая из которых в интересах С (принесет ему какое-то благо в случае совершения) или, по крайней мере, не противоре-

чит им (не принесет ему вред, ущерб)⁴². Эти модальности очевидно связаны с оценками, поскольку то, что соответствует правилам, является **хорошим, правильным** с деонтической точки зрения (см. [Арутюнова 1988а: 11 и далее] о связи аксиологической и деонтической сферы), а то, что соответствует интересам С, является для него хорошим с точки зрения утилитарной. Предложения (суждения) деонтической и утилитарной возможности и необходимости носят выводной характер, поэтому это по сути своей, первично, мысли. В случае мысли деонтической необходимости С приходит к мысли (совершает мысль), что *необходимо (надо, нужно)* выбрать делать / сделать Р, на основании того, что выбор и совершение Р соответствует некоторому правилу, а несовершение Р — не соответствует, так что совершению Р с деонтической точки зрения нет альтернативы:

Она подумала, что о смерти Толи надо сообщить родным, отцу в лагерь (В. Гроссман. Жизнь и судьба / НК);

Встала в 4 утра, подумала, что надо позвонить англичанке, сказать, что не приду (НК) —

в соответствии с неписаными этическими правилами необходимо сообщать родным о смерти близких, предупреждать человека в случае изменений в планах ранее согласованных с ним действий, альтернативы этому нет. Мысли утилитарной модальности являются более сложными по сравнению с деонтическими мыслями. Деонтические мысли опираются непосредственно на правила, которые существуют сами по себе независимо от мыслей субъекта. В то же время утилитарное Р является хорошим / плохим, соответствует / не соответствует интересам С не само по себе, но, как было отмечено выше, потому, что **ведет** к непосредственно или более непосредственно хорошему / плохому для С Q. Поэтому, прежде чем сделать вывод о утилитарной необходимости Р (выбора Р), сначала надо, опираясь на какие-то основания, сделать вывод о том, что Р является наилучшей или единственно хорошей или наименее плохой альтернативой из всех физически возможных вариантов. Основания могут

⁴² Подробнее о деонтической и утилитарной возможности, невозможности и необходимости и ссылки на обширную литературу по вопросу см. [Шатуновский 1996, гл. 6, разделы 3, 4].

не формулироваться, но они обязательно есть, должны быть: *Надо купить моркови*, — *подумал я* — потому что дома моркови нет или мало, а мы хотим сварить суп, а туда нужно положить морковь — нужно — потому что без моркови невкусно, это плохая альтернатива, мы ее исключаем. Если такого вывода нет, то это не мысль: *«Я голоден, надо поесть» — с *подумал* или без *подумал* — плохо, потому что это не мысль, а суждения утилитарной необходимости первично мысли: прежде чем сообщить кому-то, что надо сделать Р, надо сделать этот вывод в уме.

В случае утилитарной необходимости Р является единственной хорошей альтернативой для С (все другие плохие) или лучшей (в том числе и наименее плохой, представляющей собой наименьшее зло) из всех возможных альтернатив, поэтому все эти альтернативы исключаются из рассмотрения и та, что остается, является в утилитарном смысле единственной, необходимой, ей нет альтернативы. Например: *Никуда мы, конечно, не уйдем, подумал он, надо остановиться, выйти из машины и пойти им навстречу, это было бы самым грамотным...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы / НК). Здесь тому, чтобы остановиться и т. д., нет альтернативы с утилитарной точки зрения, потому что это лучший вариант (самое грамотное решение), все другие варианты хуже, а следовательно, с точки зрения интересов С, у Р нет равноценной альтернативы. И это выводится умом С.

В случае утилитарной возможности С в результате размышления приходит к выводу, что Р является хорошим (или просто не плохим) для С, этот вывод он делает, опираясь на какие-то основания, но существуют и другие варианты, которые с точки зрения интересов С не хуже, поэтому можно выбрать Р, а можно не Р. Например: *Можно поручить разметку Пете*, — *подумал он*. — *Петя человек ответственный, опытный, он сделает, как надо*. В фокусе этой мысли — *Пете* (в мысли тоже может быть что-то в фокусе — постольку, поскольку она выражается и совершается в словах). Эта мысль предполагает, что если поручить разметку Пете, он сделает это хорошо или по крайней мере не плохо, но есть и другие люди (по крайней мере один человек), которым можно поручить разметку, и они справятся с этим заданием не хуже, поэтому поручение разметки Пете является одной из возможных, равноценных с утилитарной точки зрения альтернатив. Если же никто другой не мо-

жет сравниться с Петей в деле разметки (и если этот вариант также физически возможен, то есть Петя доступен, согласится выполнить эту работу и т. д.), то в этой ситуации С придет к мысли о необходимости: *Надо поручить разметку Пете, — подумал он. — Петя человек ответственный, опытный, он сделает, как надо* — предполагается, что других столь же ответственных и компетентных нет, Петя здесь вне конкуренции.

Любопытно, что мыслей, касающихся деонтической и утилитарной невозможности, практически нет, видимо, потому что мысль неконтролируемо ищет и выбирает хорошее / наименее плохое, но не наиболее плохое для С Р. Зачем его искать? Чтобы затем не сделать? *Нельзя поручать разметку Пете, — подумал он. — Петя безалаберный, необязательный, он всё испортит, — подумал я.*

Утилитарная и деонтическая необходимость могут совмещаться постольку, поскольку в каких-то ситуациях делать нечто утилитарно хорошее является также хорошим, правильным, необходимым с деонтической точки зрения:

[Аннушка] *Подперла голову и отчетливо **подумала** в первый раз в жизни так: — Люди мы темные. Темные люди. Учит нас надо, дураков...* (М. Булгаков. № 13. Дом Эльпит-Рабкоммуна).

3.5. Вопросы мысли⁴³.

Чрезвычайно часто мысль при *подумал* предстает в виде различного типа вопросов (о типах вопросов см. гл. 7). Это могут быть разнообразные **вопросы-предположения**, в которых предположение формулируется в виде вопроса:

«Поляк?» — подумал Бездомный (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Вчера был на заседании поэтической секции. — Неужели он пишет стихи? — подумал я. В его-то возрасте...; Неужели я забыл выключить газ? — пронеслось в его уме; Тут в мозгу у Берлиоза кто-то отчаянно крикнул «Неужели?...» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

⁴³ О вопросах мысли см. подробнее и в связи с другими типами вопросов гл. 7.

Всецело к области мысли принадлежат **проблемные вопросы**. Действие мысли в случае проблемных вопросов заключается не в решении, но в **формулировании новой проблемы** там, где раньше С проблемы не видел. В области общих вопросов проблемными вопросами являются вопросы с частицей *ли*, характеризующиеся также специфической интонацией (подробнее о *ли*-вопросах вообще и проблемных вопросах в частности см. выше в гл. 7):

Чи ж опять перешел заросший пустынный двор, опять услышал вялый собачий лай, посмотрел на трех кур и одного петуха под забором и, выходя на улицу, машинально подумал: «А потеют ли куры?» (М. П. Арцыбашев. У последней черты / НК).

Проблемный вопрос мысли может строиться с помощью эксплицитно вводящего проблему слова *интересно* (отмечено Э. Б. Крыловой, устное замечание):

Интересно, потеют ли куры?; Интересно, разрешают ли в тюрьме ходить в тапках, внутренне морщась, подумал профессор (Василь Быков. Бедные люди).

Помимо первичных проблемных вопросов вопросами мысли являются также **вторичные проблемные вопросы-предположения** и **вопросы сомнения** (также включающие частицу *ли*) (подробнее см. гл. 7):

Не столкнулась ли подводная лодка с миной? / Не Квашинин ли это крикнул? / Не случилось ли с ним что-нибудь? / В школу ли пошел Павел? / Да служил ли он в армии? — подумал он; Но ведь и в этой святой вере, где-то в глубине души, жило сомнение. — Социализм ли это — вот с Кольмой, с людоедством во время коллективизации, с гибелью миллионов людей? (В. Гроссман. Все течет).

Подобные вопросительные мысли могут описываться (вводиться в текст) посредством косвенных вопросов:

Но теперь Павел Алексеевич подумал, не принимает ли его Елена за своего отца (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света / НК).

Полные и частичные *ли*-вопросы могут быть проблемными вопросами — вопросами мысли — потому, что в них альтернативы ‘Р или не Р’ являются **новыми**. Они **сообщаются** А-у в самом этом вопросе в случае информативного вопроса (запроса о передаче информации) и **создаются** С-ом в самом этом вопросе в случае проблемного вопроса — вопроса мысли. (Разумеется, как и в других случаях, вопрос мысли может формулироваться вслух в присутствии (потенциального) адресата. В этом случае он также сообщает А-у об этой проблеме.)

Не могут быть мыслями полные и частичные модальные вопросы: *Павел пошел в школу? / Павел пошел в школу?* — *подумал он. Понятно почему. Мысль — это **новое**, в модальных же вопросах альтернативы ‘Р или не Р’ относятся к известному, данному.

Что касается специальных вопросов, то могут быть проблемными вопросами (вопросами мысли) вопросы, содержащие полную пропозицию — вопросы о причине и цели:

Кстати, подумал он, почему наш сайт так называют — Contra.ru? Шеф говорил, это от «контраст», и еще в честь белого движения. Противостоим потоку мутного мэйнстрима. (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам);

Но почему же у него музыка гремела? Ведь и там должна [судя] по всему ночь быть? — вслух подумала она. (В. Грецкий. Zona О-Ха).

Не могут (или с трудом могут) осмысляться как вопросы мысли вопросы с неполной пропозицией — когда вопрос задается к части Р: *Кто стрелял в миссис Смит?* — *подумал / *думал он. Это вопрос, предполагающий адресата, и поэтому невозможный в мысленной форме. Но добавление в вопрос частицы *же* и некоторых других частиц (*это, бы*) делает вопрос вопросом мысли:

«Кто же стрелял в миссис Смит?» — *думает / думал лейтенант Коломбо;*

Вошла Машенька в избушку, села у окна на лавочку. Села и думает: «Кто же здесь живет? Почему никого не видно?..» (Маша и медведь);

Я смотрел на него и думал: что же делает этот неуёмный человек в том тишайшем учреждении по охране заповедников, в которое его засунули? (Ю. Домбровский. Хранитель древностей // НК);

Я волновался, — вспоминал Светлов, — Шутка ли: стою перед сотнями товарищей. Стою, молчу и думаю, что бы прочитать друзьям, которым меня представили как комсомольского поэта (История советской литературы, www.rogdestvenskij.ru);

Болтал и думал: «Что же произошло?» (В. Аксенов. Звездный билет // НК);

Вот я пришла, а ты, верно, думал, что это мама не идёт... (В. Гроссман. Жизнь и судьба // НК).

Некоторые вопросы, в частности вопросы со *сколько, куда, откуда* и т. д. (список нуждается в уточнении), могут пониматься в проблемном смысле и без каких-либо частиц. В этом случае вопрос имеет специфическую интонацию, совпадающую с интонацией проблемных вопросов с частицами и с *интересно* и отличающую его от обычных вопросов. Ср.: *Ск'олько ему л'ет?* — тон поднимается на *сколько* и падает на *лет* — обычный специальный вопрос, предполагающий адресата. *Ск'ОЛЬКО ЕМУ ЛЕТ?* (думал он) — вопрос мысли, тон резко и высоко поднимается на *сколько* и держится на этой высоте в течение всего вопроса, своего рода интонация незаконченности, иконически показывающая, что работа мысли еще не закончена, проблема поставлена, но не разрешена. Интонация такая же, как в *Сколько же ему лет?* и *Интересно, сколько ему лет?* Аналогично: *Куда ОН ПОЕХАЛ?* — думал Иван. — *В конторе вроде бы никого нет, в город еще рано ехать...*; *На выставке* (автомобилей) *побывало уже 100000. Но сколько из них станут покупателями?* (Евроныус. 7.11.2013) — вопрос мысли. Обычный вопрос был бы: *СкОлько из них станут покупателями?* (Это еще раз подтверждает мысль Балли [2001: 118], что в мысли есть интонация, а также то, что мысль совершается в этих случаях с помощью слов, посредством вопросительных предложений, иначе интонации не в чем было бы реализоваться.)

В качестве вопросов мысли могут также использоваться **риторические вопросы** (РВ). Как отмечалось выше (см. гл. 9), в риторическом вопросе борются две альтернативы, одна из них истинная, правильная, другая ложная, ошибочная, неправильная. В случае коммуникативного употребления РВ исходная, неправильная (с точки зрения Г) альтернатива принадлежит собеседнику, правильная (с точки зрения Г) альтернатива принадлежит Г.

В случае мысли обе альтернативы, заключенные в вопросе, принадлежат С. Эти альтернативы **сменяют** друг друга, и в этой смене и заключается специфическая мысль, совершаемая посредством РВ. Сначала С думает, что Р, но затем, в результате действия мысли, приходит к выводу, что не Р (или наоборот). Например:

В конце концов я уснул, а разбудил меня скрип открывающейся двери. Луна пропала, в комнате стоял плотный мрак, но на лестнице горел желтый свет, и в этом свете мне была видна женская фигура. Спросонья я решил было, что это Ксения. Но потом подумал — бог ты мой, да откуда же ей здесь взяться?
(А. Волос. Недвижимость / НК)

— сначала С решил, что это Ксения, что предполагало, что она могла здесь появиться (= ‘ей было откуда взяться’, — ‘Р’ — исходная неправильная альтернатива РВ), но затем пришел к выводу, что Ксении здесь неоткуда взяться (возникшая в уме и сменившая исходную правильная альтернатива вопроса, ‘не Р’), поэтому это не Ксения (‘не Р’). Аналогично: [Хозяйка гостям при подаче супа:] *Я собиралась обойтись без супа, но потом подумала: обед без супа — какой же это обед?* (Луис Бунюэль. Скромное обаяние буржуазии. Х/ф) ≈ ‘я собиралась обойтись без супа и это имплицировало, что обед без супа — это нормальный, хороший обед (‘Р’ — исходная, неправильная альтернатива РВ), но потом подумала, что обед без супа — это плохой обед (‘не Р’ — правильная альтернатива, сменившая исходную неправильную) и поэтому решила приготовить суп’. (Как и в других случаях, мысли, совершающиеся в РВ, не являются ни фактивными, ни нефактивными, поэтому правильными, неправильными и т. д. эти альтернативы являются только с точки зрения С мысли.) Аналогично (уже без комментариев):

Почему, собственно, я так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай, — рассуждал поэт, — в конечном счете, ну его в болото! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

4. Решение и мысль.

Решение — это тоже мысленное действие, поэтому закономерно возникает вопрос о соотношении решения и мысли. Действие (событие) решения заключается в том, что «из многих возможностей выбирается одна» [Анохин 1976: 7] = в том, что С волевым усилием изменяет состояние своего ума, отбрасывая все альтернативы, кроме одной, которая и «утверждается» волей в качестве будущего действия [Шатуновский 1996: 289]. Тем самым действия решения, в отличие от действий мысли, **контролируются** их С-ом. Альтернативы, среди которых выбирает воля, должны контролироваться С-ом решения и относиться к будущему (прошлые действия С уже не контролирует). Понятно, что близки к решениям, сближаются и так или иначе взаимодействуют с ними мысли С-а, также касающиеся **действий, контролируемых самим этим субъектом мысли**, действий, происходящих по **выбору воли** этого субъекта, и относящихся к будущему (абсолютному или, в нарративном режиме, при описании мыслей, относительному).

В ситуации принятия решения **может** участвовать также ум (разум): «Разум строит множество альтернатив, т. е. действий, в принципе уместных в данной проблемной ситуации; перебирает альтернативы и дает оценку каждому из потенциальных действий с точки зрения его свойств, возможных последствий и т. д.» [Падучева 2004а: 308]. Участие разума в принятии решения, однако, не обязательно. Ведь воля может выбирать между альтернативами, не созданными умом С-а решения, но уже известными из какого-либо другого источника. Перебор умом альтернатив, сравнение их друг с другом также может не привести к какому-либо определенному выводу о преимуществе какой-либо из них. В этом случае решение сводится к чистому акту воли, которая выбирает между уже имеющимися в уме равноценными альтернативами. Это мысленное действие подобно бросанию монеты для определения наудачу будущего действия (куда повернуть: направо или налево?) и является как

такое принципиально **необоснованным** и **произвольным**. Наличие способности «чистого», немотивированного выбора «наобум» является жизненно важным для человека. Очень часто оснований для выбора недостаточно, но тот или иной выбор должен быть сделан, иначе человека постигнет судьба буриданова осла⁴⁴.

Переходя к языку, отметим, что следует различать **описание** фактов решений в языке и **совершение** решений С-ом — посредством языка или, возможно, без такового, — а также описание **совершения** решений в языке. Такие предложения, как *Он решил поступать в МГУ; Она решила не участвовать в соревнованиях; Он еще не решил, к кому обратиться за помощью* и т. п. **описывают** событие решения, но не раскрывают того, как оно было совершено. В то же время предложения с прямой речью типа *«Надо спросить у Марфуши»*, — *решил я* (В. Белоусова. Второй выстрел / НК) раскрывают, описывают, представляют, **как, какими словами** решение было осуществлено, совершено. Разумеется, как и в случае с мыслями, в примере из текста мы имеем дело с описанием совершения решения, но предполагаем, что оно было осуществлено именно такими словами, именно таким (этим) предложением: об этом нам говорят кавычки, в которых это предложение заключено.

Мысленные события в сфере воли, помимо *решил*, описываются также глаголами *задумал, передумал, раздумал, собрался, вознамерился, замыслил* и др., а также аналитическими выражениями: *Едва войдя, я тут же огляделся и мысль немедленно бежать пронеслась в мозгу* (Ф. Горенштейн. Место) (подробнее о глаголах, обозначающих событие решения, см. [Падучева 2004а, ч. 3, гл. 5;

⁴⁴ «Выбор» действия Р может также определяться непосредственным **желанием** Р. Чем в большей степени выбор определяется желанием Р, тем в меньшей степени он является свободным выбором, актом ума или воли [Шатуновский 1996: 296], и если действие целиком определяется желанием, то «импульс», ведущий к нему, не является действием ума или воли, соответственно, здесь не используются глаголы мысли и решения. Подчеркнем, что речь идет именно о непосредственном желании Р = о Р, представляющем для С непосредственное благо. Если же речь идет о выборе путей, ведущих к достижению этого блага (или избежанию непосредственного или более непосредственного «худа»), то они уже выбираются с участием воли и ума, и акты принятия к исполнению действий Р, ведущих к хорошему Q, являются мысленными действиями.

Шатуновский 1996: 285—292]). Смежное с решением (и часто представляющее его результат) **намерение** обозначается в русском языке конструкцией ‘НСВ думать + Р (инфинитив)’: *Через две недели у меня день рождения. Думаю позвать пацанов из двора* (А. Геласимов. Нежный возраст / НК). Отметим, что намерение в сфере воли подобно мнению в сфере мысли; оно представляет собой неопределенно длящееся неактуальное ментальное состояние; в высказываниях намерения в прошедшем времени, подобно тому, как это имеет место в предложениях мнения, возникает обобщенная импликатура ошибочности этого намерения — невозможности осуществления намеченного Р: *Ленин [...] думал управлять Россией европейскими методами* (А. Рыбаков. Дети Арбата). Нас здесь, однако, интересуют актуальные события решения, совершаемые посредством языка. Каковы же виды и способы таких решений?

Наиболее «прямое» решение осуществляется посредством дескриптивного предложения, описывающего будущее контролируемое действие Р этого С по схеме: «Сделаю / Буду делать Р»⁴⁵. Такое Р может вводиться как посредством глагола воли *решишь*, так и посредством глагола мысли *подумать / думать* (а также *мыслить*). *Решить* используется в тех случаях, когда Р выбирается в качестве будущего действия С «чистым» или почти чистым актом воли, ум в этом не участвует или почти не участвует, роль его минимальна. Такое решение является эталонным, прототипическим решением. Например:

Ознакомившись с этой прелестью, я стал думать, отвечать честнейшему Алексею Навальному или не отвечать. С одной стороны, на всякий чих не наздравствуешься. Да и зачем делать господину Навальному пиар, к которому он так всегда стре-

⁴⁵ Ср. частичную (по словам автора) экспликацию понятия намерения в работе Анны А. Зализняк: «*X намерен Р* — ‘*X* думает: “Я сделаю Р”»; [в презумпции: *X* думает: “Я могу сделать Р”]’» [1992а: 64], а также вопрос (к самой себе) А. Вежбицкой: «...Не состоит ли намерение делать что-либо в думании: “Буду делать это”? И если нет, в чем оно состоит?» [Wierzbicka 1972: 230]. Заметим, впрочем, что, поскольку намерение, как было отмечено выше, неактуально, оно не может быть введено посредством прямой речи (в реальной речи, в реальных текстах), как это сделано в толкованиях выше: «*Завтра я поеду в Киев*», — **намерен я / решил я*.

мится? С другой, когда человек так беспардонно лжет, следует ему сказать об этом, так ли? Подумал-подумал и решил: отвечу (В. Познер. Ответ Алексею Навальному // Эхо Москвы. 03.03.2016).

Здесь альтернативы ‘отвечать’ — ‘не отвечать’ не созданы умом С и заранее известны. Ум сравнивает эти альтернативы, процесс мысли происходит в словах до события решения и заключается в приведении аргументов, обоснований в пользу одной и другой альтернативы. Оба возможных действия имеют основания для того, чтобы быть выбранными, для одного — утилитарные (на всякий чих не наздравствуешься, да и незачем делать пиар), для другого — деонтическое (этическое) (лжецу необходимо сказать, что он лжет). Ни одно основание не перевесило, по крайней мере, эксплицитно, поэтому пришлось прибегнуть к чистому акту воли. Поэтому здесь нельзя сказать: *Я думал-думал и *подумал: отвечу*. Аналогично: *Как раз к этому времени Инполит Матвеевич уже решил все. «Поеду, — решил он, — найду. А там посмотрим»* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). Здесь альтернативы — ехать искать или не ехать — также заранее известны, никаких оснований в пользу одной из альтернатив не приводится, у каждой из них есть свои за и против, в конечном итоге будущий курс действий определен актом воли. Поскольку Р в случае такого решения не создается умом С, оно, его диктальное (в смысле Балли) содержание не является новым; в **мысленном** (но не коммуникативном) **фокусе** в этом предложении только модальный компонент **выбора**. Однако выбор — понятие относительное, выбор — это всегда выбор **чего-то**, мы не можем выбрать неизвестно что, поэтому нам приходится «думать» слово (предложение), обозначающее то, что выбирается. (Это еще раз показывает важность языка для мысленных действий: непонятно, как мы могли бы выбрать, решить делать что-то, если бы у нас не было слов, обозначающих то, что мы выбираем, и выражаемых этими словами понятий.)

В то же время ум может участвовать в выработке решения, **формируя** Р, которое затем (или одновременно) выбирается в качестве будущего действия. Субъект формирует, строит в своем уме Р, опираясь на какие-то основания, как такое, которое является наиболее правильным, полезным, выгодным, наименее вредным и т. п. для С

и, возможно, других людей. Чем меньше в определении плана будущего действия произвольности и чем больше в нем рациональной обоснованности, тем в меньшей мере оно является решением и тем в большей степени оно является мыслью, и, соответственно, тем хуже звучит применительно к этому мысленному *Р решил* и лучше *подумал*. Например: *Медведь ... шел-шел, устал и говорит* (= думает): «*Сяду на пенек, съем пирожок*», — с одной стороны, здесь есть ясные основания: ‘я устал и мне надо отдохнуть и поесть, чтобы восстановить силы’. Поэтому здесь можно сказать *подумал*. С другой стороны, ему же сказали: «*Короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай*». Это весомое деонтическое основание *не садиться на пенек, не есть пирожок*, которое уравнивает утилитарно-рациональные основания сделать это. Таким образом, можно предположить, что определяющую роль в выборе *Р* здесь сыграла воля. Поэтому здесь можно сказать и *решил*. Если же построение *Р* и его выбор однозначно определяется соображениями пользы, необходимости, желательности, целесообразности, правильности и т. п. совершения этого действия, то есть действиями ума, и тем самым роль воли редуцируется, сводится к «утверждению» или даже «подтверждению» этого *Р*, то предпочтительнее становится *подумал*:

Послушай, Чичиков, ты должен непременно теперь ехать ко мне, пять верст всего, духом домчимся, а там, пожалуй, можешь и к Собакевичу. «А что ж, — подумал про себя Чичиков, — заеду я в самом деле к Ноздреву. Чем же он хуже других, такой же человек, да еще и проигрался. Горазд он, как видно, на все, стало быть у него даром можно кое-что выпросить» (Гоголь. Мертвые души).

Заметим, что в тех случаях, когда в выработке *Р* участвуют и ум, и воля, различие между решением и действием ума, заключающегося в предсказании, описании будущего, нерезко, размыто. В некоторых случаях трудно сказать, является ли это еще в какой-то мере решением или это уже просто выводное описание, «предсказание» будущего, исходящее из оснований, наличествующих в ситуации, включая знания *С* о себе. «*Нет, этого [покупки беглых крестьян] мы приятелю и понюхать не дадим*», — *сказал про себя (подумал / ?решил) Чичиков...* (Н. В. Гоголь. Мертвые души) — ‘глупо упускать

такое выгодное дело и отдавать его другому, поэтому я это не сделаю'. Ситуация усложняется в тех случаях, когда создаваемая в уме С мысль описывает не действие С, но будущее положение вещей, возникающее как результат действия С-а. Например: [протестующие против политики СССР в отношении выезда евреев во время концерта Владимира Спивакова в Нью-Йорке бросили в него банку с красной краской] *Увидев, что скрипка и смычок залиты краской, поняв, что он жив, Спиваков подумал (*решил): «Суки, так просто вы меня не возьмёте»* (Сати Спивакова. Не всё / НК) ≈ 'я сделаю всё, чтобы вы не сорвали мой концерт, и вы его не сорвете' — то ли решение, то ли предсказание будущего, опирающееся на знания о себе (≈ 'я такой, что у вас ничего не получится'), то ли (скорее всего) и то, и другое вместе, недифференцированно, плюс к этому, возможно, что-то вроде мысленного обещания, мысленной «клятвы» самому себе, связывающей волю С (также особое **мысленное** действие, клятва₃, отличная от других видов клятв (см. гл. 3)).

Исключительно глаголы мысли используются в случае актуально-длительного «развертывания», создания сложного решения (*решать* в его первичном значении не может употребляться актуально-длительно):

Он [Ленский] мыслит: «Буду ей спаситель. Не потерплю, чтоб развратитель огнем и вздохов и похвал младое сердце искушал ...» (и т. д.) (Пушкин. Евгений Онегин).

На выражении (как обтекаемо говорится о действиях мысли и их описании в словарях и учебных пособиях) действия решения специализируется конструкция прямой «мыслеволи» с частицей *-ка*, которая, как отмечается в [СлРЯ 1981—1984], «при глаголах 1-го л. ед. ч. будущего простого времени употребляется для выражения внезапно возникшего желания или решения что-л. сделать (обычно после некоторых колебаний). [Хлестаков:] *А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы*. Гоголь. Ревизор». Непонятно, впрочем, как внезапность решения может совмещаться с колебаниями по его поводу; скорее, решение принимается внезапно, без каких-либо колебаний; оно возникает сразу в готовом и окончательном виде. Принятие решения (выбор из ряда известных равноценных альтернатив) после мысленных колебаний между ними чистым актом воли

(так сказать, «наобум») выражается и осуществляется конструкцией с междометием решения *А!*, иногда с добавлением выражения *Была не была!* Например. Человеку хочется выпить бокал вина, но врач ему пить запретил; он колеблется некоторое время между альтернативами пить или не пить и затем принимает положительное решение: *А! Была не была! Выпить!*

В русском языке выработалось также особое клише для описания от 1 лица актуального события (акта) принятия решения с использованием настоящего динамического НСВ глагола *думать*⁴⁶ — *дай (-ка) + думаю + СВ 1 л. ед. ч. буд. врем.* (частица *-ка* здесь факультативна). Эта форма описывает спонтанно (без этапа предварительного обдумывания) возникающее в уме С решение, в типичном случае непосредственно, без какого-либо промедления переходящее в актуальное конкретное действие:

*Зато сегодня вот обнаружил файл с загадочным названием «Ре». Дай, **думаю**, посмотрю, что это я. Посмотрел...* (Запись LiveJournal / НК);

*Гляжу, — у портного сквозь ставни брезжит свет. Дай, **думаю**, керосинчику попрошу. Вхожу в сени* (А. Н. Толстой. На рыбной ловле / НК);

*Стою ночью на балконе, курю. Слышу снизу «мяу-мяу». Ну **думаю дай** ответу: я -мяу! -мяу я -мяу* (История в Интернете);

*Слышу — лифт едет, дай, **думаю**, посмотрю, уж не Миша ли...* (Е. Прошкин. Механика вечности / НК);

*Пришла домой, смотрю, пыль лежит. А дай-ка, **думаю**, и я полежу* (www.baby.ru);

*Бортовой журнал пуст. Дай-ка, **думаю**, хоть фото загружу* (www.drive2.ru).

Возможно также описание такого типа решения без *думаю*, однако оно представляется устаревшим:

— *Завелись лишние деньжонки — дай летаю в Москву, погляжу, что за Москва белокаменная* (П. И. Мельников-Печерский. В Чудове);

⁴⁶ О настоящем динамическом НСВ см.: [Шатуновский 2009, гл. 8].

Все товарищи уснули, а меня не гнет ко сну. Дай-ка лучше в карауле на крылечке прикорну (А. Т. Твардовский. Василий Теркин) (примеры из [СлРЯ 1981—1984]);

И в этом помыслил: дай же я притворюсь, будто сплю, авось отец Петр подъедет и мне помощь подаст (Н. С. Лесков. Темняк / НК).

Другой, более косвенный способ совершения мысленного действия решения — это использование мыслей утилитарной и деонтической необходимости и оценки, касающихся действий субъекта мысли. Поскольку разум оценивает Р как необходимое с утилитарной или деонтической точки зрения, то этому Р уже нет деонтической или утилитарной альтернативы, тем самым мысль о необходимости Р сливается с его выбором, решением его сделать. Аналогично с мыслью о Р как лучшей из всех контролируемых альтернатив. Решающую роль в определении Р как будущего действия в этих случаях играет ум, от воли требуется лишь подтверждение вывода ума о Р как необходимом будущем действии; какую-то роль воля здесь все-таки играет, потому что на базовом уровне алетической (абсолютной) модальности Р остается только возможным и физически возможно выбрать и осуществить и другую альтернативу. Поскольку ум здесь играет ведущую роль, такое «мыслерешение» обычно вводится посредством *подумать*, особенно в тех случаях, где присутствуют основания для / обоснования вывода Р:

Никуда мы, конечно, не уйдем, подумал он, надо остановиться, выйти из машины и пойти им навстречу, это было бы самым грамотным... (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы / НК);

Евгений Викторович подумал о том, что должен немедленно позвонить Моргуну (А. Житков. Супермаркет);

Окна в машине были тонированы, но все-таки я подумал, что лучше сидеть совсем без движений (А. Геласимов. Год обмана / НК);

Я даже встал в очередь, чтобы купить на пробу немного, но подумал: лучше мы сходим с тобой вместе в четверг, на это стоит посмотреть — они выкладывают рыбную мелочь для пробы на огромном жестяном блюде, так что чайки сходят с ума от запаха (Т. Орлова. Ловушка для ящериц / НК).

Возможно также введение через *решить* — в случае простых Р, не имеющих эксплицитных, выраженных в словах или ясных из ситуации оснований / обоснований:

«Надо будет потом у Тани спросить, что он имеет в виду», — решила Тома (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого / НК);

«Надо снова наполнить ее [опустевшую бочку] медом», — решил Медвежонок (С. Козлов. Правда, мы будем всегда? / НК);

Лучше спрятаться, — сказал Тугуши. *«Нет, лучше вообще уехать, да побыстрее»*, — решил Кока (М. Гиголашвили. Чертово колесо / НК).

Как представляется, в случае *решил* на первый план выдвигается, в мысленный фокус перемещается действие воли, необходимость и оценка Р уходят в область размытых неясных пресуппозиций.

Предположительные решения имеют место в тех случаях, когда в результате действия ума выработаны, созданы альтернативы для выбора воли, но сам этот выбор еще не сделан. В типичном случае такие решения формируются в виде вопросов, поскольку форма вопроса как раз и предполагает такие альтернативы:

Поджечь, что ли, вас? — вслух подумал Егор (В. Шукшин. Калина красная / НК);

Раскольникову ужасно захотелось послушать, что поют, точно в этом и было все дело. «Не зайти ли? — подумал он. — Хохочут! Спьяну. А что ж, не напиться ли пьяным?» (Достоевский. Преступление и наказание);

Он пошел к Неве по В-му проспекту; но дорогою ему пришла вдруг еще мысль: «Зачем на Неву? Зачем в воду? Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на Острова, и там где-нибудь, в одиноком месте, в лесу, под кустом, — зарыть всё это и дерево, пожалуй, заметить?» (Достоевский. Преступление и наказание);

Подумал: почему бы про бандитов кино не сделать? (Алексей Балабанов. «Я снимаю не для вечности» / НК).

Глядя вслед быстро удаляющимся габаритным огням, Лэнгдон подумал: А что, если пренебречь приглашением? Пересечь площадь, поймать у выхода такси и отправиться в отель, спать?.. (Дэн Браун. Код Да Винчи. Пер. Н. Рейн / НК).

Косвенные предположительные мысли-решения совершаются также посредством конструкций абсолютной (не сравнительной) оценки с глаголом СВ и частицей *бы*:

А когда я засыпал, — сказал Заяц, — я подумал, что хорошо бы утром пойти в гости к Медвежонку (С. Козлов. Правда, мы будем всегда? / НК).

Как отмечалось выше, сравнительная оценка выдвигает одну из возможных альтернатив как наилучшую и тем самым предопределяет выбор; абсолютная оценка, не исключая того, что есть и другие хорошие варианты, требует действия воли для утверждения Р как будущего действия С. Эта же конструкция используется и в иной ситуации, когда решение является предположительным не потому, что Р еще не выбрано С-ом, но потому, что оно является частично контролируемым и его выбор не гарантирует его реализацию:

У крыльца стояла Рая и другая соседка — Зина с первого этажа, — и Вера, подходя, с беспокойством подумала, что хорошо бы проскользнуть мимо них так, чтобы не вызвать, не дай бог, какого разговора (А. Волос. Путевка на целину / НК).

Таким образом, формулировка через *хорошо бы* позволяет ввести в сферу решения частично контролируемые Р.

К предположительным решениям примыкает гибридное — одновременно мыслительное и речевое — действие **мысли-предложения (предложение₄**, см. гл. 1), в ходе совершения которого С **вслух** создает в своем уме новое Р как возможное действие и одновременно сообщает его А-у (А-ам) для рассмотрения, оценки и возможного выбора. Поскольку такое предложение является не только действием мысли, но и речевым актом, предполагающим А, оно совершается в звуковой форме и не может вводиться словом *подумал*:

*Не стащить ли нам яйцо, оставленное муравьями? — предложил Громеко. Эта **мысль** сначала понравилась, но затем возникли некоторые сомнения (В. А. Обручев. Плутония / НК).*

5. СВ пропозициональной мысли.

Теперь рассмотрим более подробно семантическое противопоставление СВ и НСВ в области пропозициональных глаголов мысли. Глагол СВ *подумал*₂ обозначает единичный элементарный законченный акт совершения мысли:

Гость несколько раз тяжело отдыхнулся. «Толстый и большой, должно быть», — подумал Раскольников... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

Действие мысли, обозначаемое глаголом *подумал*₂ и описываемое вводимой им Р, соответствует значению одного из важнейших типов глаголов СВ, а именно ‘не Р → Р → не Р’ — глаголов, обозначающих «целостное действие» [Шатуновский 2009: 62]. Это актуальное единичное, конкретное действие ума, оно занимает некоторое время, пока мысль строится, создается. Сначала мысли нет, затем она начинает формироваться, строиться актуально в уме субъекта и затем, сформировавшись и совершившись, исчезает, «затухает», в смысле — перестает «бежать», как бежит бегущая строка, актуально в уме С, сменяется другой мыслью или «безмыслием», как перестают звучать, сменяются другими словами или беззвучием сказанные слова.

6. СВ мнения.

Наряду с мыслью, глагол *подумать* может обозначать возникновение мнения (*подумать*₃): «ПОДУМАТЬ ... 2. ...Прийти к какой-л. мысли, какому-л. мнению» [СлРЯ 1981—1984]. В этом случае результат мысли — Р — принимается в картину мира С как ее часть. Схематически: ‘не Р → Р’, где Р — пропозиция в уме С, являющаяся частью его картины мира. В случае перехода к мнению имеется в виду, что Р не было в уме С, а затем оно появилось, есть. Например: *Охранник подумал, что она принесла Кортесу какие-то фрукты. Он не догадался заглянуть внутрь (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью / НК).* То, что в этом предложении описывается переход к мнению, видно из того, что возникает импликатура ошибочности Р: ‘на самом деле она принесла не фрукты, а что-то

иное'. Переход к мнению и совершение чистой мысли различаются в соответствии с теми критериями разграничения мнения и мысли, которые были описаны выше. Мнение, в том числе и только что образовавшееся, вводится через изъяснительное придаточное с *что*. Если Р изложено посредством прямой или несобственно-прямой речи, то это только мысль. Если при *подумал* есть указания на внутреннюю или внешнюю речь, то это мысль:

*Тогда я дал ему полтинник и сейчас тоже достал полтинник, но **про себя** подумал, что этому делу пора положить конец* (В. Белоусова. Второй выстрел / НК).

Исключают интерпретацию Р как мнения показатели актуального конкретного времени и актуальной временной последовательности, как и любые другие показатели того, что это **действие**:

*Сейчас на реке я **подумал**, что шедевры существуют не только в искусстве, но и в природе* (К. Г. Паустовский. Наедине с осенью);

*Хотя, пожалуй, могло случиться и такое, **вдруг** подумал командир, на войне случается разное, вся она полна самых невероятных случаев* (В. Быков. Болото / НК).

В некоторых случаях возможна двойкая интерпретация: *Он открыл глаза и подумал, что жизнь его кончилась* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней / НК). Тут два понимания: одно — чистая мысль: он так подумал, а как на самом деле — неизвестно. Второе — мнение: он так начал думать, но он ошибался.

Отметим, что переход к мнению обозначает только *подумал*, но не другие глаголы мысли (в частности, *помыслить*, *рассудить*) — видимо, в соответствии с тем, что только *думать*, но не *мыслить* и т. д., может употребляться как глагол мнения. Переход к мнению также обозначает СВ глагола *решить* в значении 'в результате действия ума прийти к какому-то выводу, заключению относительно положения дел в мире':

Юрий Олексин, сменивший на посту главы Георгия Леонтьева, решил, что льгота по аренде, дарованная предпринимателям, наносит урон местному бюджету (Л. Опель. Федеральное самоуправление / НК); Почему-то я сразу решил, что мать подсылает её шпионить за мной. Потом, догадавшись насчёт отца и Ольги, я подумал, что если она и шпионит, то уж скорее не за мной (В. Белоусова. Второй выстрел / НК)

— о том, что это переход к мнению, свидетельствует типичная для мнения импликатура ошибочности Р, к которой пришел в уме С. Заметим, что это значение в словарях русского языка не отмечается или не отделяется от значения ‘принять решение делать что-либо’. В последнем значении импликации ошибочности Р не возникает:

Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному (Н. В. Гоголь. Шинель).

7. НСВ пропозициональной мысли.

Глагол НСВ *думать* (а также его возвратный коррелят *думаться* (только в форме прошедшего времени *думалось*) также может использоваться как глагол, вводящий создаваемую в уме С актуальную мысль — глагол пропозиционального отношения. Как ни странно, это важнейшее значение *думать* обычно не отмечается (см.: [СлРЯ 1981—1984; СУ 1935—1940; Булыгина, Шмелев 1997: 129—151]).

Каковы же особенности НСВ₂ *думать* в его противопоставлении СВ₂ *подумать*? Как отмечает Ю. Д. Апресян, *думать* описывает «мысль в процессе ее [...] оформления», имеет место «как бы прямой репортаж о том, что происходит в сознании субъекта»: *Стоим и думаем, что колбасы на нашу долю не хватит; Ну, думаю, сейчас я тебя удивлю; Нет, думал я, мир, в котором создана такая песня [...] имеет право на счастье и будет счастлив (Ф. Искандер) [Апресян 1995в: 395]. Это, безусловно, так, однако это только первое приближение к значению НСВ мысли. Прежде всего, СВ мысли *подумал* тоже в каком-то смысле описывает мысль «в процессе ее оформления», изнутри, в отличие от *думать*₁ / *подумать*₁, в случае СВ₂ также имеет место «как бы прямой репортаж» — если понимать*

под прямым репортажем непосредственное описание мысли, происходящей в уме С. Далее, НСВ мысли неоднороден: как и в других группах глаголов, немаркированный НСВ имеет гораздо более широкий спектр значений / употреблений, чем узкий маркированный СВ. Ниже будут описаны основные разновидности НСВ мысли.

7.1. НСВ потока мыслей.

*Думать*₂ в форме прошедшего времени употребляется при описании «потока сознания» С, последовательности отдельных мыслей, вклиниваясь в середину их развертывания, когда развертывание началось, но еще не кончилось. Ср. пример Ю. Д. Апресяна в более полном виде:

*Вечер я провел на скамье городского парка, обдумывая свою прошедшую жизнь и мечтая о новой. Я сидел на сырой скамье в уже расцветающем, голом, холодном парке. Неожиданно из репродуктора полилась песенка Сольвейг. И пока она звучала, мне ничего не стоило легким, незаметным, может быть, чуть-чуть шулерским движением вложить душу Сольвейг в мою девушку. Нет, **думал** я, мир, в котором создана такая песня, несмотря на все свои погрешности, имеет право на счастье и будет счастлив. И довольно легкомыслия, **думал** я, надо принять участие в преобразовании мира, пора стать взрослым человеком, пора устраиваться на работу в настоящую взрослую газету, где занимаются настоящими взрослыми делами (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура).*

Приведем и некоторые другие примеры: *Или во второй раз была какая-то другая птица? А в кустах поблизости от места, где они остановились, недолго слышалась подозрительная возня-шуршание — может быть, зайца или снова какой-нибудь птицы. Но вряд ли человека, как ночью могло показаться. Вообще человеком тут и не пахнет, **думал** Огрызков. Похоже, они забрались в такую глушь, что везде только кусты да болота и ни одной деревни. Молодцы партизаны, знают, где надо партизанить. И напрасно Гусаков дергается, чересчур остерегается (В. Быков. Болото / НК);*

*Правда, он и не рассчитывал на вещи; он думал, что будут одни только деньги, а потому и не приготовил заранее места, — «но теперь-то, теперь чему я рад? — **думал** он. — Разве так*

прячут? Подлинно разум меня оставляет!» (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание);

«Не бледен ли я... очень? — думалось ему, — не в особенном ли я волнении? Она недоверчива... Не подождать ли еще... пока сердце перестанет?» (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

Заметим, что постольку, поскольку поток мыслей состоит из отдельных мыслей, во многих случаях здесь может быть употреблено и *подумал*. Но оно понимается как относящееся к отдельной мысли из этого потока. При этом *подумал* может быть употреблено только один раз в этом потоке, в отличие от *думал*, см. выше в примере из Ф. Искандера, а также:

Это плохо, подумал командир. Заимев землю, вряд ли они пойдут в лес помогать партизанам — будут ковыряться в поле. Вон какая рожь выросла! Но как же тогда с организацией всенародной партизанской борьбы против оккупантов? — озабоченно думал Гусаков. Будучи пограничником, он помнил довоенные годы в Беларуси и знал, как неохотно при сплошной коллективизации расставались крестьяне с клочками своей малоурожайной земли, сколько тогда было пролито слёз. Наконец загнали-таки их в колхозы, и теперь — всё насмарку. Как бы не пришлось загонять снова (В. Быков. Болото / НК).

Подобное употребление может быть перенесено в «настоящее историческое»:

А он задом повернулся и моется. «Не стоять же, — думаю, — над его душой. Теперича, — думаю, — он нарочно три дня будет мыться». Пошёл дальше (М. Зощенко. Баня);

Им приспичило: даёшь ещё пяток бутылок — и всё тут! Праздник! Не удержать. Я думаю: да ну вас всех к монахам! Им же всё до лампочки — и машину угробят, и сами покалечатся. Лучшие уж, думаю, съезжу, привезу — жрите... я же всё-таки начальник. Там и ехать всего три километра (А. Волос. Недвижимость // НК);

«Вот придет барин— барин нас рассудит, барин сам увидит, что плоха избушка, и велит дать лесу», — думает старушка (Н. А. Некрасов. Забытая деревня).

В этих случаях *думаю* эквивалентно и может быть заменено на *думал*: *...Не стоять же, — думал я / он, над его душой...* В то же время формальное противопоставление по параметру ‘единичная мысль’ — ‘поток мыслей’ в настоящем времени исчезает вместе с исчезновением в настоящем времени и самого противопоставления СВ и НСВ. НСВ здесь может вводить как поток мыслей, так и единичную мысль. В последнем случае *думаю* и т. д. в настоящем времени эквивалентно и может быть заменено СВ в форме прошедшего времени *подумал*:

Нет, думаю / подумал я, такой хоккей нам не нужен!;
«Надо было бежать», — думаю я и, сгорбившись, иду следом за нею (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью / НК) ≈
«Надо было бежать», — подумал я и, сгорбившись, пошел следом за нею.

При этом в настоящем времени уже невозможны вводящие мысль изъяснительные конструкции, это всегда «прямая или несобственно-прямая мысль». *Я думаю / Он думает / Ты думаешь, что...* — всегда мнение: *Я думаю, что такой хоккей нам не нужен.*

7.2. НСВ в вопросах мысли.

Другой вариант использования НСВ₂ (как в прошедшем, так и в настоящем времени) связан с описанием **незаконченного** процесса формирования мысли. В таком употреблении то, что описывается НСВ, является в буквальном смысле «несовершенным», не завершённым. В этом случае пропозициональное содержание, вводимое *думать*, представляет собой описание проблемы, которую имеет в уме и пытается решить С. Такое описание осуществляется посредством проблемных вопросов — вопросов, в которых отсутствует запрос об информации, но которые представляют собой описание проблемы (см. гл. 7, 4.5, а также наст. главу, 3.5) — прямых и косвен-

ных или непосредственным описанием альтернатив, которые «перебирает» в уме С (собственно, это тоже вид косвенного вопроса):

«Едят ли кошки мошек? Едят ли мошки кошек?» — думала Алиса (из сказки Льюиса Кэрролла);

«Кто же на самом деле стрелял в миссис Смит?» — думал детектив Эркюль Пуаро;

«Сон это продолжается или нет?» — думал он (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание);

Тесто на оладьи каким должно быть. Вот стою и думаю — добавлять муку аль нет (Запись в Интернете);

Думаю: идти или не идти? (на улицу прогуляться в мороз);

Я стоял и думал, что же мне делать, потом снова наклонился над девочкой (Ю. Домбровский. Хранитель древностей / НК);

Я смотрел на него и думал: что же делает этот неужённый человек в том тишайшем учреждении по охране заповедников, в которое его засунули? (Ю. Домбровский. Хранитель древностей / НК);

Я волновался, — вспоминал Светлов, — Шутка ли: стою перед сотнями товарищей. Стою, молчу и думаю, что бы прочитать друзьям, которым меня представили как комсомольского поэта (История советской литературы. — www.rogdestvenskij.ru);

Болтал и думал: «Что же произошло?» (В. Аксенов. Звездный билет / НК);

Вот я пришла, а ты, верно, думал, что это мама не идёт... (В. Гроссман. Жизнь и судьба / НК).

Не могут быть с *думал* вопросы-предположения, ср.: *«Поляк?» — *думал Бездомный* — потому что предположение и в виде вопроса — это законченная мысль.

Между употреблением *думать*₂ этого типа и употреблением *думать*₁ для описания деятельности ума, где косвенный вопрос обозначает тему, объект мысли, тонкая, иногда трудно различимая грань. В случае *думать*₂ косвенный вопрос или дизъюнкция альтернатив, описывающая тему, проблему, над которой думает С, это не просто описание темы / проблемы, но то, что именно в таком виде **присутствует в уме С** как часть, как исходный пункт его незаконченной развертывающейся мысли. Поэтому описание этой проблемы в этих случаях часто и даже обычно представляется в виде

прямой речи (точнее, прямой мысли), заключаемой в кавычки. Добавление катафорического местоимения (*о том* и т. п.) делает прямую мысль темой и знаменует переход в *думать*₁. Свидетельством такого перехода и появления актуально-длительного значения у *думать* является возможность характеристики действия с точки зрения его длительности и интенсивности. Ср.: «*Сон это продолжается или нет*», — *долго *думал*₂ он; «*Как нам обустроить Россию?*» — *думал*₂ он / *долго *думал*₂ он и Он долго *думал*₁ о том / над тем, как обустроить Россию.

В то же время *думать*₁ и *думать*₂ не всегда можно четко разграничить, поскольку развернутое описание темы (проблемы) при *думать*₁ сильно предполагает, что именно в таком или близком виде она отражена в уме С в содержании самой мысли. Чем более развернуто описание темы, тем более вероятно, что именно в таком виде она присутствует в уме С. С другой стороны, наличие местоимения не обязательно для интерпретации косвенного вопроса как обозначающего тему мысли, ср. уже приводившийся выше пример: *Я думал уж о форме плана и как героя назову* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин) = *Я уже думал о том, как я назову героя*. Поэтому возможна своего рода контаминация *думать*₁ и *думать*₂:

Она думала теперь именно, когда он застал ее, вот о чем: она думала, почему для других, для Бетси например (она знала ее скрытую для света связь с Тушкевичем), все это было легко, а для нее так мучительно? (Л. Н. Толстой. Анна Каренина).

Выражение *вот о чем* является катафорическим указанием на тему, в то же время развернутое описание проблемы не только указывает на тему, но и, скорее всего, описывает то, что именно думала Анна, какие именно вопросы мучили ее; знак вопроса в конце описания как будто сохранился из «прямой мысли», на которую и похоже описание проблемы, несмотря на отсутствие кавычек.

Ситуация усложняется тем, что косвенный с формальной точки зрения вопрос может приобретать отчасти положительное, невопросительное значение⁴⁷; так, в примере

⁴⁷ Ср. замечание Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева о том, что в примере *Когда я думал, в чьих руках мы находимся, я приходил в ужас* (А. С. Пуш-

Я смотрел на экран телевизора и думал о том, как прихотливы бывают обстоятельства, о которых сегодня говорил мне кавказский «гость». Как странно и неожиданно может обернуться безвыходная на первый взгляд ситуация (А. Геласимов. Ты можешь / НК).

Два косвенных вопроса, вводимых *думал*, не только обозначают тему мысли и описывают ее как часть мысли С (последнее особенно чувствуется в парцелированном косвенном вопросе (после точки)), но также выражают, дейктически обозначают, опираясь на известную читателю ситуацию, и те «утвердительные» мысли, к которым пришел С, которые возникли в его уме в результате размышлений \approx ‘Я думал (о том), что обстоятельства бывают так прихотливы, как в данном случае, и что безвыходная на первый взгляд ситуация может неожиданно обернуться так, как это произошло в данном случае’.

Различные мотивации для употребления НСВ *думал*₂ могут совмещаться, ср. пример, где «поток мыслей» завершается проблемным вопросом, указывающим на незавершенность этого «потока» и продолжение мысленного поиска ответа:

Берлиоз с великим вниманием слушал неприятный рассказ про саркому и трамвай, и какие-то тревожные мысли начали мучить его. «Он не иностранец! Он не иностранец! — думал он, — он престранный субъект... но позвольте, кто же он такой?» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

7.3. НСВ единичной мысли.

В то же время *думал* употребляется не только с неопределенно длящимся потоком мыслей и неопределенно длящимися попытками решить проблему, описываемую вопросами. Наиболее парадоксальным и специфическим с аспектуальной точки зрения является употребление НСВ для ввода и описания **единичной** актуальной неопределенно длящейся мысли:

кин) «косвенный вопрос скрывает за собой положительное суждение» [Булыгина, Шмелев 1997: 163].

Абарчук тоже смотрел на него, разглядывал молодое лицо капитана, его волосы и брови, веснушки на носу и думал, что капитан старше его сына не больше, чем на два-три года (В. Гроссман. Жизнь и судьба / НК);

Штрум, любуясь Савостьяновым, думал, что волосы его светлые оттого, что и ум у него ясный, светлый (В. Гроссман. Жизнь и судьба / НК);

Пили чай со сладким пирогом. Потом Вера Иосифовна читала вслух роман, читала о том, чего никогда не бывает в жизни, а Старцев слушал, глядел на ее седую, красивую голову и ждал, когда она кончит. «Бездарен, — думал он, — не тот, кто не умеет писать повестей, а тот, кто их пишет и не умеет скрыть этого» (А. П. Чехов. Ионыч);

Стояло чистое, розовое, прозрачное, чуть ветренное утро. Шумели тополя, но горы были такие ясные и близкие, что, казалось, они начинаются прямо за парком. Голубые леса карабкались по их склонам. Я стоял, смотрел на них и думал, что, если мне быстро попалась бы попутная машина, я через полчаса мог бы быть там среди этого холода и чистоты (Ю. Домбровский. Хранитель древностей / НК);

Митя сел на стул. Стал осматривать приемную, отделанную дубовыми панелями. «Неплохо у нас проректоры живут!» — думал он (А. Житков. Кафедра / НК).

Если СВ *подумал*, как было отмечено выше, обозначает единичную совершившуюся мысль, прозвучавшую или сверкнувшую, как молния, в уме С и смолкнувшую, погасшую, то есть переставшую актуально присутствовать в уме С, то в случае НСВ мысль, описываемая и совершаемая посредством Р, актуально длится, подобно длящемуся пламени костра, и поддерживается в актуальном состоянии наблюдаемыми обстоятельствами (тем, что С видит, слышит, ощущает и т. п.), опираясь на которые С «производит» свою мысль и которые обычно обозначены в контексте. Так, процесс осмотра приемной проректора в последнем примере породил мысль ‘Неплохо у нас проректоры живут’, которая поддерживается и непрерывно подтверждается продолжающимся процессом осмотра. В подобных употреблениях мысль сближается с актуализованным мнением и в наибольшей степени отделяется от речи, поскольку произнесенная речь, законченное единичное высказывание неопределенно длится

не может. Тем не менее, и в этом случае мысль часто выражается в виде прямой или несобственно-прямой речи (мысли), см. примеры выше.

То, что мысль здесь актуально и неопределенно (во временном отношении) длится, видно из контекстуальной соотносительности НСВ *думал* с другими глаголами НСВ в актуально-длительном значении в том же контексте посредством сочинительной связи и союзного и бессоюзного соединения, выражающих **одновременность** [Русская грамматика 1980, т. 1, § 1439] и **однородность** этих действий (особенно очевидной в случае сочинительной связи), ср. выше: *смотрел и думал, любуясь...*, *думал...*; *слушал, глядел и думал*, и т. д.

Поскольку НСВ *думать* регулярно употребляется для выражения мнения, такие однородные актуально-длительные члены часто специально добавляют, чтобы исключить двусмысленность и показать, что это не мнение, а актуальная мысль. Тем самым выражения типа *стоял и думал, стою и думаю, лежу и думаю, сижу и думаю, смотрю и думаю* и т. п. превращаются в своего рода грамматикализованные показатели актуальной мысли. Ср. пример Ю. Д. Апресяна: *Стоим и думаем, что колбасы на нашу долю не хватит* [Апресян 1995в: 395] — мысль и: *Думаю, что колбасы на нашу долю не хватит* — мнение.

7.4. НСВ повторяющейся мысли.

Мысль создается в уме С. Поэтому повторить созданную мысль — создать эту же мысль в уме еще раз — невозможно по определению, так же, как невозможно автору еще раз написать свое произведение. Если бы Пушкин, завершив «Евгения Онегина», воспроизвел бы его буква за буквой еще раз (это возможно физически), это не значило бы, что он еще раз написал его (это невозможно логически). Отсюда аномальность следующих примеров:

«Плачет», — *иногда думал он, слыша шум льющей воды;
«Толстый и большой, должно быть», — *опять подумал Раскольников;
*Абарчук часто думал, глядя на капитана, что он старше его сына не больше, чем на два-три года;
*«Надо бу-

дет поговорить об этом с Машей», — время от времени думал он⁴⁸;

В то же время некоторые мысли могут повторяться. Какие и почему — вот вопрос.

Прежде всего, мысль может повториться, если она аннулирована, «отменена» в уме С. Например:

*На сцене так много выстрадано и пережито, что порой я даже **думаю** — мне больше лет, чем записано в паспорте (С. Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» / НК).*

В этом случае мысль создается в уме С, затем аннулируется как неправильная, теперь, когда этой мысли нет, можно создать эту (такую же) мысль еще раз, и т. д. То, что мысль аннулирована, отменена, не выражается эксплицитно, однако это следует из того, что эта мысль повторяется. Это реверсивное действие мысли, подобное реверсивному действию, описываемому НСВ повторяющегося физического действия некоторых глаголов: *Я много раз поднимался на Эверест* подразумевает, что я столько же раз и спускался, иначе это действие не могло бы повторяться. Разумеется, это действие должно быть таково, что его результат может быть отменен — это относится и к физическому, и к мысленному действию.

Повторение также возможно тогда, когда мысль по тем или иным причинам не завершена, не закончена и прекращена. В этом случае ум может повторить, «возобновить» эту мысль, «пытаясь» завершить начатое. Так, могут повторяться мысленные попытки решить проблему. Пока проблема не решена, она может возникать в уме С снова и снова, являясь в каждом случае повторения повторяющейся частью новой попытки решить проблему новыми средствами: *Иногда в тихие минуты, вспоминая генеральскую дачу, думал: какой там у них новый повар?* (В. Быков. Болото / НК); *Я часто думал: что здесь было раньше?* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей / НК). Под *новыми средствами* здесь понимаются различные

⁴⁸ То же относится к мысленным действиям *понять* и *узнать*: **Я несколько раз узнавал, где находится Аргентина; *Я часто понимал, что солнце уже встало.*

предположения или наборы предположений, выдвигаемые С-ом в уме в качестве возможного решения проблемы. Ср. аномальность повторения в случае повторения в полном смысле одного и того же предположения:

**Я часто думал, что раньше там был склад; *Он часто думал: может быть, там раньше был склад?*

Могут быть не завершены (в определенном смысле) и дескриптивные мысли. Дескриптивная мысль завершена тогда, когда С мысли уверен в ее правильности, истинности (больше уму в отношении этой мысли нечего делать), и не завершена, если такая уверенность отсутствует. В этом случае мысль может повторяться и, опираясь на новые основания, становиться все более и более уверенной, с каждым возвращением приближаясь к завершению. Такова мысль в следующем примере:

*Но чем внимательней, твердыня Notre Dame, я изучал твои чудовищные ребра, — тем **чаще думал** я: из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам... (О. Мандельштам).*

Здесь повторяется дескриптивное Р, полученное в результате вывода по аналогии: ‘из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам’. Однако эта мысль не завершена — в том отношении, что у С нет полной уверенности, что это будет. В каждом последующем случае повторения этот вывод опирается на новые посылки — результаты более внимательного изучения устройства Нотр-Дам — и соответственно вывод, который делается в каждом последующем случае, не отличаясь от предыдущего дескриптивным (диктальным, в терминологии Ш. Балли [1955]) содержанием, отличается от него с точки зрения субъективно-модальной — степенью **уверенности** в том, что это Р будет \approx тем более я укреплялся в мысли, что... Повторение абсолютно одной и той же мысли лишено смысла и просто невозможно:

**Я внимательно изучал / изучил чудовищные ребра Нотр-Дам и часто думал, что и я когда-нибудь создам что-то прекрасное из недоброй тяжести.*

Сходная ситуация с мыслями-решениями. Не может повторяться решение, выражаемое собственно глаголами решения (*решил, решил, хотел, вознамерился* и т. п.) видимо, потому, что они обозначают окончательное и бесповоротное решение, которое не может быть отменено: **Он много раз / часто / всё чаще решал поступать / поступить в университет*⁴⁹; **Он несколько раз хотел встать*; и т. п. Однако сами по себе мысленные действия решения, совершаемые в словах, могут повторяться, если это решения неуверенные, неокончательные, предположительные. В таких случаях то, что повторяется, это не решения, но своего рода «попытки»⁵⁰ (неудачные) принять решение (подобные попыткам решить проблему или попыткам предвидеть будущее выше). Например: *«Сбегу», — чаще и чаще приходит ему на ум [эта] мысль. С этой блаженной мыслью он и заснул в тот день. «Сбегу», — думал Карась, проснувшись, и на другой день поутру. Эта мысль начинала нравиться Карасю и окончательно укоренилась по поводу одного маленького бегуна. Событие было такого рода. [и т. д.]* (Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы / НК). Здесь повторяется дескриптивное Р и усилие воли принять его к окончательному исполнению. Это усилие воли недостаточно сильно, чтобы вызвать, каузировать осуществление Р, поэтому попытка не достигает успеха. Однако с каждым случаем повторения мысли решимость сделать Р укрепляется, усилия воли становятся интенсивнее, достижение мыслью результата — окончательного принятия решения — всё ближе. Аналогично: *Все чаще думаю — не поставить ли лучше точку пули в своем конце* (В. Маяковский. Флейта-позвоночник). Однако поскольку здесь решение косвенное, через мысль сравнительной оценки, здесь одновременно укрепляется и уверенность в том, что Р лучшее действие из всех

⁴⁹ Отмена решения в случае этих глаголов может быть описана с помощью частицы *было*: *В первую минуту он решил было преследовать и настичь их, но, взглянув на часы, удержался* (В. Богомолов. Момент истины) [Князев 2007: 418].

⁵⁰ Разумеется, слово *попытка* здесь понимается в сдвинутом, нестандартном смысле. Слова *попытка, пытаться* обозначают такое действие, которое выбрано к исполнению волей С-а, но его осуществление не предопределено, оно зависит от объективных обстоятельств. В случае непосредственного действия воли субъективное и объективное сливаются: успех усилия воли зависит от самого этого усилия, и более ни от чего.

возможных вариантов, и вытекающая из нее готовность (решение) его совершить. Заметим, что интенсивность, субъективная «сила» уверенности в Р (в случае чистых мыслей) или намерения, импульса сделать Р (очевидно тождество в определенном смысле этого компонента в мыслях и решениях) не имеет идиоматического узуального обозначения в русском и, видимо, в других языках (**Я всё сильнее думал...*), является «семантическим кварком» [Апресян 1995а: 481—482]. Отсюда его описание в естественном русском языке посредством своего рода метонимического наречия (*всё*) *чаще* (см. все примеры выше), где *чаще* (компонент сравнения в этом слове) означает не только и не столько ‘чаще’, сколько ‘интенсивнее, сильнее’, или, говоря метафорически, ‘крепче’. Чем сильнее, крепче Р, чем больше в нем энергии, тем чаще оно приходит нам в голову (и тем ближе оно к тому, чтобы окончательно закрепиться в уме).

Повторение мысли не всегда приближает к результату (как в примерах выше), мысль может в своих попытках оставаться на одном и том же уровне незавершенности, образуя дурную бесконечность, как вытекающие из оценочной мысли безрезультатные (до поры до времени, в конечном итоге положительное решение было героем романа принято) попытки принять решение в примере ниже:

Вся жизнь Григория была в прошлом, а прошлое казалось недолгим и тяжким сном. «Походить бы ишо раз по родным местам, покрасоваться на детишек, тогда можно бы и помираться», — часто думал он (М. Шолохов. Тихий Дон).

Не могут повторяться субъективные, эпистемические предположения, поскольку они являются предположениями онтологически одного и того же Р (имеющего место в одном и том же пункте пространства и времени): **Я часто думал: может быть, там раньше был склад?*; **«Судя по голосу, он, должно быть, очень молодой»*, — *иногда думал Раскольников*; **«Наверное, он уехал в отпуск»*, — *часто думал Петя*. В то же время могут повторяться предположения объективной возможности:

Когда я иду по улице, а передо мной, в вихре свертываясь, несутся прочь от меня вещи и улетают, я иногда с ужасом думаю:

а что как вдруг все они станут! и я, конечно, крепко ударюсь и расшибу себе лоб! (А. М. Ремизов. Взвихренная Русь / НК).

Здесь повторяются мысли-предположения Р одного и того же типа (С-у представляется одно и то же по своему характеру возможное действие), однако онтологически эти Р являются различными, поскольку они потенциально имеют место в разных пунктах времени и, возможно, места. В каждом отдельном случае повторения возможное Р (то, что возможно Р) является заново созданным мыслью и новым, потому что из того, что какое-то Р возможно в момент t_1 , вовсе не следует, что возможно такое же Р в другой момент t_2 .

Аналогично (но это уже не предположение, а утвердительная мысль): *Я захожу и думаю: «Вот меня считают за идиота, а я всё-таки умный, а они и не догадываются...» У меня часто эта мысль.* [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)]. Повторяющиеся мысли здесь онтологически разные, потому что в разные случаи ее повторения в ней фигурируют разные «они».

Сходная ситуация с мыслями-оценками. Такая мысль может повторяться как тип, при этом в каждом случае актуального повторения та же самая (в типовом смысле) оценка в определенном смысле является иной и **новой**. (*Та же самая* здесь — *такая же*.) Ср. эксплицитный случай:

Потом Екатерина Ивановна играла на рояле шумно и долго, и, когда кончила, ее долго благодарили и восхищались ею. «А хорошо, что я на ней не женился», — подумал Старцев. ... Когда вошли в дом и Старцев увидел при вечернем освещении ее лицо и грустные, благодарные, испытующие глаза, обращенные на него, то почувствовал беспокойство и подумал опять: «А хорошо, что я тогда не женился» (Чехов. Ионыч).

Здесь повторяется оценка события ‘я на ней тогда не женился’, но в каждом случае эта оценка основывается на **различных наблюдаемых обстоятельствах**, и в этом отношении каждая из этих мыслей уникальна. Оценка ‘хорошо (что я на ней не женился)’ во втором случае является **новой** (и **информативной**, если эта оценка сообщается), поскольку в этих иных обстоятельствах оценка **могла бы быть и иной**: *Жалко, что я на ней тогда не женился!* — мог поду-

мать Старцев⁵¹. Такого рода повторение, если оно происходит регулярно, может быть обобщено формой НСВ:

Каждый раз, когда Старцев видел Екатерину Ивановну, он думал: «А хорошо, что я на ней не женился». Аналогично (с оценкой другого типа): Бывало, он меня не замечает, а я стою у двери и думаю: «Бедный, бедный старик! Нас много, мы играем, нам весело, а он — один-одинешенек и никто-то его не приласкает» (Л. Н. Толстой. Детство).

Здесь оценивается актуальная ситуация, в которой находится Карл Иванович в какой-то конкретный момент времени: он один-одинешенек и т. д. и поэтому эта ситуация плохая для него \approx он бедный. Но это оценка не навсегда, он «бедный» не по своей природе, а только в какой-то конкретный момент, ведь ситуация может измениться. Например, Маша упала, ударилась, плачет. «*Бедная Маша, — подумал я, — как ей больно!*». Но прошло время и с ним боль, Маша снова весела и играет — она уже не бедная. В случае с Карлом Ивановичем актуальная ситуация в каждый последующий случай контакта С с ним не меняется, хотя **могла бы** измениться: он один-одинешенек и т. д., и это вызывает **такую же**, но актуально, онтологически **иную** оценку. И в этом смысле мысль-оценка **новая**: она **не изменилась**, хотя могла бы измениться.

В то же время не могут повторяться мысли вида *Какой подлец! Вот сволочь!* и т. п. То, что «устанавливают» эти мысли, является постоянным, неизменным. Если человек дурак или сволочь, то это навсегда или, по крайней мере, надолго. Поэтому нет смысла в повторении этих мыслей: *Каждый раз, когда я вижу, как Петя постукает со своими близкими, я думаю: «Какая сволочь!».*

Для однозначного понимания в значении повторяемости нужна сильная контекстуальная поддержка в виде кванторов — *всё чаще, порой, иногда, всегда, каждый день* и т. п. или других внешних показателей повторяемости — *бывало, когда* и т. д. (см. примеры выше). Если таких показателей нет, то часто возникает двусмысленность между пониманием в актуально-длительном значении (Р какое-то

⁵¹ «Оценки изменяются не только от человека к человеку, но и у одного и того же человека с течением времени» [Ивин 1970: 33].

время актуально длится без перерывов) и значением повторяемости (Р возникает актуально в уме С время от времени):

Один русский учитель, попав в Восточную Африку, повесил в школьном саду скворечник. «Заведутся птицы, вот славно будет!» — думал он. Но вскоре увидел, что из скворечника выглядывает... рогатая голова. Ящерица агама! (С. Сахарнов. Осколки кокосового ореха / НК);

За весь следующий день не было ни одного телефонного звонка. «Ладно, всё равно посадят», — думал Штрум. И эта мысль теперь не мучила, а словно бы утешала его (В. Гроссман. Жизнь и судьба / НК);

Положив себе дожить до девяноста, Сталин с тоскою думал, что лично ему эти годы не принесут радости, он просто должен домучиться ещё двадцать лет ради общего порядка в человечестве (А. Солженицын. В круге первом / НК).

8. Заключение. Другие глаголы и действия мысли.

В заключение главы и книги в целом рассмотрим очень кратко для полноты картины (которая все равно не будет полной) некоторые другие действия и глаголы мысли.

Несколько устаревшим и малоупотребительным синонимом *подумал*, является *помыслил*:

[Воланд:] *Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он внезапно смертен...!* «Какая-то нелепая постановка вопроса...» — *помыслил* Берлиоз (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

[Аннушка] *Подперла голову и отчетливо помыслила в первый раз в жизни так: — Люди мы темные. Темные люди. Учить нас надо, дураков... (М. Булгаков. № 13. Дом Эльпит-Рабкоммуна).*

Глагол *мыслить* / *помыслить* может также иметь значение деятельности мышления:

Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей (Пушкин. Евгений Онегин);

*Гигант взглянул на него из-под кепки, **помыслил** и, тяжело нагнувшись вытащил из под стойки мокрую холодную бутылку вина (О. Куваев. Эй, Бако! / НК).*

Близким к *подумать* образом употребляется его возвратный коррелят *подуматься*:

*Всё-таки Робинзону после кораблекрушения, наверное, было легче, **подумалось** Косте, он плыл в чистой морской воде (В. Быков. Болото / НК);*

*«Неужели это продолжение сна?» — **подумалось** еще раз Раскольникову (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).*

Чрезвычайно близкими к *подумать* с точки зрения характера выражаемой мысли являются сочетания *мелькнуло в голове, пронеслось в голове, пронеслась в его голове мысль, мысль пронеслась в мозгу, пришла в голову мысль* и т. п., при этом внутренняя форма этих выражений изображает то, что в *подумал* является скрытым — начавшееся и закончившееся событие совершения мысли:

*Но, ставши в углу сарая, он увидел, что и здесь можно было его как-нибудь увидеть. «А вот это будет лучше», — **мелькнуло в его голове**, и он в одну минуту отбросил ступени близ стоявшей коляски, вскочил туда, закрыл за собою дверцы, для большей безопасности закрылся фартуком и кождею и притих совершенно, согнувшись в своем халате (Гоголь. Коляска);*

*«Очень умно!» — подумал Варенуха, но не успел **подумать** как следует, как в голове у него пронеслось слово: «Глупо! Не может быть он в Ялте!» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);*

Едва войдя в кабинет этого милицейского полковника ... я тут же огляделся и мысль немедленно бежать пронеслась в мозгу (Ф. Горенштейн. Место).

Глаголы *рассудил* — *рассудилось* вводят эксплицитное целостное умозаключение, с посылками и выводом:

*Он моментально **рассудил**, что, пока его видят только три немца, ему нет никакого расчёта первому лезть в драку, а достигнув ближайшей роуци, где немцев, быть может, нет, он*

имеет шанс спастись даже в том случае, если эти трое поднимут запоздалую тревогу (Э. Казакевич. Звезда / НК);

Прежде всего он принялся было вытирать об красный гарнитур свои запачканные в крови руки. «Красное, ну а на красную кровь неприметнее», — **рассудилось** было ему... (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

НСВ *рассуждать* обозначает процесс развертывания такого умозаключения: *Почему, собственно, я так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай, — **рассуждал** поэт, — в конечном счете, ну его в болото!* и т. д. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Только в НСВ употребляется вводящий исключительно «поток мыслей» (очевидно, что второе обуславливает первое) глагол *размышлять* (и в значении деятельности, и в значении совершения и описания мысли):

Он долго **размышлял**, над этим и пришел к выводу, что...; Любой кремлевский лидер будет рефлекторно стремиться колонизировать «незалежную». «Москва была и остается угрозой для Киева, пока она (Россия) не станет стабильной демократией, полностью консолидированной с Западом», — **размышляет**₂ Александр Мотыль. По его мнению, наиважнейшие геополитические реалии, с которыми сталкивается сегодня Украина, имеют три аспекта: безжалостная российская угроза, экономический эгоизм франко-германской Европы и непостоянство имперской Америки (А. Ситников. Великая стратегия Украины / НК).

Все перечисленные выше глаголы вводят Р, которые описывают действия мысли и являются действиями мысли. В отличие от этих глаголов глагольные сочетания *пришел к выводу / заключению / мысли*, обозначая действие мысли, вводят Р, которое описывает (выражает) **результат** этого действия — возникшую в уме С Р, оставляя не охарактеризованным само действие (событие) мысли. Соответственно, этот результат может быть передан только изъяснительным придаточным, но не прямой речью:

Грым долго ломал по этому поводу голову и **пришел к выводу**, что дело было именно в самой оркской интенции, в корявом словесном зародыше, в особых брызгах яда, которые он мог из себя

исторгнуть — поскольку люди на такое способны уже не были (В. Пелевин. S.N.U.F.F. / НК);

Размышляя об этом, я пришел к мысли, что нам, русским, вообще претит какая-либо одноразовость (Н. Климонтович. Дорога в Рим / НК);

Савва секунду подумал, пришел к выводу, что лучше быть подлецом, чем дураком, и решил на полупризнание (М. Бакони-на. Школа двойников / НК).

Мысли, вводимые безличными глаголами *подумалось, рассудилось, озарить, осенить*, а также семантически безличные предложения с формальным подлежащим *мысль* (*мысль мелькнула, пронеслась, пришла в голову, его озарила мысль* и т. д.) отличаются от личных предложений с подлежащим — субъектом мысли в отношении контролируемости. Хотя все мысли, как было отмечено выше, неконтролируемы, «безличные» мысли (с субъектом мысли в косвенном падеже) в некотором отношении более неконтролируемы, чем мысли с субъектом-подлежащим. Мысли при *подумал* и т. д. могут (это не обязательно, но возможно) возникать — как бы это сказать — **в связи** с приложением мысленных усилий, **в ходе** приложения мысленных усилий для решения какой-то мысленной задачи.

Петя долго думал над тем, как решить задачу, подходил к ней и так, и так. «Может быть, перенести центр тяжести вперед?» — наконец подумал он;

Он долго стучал в дверь, но никто не открывал. «Что случилось? Уж не поубивал ли их всех кто?» — подумал он.

Мы не можем говорить здесь о результате, потому что между приложением мысленных усилий и возникновением мысли нет непосредственной каузальной связи. Приложение мысленных усилий и возникновение мысли относятся к разным бытийным планам, к разным, не пересекающимся мирам. Мысленные усилия, *думать*₁, хотя и происходят где-то в голове, относятся к материальному, физическому миру. Кто думал, тот это знает. Мы физически ощущаем эти усилия, они могут быть более или менее интенсивными, они утомляют. Мысль, возникающая в уме в ходе этих усилий, отно-

сится к идеальному миру. Поэтому мы не можем в обыденном, не научном метаязыке связать их каузальной связью. Употребляя выражения *в ходе, в связи* мы пытаемся хотя бы на словах решить вечную проблему связи духа и материи. Поэтому *подумал*₂ не является аспектуальной парой к *думать*₁, деятельности ума (как и *помыслил, рассудил / рассудилось* к *мыслить, рассуждать* мысленной деятельности), поскольку *думать*₁ направлено на достижение результата, а *подумал*₂ не обозначает Р — результат этой деятельности. Мы не можем сказать: *Он долго **думал** об этом / немного **подумал**₁ и **подумал**₂, что это Петр украл деньги. Как *думать*₁ / *подумать*₁, так и *думать*₂ / *подумать*₂ обозначают действие ума, однако *думать*₁ / *подумать*₁ обозначают действие со стороны «психофизических» усилий, не раскрывая его идеальное содержание, тогда как *думать*₂ / *подумать*₂ описывают действие ума с ментальной стороны, раскрывают его мысленное содержание.

Тем не менее некоторый «параллелизм», некоторый вид обусловленности между физическими и ментальными действиями между приложением усилий ума и параллельным возникновением мысли в случае *подумал*₂ и т. д. может иметь место в случае агентивных предложений мысли. Что же касается «безличных» предложений мысли, то они описывают ситуацию, в которой мысль возникает абсолютно спонтанно, независимо и не в связи с какими-либо мысленными усилиями С. *Он пришел к мысли, что Р* — после каких-то усилий, размышлений; *Ему пришла в голову мысль, что Р* — без приложения усилий с его стороны, сама собой.

И наконец, в заключение заключения, о мыслях понимания. Существуют разные виды понимания (см. [Дмитровская 1985; Иомдин 2006]). С областью мысли пересекается понимание как пропозициональное достижение (на наш взгляд, лучше бы сказать *постижение*) и осознание (по классификации М. А. Дмитриевской [Дмитровская 1985: 99—103]): *В подутьме что-то тускло отсвечивало. Степа наконец узнал трюмо и понял, что он лежит навзничь у себя на кровати ... в спальне* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Такое понимание является мысленным действием. Оно обозначается формой СВ, который вводит пропозицию Р, описывающую то, что С понял (осознал). Такое Р может замещаться, обозначаться анафорически словом *мысль*:

А потом **Иван** понял, что он вообще никакой не Иван, но **эта мысль** его совершенно не опечалила (Виктор Пелевин. День бульдозериста);

И вдруг он понял, понял с неотвратимой ясностью — мысль эта ярким лучом света выхватила его из ночной тьмы: он бог, неотъемлемая часть неба, еще недавно такого враждебного, и этих холодных недвижных глаз-звезд (Д. Шляпентох. Конец истории: благословенный Иов / НК);

Нужно просто понять: из Храма нельзя делать площадку для выступлений, эта мысль достаточно проста, чтобы «интеллигентные» женщины были способны ее воспринять (коллективный. Форум: Свято-Филаретовский институт прокомментировал участие сотрудницы в акции в поддержку Pussy Riot / НК).

Р при глаголе мысленного действия *понять* (а также *осознать*) обозначает результат действия *понять*, но не само это действие. И это действие принципиально отличается от действия, совершаемого в Р, вводимых глаголами *думать* / *подумать*. Как неоднократно отмечалось выше, при *думать* / *подумать* Р создается в уме (умом) С-а и не существует независимо от него (и поэтому оно не фактивно, и не нефактивно). *Понять* пропозиционального достижения и *осознать* — фактивны. А это означает, что Р, которое понимается (осознается), является фактом и существует независимо от ума С и независимо от того, понимает ли (осознает ли) его кто-нибудь или нет. Факты, как и объекты мнения, являются статическими сущностями и не являются действиями и поэтому не передаются прямой речью: **Я знаю*: «Москва — столица России»; «*Я лежу у себя на кровати*», — **осознал* / **понял Степа*. Действие ума в случае понимания и осознания заключается не в конструировании Р, но в мысленном проникновении к нему (постижению Р). И это действие **не** совершается словами. Поэтому результат понимания / осознания описывается только придаточным предложением. (Аналогичная ситуация со всеми другими фактивными глаголами мысленных действий — *установил*, *определил*, *догадался*, *выяснил* и т. д.):

Пошевелив пальцами ног, Степа догадался, что лежит в носках, трясущейся рукой провел по бедру, чтобы определить, в

брюках он или нет, и не определил (М. Булгаков. Мастер и Маргарита.)

Мы понимаем (осознаем), что *проникновение* применительно к действию ума — это только (концептуальная) метафора. Но как происходит это проникновение? Каков характер этого действия? Поскольку оно не совершается словами, мы больше ничего не можем сказать о нем с собственно лингвистической точки зрения. А значит, самое время поставить последнюю в этом тексте точку.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамец 1966 — *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966.
- Англо-русский словарь 1999 — Англо-русский словарь. Минск: Современный литератор, 1999.
- Анохин 1976 — *Анохин П. К.* Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Проблемы принятия решения. М., 1976. С. 7—16.
- Апресян 1969 — *Апресян Ю. Д.* О языке для описания значений слов // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1969. № 5. Т. 28.
- Апресян 1995а — *Апресян Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 466—484.
- Апресян 1995б — *Апресян Ю. Д.* Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 405—433.
- Апресян 1995в — *Апресян Ю. Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 389—404.
- Апресян 1997 — *Апресян Ю. Д.* Считать² // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.
- Арбатский 1970 — *Арбатский Д. И.* Основные способы толкования значения слов // Русский язык в школе. 1970. № 3.

- Аристотель 1976 — *Аристотель*. Метафизика // Соч. в 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова 1980 — *Арутюнова Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 156—249.
- Арутюнова 1981 — *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. № 4.
- Арутюнова 1988а — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Арутюнова 1988б — *Арутюнова Н. Д.* (отв. ред.). Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988.
- Арутюнова 1989 — *Арутюнова Н. Д.* «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 7—30.
- Арутюнова 1992 — *Арутюнова Н. Д.* Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 14—23.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип. М.: Рус. язык, 1983.
- Балли 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. лит., 1955.
- Балли 2001 — *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: URSS, 2001.
- Баранов — *Баранов А. Н.* Намек как способ косвенной передачи смысла. — URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006>. Режим доступа: свободный.
- Баранов, Кобозева 1983 — *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 42. 1983. № 3. С. 263—274.
- Бахтин 2000 — *Бахтин М. М.* Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000.

- Безяева 2002 — *Безяева М. Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Бердник 1974 — *Бердник Л. Ф.* Вопросительные предложения с повествовательным значением в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Д., 1974.
- Богородицкий 1911 — *Богородицкий В. А.* Лекции по общему языковедению. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1911.
- Богуславский 1984 — *Богуславский И. М.* Словарная статья *понимать* // *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка. Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 14. Wien, 1984. С. 623—633.
- Бондарко 1971 — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971.
- Бондарко 2002 — *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Булыгина, Шмелев 1988 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // *Логический анализ языка: Знание и мнение.* М.: Наука, 1988.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Вайнрих 1987 — *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // *Язык и моделирование социального взаимодействия.* М.: Прогресс, 1987.
- Вежбицка 1985 — *Вежбицка А.* Речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 16. М., 1985. С. 251—275.
- Вендлер 1981 — *Вендлер З.* О слове good // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 10. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981.

- Вендлер 1985 — *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 238—250.
- Вендлер 1987 — *Вендлер З.* Факты в языке // *Философия. Логика. Язык.* М.: Прогресс, 1987. С. 293—317.
- Витгенштейн 1994 — *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
- Вольвак 2002 — *Вольвак Н. П.* Особенности функционирования риторических вопросов в публичном дискурсе // *Труды Дальневосточного государственного технического университета.* Вып. 131. Владивосток, 2002. С. 243—247.
- Вольф 1985 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
- Вригт 1986 — *Вригт Г. Х.* О логике норм и действий // *Вригт Г. Х.* Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. С. 245—289.
- Выготский — *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.
- Гак 2000 — *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
- Гловинская 1993а — *Гловинская М. Я.* Русские речевые акты со значением ментального воздействия // *Логический анализ языка: Ментальные действия.* М.: Наука, 1993. С. 82—88.
- Гловинская 1993б — *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // *Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект.* М., 1993. С. 158—218.
- Гловинская 2001 — *Гловинская М. Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Гловинская 2011 — *Гловинская М. Я.* От «наставлений» к «подначкам» // *Логический анализ языка: Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее.* М.: Индрик, 2011. С. 48—56.

- Гордон, Лакофф 1985 — *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Грамматика 1954 — Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1, 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217—237.
- Григорьев 1987 — *Григорьев В. А.* Семантико-прагматические функции риторических вопросов во французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1987.
- Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37—298.
- Дмитровская 1985 — *Дмитровская М. А.* Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // Вопросы языкознания. 1985. № 3.
- Дмитровская 1988 — *Дмитровская М. А.* Знание и мнение: Образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 6—18.
- Ермакова 1997 — *Ермакова О. П.* Об иронии и метафоре // Облик слова. М., 1997.
- Ермакова 2005 — *Ермакова О. П.* Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: Изд-во КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005.
- Ермакова, Земская 1993 — *Ермакова О. П., Земская Е. А.* К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993.
- Есперсен 1958 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд. иностр. литер., 1958.
- Ефремова 2000 — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. — М., 2000.
- Жинкин 1998 — *Жинкин Н. И.* Язык. Речь. Творчество. Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998.

- Жинкин 2005 — *Жинкин Н. И.* Вопрос и вопросительное предложение // Введение в языкознание: Хрестоматия для вузов. М., 2005. С. 181—199.
- Зайцева 2000 — *Зайцева Г. Л.* Жестовая речь. Дактилология: Учебник для студ. высш. уч. зав. М., 2000.
- Зализняк 1991 — *Зализняк Анна А.* Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 187—194.
- Зализняк 1992 — *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1992.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Зализняк 2009 — *Зализняк Анна А.* О семантике непонимания // Логический анализ языка: Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009. С. 544—556.
- Зализняк, Шмелев 2008 — *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Льстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. М., 2008.
- Земская 1973 — *Земская Е. А.* Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Ивин 1970 — *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970.
- Иомдин 2006 — *Иомдин Б. Л.* Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2006. С. 513—612.
- Иссерс 2008 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. (Изд. 5-е.) М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Караулов 1987 — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Карнап 1971 — *Карнап Р.* Философские основания физики: Введение в философию науки. М.: Прогресс, 1971.

- Кацнельсон 1984 — *Кацнельсон С. Д.* Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 1—12.
- Кибрик, Кошелев 2015 — *Кибрик А. А., Кошелев А. Д.* (ред.) Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М., 2015.
- Князев 2007 — *Князев Ю. П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М: Языки славянских культур. 2007.
- Кобозева 1993 — *Кобозева И. М.* Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 95—104.
- Кобозева 2000а — *Кобозева И. М.* Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М., 2000. С. 303—359.
- Кобозева 2000б — *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Кобозева 2003 — *Кобозева И. М.* Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания: Науч. докл. ... доктора филол. наук. М., 2003.
- Кобозева 2015 — *Кобозева И. М.* «Стремление к удобству» как принцип объяснения синхронных явлений на уровне предложения (на примере перформативности) // Филология и культура. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2015. № 2. С. 59—65.
- Кобозева, Лауфер 1988 — *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. № 5.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.
- Ковтунова 1979 — *Ковтунова И. И.* Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 261—275.
- Кодзасов 1987 — *Кодзасов С. В.* Коммуникативная и интонационная структура предложений с пропозициональными предикатами мышления // Пропозициональные предикаты в логическом

- и лингвистическом аспекте: Тез. докл. раб. совещания. М.: Наука, 1987. С. 63—66.
- Кодзасов 1988 — *Кодзасов С. В.* Интонация предложений с пропозициональными предикатами мышления // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 23—32.
- Кодзасов 1990 — *Кодзасов С. В.* Интонация контраста и противоречия // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 203—212.
- Конрад 1985 — *Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 349—383.
- Крейдлин 1973 — *Крейдлин Г. Е.* К проблеме перевода с ИЛЯ на русский: преобразование «Введение классификаторов» // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1973. № 12. С. 14—19.
- Крипке 1982 — *Крипке С.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 340—376.
- Кузнецов 2009 — *Кузнецов С. А.* (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2009.
- Лайонз 2003 — *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Лауфер 2000 — *Лауфер Н. И.* Пасынок ментального поля, или Сотворение мнения // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. № 3.
- Левонтина 2006 — *Левонтина И. Б.* Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 161—238.
- Лейбниц 1983 — *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разуме // Сочинения: В 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1983.
- Маслов 1987 — *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987.
- Мелиг 2000 — *Мелиг Х. Р.* О коммуникативной функции элементарных предикаций // Слово в тексте и словаре: Сб-к статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 447—455.

- Мелиг 2002 — *Мелиг Х. Р.* Вид и референциальный статус глагольной предикации в тексте. Употребление видов в вопросах с местоимением *кто* // Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука, 2002. С. 128—149.
- Миллер 1964 — *Миллер Дж.* Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология / Под ред. Д. Ю. Панова, В. П. Зинченко. М., 1964. С. 564—581.
- Милютина 2005 — *Милютина М. Г.* Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка — результат» и его выражение в современном русском языке. Ижевск, 2005.
- Морковкин, Морковкина 1997 — *Морковкин В. В., Морковкина А. В.* Русские агнонимы (слова, которых мы не знаем). М., 1997.
- Мороз 1963 — *Мороз В. Н.* О вопросительном предложении // Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Вып. 211. Ташкент, 1963.
- Морозова 2005 — *Морозова Е. И.* Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект. Харьков: Экограф, 2005.
- Мюллер 1891 — *Мюллер М.* Наука о мысли. СПб: Изд-во Н. А. Лебедева, 1891.
- Национальный корпус русского языка // www.ruscorgo.ru (примеры, взятые из корпуса, помечены в тексте знаком НК).
- Никитина, Васильева 1996 — *Никитина С. Е., Васильева Н. В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996.
- Николаева 1979 — *Николаева Т. М.* Словосочетания с лексемой «один». Форма, значения и их контекстная маркированность // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 134—152.
- Николаева 1988 — *Николаева Т. М.* «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 154—165.
- НОСС 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. (Изд. 2-е, испр. и доп.) М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004.
- Ортони А., Клоур Дж., Коллинз 1996 — *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // *Язык и интеллект*. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. С. 314—384.
- Остин 1986 — *Остин Дж. Л.* Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М., 1986. С. 22—129.
- Падучева 1981 — *Падучева Е. В.* Вопросительные местоимения и семантика вопроса // *Разработка формальной модели естественного языка*. Новосибирск, 1981. С. 80—105.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1988 — *Падучева Е. В.* Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // *Логический анализ языка: Знание и мнение*. М.: Наука, 1988. С. 33—46.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1998 — *Падучева Е. В.* К семантике пропозициональных предикатов: знание, фактивность и косвенный вопрос // *Известия АН. Серия литературы и языка*. Т. 57. 1998. № 2. С. 19—26.
- Падучева 2000 — *Падучева Е. В.* Наблюдатель как экспериент «за кадром» // *Слово в тексте и словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 185—201.
- Падучева 2004а — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Падучева 2004б — *Падучева Е. В.* «Накопитель эффекта» и русская аспектология // *ВЯ*. 2004. № 5. С. 46—57.
- Падучева 2012 — *Падучева Е. В.* Семиотика ошибки: введение в заблуждение как прием // *Человек о языке — язык о человеке: сб. статей памяти акад. Н. Ю. Шведовой*. М.: Азбуковник, 2012. С. 255—270.

- Петерсон 1940 — *Петерсон М. Н.* О вопросах // Русский язык в школе. 1940. № 2. С. 38—40.
- Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. (Изд. 7-е.) М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1956.
- Пинкер 2004 — *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004.
- Пирс 2000 — *Пирс Ч. С.* О знаках и категориях // *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 162—175.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001.
- Попов 1950 — *Попов П. С.* Суждение и предложение // Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1950. С. 5—36.
- Прозорова 2007 — *Прозорова Е. В.* Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // ВЯ. 2007. № 1. С. 44—61.
- Пфютце 1978 — *Пфютце М.* Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 218—242.
- Распопов 1953 — *Распопов И. П.* Типы вопросительных предложений в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1953.
- Рассудова 1968 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1968.
- Рахилина 1989 — *Рахилина Е. В.* Отношение причины и цели в русском тексте // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 46—54.
- Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.
- Рестан 1972 — *Рестан П.* Синтаксис вопросительного предложения. Общий вопрос. (Главным образом на материале современного русского языка). Universitetsforlaget. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972.
- Русская грамматика / АН СССР. Ин-т рус. яз. Т. 1, 2. М.: Наука, 1980.
- Рябцева 1992 — *Рябцева Н. К.* Ментальный модус: От лексики к грамматике // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 60—68.

- Рябцева 1993 — *Рябцева Н. К.* Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 51—57.
- Рябцева 2005 — *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.
- Селезнев 1988 — *Селезнев М. Г.* Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Селиверстова 1964 — *Селиверстова О. Н.* Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь* // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 80—90.
- Селиверстова 1988 — *Селиверстова О. Н.* Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988.
- Селиверстова 1990 — *Селиверстова О. Н.* Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. М.: Наука, 1990.
- Селиверстова 2004 — *Селиверстова О. Н.* Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Сепир 1993 — *Сепир Э.* Язык: Введение в изучение речи // *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 26—203.
- Серль 1986а — *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 170—194.
- Серль 1986б — *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 195—222.
- Серль 1986в — *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 151—169.
- Серль 1990 — *Серль Дж. Р.* Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
- Сепир 1993 — *Сепир Э.* Язык: Введение в изучение речи // *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс; Универс, 1993. С. 26—203.
- СЛРЯ 1981—1984 — Словарь русского языка: В 4-х тт. / АН СССР. Ин-т рус. яз. 1981—1984.
- СО — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

- Степанова 1986 — *Степанова Е. Б.* О значении риторического вопроса // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1986. № 2.
- Столяренко 2000 — *Столяренко Л. Д.* Основы психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
- Стросон 1982 — *Стросон П. Ф.* О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 55—86.
- Стросон 1986 — *Стросон П. Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 130—150.
- СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
- Теньер 1988 — *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
- Труфанова 2000 — *Труфанова И. В.* Прагматика несобственно-прямой речи. М.: Прометей, 2000.
- Тэк-Гю Хонг 2003 — *Тэк-Гю Хонг.* Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М.: Индрик, 2003.
- Уорф 1960 — *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Урысон 1997 — *Урысон Е. В.* Мысль // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997.
- Фасмер 1967 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967.
- Филлмор 1981 — *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495.
- Храковский 1998 — *Храковский В. С.* Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7—96.
- Чейф 1975 — *Чейф У. Л.* Значение и структура языка / Пер. с англ. Г. С. Щура. М.: Прогресс, 1975.
- Чейф 1982 — *Чейф У. Л.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982. С. 277—316.

- Чубарян 1994 — *Чубарян Т. Ю.* Семантика и прагматика речевых жанров юмора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Шаронов 2004 — *Шаронов И. А.* Приемы речевой агрессии: ирония и насмешка // Агрессия в языке и речи. М., 2004.
- Шаронов 2008а — *Шаронов И. А.* Когнитивные междометия: Проблемы выявления и описания // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 71—88.
- Шаронов 2008б — *Шаронов И. А.* Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008.
- Шаронов 2014 — *Шаронов И. А.* Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: Языки славянских культур, 2014. Гл. 5. С. 145—187.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и неререферентные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Шатуновский 2001 — *Шатуновский И. Б.* Язык сквозь призму языка // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. № 3. С. 335—354.
- Шатуновский 2009 — *Шатуновский И. Б.* Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Ширяев 2001 — *Ширяев Е. Н.* Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 132—147.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Шмелева, Шмелев 2002 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Шопенгауэр 1993 — *Шопенгауэр А.* Понятие воли // *Шопенгауэр А.* Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993.
- Шпет 1989 — *Шпет Г. Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989.
- Щедровицкий 1957 — *Щедровицкий Г. П.* «Языковое мышление» и его анализ // ВЯ. 1957. № 1.

- Яковлева 1994 — *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия), М.: Гнозис, 1994.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Ярыгина 2002 — *Ярыгина Е. С.* Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка. М.: МГОУ, 2002.
- Austin 1962 — *Austin J. L.* How to do things with words. Oxford, 1962.
- Bolinger 1978 — *Bolinger D.* Yes-no questions are not alternative questions // Questions. Dordrecht, 1978. P. 87—105.
- Bublitz 1981 — *Bublitz W.* Conducive yes-no questions in English // Linguistics 19. № 9—10. Berlin; N. Y.; Amsterdam, 1981. P. 851—870.
- Dickey 2015 — *Dickey S. M.* Explanations in Cognitive Linguistics // The Tenth Annual meeting of the Slavic Linguistics Society in Heidelberg. 4 — 6 September 2015. Books of Abstracts. 2015. P. 79.
- Hoepelman 1983 — *Hoepelman J.* On Questions // Questions and answers / Ed. by F. K. Dordrecht etc. D. Reidel Publishing Company, 1983. P. 191—227.
- Ilie 1994 — *Ilie C.* What else can I tell you?: A pragmatic study of English rhetorical questions as discursive and argumentative acts. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1994.
- Fodor 1975 — *Fodor J. A.* The Language Of Thought. Harward University Press, 1975.
- Karttunen 1971 — *Karttunen L.* Implicative verbs // Language. Vol. 47. 1971. № 2. P. 340—358.
- Karttunen 1978 — *Karttunen L.* Syntax and semantics of questions // Questions. Dordrecht: Reidel, 1978.
- Kiefer 1981 — *Kiefer F.* Questions and attitudes // Crossing the boundaries in linguistics. Dordrecht: Reidel, 1981.
- Leech 1983 — *Leech G. N.* Principles of pragmatics. London; N.Y.; Longman, 1983.

- Levinson 1983 — *Levinson S. C.* Pragmatics. Cambridge Univ. Press, 1983.
- Longman Active Study Dictionary of English. 1989.
- Macmillan English dictionary: For advanced learners. 2002.
- Mehlig 1991 — *Mehlig H. R.* Экзистенциальные и экспликативные вопросы // *Russian Linguistics*, 15. 1991. С. 117—125.
- Meyer 2008 — *Meyer R.* Russian *li*-interrogatives: intonation, syntax, pragmatics // *Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 32.* München: Verlag Otto Sagner, 2008. S. 277—288.
- Peirce 1931— *Peirce Ch. S.* Adirondack Lectures, 1905 // *Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 1 / Eds. Ch. Hartshorne, P. Weiss.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931.
- Prince 1981 — *Prince E. F.* Toward a taxonomy of given — new information // *Cole P.* (ed.). *Radical Pragmatics.* N. Y. etc., 1981. P. 223—255.
- Sadock 1974 — *Sadock J. M.* Toward A Linguistic Theory of Speech Acts. N.Y.; San Francisco; London: Academic Press, 1974.
- Schwartz 1977 — *Schwartz S.P.* Introduction // Naming, necessity, and natural kinds. Ithaca; London, 1977. P. 13—41.
- Sperber, Wilson 1981 — *Sperber D., Wilson D.* Irony and the use / mention distinction // *Radical pragmatics.* N.Y., 1981.
- Sperber, Wilson 1995 — *Sperber D., Wilson D.* *Relevance: Communication and cognition.* (2-nd ed.) Oxford: Blackwell, 1995.
- Strawson 1964 — *Strawson P. F.* Intention and convention in speech acts // *The Philosophical Review.* Vol. 73. 1964. № 4. P. 439—460.
- Vendler 1972 — *Vendler Z.* *Res cogitans: An Essay in Rational Psychology.* Ithaca and London, Cornell University Press, 1972.
- Wierzbicka 1972 — *Wierzbicka A.* *Semantic primitives.* Frankfurt/M.: Athenaum, 1972.
- Wierzbicka 1987 — *Wierzbicka A.* *English Speech Acts Verbs: A semantic dictionary.* Sydney etc.: Academic Press, 1987.
- Wittgenstein 1953 — *Wittgenstein L.* *Philosophical investigations.* Oxford: Basil Blackwell, 1953.

-
- Zhang 2003 — *Zhang Jiahua*. Eluosi dangdai yuyixue. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2003.
- Zhang 2009 — *Zhang Jiahua*. Wancheng ti yanyu xingwei nuli changshi dongci de yixiang yanyu xingwei yiyi // *Zhongguo eyu jiaoxue*. 2009. № 1. С. 27—33.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- адресата фактор 18
бытийные предложения (предложения существования) 121—123,
125—126, 128—129, 131, 133
вопросы 135—246, 185—186
 вопросы мысли 153—156, 174—176, 179, 406—411,
 вопросы незнания / непонимания 188—197
 вопросы незнания 190
 вопросы непонимания 190—197, 208
 вопросы сомнения 176—179, 237—238, 407—408
 дистрибутивно-референтные вопросы 183—184
 единично-референтные вопросы 182—183
 полные (общие) вопросы 135—179
 вопросы мысли 153—156, 174—176, 179, 406—411
 вопросы-предположения 13, 136—139, 153—154, 156—161,
 406
 диктально-модальные вопросы-предположения 156—157
 диктальные вопросы-предположения 157—162
 диктальные *не*-вопросы — предположения 163, 165—166
 частичные вопросы-предположения 158
 отрицательные вопросы 162—179
 не-вопросы 164—170
 вопросы недоверия 170
 не-ли-вопросы и их типы 170—179
 косвенные *не-ли*-вопросы 175
 не-ли-вопросы как вопросы мысли 174—176, 407—408
 полные диктальные вопросы 159

- собственно вопросы (чисто-информативные вопросы) 136—156
- вопросы начала (текста / дискурса) 144—146, 152—153
- дизъюнктивные (разделительные) *ли*-вопросы 146—147,
- диктально-модальные вопросы (*ли*-вопросы) 140—153
- или*-вопросы (альтернативные вопросы) 146—147, 149, 154—155
- косвенные общие вопросы 146
- модальные вопросы 140—144
- проблемные вопросы 148—156, 186—188, 407—409
- вопросы-названия 151
- вопросы-переспросы 151—152
- вопросы познания 187—188
- вопросы решения 188
- метатекстовые вопросы 151
- функции *ли*-вопросов в дискурсе 147—148
- специальные вопросы 149, 155—156
- специальные вопросы мысли 155—156
- специальные проблемные вопросы 149
- восклицательные высказывания 184, 207—210
- высказывание 10
- двусмысленные речевые акты (высказывания) 260—262
- дескриптивные высказывания (дескриптивные речевые акты) 45—81
- фактивные и нефактивные дескриптивные высказывания 46—50
- показатели и сигналы фактивности / нефактивности высказываний 48—50
- фактивные высказывания и выражение эмоциональной оценки 61
- фактивные дескриптивные высказывания 46—48, 51—61
- информирование 51
- констатации 58—60
- объявления 57—58, 64
- сообщения 51—56
- нефактивные дескриптивные высказывания 46—48, 61—81
- косвенное выражение нефактивных речевых актов 74
- типы нефактивных речевых актов 63—74, 78—81
- заверения 81

- заявления 64, 71—74
- уверения 78—81, 319, 322—324
- утверждения 63—71, 72, 76
 - дескриптивное употребление *утверждать* 66
- нефактивные речевые акты и дискурс 75—81
 - вторичные нефактивные дискурсивные речевые действия 75—81
 - возражения 77
 - опровержения 77—78
 - подтверждения 78
 - согласие / несогласие 76—77
- запрещения 35—41
 - запрещения косвенные 41—42
- значение и употребление 11—12
- иллокутивные акты 303—306, 309—313, 321, 338, 348
 - иллокутивные акты оценки 386
- иллокутивные глаголы 311, 312—313, 348
- интродукция объектов в мир и дискурс 103—120, 150
 - неопределенные местоимения как средство интродукции и индивидуализации 115—120
 - сокращенная интродукция 110—113, 117—119
- ирония 263—302
 - виды иронии 271—302
 - авторская метаирония 280, 292—294
 - иллокутивная ирония 270, 296—297
 - интерпретационная ирония 287—288
 - коммуникативная ирония 270
 - конкретная ирония 270
 - конкретная коммуникативная пропозициональная ирония 271—287
 - виды иронической реакции 273
 - объективная (онтологическая) ирония 272
 - субъективная (эпистемическая) ирония 272
 - способы создания иронических высказываний 273—287
 - номинативная ирония 270, 288—290
 - общая ирония 270, 298—300
 - притворная общая ирония 300
 - пропозициональная ирония 270

- самоирония 300—301
- тонкая (творческая, креативная) ирония 269
 - «тупая» ирония 269
- градуальность иронии 301—302
- ирония и речевые акты 294—296
- общая идея иронии 264—267
- сигналы иронии 267—270
- шутки иронического типа 290—291
- когитивы (коммуникативы) 398
- клятвы 79, 322
- комбинированные действия 12—13
- конативное и неконативное отрицание СВ перлокутивных глаголов 355
- конативные и неконативные глаголы, значения и употребления 315—317
- косвенное выражение смысла 247—262
 - компрессированные цепочки речевых актов 189—190, 248, 251—253, 305
 - косвенные речевые акты 247—251, 305
 - конвенционализированные косвенные речевые акты 249—250
 - потенциально компрессированные цепочки речевых актов 253—254
- косвенные (непрямые) речевые действия 14
- косвенные вопросы и их типы 181—209
 - вопросительные вопросы 185—186
 - вопросы незнания / непонимания 188—197
 - вопросы незнания 190
 - вопросы непонимания 190—197, 208
 - информативно-указательные косвенные вопросы 200—207
 - косвенные вопросы, соотносительные с общими вопросами (косвенные *ли*-вопросы) 182, 190, 199
 - косвенные вопросы, соотносительные со специальными вопросами 182
- проблемные вопросы 186—188
 - проблемные вопросы познания 187—188
 - проблемные вопросы решения 188
- референтно-указательные косвенные вопросы 197—200
- локативные предложения 121—123, 129—130

- магические речевые акты 38—39, 317
- мнение 15, 74, 83—102, 374—375, 377—378, 380—381, 421—423
- виды мнения 83—102
 - креативное мнение 89—96
 - мнение-предположение 87—88
 - обобщенное мнение 86, 99—100
 - общее мнение 86, 92—93
 - чистое мнение 96—100
 - конкуренция глаголов мнения 100—102
 - мнение и воля 94—95
 - мнение и мысль 374—381
 - специфика мнения 84—87, 374—381
- мысль 13, 209, 359—444
- вид глаголов мысли (*думать* / *подумать*) и мысль
 - НСВ пропозициональной мысли 423—438
 - НСВ в вопросах мысли 426—429
 - НСВ единичной мысли 429—431
 - НСВ потока мыслей 424—426
 - НСВ повторяющейся мысли 431—438
 - СВ мнения 421—423
 - СВ пропозициональной мысли 421, 441—442
 - дейктические показатели и мысль 392—393
 - действия (акты) мысли 320—321, 359—443
 - виды мыслей в языке 381—411
 - вопросы мысли 406—411
 - вопросы-предположения 406
 - вопросы сомнения 407—408
 - проблемные вопросы 407—409
 - проблемные вопросы-предположения 407—408
 - риторические вопросы 233—237, 410—411
 - специальные вопросы 408—409
 - дескриптивные мысли 382—386
 - мысли интерпретации 383—386
 - мысли сравнения 385—386
 - мысли-умозаключения 381—383
 - мысли-предположения 382
 - непредположительные, уверенные мысли 382—383

- мысли деонтической (этической) и утилитарной
необходимости и возможности 402—406
- мысли обоснования 399—402
- мысли оценки 386—399, 436—437
- мысли-оценки и эмоции 388—390, 395—399
- мысли рациональной оценки 387—390
- мысли частной (этической, интеллектуальной и т. п.)
оценки 391—399
- мысли усиленной оценки 392—393
- оценки-интерпретации 390—391
- оценки благополучия 390—391
- оценки-умозаключения 387
- мысли понимания и осознания 442—444
- мысли-предложения 420
- думать / подумать* как базовые глаголы мысли в русском языке
367—371
- значение деятельности мышления 367—369
- значение пропозиционального отношения 370—371
- иные глаголы и действия мысли 438—444
- междометия и мысль 396—397
- мысль и внутренняя речь 365—366
- мысль и мнение 374—381, 421—423
- мысль по данным языка 359—367, 371—381
- решение и мысль 411—420
- виды и способы описания и совершения (принятия)
решений в языке 413—419
- описание решений в языке v совершение решений в языке
412
- предположительные решения 419—420
- язык мысли 362—363
- язык описания мыслей v язык совершения мыслей 362—363
- наличие (предложения наличия) 121, 123—133
- предложения наличия с нулевой связкой 131—132
- намеки 254—260
- инсинуации 257—258
- намерение 413
- новизна / данность в мире (участников коммуникации) 103—105,

- новизна / данность в тексте (дискурсе) 103—105, 139
оценка 209, 386—399, 436—437
перлокутивные глаголы 311—313
перлокутивные действия 76—77, 79—80, 303—358
 виды перлокутивных действий 313—345
 перлокутивные глаголы и действия,
 не имеющие фиксированной цели 313—315
 целенаправленные перлокутивные глаголы и действия 313,
 315—358
 перлокутивные действия, воздействующие на
 волю адресата (перлокутивные глаголы побуждения
 к действию) 318, 336—342
 внушение 328—329, 343
 настаивание₂ 337—338
 подначивание 341—342
 убеждение₂ 336—337
 упрашивание 338—341
 перлокутивные действия, воздействующие на ум
 (картину мира) адресата 318—335
 внушение 319, 325—329
 комментарии 319
 настаивание₁ 77, 319, 324—325
 объяснения 319, 329—333
 пояснения 319, 334—335
 прояснение 319
 разъяснения 319
 убеждение₁ 76, 319—322, 328
 уверение 319, 322—324
 перлокутивные действия, воздействующие
 на чувства адресата 318, 342—345
 перлокутивные глаголы и вид 345—358
 НСВ перлокутивных глаголов 345—347
 СВ перлокутивных глаголов 347—358
 переход перлокутивных действий в иллюкутивные 309—311
 предупреждение 309—311
 угроза 305, 309
 упрек 314
предложения (речевые акты), виды предложений 13, 17—33

- предложение в форме просьбы 27—28
 предложение неуверенное 21—22
 предложение категорическое 25
 предложение «сильное» 29—31, 42—43
 предложение «слабое» 28—29, 31
 предложения и свобода выбора 19—20
 предложения косвенные 19, 21—22, 24—25
 понимание / непонимание 191—197, 442—444
 объективное, пропозициональное понимание / непонимание 192, 193, 195
 субъективное, непропозициональное понимание / непонимание 192—197
- предположение 31, 33
 пропозициональные установки 84
 просьба 18, 19, 27—28
 разрешения 30, 35—42
 разрешения косвенные 41—42
 рема 110
 речевые акты слабого побуждения 18—19
 речезык 10, 12
 риторические вопросы и их типы 196—197, 211—246
 аргументативно-убеждающие риторические комплексы 228—231
 деонтические (деонтически-оценочные) риторические вопросы 239—243
 информирующие риторические вопросы 226
 иронические риторические вопросы 224
 кванторные риторические вопросы 245—246
 риторические вопросы со словом *какой*
 (*Да какой он артист!*) 246
 констатирующие риторические вопросы 226
 логика риторических вопросов 215—216
 негативные и позитивные риторические вопросы 219—220
 реактивные риторические вопросы 214—233
 общие реактивные риторические вопросы 217—220
 специальные риторические вопросы 220—223
 риторические вопросы-предположения 223

-
- риторические вопросы как диффузное объединение нескольких речевых актов 224—225
- риторические вопросы как средство речевой агрессии 225—226
демагогическое употребление риторических вопросов 225—226
- нейтрализация осуждения в риторических вопросах 231—233
- риторические вопросы мысли 233—237, 410—411
- риторические вопросы типа *Ты думаешь, что P?* 234—235
- «усеченные» (неинформативные) риторические вопросы 226—227
- утилитарно-оценочные риторические вопросы 243
- фразеологизация риторических вопросов 239
- фразеологизованные риторические вопросы с глаголами мнения в прошедшем времени (*Думал ли я, что...?*) 244
- совет 18, 19, 20
- тема 110
- фокус 110
- часть 125—126
- эмоции 388—390, 395—399
- язык и речь 10—11

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

- а (частица) 393
А! (междометие) 417
Ба! 396
была не была 417
было (частица) 434
верить 323
вдруг 382
внушать / внушить 326, 328, 336, 356—357
вознамериться 412, 434
возражать 77
вон 393
воспрещается 40—41
воспрещено 40—41
вот 393
втолковать 329, 356—358
выпрашивать / выпросить 351
выражаться 209—210
выяснить 443
говорить 53
догадаться 443
думать / подумать 74—75, 83—88, 101, 234—235, 361, 364,
366—370, 373, 374, 382—394, 397—398, 400—402, 404—411,
413—438, 441—442
думать / подумать вслух 364—365
думаться (думалось) / подуматься (подумалось) 371, 425, 439, 441
естественно 277

- жаловаться / пожаловаться 309, 314, 315, 347
заверять / заверить 81
задумать 412
задумываться / задуматься 369
замыслить 412
запрещать / запретить 35—42
запрещается 40—41
запрещено 40—41
заявлять / заявить 71—74
знать 190—191
информация 56
информировать / проинформировать 51—56
как 205—206, 393
каков 392
какой 205—206, 246, 392—393
какой-то 115—120
как представляется 74—75
клясться 79
комплименты (говорить / делать комплименты) 309
конечно 277
льстить 309
мелькнуть в голове 439
мнение 375
можно 41—42
мыслить / помыслить 361, 374, 413, 416, 422, 438—439, 442
мысль 13, 361, 366—367, 371—372, 373, 441, 442
мысль мелькнула, пронеслась, пришла в голову 441
на мой взгляд 100
насколько 205—206
настаивать / настоять 77, 309, 318, 319, 325, 336, 337—338,
356—358
некий 115
нельзя 41—42
непонятно 191
ну 339
ну и 392, 393
обвинять 386
обнадежить 342, 352, 354

- ободрить 342, 352, 354
обругать 347
объявление 57—58
объявлять 57—58
объяснять / объяснить 318, 329—333, 351, 352
огорчать / огорчить 309
один 115—119
озарить 441
определить 443—444
осенить 441
осознать 443
осуждать 386
отговаривать 336, 338, 339
передумать 412
подбивать 341
подбодрить 309, 318, 342, 352, 354
подначивать / подначить 336, 341, 352
подстрекать 341
подтверждать / подтвердить 78
пожалуйста 28, 339
позволять 41
поздравить 348
полагать 74—75, 83—84, 85, 86, 96—102
понимать / понять 190—191, 194, 195, 432, 443
по-моему 100
по моему мнению 74—75, 100
пообещать 348
попытка 316, 434
пояснять / пояснить 329, 334—335
предлагаться 22
предлагать / предложить 13, 17—33, 420
предложение 17—33
предположение 17, 31, 33
предположить 33
представлять 190
предупреждать / предупредить 309, 314
приглашать 25
прийти к выводу / заключению / мысли 440—441, 442

- приказывать / приказать 313, 348
пришла в голову мысль, пришло в голову 361, 439, 441, 442
пробормотать про себя 374
пронеслась (в уме, в мозгу) мысль 373, 412, 439, 441
просить / попросить 19, 27–28, 336, 338, 339, 348, 351
прояснять / прояснить 329
психовать 344
пытаться / попытаться 316—317, 434
раздумать 412
размышлять 440
разрешать / разрешить 35—43
разрешается 40—41
разрешено 40—41
разумеется 277
разъяснять / разъяснить 329, 333—334, 351, 352
рассматривать 373
рассудить / рассудилось 422, 439—441, 442
рассуждать 440, 442
растолковать / растолковывать 329, 333—334, 351, 352
решать / решить 412—416, 419, 422—423, 434
решиться 434
ругать 314
сказать 52—53
сказать про себя 364, 374
сказать (самому) себе 364, 374
сколько 205—206
слабо́ 341—342
смешить / рассмешить 309
смысл 247
соблазнять 336
согласен / не согласен 76—77
сообщение 55—56
сообщать / сообщить 51—56, 312—313, 348
спрашивать / спросить 348
считать / посчитать 83—85, 89—96, 101—102, 373
считаться 86, 92
требовать 19

- убеждать / убедить 76, 309, 311, 312, 313, 318, 319, 328, 329, 336,
346
убежден 75
уверен 74—75
уверять / уверить 78—81, 309, 319, 329, 351, 352
уговаривать / уговорить 309, 313, 318, 336, 338, 339, 340—341, 346
угрожать 314
узнать 432
умолять / умолить 19, 309, 318, 336, 338, 339—340, 351
упрашивать / упросить 318, 336, 338, 339, 346, 351
упрекать 309, 314
урезонивать / урезонить 336, 343—345, 351, 352
успокаивать / успокоить 309, 311, 313, 318, 342, 345, 351, 352
установить 443
утверждать 63—71, 72
утверждение 64, 66
утешать / утешить 318, 342, 345, 351, 352
хвалить / похвалить 314, 347
хвастаться / похвастаться 309, 314, 347
хорошо бы 420
хотеть 434
что за 205—206
announce 57—58
assert 62
denken (нем.) 374
inform 52
insist 324
offer 17
pensare (итал.) 374
penser (франц.) 374
propose 17
suggest (suggestion) 17, 31
there to be 126
think 374
warning 311

Научное издание

Илья Борисович Шатуновский

**РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
И ДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Корректор О. Ланцова
Ведущий редактор Е. Андреева
Оригинал-макет и художественное оформление переплета
подготовлены Е. Андреевой

Подписано в печать 31.10.2016. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 30. Тираж 600 экз. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Phone: **(495) 624-35-92**. E-mail: **lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>**, **<http://www.lrc-lib.ru>**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: **+7 (499) 255-77-57**, e-mail: **gnoxis@pochta.ru**
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4